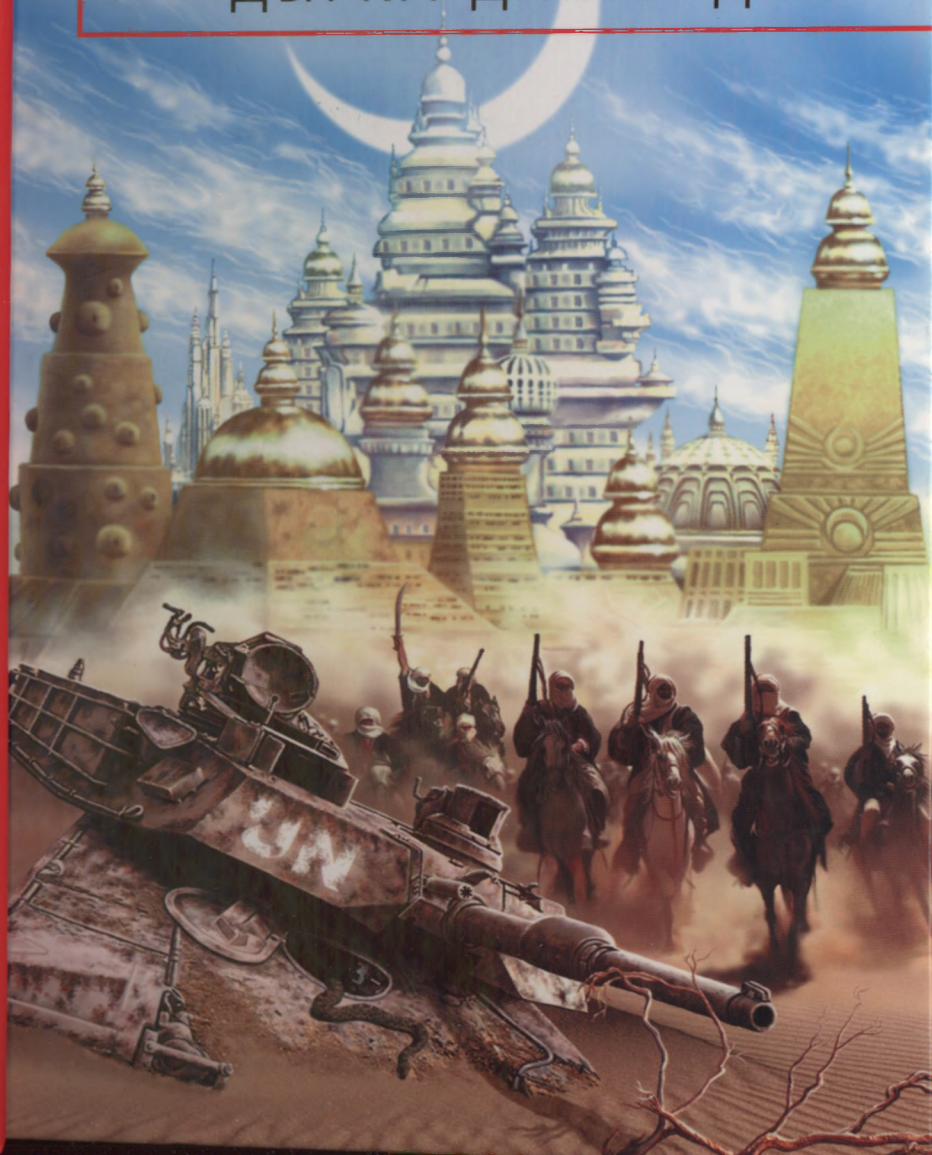

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА
ДЛЯ ОРДЕНА

ЭКСМО

2003

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

- 3 45 **Звягинцев В. Д.**
Дырка для ордена: Фантастический роман. — М.:
Изд-во Эксмо, 2003. — 480 с. (Серия «РусФ»).

ISBN 5-699-03381-5

Из участников локального конфликта в горах Маалума капитан Сергей Тарханов и военврач Вадим Ляхов превращаются в ключевые фигуры большой геополитической игры, в которой замешаны влиятельные круги в России и «черный интернационал», объединяющий всех недовольных сложившимся миропорядком. Им приходится поменять не только имена и биографии, но и... время, в котором они живут. Тарханову и Ляхову, выполняющим свой долг, необходимо предотвратить катастрофу, жертвами которой могут стать миллионы людей.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-03381-5

© В. Д. Звягинцев, 2003
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2003

Этот случай спланирован в крупных штабах
И продуман в последствиях и масштабах.
И поэтому дело твое — табак.

Уходи!

Исключений из правила этого нету!

Закатись, как в невидную щелку монета!

Зарасти, как тропа,

Затеряться в толпе!

Вот и все, что советовать можно тебе!

Б. Слуцкий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

огда пулеметная очередь распорол борт «УАЗа» и водитель упал грудью на рулевое колесо, хрипя и откашливаясь кровью, майор Тарханов как раз отклонился назад, пытаясь достать термос с крепким геджасским кофе, пристегнутый пружинными зажимами к задней стойке кабины. И все назначенные ему пули и шрапнельный пучок осколков стекла прошли впереди и выше, свистнув в уши и дунув в лицо порывом горячего ветра.

Повинуясь инстинкту старого солдата, майор ударом ноги распахнул исковерканную правую дверцу, уже в падении выдернув автомат, торчавший стволом вверх между сиденьями. Сгруппировался, достаточно мягко приземлился на каменистую обочину и только потом начал соображать, в чем, собственно, дело.

До гребня перевала оставалось метров пятьдесят, оттуда по ним и ударили.

Не отрывая взгляда от груды рыжих камней, не случайно образовавших подобие пирамиды (как он не заметил этого вовремя?), Тарханов краем глаза увидел, как вездеход на первой передаче еще немного прополз по прямой, потом его потянуло вправо, и он завалился колесами в кювет, сев обоими мостами на бровку.

Толчок, очевидно, сбросил ногу мертвого или тяжело раненного ефрейтора с акселератора, и мотор, пару раз чихнув и фыркнув, заглох.

Сергей скользнул вперед, прикрываясь краем дороги и корпусом машины, и снова упал на щебень рядом с рубчатым передним колесом, одновременно сдернув предохранитель.

Буквально через пару секунд из-за пирамидки, а точнее — переднего бруствера пулеметного гнезда, разом, как соответствующая мишень на стрельбище, поднялись три фигуры в незнакомой окраски камуфляжах, тесной группой, плечом к плечу.

Бросок Тарханова они не заметили, да и не могли предположить, что кто-то смог бы уцелеть в насквозь пропоротой пулями кабине, и сейчас в азартном восторге от собственного успеха, утомленные, очевидно, долгим ожиданием добычи, торопились выяснить, кто именно им попался.

«Придурки, — с некоторым даже сочувствием подумал Тарханов. — Где ж вас учили и кто?»

Так могли поступить только «практиканты», завербованные в глухом кишлаке или оазисе, возжелавшие стать настоящими «воинами Аллаха» и отправленные сдавать зачет на большой дороге. Опытный боевик никогда бы так не подставился. Приходилось Тарханову с ними сталкиваться, увы, — не единожды.

И сам он умел устраивать засады и знал, как оно бывает на самом деле, когда ребята торопились, поднимали голову чуть раньше, чем нужно, безосновательно полагая, что с врагом покончено.

У этих вышло — совсем рано.

Они стояли в полный рост, и их силуэты четко проектировались на фоне утреннего неба.

Эти любопытные бараны так ничего и не поняли, наверное, когда тремя одиночными выстрелами майор успокоил их всех.

Они лежали перед ним неаккуратной грудой, только что живые, молодые, бородатые, давно не мытые, потому что даже на расстоянии чувствовался густой запах застывшего, перекишенного пота. На перетянутых ремнями и патронташами выгоревших маскировочных костюмах входные отверстия совсем не видны, зато выходные — раз-

мером в кулак. Осколки ребер, торчащие из ран, на глазах чернеющая кровь.

Тарханов стрелял специальными, по типу охотничьих, патронами с мягкой безоболочечной пулей. Врачам после таких попаданий делать нечего.

Он смотрел на все это и ничего особенного не чувствовал. Война, однако, и судьба. Не пожелай он взбодриться глотком кофейка после вчерашнего, могло быть и наоборот.

Нет, ну до чего же неквалифицированное быдло идет сейчас в бандиты, неужели они не видели и не слышали, что позади вездехода Тарханова гудит, надрываясь мотором, еще одна машина? Подожди ты, приведи всю колонну в зону действительного огня, а потом уже любопытствуй...

Ощущения только что миновавшей смертельной опасности пока еще не было. Может быть, позже... Но вряд ли. Не впервые смерть пронесит мимо, сейчас, пожалуй, чуть ближе, чем обычно, но и только.

Сергей наклонился над трупами, чтобы убедиться в окончательности победы, собрать документы, если есть. И только тогда понял, что встретился со старыми друзьями. Это же земляки, чеченцы, как он сразу не понял?

Насмотрелся на них Тарханов за шесть лет первой и второй войны. И на равных встречались, и не на равных, но он вот опять живой, а они — там. В садах Аллаха.

Как подтверждение его догадки, на руке одного из убитых сквозь грязь виднелась наковка кривыми русскими буквами: «Арслан». Левее трупов, выставив тонкий ствол в амбразуру, стоял на сошках пулемет «ПК». Старый, с исцарапанным прикладом и вытертой до белизны ствольной коробкой. Тоже, наверное, помнящий еще первую войну. Рядом, на площадке, скудная россыпь гильз.

В сторонке, на краю водомоины, приспособленной под окопчик, валялись два автомата «АКМС». Брошенные как-то слишком небрежно.

Но что там с водителем?

Тарханов бегом вернулся к машине. Прошитый слева направо через грудь двумя пулями Шайдулин был еще жив, но плох.

★

Дышал часто, неглубоко, с присвистом. На губах лопались кровавые пузырьки. Все, что до приезда врача мог сделать майор, так это туго перебинтовать ефрейтора, закрыв пулевые отверстия поверх марлевых тампонов воздухонепроницаемыми прорезиненными чехлами индивидуальных пакетов. Для предотвращения доступа воздуха в плевральную полость, как учили на курсах доврачебной помощи.

Он еще вколол водителю полный шприц-тюбик промедола, убедился, что боец пока умирать не собирается, после чего присел на камень, чтобы осмотреться и подумать без суеты.

И только теперь оценил роскошную панораму, открывающуюся с перевала. Судя по карте, отметка высоты здесь была 2556 метров. На западе сливающаяся с небесной голубизной густая синева обозначала Средиземное море. А на восток на десятки километров тянулись, постепенно снижаясь в сторону Сирийской пустыни, гряды бурых, с белыми пятнами известняковых обнажений, горных хребтов, у горизонта тоже становящихся голубыми.

Сразу от площадки перевала дорога, а точнее, тропа, на которой двум машинам не разъехаться, да и двум всадникам — с трудом, сначала круто, а потом все более полого уходила влево и вниз. С одной стороны бутристая сланцевая стена, покрытая редкими пятнами зелени, с другой — двухсотметровой глубины обрыв.

На двухкилометровке издания российского Генштаба эта дорога не значилась, но, судя по направлению, она должна была километров через тридцать спуститься в долину между Антиливаном и хребтом Маалум и где-то там дальше упереться в шоссе Дамаск — Алеппо.

У любого военного человека автоматически возникает вопрос: что эти неудачливые ребята делали именно здесь?

Ответ тоже не требует особых умственных усилий. В данном случае имеется даже два. Пока — два.

Первый — они ждали именно его, майора Тарханова (или любого другого русского офицера, который вчера проехал в сторону Баальбека, а сегодня поедет обратно).

Очень вероятно. Что стоило тому лавочнику, у которого Ляхов вчера вечером покупал баранину, позвонить кому надо и сообщить, что гяуры кончили пьянку и выехали по единственной дороге в сторону российских блокпостов?

Пускай никакими силовыми акциями против здешних федаинов, контрабандистов или просто против привыкших бесконтрольно перемещаться туда и сюда жителей этих неизвестно кому принадлежащих территорий до сего момента Тарханов запятнан не был.

Да и вообще российский контингент международных сил старался не втягиваться в местные разборки, ограничиваясь сравнительно бескровным недопущением любых вооруженных сил в двадцатикилометровую демилитаризованную зону с обеих сторон.

Зато второй вариант выглядит почти бесспорным. Эти ребята — всего лишь головная застава, посланная прикрыть перекресток до подхода каких-то несведущих в здешнем раскладе сил отрядов.

Плохо проинструктированная, дураком подобранная застава, у которой сдали нервы при виде именно российского армейского вездехода. Англичан они, может быть, и пропустили бы, помня задание, а увидев русскую машину, не сдержались.

Ну что же, не встретились дома, встретились здесь, и пусть ваши матери еще много лет думают, где же сгнили никчемные кости их придурков сыновей, которые могли бы спокойно работать трактористами в родном селе, слесарями на грозненских заводах или стать, если ума хватит, крутыми московскими бизнесменами и политиками, вроде Хасбулатова или этого, как его... Тарханов не смог вспомнить фамилию чеченца — бывшего кандидата в президенты России.

В любом случае — это уж их проблема, но, в тактическом смысле, стоит подождать кое-чего интересного.

Перекресток дорог, формально оказавшийся в нейтральной зоне между русским, французским и израильским секторами, — крайне удобное место для прорыва на оперативный простор.

★ Да и ждать уже нечего, все определилось даже быстрее, чем он думал.

Тарханов отнял от глаз обрезиненные окуляры «Беркута». Далеко пока, километрах в двух, из-за поворота каменистой тропы показалась голова колонны, движущейся именно сюда, к перевалу.

Собственная проницательность его отнюдь не удивила, анализ и оценка обстановки в критической ситуации — часть профессии солдата удачи.

Теперь просто надо принимать окончательное решение. Судьбоносное, если выразаться высоким штилем.

Санитарный «Урал» выполз на площадку и остановился рядом с вездеходом. Военврач Ляхов спрыгнул на землю из высокой кабины. Пока что лицо его выражало лишь некоторое удивление. Он-то считал, что они с Тархановым попрощались надолго. Капитан возвращался в Сайду, где стоял бригадный медсанбат, а майор собирался продолжить объезд блокпостов вдоль сирийско-израильской границы.

— Что случилось? Колесо пробил? — спросил Вадим и лишь в следующие секунды схватил обстановку.

Трупы на площадке и еле слышно похрипывающий ефрейтор на брезенте, в тени машины.

— Вот так, да? Боец живой? — И, не дожидаясь ответа, опустил на колени рядом с ефрейтором.

— Был живой, я сделал что мог... — ответил Тарханов, как всякий не имеющий отношения к медицине человек, словно бы слегка робея перед носителем высокого знания.

— Пока все правильно, — закончив осмотр, врач разогнулся, застегивая санитарную сумку и вытирая руки клочком смоченной в спирте ваты. — Надо срочно в госпиталь, возможно, и обойдется. Раз пока не умер, приличного внутреннего кровотечения нет. И сердце тикает довольно ровно.

— Вот и вези...

— Повезу, за пару часов доберемся, тем более что дальше в основном под горку. Капустин, готовь капельницу с физраствором и стимуляторами, Старовойтов, тащи носилки. — Капитан приказывал старшине фельд-

шеру и водителю-санитару как бы между прочим, сам для себя оценивая не только чисто медицинскую ситуацию.

Пока его подчиненные занимались своим делом, Ляхов вышел на площадку, закурил, предварительно еще раз тщательно вытерев руки, осмотрел позицию и мертвые тела.

— И кого они здесь караулили, неужели персонально тебя?

Тарханов взял сигарету из радушно подставленного портсигара, тоже прикурил. Молча протянул врачу бинго, движением руки указав, куда смотреть.

— Ого! И куда же господа федаины намылились? Солидная компания. Караван с оружием или очередная террористическая группа?

— Пока не знаю. Грубо говоря, там, на тропе, человек полста. В нынешней обстановке и это много.

— И что ты намереваешься делать? Вызывать нашу маневренную группу? Насколько я знаю, им сюда не меньше часа добираться. Американцев? Еще дальше. Братьев евреев? У них в Кирьят-Шемоне танковый полк стоит. Тоже не успеют. Разве что вертолеты...

Тарханов достал из кармана сотовый телефон. Понажимал разные кнопки, разочарованно показал аппарат доктору.

— Видишь, не берет. Горы. Да и батарейки подсели. А мою «Р-126» пулями разбило, так что даже со своим опервзводом не могу связаться. Как твоя рация?

— Никак, — вроде бы весело развел руками Ляхов. — У меня ее вообще нет. На хрена врачам рация? Начальство так думает. Я тебе с полицейского поста вчера звонил. За две пачки сигарет.

— Нормально. У нас только так и бывает...

Ситуация осложнялась. До этого момента Тарханов рассчитывал именно на то, о чем говорил доктор. Тогда ему оставалось бы задержать отряд террористов не более чем на полчаса, что не слишком сложно при данном рельефе местности.

Без связи же и надежды на скорую помощь солидными силами...

Он быстро прокрутил в голове варианты с учетом фактора времени. Голова колонны выйдет на перевал максимум через сорок минут. Ну, через час, если не станут слишком торопиться.

Очевидно, пулеметной очереди и его трех выстрелов они не услышали или не придали им значения. Поскольку идут медленно и спокойно. Столько же ехать санитарной машине до ближайшего поста. Поднять солдат по тревоге, заставить их погрузиться в броневик и вернуться сюда — тоже час. Даже если они стремительно рванутся со всем молодым азартом на единственном «БТР-80», у которого все время барахлит коробка передач.

А бойцов на блокпосту всего пятнадцать, и отозвать всех он не имеет права, поскольку прорыв возможен и там.

Значит, надежда на одно. Отправить Ляхова вниз, до ближайшего израильского патруля, и оттуда вызвать подмогу, вертолеты огневой поддержки. И десант.

Они, конечно, прилетят тоже не раньше чем через час, в самом лучшем случае. Пока информация пройдет по всем инстанциям, пока соответствующий приказ вернется до аэродромов... Но в этом случае шанс все-таки есть.

— Ну, а хрена ли тебе? — легкомысленно осведомился Ляхов, щелчком отправляя в пропасть окурок и тут же вновь закуривая. — Давай сматываться. Приедем на блокпост, доложим, поднимешь заставу в ружье, выставишь заслоны, и пусть господа командиры принимают решения. Мы что, священные рубежи Родины защищаем? Миротворцы и есть миротворцы. Надо ооновцам, пусть потом протест заявляют сопредельным правителям. Или америкосов в бой шлют. Они навоюют...

Майор испытал приступ раздражения, впрочем, тут же и прошедший. При чем тут доктор? Совершенно правильно рассуждает. Им что, господам миротворцам? Ну, прорвется банда на оперативный простор, убьет пару десятков человек, взорвет что-нибудь. И уйдет восвояси.

Комиссар ООН протест заявит кому положено, иорданский или сирийский представитель на сессии Совбеза выразит сожаление по поводу недоразумения. На том и разойдутся.

— Умный ты парень, Вадим, но не сейчас. — Они с доктором были практически ровесниками, но жизненный опыт Тарханова делал его в реальном времени чуть не вдвое старше. — Во-первых, я на службе, а моя служба здесь как раз и заключается в том, чтобы надежно прикрывать границу от проникновения нарушителей статус-кво. Независимо от целей и убеждений.

Во-вторых, пропусти мы их сейчас, и потом мне же с моими ребятами и придется гоняться за ними по горам, а сколько это займет времени и сколько будет стоить крови — только бог знает. В Чечне после Хасавюрта нахлебались. Ты молодой, не помнишь. Так что элементарная логика подсказывает...

— Понятно, — кивнул Ляхов. — Тогда все понятно. Государь император Петр Алексеевич еще когда говаривал: «Азардовать¹ не велю и не советую, а деньги брать и не служить — стыдно!»

Быстрым и решительным шагом капитан пошел к своему «Уралу».

Тарханов сплюнул себе под ноги. Жаль.

Неужели так торопится доктор побыстрее отсюда смыться? Вроде на Вадима это не похоже.

Майор взглянул на часы. Время пока есть, но мало. Положив планшет на колено, он быстро набросал короткое донесение на листке полевой книжки.

Взревел мотор «Урала».

Тарханов шагнул навстречу машине, плотно сжал зубы, сдерживая себя, чтобы не обматерить доктора.

Вообще-то он в своем праве, и наличие тяжело раненого бойца, отданного под его попечение, обязывает его уезжать побыстрее, но по-человечески просто неприлично слишком уж спешить. Выслушай, что тебе собираются сказать, попрощайся с однополчанином...

Кроме записки, Сергей собирался передать комбригу полевую сумку, в которой, кроме карт, секретных должностных инструкций и копий приказов, хранились не-

¹ Азардовать — проявлять излишний риск, куражиться (устар.).

сколько писем от друзей и знакомых женщин, личные фотографии.

«Все свое ношу с собой». Умирать майор, в принципе, не собирался, но на войне бывает всякое.

Санитарный фургон вырулил на середину дороги, притормозил. Ляхов выглянул из боковой двери.

— Держи-ка, командир, — он протянул Тарханову длинный, обтянутый потертой черной кожей ящик. — Осторожней, не урони, оптика. И вот еще... — За ящиком последовал квадратный, весьма тяжелый чемоданчик, туго набитая санитарная сумка. Потом на щебенку спрыгнул и Ляхов.

— Давай, что ты хотел сообщать начальству?

Тарханов только теперь понял, что доктор собрался составить ему компанию.

Что ж, это меняет дело. Он собирался просить Ляхова, чтобы тот оставил с ним водителя, хотя бы на роль подносчика патронов, потому что одному и стрелять, и набивать ленты не совсем сподручно.

А раз так? Вадим — человек взрослый, сам за себя отвечает и по своим личным качествам безусловно полезнее пацана сержанта будет.

Но все же спросил, как бы возвращая вопрос:

— А тебе это на хрена?

— Знаешь, командир, я сам все думаю на именно эту тему. У нас говорили — сапер ошибается только дважды. Первый раз — когда выбирает профессию. Наверное, я тоже.

— Что — тоже? — Кадровый майор никак не мог понять молодого доктора в лихо сдвинутом на бровь голубом ооновском берете.

— Наверное, ошибся, когда вот этой дурью занялся. — Он показал глазами на футляр. — Но надо же когда-нибудь по правде посмотреть, кто чего стоит.

Санитарная машина ушла, надрывно подвывая мотором, уж больно Старовойтов хотел побыстрее выполнить задание, а оставшиеся вдвоем офицеры, наконец, занялись делом.

Возможно, последним в своей жизни.

Тарханов всегда возил с собой в машине полный ком-

плект вооружения. Пистолет на поясе считал только принадлежностью формы и способом легко уйти из жизни, если припрет.

А так, для дела у него имелся «ПК», полный ящик — два цинка — патронов образца 1908 года, трассирующих и с утяжеленной пулей, а также брезентовая сумка гранат «УРГ-01». Хорошие гранаты, мощные, в рубчатых керамических рубашках и с запалом тройного действия. Это кроме трофейного оружия и автоматов, его и Шайдулина.

— Повоюем, — хмыкнул Ляхов, увидев этот арсенал. Сам он в это время протирал замшевой тряпочкой великолепную, штучной работы снайперскую винтовку, которую извлек из того самого кожаного футляра, похожего на виолончельный.

— Ты ее постоянно с собой таскаешь? — удивился Тарханов.

— А как же? Мало, что я любитель этого дела и где-то даже мастер спорта, так еще и готовлюсь показать «товарищам по оружию» кое-какие фокусы на предстоящей Олимпиаде аж всего международного контингента. По какому случаю известный тебе наш начальник артооружения майор Миша Артемасов выписал мне из собственной заначки эту вот штучку...

— Ну-ка, — майор взял из рук Ляхова винтовку. Отлично сделанная, с изящным, не штатным армейским, а спортивным ореховым прикладом «СВД»¹. Ствол и крышка ствольной коробки отливают глубокой матовой синевой. Прицел тоже не стандартный, а цейсовский, с трансфокатором, баллистическим вычислителем и лазерным целеуказателем.

Тарханов щелкнул языком. Он знал, что на складах бригады хранится много всяких интересных вещей, но вот такой винтовочки, доставшейся почти что штатскому человеку, не видел.

Хотя, конечно, бригадный военврач, бесконтрольно распоряжающийся не только спиртом, но и жизнями

¹ «СВД» — снайперская винтовка Драгунова обр. 1963 г.

людскими, имеет совсем другие права и возможности. Мастер спорта, опять же.

— А как у тебя с патронами? — озабоченно спросил майор, поскольку знать состояние боевых возможностей своего подразделения, пусть и маленького, — немало важно перед серьезным делом.

В пулеметных патронах недостатка не было, но тут ведь, как он знал, другие требуются. Из снайперки стрелять валовым патроном заготовки времен Отечественной войны то же самое, что «БМВ» семьдесят шестым бензином заправлять.

— Нормально с патронами, — беспечно ответил Ляхов, показывая приличных размеров лакированную коробку. — Пятьдесят штук отборных, целевых. Если под руку не толкнут, девяносто восемь из ста гарантированно. Фирмы «Франкот». Ручная работа, каждая пуля и навеска пороха в гильзе измерены, взвешены и снабжены гарантийным сертификатом. Долларов пять каждый выстрел стоит.

— Дай бог, хорошо стрелять будешь, до Олимпиады доживешь. Ладно, потом договорим. — Майор взглянул в прицел.

Шестикратно приближенные, бойцы бандитского авангарда упорно, специфическим шагом привыкших ходить по горам людей, строем по два пылили вверх по тропе.

Расстояние по прямой, не вдоль дороги, а через пропасть, всего семьсот метров. Если начинать стрелять — самое время. А вообще, учитывая все изгибы и перепады рельефа, реально шагать им даже больше, чем он вначале предположил. Километра два с половиной. Времени в запасе — море.

Они с капитаном ворочали каменные глыбы и плиты, устраивая основную, запасную и отсечные позиции, потом сидели за бруствером, набивая запасные ленты к обоим пулеметам, загребая тяжелые жирные патроны горстями из вспоротых штыком цинков. Руки сразу стали черными.

— Жаль, лент у меня всего три своих и две трофейных. Придется тебе отвлекаться. Так что посматривай, когда я от одного пулемета к другому перескочу, твоя по-

мощь понадобится, — говорил Тарханов Вадиму, размещая свою главную огневую силу по позициям. — А это у нас будет резерв главного командования, на крайний случай, — сообщил он, пристраивая рядом с импровизированными бойницами четыре автомата.

И тут же начал излагать диспозицию предстоящего боя.

— Риска не так и много. Их всего полсотни, и деваться им некуда. Справа стена, слева пропасть. Снизу вверх стрелять неудобно, полверсты под огнем по голому месту пробежать никому не удастся...

— Если они не ассасины какие-нибудь, — вставил Ляхов. — Накурятся анаши, и вперед, не считаясь с потерями.

— Ну, посмотрим. По правде говоря, я рассчитываю, что после первых наших выстрелов их курбаши правильно оценит обстановку и повернет назад.

— А как же они досюда-то дошли? — удивился военврач. — Насколько я знаю, по ту сторону границы французская зона ответственности и где-то возле Кутейфы немецкий батальон стоит. Должны были рокадные дороги и тропы блокировать.

— Или прозевали, или нарочно пропустили, — равнодушно ответил Тарханов.

— Как думаешь, кто это? — спросил Ляхов, подкручивая барабанчики прицела. — Палестинцы?

— Да кто угодно. Эти, которых я приспокоил, чеченцы. А остальные — все, кому жить надоело. Иорданцы, афганцы, опять же чеченцы. Не наша это забота. В общем, ты давай на свою позицию, — сменил тему Тарханов. Он снова посмотрел в бинокль, оценивая расстояние. Время еще было, хотя теперь — в обреш.

Как раз хватило покурить. Не торопясь, но глубокими затяжками, поскольку каждый думал, а не в последний ли раз.

И вот, наконец, голова колонны вышла на дистанцию прямого выстрела.

— Давай, Вадим. Пожили, и хватит. Первым не стре-

ляй. А когда я начну, работай по обстановке. Выбивай командиров, если различишь, самых прытких, кто вперед рваться будет, пулеметчиков и гранатометчиков, само собой. Главное — бдительности не теряй. Пару раз стрельнешь, меняй позицию. И за моими командами следи.

— Учи ученого!

Доктор явно храбрился, в серьезном деле он не бывал, но то, что держался с веселым возбуждением, майору понравилось.

Тарханов отложил бинокль, вдавил в плечо приклад пулемета.

Прицел стоял на 800 метров. Он подвел мушку к груди возглавлявшего колонну усатого человека, выглядевшего командиром, уж больно решительно он шагал, положив руки на висящий поперек груди автомат, и слишком хорош был его почти новый черно-желтый камуфляжный комбинезон.

Сергею показалось, что он слышит даже хруст щепня под высокими десантными ботинками. Хотя быть этого не могло.

Кажется, боевик вдруг что-то почувствовал, вскинул голову, и они встретились взглядом. Так это или нет, думать уже было некогда, теплый спусковой крючок подался легко, словно бы сам собой.

Пулемет, как привык это делать за десятки лет своей военной жизни, загрохотал и задержался, подпрыгивая на сошках, и майору пришлось цепко сжимать рукоятку, придавливая вдобавок приклад сверху левой рукой.

Длинная очередь, как он и целился, свалила сначала лидера, потом ударила в плотную массу тел, спешащих, тяжело дышащих под грузом оружия и амуниции, смрадно потеющих, мечтающих преодолеть, наконец, последний подъем и устроить привал.

С лязгом дергался перед глазами Тарханова затворный рычаг, звенели о камни разлетающиеся гильзы, а там, внизу, лег на дорогу и третий, и четвертый ряд.

«Как скошенные», — всплыла в памяти банальная фраза.

Тяжелые пули со стальным сердечником протыкали сразу по несколько тел. Наконец понявшие, что происхо-

дит, боевики с криками отпрянули, смешались, метнулись в стороны, а бежать им особенно-то и некуда, или на стenu, или в пропасть, чудо, а не позиция!

Натуральные Фермопилы.

Майор расстрелял первую ленту в полминуты, мгновенно перебежал ко второму пулемету. Теперь он выпускал очереди по пять-семь патронов, с рассеиванием в глубину.

Разогнул палец, который начала сводить судорога, только когда увидел, что стрелять больше не в кого. Десятка два тел, раскинув руки или скрючившись в позе эмбрионов, ничком и навзничь валялись на дороге. Выжившие успели залечь, расползтись за камни, слиться с пейзажем или убежать назад, за ближний поворот.

Тарханов вытянул пулемет из амбразуры, откинулся на спину, сел, зашарил по карманам, ища портсигар.

— Порядок, командир, — крикнул ему Ляхов с вершины выступающего над обрывом утеса. — Толково приложил. Скоро не полезут.

— Ты наблюдай, наблюдай, — ответил майор.

В ответ хлопнул один, потом второй выстрел винтовки доктора.

— С Новым годом! — разобрал Тарханов азартный выкрик и не понял, к кому он относился, к ним самим или к неприятелю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вот уж действительно с Новым годом!

Майор, пользуясь передышкой, налил воды из фляжки в ладонь и вытер потное, закопченное лицо.

Старый год для Тарханова, по зрелом размышлении, прошел, в общем, неплохо. Главной своей удачей майор, естественно, считал то, что словчился попасть в спецкорпус войск ООН по принуждению к миру на Ближнем Востоке. Тут и старый приятель помог, служивший адъютантом у большого начальника в «Арбатском» военном

округе, да и прежние заслуги тоже, однако прежде всего — fortuna, почти всю жизнь к Тарханову благосклонная.

Настолько благосклонная, что временами это даже настораживало. Сколько уже боевых друзей погибло и на чеченских войнах, и в других «горячих точках» от Югославии до Афганистана, а он воюет десятый год, и все как заговоренный. Выпустился из Рязанского училища аккурат весной девяносто четвертого, с тех пор так и воюет. Ордена скоро некуда будет вешать, звание подполковника на подходе.

Как пел один хороший бард в девяносто шестом, в Грозном, будто прямо про него:

Служил я не за звания
И не за ордена,
Не по душе мне звездочки по блату.
Но звезды капитанские я выслужил сполна,
Аты-баты...
Россия нас не балует
Ни славой, ни рублем,
Но мы ее последние солдаты,
А значит, будем... покуда не помрем,
Аты-баты...

Как он ни пытался, не мог вспомнить пропущенное слово.

С головой что-то или просто не до этого?

Да, те времена были совсем никудышные, но и тогда выжили, а теперь грех жаловаться, денежки приличные из ооновской кассы капают, по пять штук баксов каждый месяц.

Но вот этот новый год начинался (а старый, естественно, кончался) как-то не так.

Вместо того чтобы, приодевшись в приличный штатский костюмчик, отправиться в подходящий ресторан в обществе лишенной предрассудков спутницы или хотя бы собраться с друзьями на холостяцкой квартире, Тарханову пришлось нудиться на забытом богом блокпосту в горах Антиливана, чуть севернее стыка сирийско-ливанско-израильских границ.

На то она и военная служба, конечно, и жаловаться

на ее лишения и тяготы уставом возбраняется, однако не до такой же степени!

Мало того, что он оказался здесь единственным офицером и новогодний бокал, точнее, алюминиевую крышку от термоса предстояло поднимать разве что вместе с собственным отражением в зеркальце для бритья, так и дизель-генератор в довершение всего сдох аккурат в двадцать ноль-ноль по московскому времени.

Починить его моторист в ближайшее время не обещал, значит, и надежду посмотреть по телевизору новогоднюю программу из России или Европы придется оставить. Зато восковая церковная свеча на столе из предмета дизайна сразу превратилась в утилитарный источник довольно тусклого света.

Тоска, короче говоря.

Однако через час ситуация вроде бы изменилась в лучшую сторону. В очередной раз подтвердив истину, что не стоит раньше времени впадать в уныние, каковое, по православным канонам, является смертным грехом.

Дежурный сержант пригласил Тарханова к телефону, и вместо ожидаемого голоса командира бригады или начальника штаба майор услышал веселый (начал уже праздновать, очевидно) голос бригадного лекаря, капитана медслужбы Вадима Ляхова:

— Приветствую вас, господин майор, в сей предпраздничный момент. Чем изволите заниматься? Уже наливаєте или только готовитесь?

Услышав абсолютно нецензурный ответ, медик Жизнерадостно рассмеялся.

Хорошо ему зубы скалить, русские медсестрички-фельдшерицы вокруг, готовые разделить с красавчиком доктором не только стол, но и постель, опять же спирта казенного вволю, можно и напрямик пить, и разведенным в меру, и всевозможными коктейлями потешиться. Да, наверное, шампанским Вадим тоже отоварился, в рассуждении спаивания тех же сестричек. Небось в город мотается когда захочет.

— Не поверишь, командир, я почти в аналогичной ситуации. В данный момент пребывая в дыре с ветхозаветным наименованием Хам, тридцать верст южнее славно-

го города Баальбека. Сложный медицинский случай тут образовался, вот меня и вытребовали для консультации. Консультация произведена, и пациент определенно будет жить, но вот на обратном пути у моего «Урала», не скажу плохого слова, с тормозами что-то приключилось, ночью без них по горам ездить как бы нежелательно, и ни в какое цивилизованное место я теперь не успеваю.

Пить же в одиночку, а равно с собственным шофером, считаю безнравственным. И женщины местные к гурам относятся без всякого пиетета. А если бы и отнеслись с оным, то подверглись бы побоеванию камнями. Такая вот диспозиция. Так, может, ты бы подъехал, а? Твой шофер моему поможет, а мы посидим, вмажем по чуть.

Все есть и почти уже стол накрыт. Ты же, при общеизвестной лихости и знании ТВД¹, часа за полтора свободно успеешь... Так как?

Предложение было дельное. И успеет Тарханов не за полтора часа даже, а максимум за час, ехать тут всего ничего.

— Шайдулин, готовь машину, — крикнул он, откинув полог палатки, водителю. Отдал начальнику поста, средних лет прапорщику, необходимые указания, бросил на заднее сиденье вездехода обычный в поездках пулемет, и через десять минут «УАЗ», хрустя ребристыми покрышками по щебню, повлек майора навстречу скромным радостям походной жизни.

Военврач Ляхов Тарханову в общем нравился, хотя трепачом был первостатейным и не всегда умел вовремя остановиться. Несмотря на то что медик всего год назад пришел в войска с гражданской службы, парень он был нормальный. Чувствовался в нем истинный офицерский шик, который просто так перенять у окружающих или симитировать было невозможно. Это должно быть врожденным, что сам Ляхов и подтвердил при случае, упомянув, что три поколения его предков служили по военной части, только вот он каким-то образом отклонился от родовой стези, да и то, как оказалось, только временно.

¹ ТВД — театр военных действий.

Его можно было бы назвать обычным пижоном, если бы не великолепная естественность манер и небрежность, с которой Ляхов носил даже мешковатую полевую форму. В армейскую жизнь военврач вписался легко и быстро, причем почти сразу же приобрел репутацию человека находчивого и в отношениях с начальством независимого.

В бригаде большой популярностью пользовались истории о том, как он унизил, заставив публично просить у себя прощения, тертого жизнью начпрода, а также о том, как Ляхов обеспечивал рыбалку столичного генерала на Тивериадском озере. И с иностранными офицерами капитан держал себя крайне достойно благодаря умению пить не пьянея чистый медицинский спирт и свободно говорить по-английски.

Все эти подвиги веселили офицеров, но командование относилось к доктору с недоверием и даже некоторой опаской.

Вдобавок врач был великолепным стрелком, что, исходя из привычных стереотипов, для представителя столь мирной профессии казалось несколько странным.

Тарханов никогда бы не поверил, если бы не видел сам и неоднократно, что из обычного «СКС» с открытым прицелом на четыреста метров можно навскидку попасть первым выстрелом в консервную банку.

Поэтому ничего странного не было в том, что Тарханов и Ляхов подружились, в той мере, как это возможно для военных людей, по роду службы встречающихся раз в неделю-другую, а то и реже.

Вадим ждал майора на окраине селения. Его тяжелая санитарная машина, украшенная по бортам большими красными крестами и соответствующими надписями на русском, арабском, английском и иврите, пряталась под кронами старых, перекрученных временем фиговых деревьев.

Светилась синяя маскировочная лампочка над приоткрытой задней дверкой фургона. Дымился костер, вдалеке шумел водопадик на реке Литани, в прохладном гор-

ном воздухе отчетливо пахло только что приготовленным «ин леге артис»¹ бараньим шашлыком.

— Привет, привет, с наступающим вас, ваше высокоблагородие, — Ляхов крепко пожал Тарханову руку, потом приобнял за плечи. Действительно, медик уже принял предварительно сколько-то граммов спиртика, судя по запаху, но был практически трезв.

— У нас впереди целых двадцать пять минут для проводов старого и неограниченно — для обмытия нового, две тыщи четвертого года. Так что — прошу.

В машине-автоперевязочной было уютно. Напоминало каюту парохода. Горели яркие плафоны, опущенный с потолка на блестящих шарнирах операционный стол накрыт со всей возможной в походных условиях роскошью. Окна задернуты кремовыми занавесками, шелестел кондиционер, портативный телевизор показывал московский предновогодний концерт.

— Красиво живете, ребята. Знать бы раньше, сам бы в медицину подался, — сообщил Тарханов, бросая на откидной диванчик берет и расстегивая поясной ремень с тяжелой кобурой. — И поспать есть где с комфортом, и выпивка всегда под руками, и куда пригласить девочку — ноу проблем...

— Кто на что учился... Однако не знаю, так бы тебе здесь понравилось в ситуации, для которой данное помещение изначально предназначено. Многие brave воины элементарно в обморок грохаются, одним глазком взглянув. Впрочем, не будем о грустном. Садись, и — по первой!

Проводили и встретили, короче, как полагается. Послушали новогоднее поздравление президента, пустили в черное небо зеленую ракету под бой Кремлевских курантов, посмотрели, как люди празднуют Новый год в разных европейских столицах. Пили умеренно, поскольку служба есть служба, но дело же не в том сколько, а в какой компании и с каким настроением.

¹ По всем правилам искусства (лат.).

Плохо только, что санитарочек и фельдшериц в распоряжении доктора не оказалось.

Кстати, о «докторе».

Когда они только что познакомились, медик вручил Тарханову визитную карточку, на которой изящным шрифтом-рондо, золотом по картону цвета слоновой кости было изображено на трех языках:

«Вадим Петрович Ляхов, капитан, доктор медицины», вместо адреса — номер полевой почты штаба бригады.

Насчет «доктора медицины» майор и любопытствовал, когда это, мол, успел он диссертацию защитить и отчего в таком случае не руководит кафедрой в каком-нибудь университете или Военно-медицинской академии.

Ляхов взглянул на него с насмешливым уважением.

— Все крайне просто, мон шер ами. Люди простые по давней нашенской традиции именуют меня именно доктором, что равнозначно в их понимании лекарю. Люди более образованные, вроде вас, непременно интересуются, доктором каких именно наук я являюсь. Вот для тех и других сразу сие и написано.

Что, впрочем, не слишком и далеко от истины, ибо нечто, могущее претендовать на статус диссертации, я таки написал и даже подал в соответствующие инстанции. А поскольку наш кандидат наук соответствует забугорному доктору, то так вот-с...

— Сколько же вам лет, «доктор»?

— Мне, увы, давно уже двадцать восемь.

Тарханов лишь насмешливо хмыкнул, поскольку ему уже стукнуло тридцать два.

Так с тех пор они и начали приятельствовать, встречаясь от случая к случаю, и почти всегда в ситуациях, не самых подходящих для безмятежных развлечений.

Как вот сейчас, например.

Они досидели за шашлыком, напитками и кофе часов до четырех утра местного времени, то вспоминая столичную и провинциальную жизнь на родине, то возвращаясь к более насущным жизненным реалиям.

Заговорили о том, что неплохо бы, получив очередное

жалованье, выкроить пару деньков и закатиться, скажем, в Тель-Авив, кутнуть по-настоящему.

Потом Тарханов начал собираться.

— Давай еще по сто грамм, и буду трогаться. Пора мне. Начальство тоже скоро выползет из-за столов и непременно начнет названивать, требовать доклада.

— Подожди. Мне тоже тут больше ловить нечего. Машина готова. Поехали вместе.

...Тарханов наполнял патронами расстрелянные ленты «ПК». Ляхов, спустившись вниз со своей позиции, возился со вторым пулеметом. При этом он, возбужденный, болтал без перерыва:

— Смотри, майор, потратили всего триста выстрелов, а положили не меньше полусотни. Я где-то читал, что, по американским подсчетам, в настоящее время в сухопутных боях средней интенсивности на одного выведенного из строя неприятеля расходуется 120 тысяч пуль. Значит, больше трех миллионов мы уже сэкономили. По прошлым меркам на небольшую войну, вроде англо-бурской, хватило бы...

Ляхов даже начал пересчитывать это дело в рубли и копейки, но Тарханов довольно резко его оборвал, хотя и понимал причину возбуждения товарища. У всех нервы проявляются по-разному. Конечно, не полсотни террористов они положили, а человек тридцать от силы, но и это много.

И то, что после такого внезапно-сокрушительного удара банда не рванула в панике назад, а наоборот, перегруппировалась и явно собирается атаковать снова, майору очень не нравилось.

Он ошибся и в оценке сил противника. Решил, что их всего около пятидесяти, а оказалось — минимум втрое больше. Скверно, одним словом.

— Успокойся, док. Разговорился... Лучше водочки прими, пару глотков, только не больше. И не высовывайся, упаси бог. Сейчас они придут в себя и дадут! Сотни две стволов у них есть.

И снова замурлыкал, не слишком музыкально, ту самую песенку. Дошел до забытого места, опять запнулся.

Неожиданно Ляхов подхватил:

— И значит, **надо выстоять**, покуда не помрем, Аты-баты...

— Чего? Ты тоже эту песню знаешь?

— Нет, по логике текста догадался, — усмехнулся доктор, и майор не понял, шутит он или так и есть на самом деле.

А насчет предстоящего огневого налета Тарханов немного ошибся. Перед тем как начать очередную атаку, с той стороны выдвинули за подходящий камень парла-ментера.

Без всякого мегафона, приложив ко рту сложенные воронкой ладони, тот закричал на приличном русском языке:

— Эй, земляки! Уходите. Пропустите нас. Вас не тро-нем. Здесь делить нечего. Захотите, дома будем разби-раться. Ждем пятнадцать минут. Потом не жалуйтесь!

— А ну, Вадик, залепи этому попугаю, — попросил Тарханов, потому что фланговая позиция Ляхова вполне это позволяла.

Капитан сдвинулся метра на три в сторону, засек рас-положение кричавшего и выстрелил. Попал, разумеется. Чуть ниже левого уха. Так и брызнуло!

И вот тут с той стороны действительно дали.

Гулкие хлопки штурмовых винтовок, частое таракте-ние пистолетов-пулеметов многократно отражались от, сжимающих ущелье скал, сливаясь со звуками ударов сотен пуль о камни и тоскливым воем рикошетов.

Спустя несколько минут эта какофония дополнилась раскатистыми очередями крупнокалиберного «браунин-га» или «гочкиса», на удивление быстро снятого с выю-ков, собранного и установленного на позиции.

Этот вой, визг и грохот сами по себе вызывали непре-одолимое желание закрыть голову руками и как можно плотнее втиснуть тело в щель между валунами. А ведь весь этот концерт означал, что каждый кубометр про-странства исполосован сотнями сгустков горячего ме-

тала, и ничтожнейшего из них, даже отбитого пулей осколком кремня достаточно, чтобы навсегда поставить в жизнь офицеров преждевременную жирную точку.

Получилось, что паники вызвать у противника не удалось, он отнюдь не обратился в бегство, напротив, отвечает с вызывающими уважение хладнокровием и твердостью духа. Тарханов подумал об этом с разочарованием, но и только. Первый вариант плана не сработал, будем переходить ко второму.

Ляхов же вообще поначалу ни о чем не думал, полностью поглощенный борьбой с собственной вегетатикой и спинным мозгом. Сказать, что Ляхову было страшно в банальном смысле, — это сказать совершенно не то.

Страшно ему было, к примеру, когда он занимался скалолазанием. Вот там — страшно, до мерзкого ощущения щекочущего холода в животе и ниже, когда висишь над бездной без страховки, цепляясь кончиками пальцев за трещины в стене.

А здесь — нечто совсем другое, с чем сталкиваться пока не приходилось.

Но чем дольше длилась стрельба, а он оставался невредим, тем отчетливее осознавалась простая мысль. Его жизнь сейчас подобна бикфордову шнуру, зажженному с двух концов. Пытаясь продлить свое существование, укрываясь от пуль за камнями, он тем самым укорачивает его, и жить ему ровно столько, сколько нужно феодалам, шахидам, или кто там они есть, чтобы, прикрываясь огненным валом, пробежать по дороге разделяющее их расстояние. И только подставившись под пули, можно попытаться прожить еще немного.

Но это теория, а на практике очень трудно высунуть голову из-за укрытия под свинцовый дождь. Ужасно хотелось верить, что опытный вояка Тарханов справится и без его помощи.

Вадим скосил глаза. Как он и ожидал, майор не потерял самообладания, откатившись в сторону от огневой позиции, лежа щекой на земле и вывернув шею, что-то высматривал в бинокль.

— Эй, командир, что делать будем?

— Задача прежняя. Бери винтарь и осаживай все, что

шевелится. Отползи еще дальше вправо, может быть, по пулеметам достанешь...

«Парень держится хорошо, — подумал Тарханов, — пришел в себя быстрее, чем я ожидал».

Чтобы подбодрить доктора, он бросил ему в утешение древнюю поговорку русских воинов:

— Не дрейфь, док. Не мы первые, не мы последние...

— Спасибо на добром слове.

Ему очень хотелось ответить какой-нибудь подходящей к случаю остроумной иронической фразой, но все имевшиеся у него силы, душевные и физические, Вадим потратил на то, чтобы коротким и резким броском пересечь открытое пространство до камней, за которыми лежала винтовка. К счастью, и сама она, и, главное, драгоценный прицел оказались невредимы.

Все вражеские пули теперь летели левее и ниже и казались уже совсем не опасными.

Вадим дополнил патронами полупустой магазин, еще два сунул за голенища сапог, по-пластунски переполз на пару десятков метров правее. Щель между камнями, в которую он выставил ствол «СВД», была не шире ладони. Ляхов закурил и окончательно успокоился.

Ему как раз хватило времени дотянуть сигарету до фильтра, и тут ружейно-автоматный огонь с той стороны резко ослабел, только тяжелый пулемет продолжал гулко бубнить, вслепую шаря трассирующими пулями по площадке перевала.

Человек сорок несколькими группами поднялись в атаку. Вот им должно быть по-настоящему страшно. Или нет? Перспектива немедленно попасть в свой мусульманский рай превращает страх смерти в священный восторг?

Но все же они бежали не слишком решительно, паля перед собой из автоматов и ручных пулеметов сплошными очередями, в белый свет по преимуществу.

Ляхов предоставил их вниманию майора, а сам начал искать среди рыжих камней огневую позицию крупнокалиберного «гочкиса».

И довольно быстро нашел. Пулемет притаился за зубчатым выступом, метра на три выше дорожного полотна,

Вадиму виден был массивный ребристый цилиндр пламегасителя-компенсатора, вокруг которого то и дело расцветал бледно-желтый веер огня, и полускрытые пыльной дымкой контуры пулеметчиков.

Ляхов выстрелил пять раз подряд с полусекундными интервалами и тут же залег, прикрывая собой винтовку. Характерный стук «гочкиса» исчез из общего звукового фона, ствол его косо задрался в небо. И в ответ с той стороны к Вадиму не прилетело ни одной пули. Значит, пулеметчики надежно выведены из строя, а стрелкового прикryтия у них поблизости не оказалось. Все, способные держать оружие, брошены на передний край.

И словно в подтверждение внизу размеренно застучал «ПК» майора.

...Боевики бежали дружно. Не слыша ответного огня, они постепенно смелели, ускоряли шаг, подбадривая себя хриплыми несогласованными воплями, так не похожими на дружный рев атакующей русской пехоты.

Тарханов ждал.

Он отчетливо, как это бывает на хорошей цветной фотографии, а не в жизни, видел и отдельные куски щебня на дороге, и красноватую пыль между ними, грязно-зеленые колючки по обочинам, словно плывущие в жарком мареве фигурки боевиков, постепенно, но удивительно медленно заполняющие пространство внутри и вокруг прицельного кольца. И особенно четко посреди этого библейского пейзажа он видел то место, где их положит. Всех.

Дорога там слегка прогибалась, и группа атакующих оказалась словно на дне глиняной тарелки, отчетливо видимая и лишенная всякого прикryтия.

Первый смертник поравнялся с назначенным ему Аллахом местом. Прикусив губу, Тарханов выжал спуск. Затильник приклада заколотил в плечо, опять потянуло смешанным запахом сгоревшего пороха и ружейного масла.

Сначала упал человек, в которого он целился специально, потом два, три на левом фланге, еще потом фигур-

ки стали валиться одна за другой, но кое-кто продолжал бежать вперед.

Наконец уцелевшие смешались, повернули обратно, и Тарханов стрелял в спины, и буро-зеленые силуэты снова падали, пока пулемет не смолк, проглотив последний патрон.

Из зоны поражения сумели спастись едва ли больше дюжины.

И вот тогда их накрыли минометы. Спрятанные за обратные скаты высот, где их не мог достать и Ляхов.

Одуревший от грохота близких разрывов, от усиливающейся по мере приближения солнца к зениту жары, Тарханов откатился в кювет, под прикрытие массивных колес и кованой рамы вездехода.

Калибр минометов был несерьезный, 50 миллиметров. Уже с 82-миллиметровым по горам особо не побегаешь. И это обнадеживало. По-настоящему опасным могло быть только прямое попадание, шансов на которое не так уж много. Корректировщика у бандитов не было, и большая часть мин падала или недолетами, в пропасть, или с шелестом пролетала над головой и рвалась на безопасном отдалении.

В отличие от Ляхова, который только стрелял, Тарханову приходилось постоянно держать в голове всю картину боя, прогнозировать развитие ситуации, намечать возможные контрмеры.

Первый контрольный срок прихода ожидаемой помощи уже истек, майор наметил второй и, на всякий случай, третий.

Проблема была в том, что, если рассчитывать расход боеприпасов исходя из крайнего срока, возникала опасность не продержаться и до второго.

Ему уже стало совершенно ясно, что какие-то формальные обстоятельства заставляют террористов прорываться на плато, не считаясь с потерями.

Обычно бойцы самостоятельных бродячих шаек излишней боевой стойкости не проявляли и при малейшем отпоре разбегались кто куда, до более выгодного момента. Сейчас же они вели себя вроде мюридов Шамиля вре-

мен Кавказских войн. А раз так — следует любыми средствами не дать закрепиться у них внезапно прорезавшему боевому духу. Потом себе дорожке обойдется.

Он криком и взмахом руки указал Ляхову новую позицию, теперь — на левом отроге хребта. Единственно, откуда может к ним подобраться враг, если вдруг найдутся в отряде толковые скалолазы. А найтись могут, если там еще остались живые чеченцы.

Во время коротких пауз во вражеской артподготовке майор опять стрелял, очередями покорооче, чем вначале, и все время считал, сколько остается патронов.

Иногда, откатившись под надежное прикрытие, торопливо выкуривал в три затяжки сигарету, черными от медной окиси руками набивал очередную сменную ленту.

От жары, непрерывного грохота, вонючего дыма третила мысли начинали путаться, а он все пытался сообразить, что же все-таки надо боевикам, ради чего они лезут с таким упорством на уничтожающий огонь? Наверное, потеряли уже половину банды, а лезут. Давно бы оттянулись назад, рассыпались по горам и шли к своей цели другими путями. Или все они тут одинаково сумасшедшие?

Не понимал он и того, почему сам до сих пор жив. Да это было ему, в общем, безразлично уже. Просто пули, осколки и он оказывались все время в разных точках пространства-времени. Хотя каждое следующее мгновение все могло кардинально измениться.

«Эх, сейчас бы «град» сюда», — с тоской подумал он.

Ляхову было немного лучше. Он наблюдал тот шквал разрывов, который метался по площадке перевала, как бы из ложи бенуара. Лишь изредка мимо пролетал верещащий осколок или просвистывала пуля, шальная по преимуществу. В работе снайпера главное — без толку не высовываться, а выстрелив, тут же менять позицию.

А вот Тарханов его восхищал. Как уж ему удавалось выжить среди частых всполохов разрывов, бог весть. Но когда начиналась очередная атака, минометный огонь стихал, и тогда пулемет бессмертного майора снова начинал злобно стрекотать.

Вадима подмывало кинуться вниз, поддержать оборону вторым пулеметом, но хватило здравомыслия оставаться там, где ему было указано. Потому что минут через двадцать после того, как он занял позицию, из за зубчатой кромки скальной террасы вдруг высунулась голова, обмотанная зеленой тряпкой. За первым появились еще трое, с короткими автоматами за плечами. Нашлись таки рискованные ребята, вскарабкавшиеся по почти вертикальной стене. Утерли пот со смуглых, в грязных разводах лиц и, не опасаясь неожиданностей, выставив перед собой стволы, скользящим шагом двинулись вперед.

Не будь Тарханов столь предусмотрительным, тут бы и конец всей обороне. Перестреляли бы их сверху вниз в минуту.

А так это сделал Ляхов. Ровно четыре беглых выстрела, когда последний бандит получил свою пулю раньше, чем успел упасть первый, и статус-кво восстановлено.

К этому времени Вадим догадался о невозможности собственной смерти.

Оказывается, все очень просто. По принципу «ретроградная амнезия». Известно, что если человек получает, допустим, удар палкой по голове и теряет сознание, то, очнувшись, он забывает все, непосредственно предшествовавшее удару. И потеря памяти на прошлые события может распространяться на разный срок, от нескольких секунд до минут и даже часов.

Так вот, если я жив и мыслю сейчас, как я могу это делать, если через секунды или минуты буду убит? Став мертвым (а смерть — это тот же обморок, только без возврата), я не смогу вспомнить о том, что думал и делал перед смертью. Если я это делаю, значит, я в ближайшее время не умру!

Эта идея пришла к нему скорее в виде смутной догадки и требовала дальнейших размышлений и уточнений. Другие-то, каким образом они умирают под нашими пулями? Значит, у них все происходит иначе. Ладно, главный вывод бесспорен, а теорией займемся позже...

Вадим подполз к краю обрыва, осторожно выглянул. Отсюда ему открылась полная картина поля боя, от вра-

жеских тылов и до позиции Тарханова. Буквально через пару минут выявилась интересная штука — имелся какой-то нервный узел, или мозговой центр колонны, вокруг которого все и кипело.

Те бойцы, что были впереди, постоянно пытались атаковать, прорваться к перевалу, задние — суетились, мельтешили, как муравьи при пожаре, подносили мины к двум установленным посреди дороги минометам, стреляли, похоже, совсем не целясь, из винтовок и автоматов, обеспечивая огневую поддержку, высылали вперед новые группы резерва.

А центр, около десятка ничем внешне не отличающихся от прочих боевиков, устроившихся в глубокой расщелине скалы сразу за поворотом, оставался неподвижным.

Похоже, там и помещался командир всей этой группировки, отсюда и идет импульс беспощадной воли, заставляющий всех прочих умирать безропотно и даже с азартом, как это делают пчелы, жалящие напавшего на улей медведя.

Эх, догадались бы они с Тархановым с самого начала затащить сюда пулемет... В винтовке оставалось всего четыре патрона. В кого стрелять конкретно?

Зато есть три гранаты в рубчатых оборонительных рубашках. Тарханов дал их Вадиму на крайний случай, предупредив, что одну обязательно надо оставить.

— Дойдет вдруг до этого, не убьют и бежать некуда — последняя твоя. Рви кольцо и не горюй. Здесь не Европа, в плену ловить нечего. Соображаешь, о чем я?

— Да уж не бином Ньютона. Кстати, а не помнишь, в чем там смысл? Поговорка в памяти осталась, а что это за штука — забыл напрочь.

— Я — тем более. Что-то насчет «а» плюс «б» в квадрате, на что-то деленное или умноженное. И хватит трепаться. К бою!

Ну, к бою так к бою.

Ляхов прополз вперед еще пару десятков метров и, прикинув, что отсюда добросит наверняка, швырнул вниз

одну за другой обе гранаты, со взрывателями, поставленными на удар.

Как учили, отпрянул назад, чтобы случайно не задело. Осколки, разлетающиеся на триста метров, иногда имеют странную способность сдуру попадать так, что ни один снайпер не словчится.

Первый взрыв внизу он услышал, а второго — уже нет. Вдруг его не то по голове ударило, не то скрутило эпилептическим припадком. Остатками сознания Вадим еще успел оценить это именно так.

Мир долго вращался вокруг него, скалы тряслись и рушились, совершенно как в фильме «Золото Маккены», одновременно что-то непонятное сыпалось сверху.

Мышцы, все сразу, что примечательно, сводило жесточайшей судорогой, и еще от рвотных позывов его корчило на острой щебенке так, что, мотая головой, он в кровь рассекал себе подбородок и щеки.

Потом сознание погасло, не слишком быстро, как раз чтобы Ляхов еще успел подумать, что вот оно то самое и есть.

«Ретроградные секунды» перед смертью, в которые он решил не верить.

...И так же сразу все прошло. Не оставив после себя никаких особенных последствий соматического типа. Единственно — в голове слышалось нечто вроде замирающего звона прекративших праздничный благовест колоколов.

Еще через полминуты Вадим сообразил, что никакие не колокола, а обычные вертолеты приближаются. Дogaдка превратилась в уверенность, когда в лицо ударил горячий ветер и обвальный грохот турбин.

Над перевалом косо скользнули силуэты сразу трех тяжелых «Си-60» огневой поддержки. В горячке и азарте боя, который они уже мысленно договорились считать последним, и Тарханов и Ляхов о такой возможности забыли и думать.

Ляхов подхватил винтовку и заспешил вниз.

...Военврач сидел на камне, опираясь на винтовку, а за плечо его тряс средних лет летчик в синем комбинезоне. Приличный кусок времени выпал у Вадима из восприятия. Совсем низко над головой проворачивались по инерции лопасти ротора. На площадке хватало места только для одной машины, остальные две выписывали восьмерки над серединой ущелья, и с их подкрыльевых пилонов то и дело срывались дымные полосы НУРСов.

Летчик что-то говорил, но Ляхов не слышал его, слишком сильно гудел двигатель, да и голову заполнял неприятный, томительный, глухой, как сквозь вату, звон.

И вообще он не очень хорошо понимал, где находится и что с ним происходит. Более-менее отчетливые впечатления остались только от самого момента взрыва и появления вертолетов. Все, что было до, словно подернулось густым туманом. И цветовая гамма вокруг казалась странной, он смотрел на мир будто сквозь толстое оранжевое стекло.

Потом он увидел у себя в руках фляжку и сделал несколько длинных жадных глотков, с опозданием поняв, что там не вода, а коньяк. Что ж, тем лучше.

— Где майор? — с трудом ворочая языком, спросил Ляхов.

— Какой майор? Русские погоны у твоего напарника, капитан¹ он. Все в порядке, уже в машине, зацепило его, но не очень сильно. Пойдем, лететь пора.

— Сейчас, — ответил Ляхов, — мне еще барахло забрать надо. А что же вы так долго, мы вас ждали-ждали. Еще бы десять минут — и конец.

— Что значит долго? Как приказ получили — в полчас уложились.

¹ В Российской армии чин капитана соответствует европейскому званию «майор». Обозначается погоном с одним просветом без звездочек, но относится к старшему комсоставу. Титулован — «ваше высокоблагородие».

Ляхов с недоумением посмотрел сначала на летчика, потом на свои часы. Он совершенно точно помнил, что последний раз они показывали без пятнадцати одиннадцать и было это не меньше получаса назад, еще до того, как он разделался со скалолазами. А сейчас обе стрелки сошлись на цифре «Х».

— Постой, постой, братец, вы когда приказ получили?

— Ровно в девять, у меня и в боржурнале записано. Я ребят по тревоге поднял, боезапас уже загружен был, топливо долили и взлетели. В девять тридцать пять были над целью. Я как раз тебя увидел, ты нам фуражкой махнул и показал, куда ракеты пускать.

— Ни хрена не понимаю! — Вадим потряс часы, приложил к уху. Шли они нормально. Оставалось предположить, что он просто в горячке боя перепутал большую стрелку с маленькой.

— А вы молодцы, ребята. Сколько накрошили вдвоем! Теперь вертите дырки для орденов. Глядишь, под это дело и нам что-нибудь обломится...

Ляхов хотел спросить, как зовут его спасителя, но тут же забыл о своем намерении. Все же сильно не по себе ему было. Ладно, успеется, мелькнула, похоже, такая мысль. Не последний день живем...

Он повернулся и пошел не туда, где оставил среди камней и футляр с принадлежностью от винтовки, и санитарную сумку, и китель, а вниз по дороге.

Вид густо покрывающих дорогу тел, пробитых его и Тарханова пулями и посеченных разрывами ракет «воздух—земля», огнюдь его не расстроил. Смотрел в лица бородачей и почти безусых юнцов, разномастно одетых в пятнистые комбинезоны, халаты, старые английские кителя-хаки и не чувствовал совершенно ничего. В смысле раскаяния или душевных терзаний.

Ну, накрошили кучу бандитов, озверевших то ли от анаши, то ли от ложно понятого религиозного и национального долга, так на то и служба.

Присяга и все такое. Переживания героев Ремарка в Мировой войне были ему совершенно чужды.

«Нет, я понимаю, контузия, — думал он профессио-

нально, несколько удивляясь охватившей его эмоциональной тупости, — но все же...»

За поворотом, как раз там, куда он бросил свои гранаты, Ляхов увидел мертвых ослов с двойными серыми вьюками на спинах, убитых погонщиков, а чуть дальше — лежащего на спине пожилого араба или перса в зеленой чалме и новом коричневатом-рыжем мундире неизвестного фасона. Ни в одной из европейских армий таких не носили. И на ногах тяжелые ботинки с крагами.

Отброшенные взрывом, напротив старика разбросали ноги и руки еще два бойца помоложе, в таких же униформах. Между ними завалился набок зеленый алюминиевый цилиндр с крышкой на барашках, похоже, армейский походный термоконтейнер, оснащенный брезентовыми лямками для переноски за спиной. В его боках тоже выделялись дырки и вмятины от чугунных осколков.

Жрать они, что ли, собирались, перед тем как он бросил свои гранаты?

Но это все ерунда, ничемные проблемы переставших жить людей. А вот кое-что поинтереснее...

Перебитой и вывернутой в локте рукой с торчащими бело-розовыми костями хаджи¹ сжимал кривую саблю в богато украшенных ножнах и сверкающим россыпью камней эфесом. Сабля наполовину вытянута из ножен, будто в последний момент ее хозяин собирался пустить ее в дело, да не успел.

Ляхов нагнулся и вырвал оружие из начавших костенеть пальцев трупa. Сунул под мышку. Хорошее будет пополнение прадедовской и дедовской коллекции трофеев.

Есть там палаши немецких кирасир, сабли венгерских гусар, много всякого российского холодного оружия, а теперь будет и настоящая бедуйнская сабля.

Дальше идти ему не захотелось, да и сил не было. Вадим собрался повернуть обратно, но что-то заставило его наклониться над контейнером. Через самую большую пробоину он увидел отнюдь не плов и не гороховый

¹ Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

суп, а сломанные и раскрошенные электронные панели, торчащие обрывки проводов.

Радиостанция, что ли? Не слишком похоже. Сделав некоторое умственное усилие, Вадим подумал, что следует взять эту штуку с собой. Может быть, пригодится связистам или кому-нибудь еще.

Забросил ремень на плечо. Весу в трофее было килограмм десять. На не слишком верных ногах побрел обратно.

Отсюда их позиция на перевале была почти неразличима. Камни, за которыми стояли пулеметы, сливались с общим серо-рыжим фоном пейзажа, бойниц и совсем не было видно. Но когда подошел поближе, то увидел, что валуны иссечены пулями сплошь, что называется, не оставалось на них живого места.

Он медленно шел обратно по дороге смерти, вяло размышляя, радоваться ему, что выжил все-таки, или горевать. Отчего вдруг горевать нужно, Вадим не слишком понимал, но чувство было отчетливым.

Над головой скользнули почти бесшумно две тускло-синие тени с большими белыми шестиконечными звездами на бортах. Израильские «Супер-Алуэтт» с турбовинтовыми движками, не ревущими, как дизели русских вертолетов, а глухо свистящими. Один пошел на посадку за спиной Ляхова, а второй ушел на восток.

...«Сикорский» долго гремел и трясся над горами, и Ляхов постепенно вернулся к ощущению реальности. Сугубо помогли еще несколько глотков из фляжки второго пилота. Тарханов лежал рядом на куче брезентовых чехлов и был без сознания, но состояние его у Вадима опасения не вызывало.

Буквально в самый последний момент капитан не уберегся. Один осколок мины, наверняка рикошетный, ударил его в левую бровь и наискось ушел к затылку, но кости черепа не пробил, а второй распорол китель и не очень глубоко — длинную мышцу спины.

Конечно, крови вытекло порядочно, с пол-литра, но повязка наложена, тубик противошоковой смеси введен, состояние, как говорится, соответствует тяжести диа-

гноза. Обойдется. Если, конечно, не разовьется от травмы отек мозга.

Самое интересное, что у Тарханова имелась в машине тяжелая каска-сфера, и, если бы он ее надел, был бы сейчас в полном порядке, но понятия офицерской чести не позволили.

Как, мол, так, я буду в каске, а боевой товарищ — без.

...Пилот не стал тянуть до военного аэродрома, имея на борту тяжелораненого офицера, а, связавшись по радио, посадил машину на каком-то израильском гражданском, куда уже подали санитарные машины.

Вдоль взлетно-посадочной полосы стояли крыло к крылу многочисленные частные авиетки, двух- и четырехместные. Помогая выгружать носилки с Тархановым, Вадим совершенно не обратил внимания, как из открытой дверцы самолета человек в пестрой гавайке и ермолке-кипе верующего иудея, успевший, очевидно, ухватить какие-то обрывки информации, несколько раз щелкнул Ляхова профессиональной камерой с телеобъективом.

...Большие штабы всегда вызывали у Вадима ощущение, близкое к тому, какое бывает после нескольких часов хождения по Эрмитажу или Лувру, — смесь усталой скуки и раздражения. И попадая в таковые (штабы, а не музеи), стремился по мере возможности поскорее отсюда удалиться. Благо в его чинах и должности это случилось не слишком часто.

Сейчас все было иначе. Ляхов, подкрепивший алкоголем и без того обостренное пережитой опасностью чувство самоуважения, почти совсем успокоился и «вошел в меридиан», как выражаются моряки. Оттого держался уверенно и с достоинством, как и подобает человеку нетщеславному, но вполне знающему цену себе и своему поступку и не собирающемуся эту цену умять.

Он хотел сначала заехать к себе в санчасть, умыться и переодеться, а потом уже являться «на расправу», но сопровождающий офицер подрулил сразу к двухэтажному кирпичному коттеджу справа от КПП.

Неизвестно, как это вышло, но первым его встретил на пороге штаба бригады начальник одного, подполковник фон Брайдер, отношения с которым у Ляхова были сложные.

С самого первого дня вступления Вадима в должность. Только-только он познакомился с личным составом, принял по списку штатное имущество и погрузился в изучение оставленных ему предшественником документов, как в кабинете раздался телефонный звонок.

— Господин капитан, — услышал Ляхов голос оперативного дежурного. Следует отметить, что поскольку погон военврача 3-го ранга отличался от общеармейского капитанского только серебром плетения и ярко-зеленым просветом, то никто и не затруднялся произносить три слова вместо одного. — Господин капитан, вам следует явиться в штаб и расписаться в книге приказов.

Прогулявшись пару сотен метров по центральной линейке от медпункта до штаба, Ляхов вошел в остекленную выгородку дежурного, полноватого поручика, слишком пожилого для своего чина.

— Что тут у вас?

— Извольте расписаться. Согласно приказу начальника штаба вам следует сегодня в двадцать два ноль-ноль заступить старшим городского патруля.

— Че-его ..? — нецензурно удивился Ляхов.

— Старшим патруля, — терпеливо повторил поручик Бойко. — Все штаб-офицеры в очередь ходят в патруль.

— Интересно, какой дурак это придумал? — не имея в виду ничего плохого, просто так вырвалось, поинтересовался Ляхов.

— Если вам угодно — то я. На основании устава внутренней службы и положения о статусе Экспедиционного корпуса на зарубежных территориях.

Ляхов обернулся. На середине лестницы, ведущей на второй этаж, внушительно возвышался сам вышеупомянутый подполковник фон Брайдер. Его летний кремовый китель был туго стянут застегнутым на первые дырочки ремнем, лицо выражало одновременно и уверенность в себе, и некую обиду.

— Прошу прощения, господин подполковник (еще

одна тонкая бестактность, в личном общении приставку «под» следовало опустить), но я предполагал, что здесь виноват не иначе как один из штабных писарей. Кому еще могло прийти в голову...

— О чем вы? Я сказал — на основе Устава каждый старший офицер должен как минимум еженедельно состоять начальником патруля. Сегодня — ваша очередь.

Ляхов возликовал. Как сейчас великолепно можно позабавиться, жаль только, что в присутствии поручика, всего лишь обер-офицера, нельзя говорить того, что он собрался сказать.

— Прошу прощения, господин подполковник, не пройдем ли мы в более уединенное помещение?

— Зачем? Расписывайтесь в журнале — и приступайте.

— Но все же...

Когда, наконец, с трудом сдерживающий улыбку Ляхов увлек фон Брайдера в тупичок коридора, тон его стал совсем иным. Жестким и даже непочтительным, но только для понимающего человека. Тут уже сказался пример отца — крупного чиновника-администратора.

— Позволю вам напомнить, ваше высокоблагородие, что приказом военного министра от такого-то года за таким номером категорически запрещается привлекать офицеров медицинской службы к нарядам, прямо не связанным с исполнением ими своих профессиональных обязанностей.

— Вы служите у меня в строевой бригаде, — сорвался Брайдер, — а то, о чем вы говорите, относится к госпиталям и прочему.

— Не имею возражений. Напишите мне только, пусть и в журнале — «во изменение и дополнение приказа военного министра приказываю...». И распишитесь. Через две минуты я возглавлю не только патруль, но и похоронную команду, если потребуется.

Естественно, все происшедшее мгновенно стало известно всем офицерам бригады, отчего авторитет доктора существенно вырос, а подполковник, отчего-то вообразивший, что подробности инцидента разгласил сам Ляхов,

затаил на него, выражаясь словами классика, «некоторое хамство».

И вот сейчас Ляхов встретился именно с этим человеком.

— Докладывайте, — мрачным тоном предложил фон Брайдер, когда они оказались в его кабинете с огромной рельефной картой Израиля и примыкающих территорий, исполненной двумя солдатами срочной службы в обмен на досрочную демобилизацию.

Ляхов доложил, показав на карте, где, что и как произошло.

— Ну и какого черта вы во все это влезли? Граница нашего района — вот, а воевали вы — вот, тем самым вторгнувшись на сопредельную территорию и создав предпосылки для дипломатического конфликта.

— Не ко мне вопрос, господин подполковник. Насколько я знаю — капитан Тарханов — комендант этой зоны, соответственно решение принимал он. Я же в меру сил выполнял его приказы.

— А он вам начальник, чтобы его приказы выполнять? Что-то в других случаях вы гораздо лучше помните свои права... господин военврач третьего ранга. Насколько мне известно, представители вашей профессии вообще не имеют права принимать участие в боевых действиях. Согласно Гаагской конвенции.

— Согласно упомянутой вами конвенции, — начал заводиться Вадим, — в боевых действиях не имеют права участвовать врачи — некомбатанты, то есть лица, носящие не военную форму той или иной воюющей стороны, а лишь нарукавную повязку с красным крестом либо с таковым же полумесяцем. А поскольку медицинскому составу Российской армии присвоена соответствующая форма, погоны, которые я имею честь носить, а равно и табельное оружие, то в случае угрозы как находящимся под нашим попечением раненым, так и нам лично мы имеем право участвовать в боевых действиях наравне с прочими военнослужащими.

Что, впрочем, должно быть вам известно и без моего доклада.

Неизвестно, чем бы закончилась эта «беседа», поскольку

ку Брайдер начал заметно накаляться, а в гневе он иногда умел быть страшным, а Ляхов уступать не собирался, принадлежа к тому типу людей, которые отнюдь не боятся собственного начальства больше, чем неприятеля. Но загудел зуммер селектора.

— Что? Так точно, подполковник фон Брайдер, господин генерал. Ляхов? Так точно, у меня. Да, разговариваем. Имею к нему серьезные претензии. Что? Так точно, понял, слушаюсь!

Начальник штаба положил трубку, вытер пот со лба обширным клетчатым платком.

— Значит, это... Приехал заместитель комкора генерал Филиппов. Желает вас видеть. Значит, так, что тут у нас — это наши дела, семейные. А там — смотрите. Не забывайте, по службе к вам есть серьезные замечания. Думаете, я не знаю, как ваши бойцы на подработки к местным торговцам ходят? А начальник медснабжения корпуса на вас докладную писал по поводу нерационального расходования казенного спирта. Так что имейте в виду. Однако если что, мы вас в обиду не дадим. Своих не сдаем. И рекомендации будут самые благоприятные.

— Слушаюсь, господин полковник. Душевно благодарен.

В принципе, он был совсем неплохой человек, только зануден моментами и излишне самоуверен. А так служить с ним было можно. Гадости если кому и делал, так только по приказу свыше и без всякого удовольствия.

Ляхов сейчас испытывал странное чувство. В медицине это называется «дежа вю». То есть как будто все происходящее с ним уже было. И этот разговор с Брайдером тоже. Вадим знал, что и кем будет сказано, на две три фразы вперед. В зависимости от темпа разговора.

Звонок от генерала он тоже предвидел и ничуть не удивился, когда он прозвучал. Вернее, он-то удивился, но именно тому, что ждал его и все вышло именно так, как следовало.

— Да, а что тут у вас? — вдруг заинтересовался подполковник, обратив внимание на саблю, завернутую в плащ-накидку и небрежно брошенную на просторный деревянный диван в углу кабинета.

Обычно такие диваны стояли на железнодорожных вокзалах, в залах ожидания первого класса. Массивный, темно-желтого дерева, без всякого лака матово сиявший от более чем столетней полировки суконными штанами пассажиров.

Ляхов присмотрелся и с удивлением сотрудника Шлимана, раскапывавшего Трою, увидел, что и вправду на спинке дивана глубоко вырезан причудливый вензель: «ЮЗЖД» (то есть Юго-Западная железная дорога) — и небольшой двуглавый орел сверху. Выходит, кто-то во время оно исхитрился привезти сюда этот диван из самой Одессы или любой станции между нею и Екатеринославом.

— Вы о чем, Юрий Манфредович? — прикинулся непонимающим Ляхов.

— Вот это. Сабля?

— А! Да так. Подобрал на поле боя. Типа трофей... Кстати, имею право, — и Вадим привычно забубнил статьи уставов и конвенций, признававших за военнослужащими использовать подобранное на поле боя оружие и снаряжение, отнюдь не относя данное деяние к статье «мародерство».

Но Брайдера волновало совсем не это.

Он вцепился в саблю, извлек ее из ножен, жадно осмотрел, только что не обнюхав клинок, и вдруг начал читать Ляхову лекцию об истории холодного оружия, вполне толково, хотя и монотонно излагая все, что накопила к этому времени мировая археологическая мысль.

Вадим успел уловить разницу между египетскими, греческими и римскими пехотными и кавалерийскими мечами, узнал, что двуручных мечей вообще нигде на вооружении не состояло, а если где в музеях они и экспонируются, то являются копией с единственного, впрочем, давно утерянного образца, изготовленного для театрализованного карнавала при дворе короля Оттона Первого.

Сабля же представляла собой тип так называемой гурды, выкованной из натуральной дамаской булатной стали, ничем не уступающей пресловутым японским мечам, сиречь «катанам», которые после нескольких тысяч

проковок могли рассекать наплывающий на них по ручью осенний лист.

— Да вот, любуйтесь...

Подполковник сначала легкими движениями заточил концом клинка синий карандаш «Тактика» до тонкости шила, потом подбросил в воздух свой носовой платок и попытался разрубить его в полете, но не попал.

Не смутившись, фон Брайдер сообщил Вадиму, что такими клинками свободно можно подпоясаться.

Подпоясаться тоже не удалось, но в крутую параболу сабля согнулась и выпрямилась без всякой остаточной деформации.

Слегка бадея от потока информации, Ляхов приготовился выслушать еще и сравнительные характеристики арабских, турецких, русских драгунских сабель и шашек всех двенадцати российских казачьих войск, как телефон зазвонил снова.

— А? Что? Да-да, идем. Просто завершали формальности.

Брайдер раздраженно бросил трубку.

— Да опять генерал этот, мать его туда, так, обратно и с перевертом в центр мирового равновесия! Поговорить с человеком не даст. Слушай, капитан, а я и не знал, что ты так здорово в оружии соображаешь.

Это при том, что Вадим за последние десять минут не промолвил ни слова.

— Вот так служишь, служишь с людьми и вдруг открываешь их с совершенно новой стороны. Поехали бы мы с тобой ко мне в родовой замок... Ну, это недалеко от Мальборка. Возле Минска. Я б тебе показал коллекцию. Так что, саблю продашь?

— В смысле? — оторопел Ляхов. Вроде как на эту тему они точно не говорили.

— При чем смысл? Продашь, нет? Пятьсот шекелей даю.

— Пардон, кригскамрад¹, я пока при деньгах, и меня генерал ждет. А вот если на хранение оставить...

¹ Кригскамрад — боевой товарищ (нем.).

— Не хочешь? Зря. А оставить можно. Вот здесь.

Подполковник открыл аляповато раскрашенный под дуб железный шкаф, где хранились пачки каких-то пыльных папок.

— Клади, куда со всем этим, право...

Ляхов сложил и шашку, и контейнер, и даже свою медицинскую сумку на дно шкафа. Только винтовку оставил при себе.

Брайдер запер дверцу и протянул Вадиму бронзовый, с широкими фигурными бородками ключ.

— Держи.

— Да зачем, что вы, я и так, — по-интеллигентски стал отнекиваться доктор.

— Бери, бери. Мало ли что. Будешь потом опять болтать не по делу.

Ляхов сунул ключ в карман, щелкнул каблуками, отдал честь, второпях — левой рукой, поскольку в правой держал винтовку, и заторопился к выходу.

...Поскольку Тарханов был срочно отправлен в госпиталь, вся первоначальная слава досталась одному Вадиму.

Обычно в строевых частях, расквартированных в метрополии, по команде передаются только рапорты, обрастая по пути резолюциями и комментариями, упомянутые же в рапортах люди остаются на своем месте. Но сейчас начальство решило отступить от установленных канонов.

Вероятно, им, начальством, руководило естественное любопытство. Не каждый день и даже не каждый год полустатские военврачи вступают в бой с целым вражеским батальоном (если перевести численность разгромленной банды в понятные категории) и побеждают без единой царапины.

Проходя через приемную перед кабинетом генерала, он услышал негромко брошенную каким-то полковником-порученцем, которых немало здесь толпилось, фразу, заставившую его усмехнуться:

— Хрен знает что! Подвезло этому лекарю. Лучше б из нас кто-нибудь на его месте оказался...

Наконец Ляхов оказался на ковре (в буквальном смысле, красивом багдадском ковре) посреди огромного

кабинета целого гвардейского генерал-лейтенанта, как был, в продранных на коленях бриджах и пыльных сапогах, исцарапанных и потертых на носках до белизны о щебенку. Только китель, который Вадим перед боем снял, оставался достаточно чистым, а грязь, кровь и пот с лица он успел смыть еще на аэродроме из водоразборной колонки.

Доложившись, смотрел он на генерала независимо и как бы даже дерзко, памятуя о словах, услышанных в приемной. И продолжал эксперимент, пытаясь угадать, совпадет ли поведение генерала с тем, как оно ему представляется. Сам он надеялся на награду, прямо сейчас извлеченную генералом из сейфа. Правом награждать отличившихся на поле боя командование корпуса обладало. До креста «За боевые заслуги» первой степени включительно.

— Кто вы по должности, капитан?

Вадим ответил.

Генерал негромко выругался. Ляхов не уловил, удивленно или разочарованно.

— Вот, — сказал зам командующего сидящему за приставным столиком очень молодому и симпатичному подполковнику. Тот смотрел на Вадима крайне доброжелательно, вроде даже подмигнул незаметно для генерала. — Все у нас не по-людски. То бандиты именно на нашем участке прорываются, то доктор из себя заградотряд изображает. Как, доктор, страшно было? — вновь обратился генерал к Вадиму.

— Не знаю, господин генерал, не понял пока. Тут одним словом не скажешь.

— Ну-ну, — постучал тот пальцами по столу. — А стрелять где научился? Стрелял-то ты лихо. Человек полтора вы там положили?

— Сто тридцать шесть только убитыми, — подсказал подполковник, и Вадим удивился, кто их там успел посчитать, и словно бы впервые ужаснулся огромности этого числа. Каких — не слишком важно, — но ведь людей же...

По своей основной специальности он спас от смерти вдесятеро меньше. Был бы верующим — вовек не отмо-
литься.

И еще мелькнуло — такое на Героя тянет. Это уже из знаний о прецедентах минувших войн. Во рту стало сухо, и в груди появилась мелкая щекочущая дрожь. Неужели действительно Героя дадут? Это ж тогда сколько возможностей откроется! И по службе и вообще.

Он понимал, что мысли эти и недостойные, и преждевременные, но избавиться от них уже не мог. Тем более что не кто иной, как Петр Великий некогда писал: «А ежели в армии окажется человек, награжденный всеми без изъятия наградами, так немедленно надлежит учредить новую, дабы никого не лишать побуждения к новым подвигам». То есть мечтать о крестах и орденах и стремиться к их получению — дело не только не зазорное, а, напротив, высочайше одобряемое.

А на вопрос генерала он ответил:

— Стрелять учился... Как придется. В детстве отец учил, из «монтекристо»¹, потом в спортклубе, потом упражнялся от случая к случаю.

— Отец — кто?

— Старший инспектор кораблестроения² на казенных заводах в Гельсингфорсе.

Генерал побарабанил пальцами по столу. Непонятно, в каком смысле. Устраивал ли его высокий социальный статус доктора или, напротив, он видел в этом определенные сложности в дальнейшем, Вадим сообразить не мог. Здесь ему новообретенная способность к предвидению отказывала. Возможно, потому, что вслух об этом ничего не было сказано.

— Хорошо, капитан. Излагайте. Понимаю, вам уже надоело повторять одно и то же, но тем не менее. Будьте так любезны.

Ляхов изложил, теперь — более четко и сдержанно.

Дослушав, генерал еще помолчал, рисуя квадратики и стрелки на раскрытом бьюаре.

— Что ж сказать. Молодцы. Не растерялись и сумели остаться в живых. Благодарю за образцовое выполнение

¹ «Монтекристо» — тип малокалиберной винтовки.

² Чин морских инженеров, соответствующий генерал-лейтенанту по Адмиралтейству.

зада... — Запнулся. При чем тут задание? Но быстро нашелся. — За образцовое выполнение воинского долга и проявленные при этом мужество и героизм. И вы, и ваш товарищ будете достойно отмечены. Надеюсь, он скоро поправится. Не смею задерживать.

Вадим ответил как положено, повернулся как можно четче и с чувством облегчения вышел в приемную, показав хорошую строевую выправку и подготовку. За ним вышел подполковник, представился. Оказался он по фамилии Ларионовым, по имени Владимиром, помощником командующего по нравственному воспитанию личного состава, а в дальнейшем — просто милейшим человеком.

— Поздравляю, капитан. Официальная часть кончилась, а теперь начнутся вещи приятные. Не откажетесь со мной отобедать?

— Чего же отказываться. Жрать хочу нестерпимо, а более того — надраться до положения риз. Кстати, не знаете, как там мой Тарханов?

— Нормально, смею думать. Его отвезли в лучший израильский госпиталь, поскольку квалификация тамошних врачей на порядок выше ваших здешних коллег, вы уж не обижайтесь.

— Чего обижаться, и без вас знаю. Сам такой. А где бы мне пушку свою пристроить? — Ляхов имел в виду штучной работы токаревскую снайперскую винтовку «СВТ-41» с фирменным клеймом: «Мастер Л. Новицкий, в Туле. 1966 год. № 42/2», подаренную отцом после того, как Вадим победил в чемпионате Петрограда. У своего нацштаба он ее оставлять не стал, а здесь отчего-то решил, что можно.

Винтовка Ларионова заинтересовала. Похоже, он тоже был знатоком и ценителем.

— Вещь. В первый раз такую вижу. Номер что значит?

— На тот момент этим мастером всего было сделано сорок два экземпляра, в указанном году это вторая.

— Впечатляет. Но прицел-то не родной?

— Разумеется, тогда таких еще не придумали, это я уж сам.

— И стоит винтовочка?..

— Подороже хорошей машины.

Подполковник щелкнул языком, уважительно провел пальцами по изящному, не стандартно-армейскому, а спортивному ореховому прикладу, который сегодня Вадим здорово исцарапал, таская по скалам, по отливающим глубокой матовой синевой стволу и крышке ствольной коробки.

— Да, вещь, — повторил Ларионов. — Давай в ружь-комнату сдадим под расписку. И поехали.

Подполковник Ларионов лично отвез его в портняжную мастерскую интендантства, и там за полчаса на него отлично подогнали новую повседневную униформу в тропическом исполнении, выдали весьма хорошие сапоги, мягкие и легкие, не иначе как для старшего комсостава, и все прочее, положенное по арматурной ведомости, причем совершенно бесплатно.

Ляхов привычно подумал, что все это и многое другое, наверное, будет списано под факт участия офицеров (скольких?) корпусного управления в непосредственных боевых действиях. Он бы и сам при случае поступил бы так же и сразу начал соображать, какую собственную недостачу в инструментарии и медикаментах следует оформить аналогичным образом в рапорте по команде.

Затем они довольно быстро домчались в вертком зеленом «Виллисе» до Хайфы, где в российском сэттльменте¹ Вадиму отвели двухкомнатный номер в гостинице.

В буфете на этаже они с подполковником наскоро перекусили и тут же отправились в генеральскую сауну, где все было обставлено по полной программе.

Ларионов почти до полуночи развлекал Ляхова и от души развлекался сам, совершенно не касаясь обстоятельств недавнего сражения.

Вадим быстро понял, что для нового приятеля все это не более чем повод на всю катушку использовать полу-

¹ Сэттльмент — огражденный и охраняемый район в городе для проживания иностранцев, пользующийся правом экстерриториальности и управляющийся администрацией соответствующей метрополии.

★ ченный карт-бланш для собственного удовольствия, но не видел в этом ничего плохого.

Лови момент, как говорится, а у фронтовых офицеров этих моментов выдается не так уж и много.

Собеседником Володя оказался подходящим, остроумным и эрудированным, поскольку закончил знаменитый Львовский военный университет по факультету журналистики и психологии.

Однако постепенно, по мере выпитого, Вадиму начало казаться, что миссия подполковника заключается еще и в том, чтобы лишить его какой-либо свободы передвижения и исключить незапланированные контакты с кем бы то ни было. Но с кем? Знакомых у него тут не было.

Выпили, нужно сказать, они крепко. Вино растормозило Вадима, он все время возвращался к перипетиям минувшего боя, вспоминая все новые подробности, которые совершенно прошли мимо его внимания утром. В первом часу ночи Ляхов вдруг спохватился, что надо бы забрать из шкафа Брайдера свои трофеи.

— Что за трофеи?

Ляхов, как мог, объяснил, не слишком вдаваясь в подробности.

— Не беспокойся. Завтра съездим. Если вещь и в самом деле стоящая — тебе повезло.

— Стоящая, антикварная... Брайдер не ошибается, — убежденно заверил Вадим, остатками трезвого сознания подумав, что, возможно, говорить об этом и не стоило бы.

Возвращаясь в номер, Ляхов увидел себя в большом, во всю лестничную площадку второго этажа, зеркале. Еще раз на мгновение протрезвев, поразился своему виду — бледное, хотя обычно от спиртного он краснел, лицо, как-то нехорошо горящие глаза, неприятно подергивающаяся щека.

— Д-да, видок, — он старался выговаривать слова отчетливо, — словно господин под... полковник Рощин в ресторане «Балчуг» после взятия Москвы. Ну, когда они с Васькой Тепловым надрались, а потом поссорились. А? — дернул он за рукав Ларионова. — Изволили почитать роман «Ясное утро», сочинение господина графа Толсто-

го? Не Льва, а, совершенно напротив, Алексея Николаевича?

Ляхов чувствовал, что его ведет, но ничего не мог с собой поделать.

— Ерунда. Все в порядке, — освободил руку Ларионов. — Офицер, особенно после боя, таким и должен быть — слегка выбрит и до синевы пьян.

— Ну, ерунда так ерунда. А вообще-то жуть...

У двери своих комнат он остановился, внимательно осмотрел подполковника с ног до головы.

— Раз такая вот штука и ты сегодня угощаешь, а я, наоборот, на казенный счет гуляю, распорядитесь, ваше высокоблагородие, господин полковник, шампанского в номера. На сон, так сказать, грядущий.

И действительно, стойко просидел в кресле, куря одну за другой сигареты, не осоловевший, а напротив, как бы высушенный до звона (как солдатский сухарь), пока не принес официант шампанское в неременном ведерке со льдом, и лишь тогда, выпив подряд два бокала, сказал усталым и совершенно трезвым голосом:

— Ну, спасибо за все, господин полковник. Спасибо за приятный вечер. А сейчас, если позволите, пожелал бы — спать. День какой-то... такой получился. Новогодний, одно слово. Отпразднуем Новый год в ночь с тридцать первого на третье! Пусть новый две тысячи пятый принесет нам всем удачу и... процветание. Честь имею кланяться.

Попытавшись одновременно встать и поклониться, Ляхов чуть не упал, но все же сумел сохранить равновесие.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром Ляхов проснулся на широкой, чуть ли не трехспальной кровати в освещенной только что поднявшимся из-за рыжих гор солнцем комнате. Проснулся на удивление трезвым, без всяких похмельных синдромов. Слишком силен был предыдущий стресс, и все перегорело без остатка. Только немного хотелось пить.

До девяти часов местного времени Ларионов не появился и никак о себе не напомнил, что, признаться, Вадима сильно удивило. Возможно, в силу возраста и отсутствия острой необходимости вставать так рано подполковник просто спит еще у себя дома, а то и похмеляется, независимо от склада организма.

Ляхов рассудил, что, поскольку никаких распоряжений на сей день он не получил, ни предписывающего, ни запрещающего характера, сидеть в номере нет никаких резонов. Куда приятнее будет выйти прогуляться на недалекую набережную, попить здешнего пива.

В Хайфе он до этого был только два раза. И она ему сразу понравилась. Почти как Одесса, даже больше. Поскольку экзотичнее.

Хайфа по примеру Шанхая, Гонконга, Манилы, Касабланки, Кейптауна, Луанды считалась открытым городом.

Российский, германский, итальянский селтльменты, российская военно-морская база, где на рейде слегка дымили трубами крейсера Средиземноморской эскадры «Рюрик», «Громобой» и «Пересвет». Каждую неделю от городского причала отходили скоростные паромы до Одессы, Новороссийска, Сочи и Сухума.

Уютные аллеи и широкие зеленые проспекты европейского города, вполне цивилизованные, хотя и имеющие выраженный левантийский акцент еврейские кварталы, и тут же рядом арабская часть, похожая на средневековую мавританскую Кордову.

Главное же — из полумиллиона местного населения триста тысяч выходцев из России и еще тысяч двадцать постоянно проживающих или прибывших по собственной надобности российских граждан.

Короче, Ляхов, если что, согласился бы пожить в Хайфе годик-другой.

Чем плохо? Отличный климат, чистое море, пляжи, много ресторанов, где вечерами собирается почти вся «русская» и действительно русская богема. Деловые люди, морские офицеры, просто состоятельные люди, захотевшие приобщиться к Святой земле. Звучит почти исклю-

чительно отечественная музыка, от романсов до джазовых импровизаций в стиле Утесова и Лундстрема.

Но сегодня совсем в другом деле. Вадим все пытался пробиться сквозь вчерашний туман в голове к настоящей жизни.

Кажется, все нормально. Утреннее январское море выглядит великолепно. Густо-синее, чуть тронутое рябью. В нем, конечно, вполне можно было бы и искупаться, вряд ли температура воды ниже нормальных восемнадцати градусов, но здесь свои обычаи.купаются только в сезон. Залезший в море в январе будет выглядеть как минимум идиотом.

Ляхов увидел неподалеку кафе на пять столиков под полосатым полотняным тентом. Алюминиевые пивные бочки рядом со стойкой выглядели столь заманчиво, что он не нашел в себе сил продолжить неспешную прогулку.

Немецкий в гимназии он изучил вполне прилично, и ему не составило труда выдать его за идиш. Впрочем, и идиш в Хайфе далек от классического. Скорее — «пиджин-идиш», в котором можно употреблять русские, немецкие, еврейские и польские слова почти в любой пропорции, грамматика тоже достаточно свободная.

Хотя, конечно, буфетчик наверняка владел русским языком. Здесь по-русски говорил, похоже, почти каждый.

Высокую кружку горького, сильно пенящегося пива Вадим выпил залпом, закусил щепоткой соленых орешков, почувствовал, что душу охватывает особого рода умиротворение, как бы даже радость.

«Эх, хороший денек, — вспомнилось ему присловье отца. — Кто вчера умер, сегодня жалеет».

Да уж, пожалуй есть кому. А он вот жив и намеревается извлечь из этого факта максимум удовольствий.

Ляхов закурил, ввиду отсутствия посторонних глаз, не стесняясь, потянулся. Вторую кружку он будет пить медленно, смакуя каждый глоток, а там посмотрим.

Прислушался к себе.

Нигде не саднит в душе, совесть не шевелится?

Да нет, все нормально. Он только выполнил свой офи-

церский долг, как говорится — ничего личного. Но сам факт, что подобное желание самодиагностики пришло ему в голову, насторожил.

Чеховщина какая-то. Или Достоевщина.

Он щелкнул пальцами, подзывая буфетчика.

— Что будет угодно господину?

— Музыка какая-нибудь у вас есть?

— Конечно, есть. Чего бы вы хотели?

— Местного. Протяжные еврейские песни в европейской аранжировке...

— Гиула Гил вас устроит?

Ляхов знал эту певицу. Действительно, то, что нужно. Мягкое контральто, почти нью-орлеанский темперамент, и в то же время отчетливый библейский привкус текстов. Поскольку поет она на древнееврейском. На иврите то есть. Возможно, что-то подобное исполнялось при дворе царя Соломона.

Хорошо было смотреть на левантийскую природу, пить пиво, слушать музыку, радоваться по новой обретенной жизни и размышлять не торопясь, с легким хмельком, со вчерашнего на сегодняшний, в голове.

Собираясь в командировку, Вадим полистал кое-какую литературу, повествующую об истории и обстоятельствах создания государства, где он сейчас проводил время с таким приятием.

Сама идея возрождения собственного государства никогда не покидала евреев, но современную мотивацию она обрела в девяностых годах позапрошлого века. Однако, вместе с книгой Теодора Герцля, вполне могла оставаться на том же уровне практической реализации, как и традиционный тост «На будущий год — в Иерусалиме». Если бы не ход европейской истории после Мировой войны.

Году примерно в 1925-м необыкновенно сближенные общей судьбой тогдашние правители России и Германии наряду с прочими проблемами вдруг озаботились и «еврейским вопросом». В этих странах суммарно проживало около шести миллионов евреев, и совершенно непонятно было, что же с ними делать. Собственно говоря, время

от времени аналогичная проблема начинала занимать то египетских фараонов, то королей испанских.

В разбитой, униженной, переживающей тяжелейший экономический кризис Германии все громче звучали призывы на законодательном уровне обеспечить права «настоящих арийцев», ущемляемых еврейским ростовщическим капиталом.

Россия тоже после окончания Гражданской войны испытывала сложности в национальном вопросе. Вроде бы все обстояло нормально — царские дискриминационные законы отменены, «черта оседлости» ликвидирована. Но евреи не хотели и не могли забыть махновских и петлюровских погромов. Польские, украинские и великорусские шовинисты, в свою очередь, умело и старательно обыгрывали слишком уж активное участие еврейства в большевистском мятеже и Гражданской войне.

До серьезных неприятностей дело пока не доходило, но атмосфера понемногу накалялась.

Трудно сейчас сказать, кому первому пришла эта идея, немецкому канцлеру Ратенау или российскому премьеру Пуришкевичу, но очень быстро она получила всеобщее признание и поддержку.

Идея простая до примитива — создать на практической бесхозной после развала Турецкой империи территории Палестины государство Израиль под российско-германским протекторатом. И организовать, при помощи идейных сионистов, массовую репатриацию.

Достаточно быстро по историческим меркам, всего за двенадцать лет эта идея была реализована, хотя и возникли определенные трудности с Англией, Францией и сопредельными арабскими королевствами и княжествами. Однако, после того как план создания «национального очага» поддержал Рузвельт и многочисленная американская диаспора, дело сладилось.

Какое-то время процессу создания еврейского государства ожесточенно сопротивлялись так называемые сионские мудрецы. Те самые, которые уже лет пятьдесят собирались на свои жутко законспирированные конгрессы в дебрях Полесья, где у них, по слухам, имелась великолепно обустроенная база, охраняемая вымуштрован-

ными отрядами «Хагана», а за отдельную мзду — расквартированным поблизости лейб-гвардии Житомирским гусарским полком. Протоколы этих конгрессов издавались только для своих под грифом «ДСП»¹, но удивительным образом, неизвестно кем, немедленно публиковались в открытой печати от Сан-Франциско до Владивостока.

Некоторые циники утверждали, что таким образом пресс-центр «мудрецов» здорово сэкономил на бумаге и расходах по распространению, поскольку выходило, что свои получали инструктивные тексты практически бесплатно, а прочая публика, кроме крутых антисемитов, все равно считала «Протоколы» злобной фальшивкой.

Так вот целям «мудрецов» вроде бы отвечало, наоборот, как можно более глубокое укоренение евреев на тех территориях, где они проживают в настоящее время. Возрождение же Израиля, провозглашали они, вообще не людское дело, этим займется Мессия после своего пришествия.

Но, опять же, злые языки заявляли — более всего «мудрецов» нервировало отсутствие гарантий, что законно избранное правительство «Дас Нойе Исраиль» согласится считать их и в новых условиях «руководящей и направляющей силой».

И меры противодействия они попытались поначалу предпринять очень серьезные, вплоть до организации массовых беспорядков в еще сохраняющихся кое-где добровольных гетто.

Но для спецслужб России и Германии не составило особого труда разыскать и изъять достаточное количество агитаторов, которые после соответствующих профилактических бесед сообразили, что лучше согласиться на переселение в «незаконный» Израиль, чем в совершенно законную Сибирь. И скоро не было более горячих сторонников возвращения на «историческую родину».

Правда, сопровождалось обустройство государства-новорода бесчисленными пограничными конфликтами и

¹ Для служебного пользования.

тремя полномасштабными войнами, но когда и какое большое дело в истории обходилось без этого?

Зато сейчас в Израиле проживало уже около десяти миллионов человек, Россия имела военно-морскую базу, так сказать, «тет-де-пон», перед входом в черноморские проливы, а Германия, осуществив вековую мечту, провела железную дорогу Берлин — Стамбул — порт Эйлат.

На середине второй кружки к Ляхову, небрежно извинившись, подсел мужчина лет за сорок, одетый в костюме спортивного покроя из тончайшей кремовой чесу-чи, худощавый, светловолосый и сероглазый, но что-то все равно выдавало в нем еврея. Другой, может быть, и не догадался бы, но у Ляхова был врожденный дар, этнографический, что ли. Национальность любого встреченного человека (европеоидной расы, конечно) он определял навскидку. Причем сам не всегда понимал, как это у него получается.

Удивляться Вадим не стал. Всегда есть люди, которые в совершенно пустом ресторанном зале подходят к единственному занятому столику.

Незванный гость положил на соседний стул мягкую велюровую шляпу, прислонил к подлокотнику массивную, инкрустированную серебряными бляшками трость, с немецкой методичностью выложил перед собой сигаретную пачку, золотую зажигалку, подвинул пепельницу. Коротко бросил возникшему за спиной кельнеру:

— Мне — коричневого мюнхенского...

Очевидно, тут его знали, потому что почти немедленно были поданы сразу две литровые фаянсовые кружки.

Незнакомец отхлебнул из ближней как-то хитровато, по-свойски, взглянул на сделавшего неприступное лицо русского офицера, явно не склонного к случайным знакомствам.

— Думаете, господин капитан, что они тут за хамы, эти аборигены. — Русский язык незнакомца был безупречен, только некоторая жесткость согласных звуков мешала.

— Отнюдь, уважаемый. В чужом монастыре... Кроме

того, у вас, возможно, есть причины. Тоска заела, жена ушла, в карты проигралась, а поделиться не с кем. Извольте. Раз так хорошо знаете язык, так и то знаете, что нет лучше объекта, которому можно поплакаться в жилетку, чем в меру интеллигентный русский человек. И тоже выпивающий в одиночку.

— Bravo, Вадим Петрович. Вы не только отважны, но и по-настоящему умны. Это облегчает...

— Что? — жестко спросил Ляхов, сразу вспомнив инструкции и советы корпусных контрразведчиков.

— Да нет, не вербовку, господин капитан. Мы же с вами действительно товарищи по оружию. С русскими мы играем в открытую. Я на самом деле сотрудник центрального аппарата «Зихергейстдинст»¹ и честно прошу вашего разрешения на приватную, в чем-то даже конфиденциальную беседу, пока вы оказались вне контроля моих коллег с вашей стороны.

— А что, для такой беседы есть основания?

— В том-то и дело, Вадим Петрович, в том-то и дело. Просто вы оказались в несколько необычной ситуации, и мы, зная кое-какие тонкости, хотим вам помочь, посоветовать и так далее.

«Вообще-то все вербовки так начинаются, что бы он там ни говорил, — подумал Ляхов, — но отчего бы и не поболтать? Ума хватит сообразить, когда начнется нечто нежелательное».

— А кстати, с кем имею честь?

— Майор Розенцвейг. Референт Восточного департамента. Специалист по вопросам контртерроризма.

— Странно, — сказал Ляхов. — С вашей внешностью и языком... Логичнее было бы заниматься Западом или Севером.

Розенцвейг засмеялся и махнул рукой.

— Не думаю, что в вашем Генштабе китайское направление ведут китайцы или калмыки.

С ним нельзя было не согласиться. Хотя сомнения остались.

¹ Служба безопасности (*игиш*).

— Итак, господин майор? А звать-то вас как? Вы меня знаете, я вас — нет.

— Можно — Григорий Львович. Вполне корректная транслитерация.

— Ну, говорите. Мы с вами в одинаковых чинах, поэтому можно без церемоний.

Розенцвейг посерьезнел.

— Я так понимаю, что ваше руководство пока еще не поставило вас в известность о ситуации, в которой вы оказались. Возможно, у них есть свои резоны, но скорее всего это обычная безалаберность. Или наплевательское отношение к всякого рода рискам. «Авось, небось да как-нибудь».

— Что за ситуация? По-моему, это я не далее как вчера ставил руководство в известность о том, что случилось на перевале. И доложил вполне исчерпывающе. О чем еще можно говорить? Все закончилось. Теперь лишь бы мой друг поскорее встал на ноги.

— Если бы так. Что вы с коллегой отважные офицеры и великолепные стрелки — бесспорно. Большого не смог бы сделать никто. Беда в том, что...

Израильский контрразведчик нервничал, теперь это стало ясно Ляхову. Например, огляделся он как-то слишком напряженно, будто опасаясь слежки. И немедленно это подтвердил словами:

— Вообще-то и сидеть нам с вами здесь не так уж безопасно. Впрочем, нас надежно прикрывают, да и времени прошло пока немного, день-другой в запасе, пожалуй, имеется. Но я бы на это не слишком рассчитывал.

«Цену он себе, что ли, набивает? — подумал Вадим. — Кого здесь вообще можно бояться, а главное — почему?»

— Ни вы, ни даже вся наша служба до последнего момента тоже не понимали смысла происшедшего, — продолжил майор, тоже закуривая. — Вроде бы тяжелая, но все же рядовая стычка пятидесятилетней необъявленной войны, одной из тех, что десятками идут по всему периметру цивилизованного мира. У нас покруче, конечно, но все же... Сколько мы таких караванов и разведгрупп уничтожаем чуть не каждый месяц. Однако сейчас не тот случай. Резонанс от него сразу возник невыносимый.

Розенцвейг уставился в переносицу Ляхова требовательно-вопрошающим взглядом.

— Вы там, кажется, подобрали какой-то сувенир?

— Это вы о чем? — изобразил непонимание Вадим.

— О сабле. Была там какая-нибудь сабля?

— А-а... Теперь понял. А в чем вопрос? Подобрал. Сама на глаза попалась. Какой-то старый фанатик таскал с собой по горам антикварную вещицу. На счастье, наверное, — он попытался сострить, но сразу понял, что выходит не то. — Ну, не бросать же. Не я, так другой взял бы. Те же летчики или из ваших кто. Нормальный трофей. Причем подобран на нейтральной территории. Ваше государство претензий иметь не может. Разве только наследники этого старика... Да и то вряд ли хоть один суд признает их права. — Он замолчал, понял, что словно бы оправдывается. А в чем? И, главное, перед кем?

Розенцвейг выставил вперед обе раскрытые ладони.

— Разумеется. Никто и не собирается оспаривать ваших прав. Хотя лучше бы вы оставили ее там, где увидели. Тогда одной проблемой было бы меньше. Для вас лично.

Делая после каждой фразы солидный глоток пива или же затягиваясь сигаретным дымом, майор поведал изумленному, а теперь уже и встревоженному Ляхову нечто, более уместное в сборнике рассказов Стивенсона или Конан Дойла, нежели в нормальной жизни.

Пресловутая сабля, по словам Розенцвейга, была не просто антикварным изделием средневековых оружейников, а неким талисманом, одновременно символом власти и святыней одной из исмаилитских сект, восходящей непосредственно к «скрытому имаму», легендарному потомку и правопреемнику самого Магомета. И слух о ее исчезновении уже разнесся по всем исмаилитским общинам Ближнего Востока, если не дальше.

— Так быстро? — наивно удивился Ляхов.

Майор приоткрыл в ироничной усмешке длинные желтоватые зубы.

— Если бы вчера утром было утеряно знамя вашего полка...

Вадим понял.

Не понял он другого — чего ради столь ценную реликвию потащили в горы, на рядовую да вдобавок плохо организованную акцию. Ей бы храниться под тремя замками в недоступной крепости.

— Вот именно, — согласился с ним Розенцвейг. — Мы тоже обратили на это внимание. Но факт есть факт. И теперь каждый исмаилит, а также многочисленные добровольцы других убеждений, желающие заработать, будут искать святотатца днем и ночью, здесь и до самого края света.

«Веселенькая перспектива, однако», — подумал Вадим, пока еще не осознавая полностью, чем это ему грозит. Но неприятный холодок уже скользнул по спине.

— Так, может, вернуть им ее с извинениями да и забыть об этом. Еще и вознаграждение получить, — бодрясь, хохотнул он.

— Можно было бы. Однако это уже не поможет. Преступление заключается уже в том, что рука неверного коснулась святыни. И должна быть отсечена с соответствующими ритуалами. Да и за смерть шейха кто-то ведь должен ответить? Мало того...

Майор пригубил вторую кружку, потом решительно отодвинул ее в сторону.

— Не хотелось бы вам об этом говорить, но летчики, которые вас вывезли, вчера вечером были похищены из своей казармы, а сегодня в пять утра их нашли. Увы, мертвыми. И со следами изощренных пыток.

Ляхова передернуло. И снова ему показалось, что слова майора он слышит уже во второй раз. Просто сразу он не сосредоточился, разморенный погодой и пивом.

— А по всей линии ваших постов вдоль границы, которыми командовал капитан Тарханов, идут непрерывные стычки. Такое впечатление, что они или прощупывают нашу оборону, или любой ценой хотят захватить пленных. Пока не удастся. Сегодня в пять утра все свободные части вашей бригады ушли им на помощь.

— А ваши? — жестко спросил Ляхов.

★ Может быть, оттого и Ларионов к нему не зашел. А что там с Брайдером и оставленными у него трофеями?

— Все-таки давайте продолжим беседу в другом месте, — предложил Розенцвейг, вставая.

— Бойтесь? — как можно небрежней спросил Ляхов. — Под не вам назначенную пулю попасть бойтесь?

— Не о пуле речь, пуля — это слишком просто. И быстро. Кроме того, здесь и сейчас, — он подчеркнул последнее слово, — непосредственная опасность нам не грозит. Просто в другом месте беседовать будет удобнее. Так пойдёмте?

Вадим подумал, что в данной ситуации вполне свободно можно оказаться в положении тех несчастных летчиков, которым он обязан жизнью, но выказать страх после вчерашнего как бы и недостойно. Жаль только, что даже табельного пистолета при нем нет.

— Да ради бога. Только покажите мне ваш документ, если есть. Так, для порядка.

Розенцвейг показал. Фотография и какая-то печать налицествовали, номер подразделения службы национальной безопасности ни о чем Ляхову не говорил.

Уходя, он машинально бросил взгляд на застывшие на рейде русские крейсера. «Неплохо бы, — подумал Вадим, — оказаться сейчас не здесь, а там, под защитой оливково-серой брони. Туда никакие исмаилиты не проберутся. А также джинны, иблисы и ифриты.

Черт знает что, мистический триллер в духе «Тысячи и одной ночи» на заре третьего тысячелетия».

— Вы уверены, что гибель летчиков напрямую связана с нашей историей? Нет ли тут другого повода и другой причины?

— Не был бы уверен, не говорил бы. Агентура у нас работает. Все именно в этой связи. Если бы вы приземлились на военном аэродроме, ребята прожили бы немного дольше. А так...

Среди персонала аэропорта у террористов агентов полно. Выяснили, что только этот вертолет садился на поле боя. Именно эти летчики — первые, кто с вами контактировал. Они же вас и привезли. На глазах у десятков

людей. К сожалению, мы пока не знаем, что именно они сказали под пыткой.

— А что они могли вообще сказать? Прилетели, подобрали, высадили на аэродроме. И отправились водку пить, как у летунов заведено. Зачем их было убивать? Они за стаканом без всякого принуждения рассказали бы все, что знали, и многое сверх того.

— Вы руководствуетесь логикой европейца, — усмехнулся майор. — Мы — люди восточные... — наткнулся на иронический взгляд Ляхова. — Да-да, это так, невзирая... В Европе наши предки жили три-четыре века, но тысячелетиями-то — здесь. И с арабами двоюродные братья. Мстить и они, и мы умеем. Так что летчикам скорее мстили, чем требовали информации. Я это лучше вас понимаю. Если надо, мы руководствуемся теми же эмоциями. Просто у нас организация лучше. Когда погибли наши спортсмены на Олимпиаде, мы потратили чуть не десять лет, чтобы выявить всех виновных, разыскать их и уничтожить. Последним — главаря банды. Он скрывался в Южной Америке. Не помогло. Ему оторвало голову, когда он снял трубку телефона в каракасском отеле. Настройтесь на нечто аналогичное. Вас будут искать и преследовать до конца. Желательно, конечно, до их конца, не до нашего с вами.

Вадиму стало не по себе, однако ответил твердо:

— Ничего, как-нибудь. Волков бояться...

— Смотрите сами. Мы вам, конечно, поможем, насколько в наших силах.

...Идти было недалеко. Два квартала вниз по круто спускающейся в сторону моря узкой зеленой улице, до крыльца изящного двухэтажного особняка за чугунной оградой, почти скрытого густыми кипарисами и неизвестными, терпко пахнущими вечнозелеными кустарниками.

Никакой вывески около дверей не было, однако наличие в вестибюле вооруженного пистолетом-пулеметом «галил» охранника говорило о том, что здание это официальное.

Охранник отдал честь майору в штатском и равнодушно скользнул взглядом по русскому офицеру в форме.

— Ваши люди плохо воспитаны, — намеренно громко сказал Ляхов по-немецки.

— Что с них взять, это штатские люди, хотя и при оружии. Военские уставы для них мало что значат.

В просторном кабинете на втором этаже, несмотря на открытую балконную дверь, держался стойкий запах табачного перегара. Курили здесь постоянно и свирепо.

— Присаживайтесь, Вадим Петрович. Еще пива? Увы, здесь только консервированное.

— Тогда не надо. Я вас слушаю.

— Перед тем, как посвятить вас в суть происшедшего и обсудить ситуацию, в которой все мы оказались, я попросил бы вас подробно, буквально по минутам рассказать мне все, что случилось вчера. С точки зрения вас и вашего товарища.

— Сто раз я уже это своим начальникам рассказывал, да и пилоты ваших «Алуэттов» все своими глазами видели. Надоело, знаете ли.

— Понимаю. Тогда, если не затруднит, — только самое начало. Как вы попали на перевал, как уничтожили передовую заставу и что вас подвигло не убраться оттуда побыстрее, а принять бой в не слишком выгодных для вас условиях.

— Условия как раз были самые выгодные. Даже две сотни человек мы держали... — Он хотел сказать, четыре часа, и тут же вспомнил про удивительный временной сбой. — Некоторое время. А если бы их было в пределах трех-четырех десятков, как вначале предположил Тарханов, — вообще делать нечего.

— Резонно. Но все же — ответьте на вопрос. — Майор водрузил на стол портативный магнитофон последней модели, пишущий не на нихромовую проволоку, а на коричневую пластиковую ленту. Поставил между собой и Вадимом грушевидный микрофон на гибкой ножке.

Стараясь быть точным в существенных деталях, но избегая всего, что касалось их с Тархановым личных взаимоотношений и разговоров, Ляхов восстановил события, начиная с момента, когда он услышал первые выстрелы и увидел съехавший в кювет вездеход Сергея. До

того, как на дорогу вытянулась гибкая змея колонны и заварушка началась.

— Вот и все.

— Благодарю вас. Вам не кажется странным, отчего дозор террористов первым открыл огонь?

— С самого начала показалось. Если они прикрывали проход столь мощного отряда, да еще и возглавляемого шейхом, или имамом, как там его, чего проще было пропустить одинокий вездеход. Или совсем неопытных парней в дозор послали, или им показалось, что русские их заметили.

— Вы не допускаете, что они знали, кто едет в машине, и решили его уничтожить сознательно? Капитан Тарханов в этих краях — человек известный, смерть командира самого боеспособного на участке подразделения многим на руку.

— Могло и так быть. Я в нравах и обычаях бандитов мало компетентен. Но склонен все же думать, что увидели легкую добычу, вот и не удержали пальцев на спусках. А возможно, и о том, что машина с крестами позади ползет, знали, решили медикаментами себя обеспечить. Вряд ли у них снабжение так уж хорошо поставлено.

— Аналитик вы прирожденный, Вадим Петрович. И все равно что-то не сходится. Ладно, не ваша это забота. А теперь скажите, кроме сабли, вы там ничего интересного не заметили?

Ляхов сразу понял, о чем спрашивает Розенцвейг. Но это уже не просто личный трофей, тут дела другого плана.

— Оружия много валялось. Ослы мертвые с выюками... Я, вы знаете, тогда контужен был и вообще несколько обалдевши. Сабля именно своей необычностью в глаза бросилась.

Вадиму показалось, что майор разочарован. Явно ждал другого ответа.

— А кстати, Вадим Петрович, оружие у вас есть? — спросил майор.

— Разумеется. — Ляхов машинально коснулся рукой того места, где должна была находиться кобура с наганом. Но там было пусто.

— Опрометчиво без пистолета на улицу выходить. Теперь — тем более. Не откажите — примите в подарок...

Розенцвейг извлек из ящика стола фиолетово-синий массивный пистолет непривычных очертаний.

— Возьмите. Марка «дезерт адлер». Производство ИВВ (Израиль Ваффен Верке), калибр 11,43, магазин на 16 патронов, конструкция очень надежная. И вот еще...

Ляхов посмотрел на желтоватую ребристую рукоятку пистолета (не иначе как слоновая кость). На ней — серебряная пластинка с интересной гравировкой. Он долго всматривался, пока его осенило, в чем дело. Русские буквы, стилизованные под еврейский квадратный шрифт, причем расположенные справа налево. Но читается, если сообразил, свободно.

«Нашему другу».

— Шутники вы здесь, — скривил губы Ляхов. — Но за подарок спасибо.

Он отщелкнул магазин, доверху набитый толстыми золотистыми патронами, привычно проверил, не остался ли один в патроннике, только потом прикинул, как пистолет лежит в руке и насколько удобно ходит спуск.

— Еще раз спасибо. Люблю хорошее оружие.

— Мы догадываемся. Надеюсь, если придется пользоваться, вы распорядитесь им правильно. Кроме того, в определенных ситуациях дарственная табличка может служить... — Розенцвейг задумался в поисках слова. — Ах да, пайцзой, так это называлось во времена татаро-монгольского ига. Увидите нашего человека, покажите ему. Многие проблемы тут же будут сняты.

— Какому — вашему?

— Ну, любому официальному представителю Израиля в России, от посла до советника по торговле, офицеру званием выше капитана.

— Даже так?

— Именно так.

Ляхову стало несколько даже и не по себе.

Почувствовалось в словах, манере поведения израильского контрразведчика нечто совсем чуждое при всей его европейскости и безупречном русском языке, нечто

намекающее на принадлежность к другой цивилизации, пусть и дружественной, но непривычной.

— Возьмите и это, — майор протянул ему аккуратную, несмотря на размер, кобуру отлично выделанной бледно-шоколадной кожи. В продолговатом кармане, пришитом не так, как обычно, а на переднем ее торце, лежала запасная обойма.

Вадим прицепил кобуру к ремню, вложил пистолет на место.

— Выпить ничего не хотите?

— Да вроде нет. Мне вообще-то идти надо. Я ж на службе. Если других команд не поступит, нужно возвращаться в часть. И больные у меня в лазарете, и вообще.

— Никуда вам теперь не нужно возвращаться. Скоро должен подъехать ваш сослуживец, он объяснит, что следует.

И неожиданно отвлекся от темы.

— Интересный все же русский язык. «Да вроде нет». На другом так не скажешь. И с русского на другой дословно не переведешь. В этом мы с вами похожи. Наверное, две самые парадоксальные нации на земле. Но — по-разному.

Однако лингвистические и этнографические изыскания Розенцвейга Вадима сейчас не интересовали.

— Что за сослуживец?

— Увидите. Мой коллега и партнер. Договорились, что сначала я с вами познакомлюсь, а он какие-то свои дела сделает и присоединится. Так что вполне можно по рюмочке выпить и слегка расслабиться.

Ляхову пришлось согласиться.

За разбавленным зельтерской водой виски разговор коснулся более насущной для Вадима темы.

— Вообще, на мой взгляд, какое-то время вам имело бы смысл задержаться в Израиле. У нас великолепно отработана методика защиты ценных для нас людей. И уж здесь-то вас, сменившего имя и внешность, искать будут в последнюю очередь.

— Да о чем вы? Какой из меня еврей? И страна уж больно маленькая. Может, я лучше вон на флот переведусь? На Тихоокеанский. Саблю повешу на ковер в каюте

крейсера или авианосца. Небось там не достанут, — Вадим вроде как шутил, но сама по себе мысль о том, что злобные фанатики действительно будут годами искать его по всему миру, чтобы убить, предварительно подвергнув мучительным пыткам, запала ему в душу и оптимизма не прибавляла.

— Вам виднее. Думаю, мы все это обсудим. В любом случае на нашу неограниченную помощь можете рассчитывать.

Затем коснулись и гораздо более общих вопросов. Майор сообщил, что еврейские аналитики (не только израильские, а вообще) давно задумываются о судьбах мира, о грядущем изменении расклада сил и исторического процесса. В частности, они предполагают, что в недалеком будущем возможен, пожалуй, даже неизбежен конфликт между Россией и ее западными союзниками. Поскольку даже восьмидесятилетний мир и тесные «дружеские» отношения не отменяют геополитики.

Англия втайне все равно мечтает вытеснить Россию с Ближнего Востока и проливов, Германия не забывает о Прибалтике и русской части Польши, Америка и Япония недовольны русской морской активностью на Тихом океане. И это — невзирая на то, что все представители «европейской цивилизации» как бы находятся в одной лодке.

И чем дольше длится противоестественный мир, тем опаснее будет срыв. Достаточно двух причин — или серьезного междоцивилизационного конфликта, или, наоборот, приведения к покорности всех врагов на границах Периметра.

— Куда ни кинь, везде клин?

— Примерно так. У нас богатый исторический опыт, и мы нутром чувствуем грядущие катаклизмы.

— А я-то тут при чем? — искренне удивился Ляхов.

— Мы очень не любим катаклизмов, которые, как правило, не сулят нам ничего хорошего. Ну и подстилаем соломку, где можем. В данном случае (события-то произойдут явно не завтра) желаем иметь в России достаточное количество друзей, которые смогут обеспечить защиту наших интересов при любом развитии событий.

Мы сознательно связываем судьбу своего государства (хотя вслух об этом стараемся не говорить) именно с Россией, а не с Германией и не с англосаксами. И в случае чего желаем иметь гарантии, что Россия нас не предаст и не бросит ради временных, ложно понятых требований момента.

— Да я-то тут при чем, скромный военврач?

— Ну, теперь уже не такой и скромный. Перспективы у вас хорошие. А кем вы станете через год, пять, десять лет, кто знает?

— «Пятую колонну» вербуете?

— Да что за глупости? «Пятая колонна» — это стратегический резерв в тылу врага на случай войны, а уж мы-то с вами воевать никогда не будем. Скорее уж не «пятая колонна», а запасной парашют. Звучит пока невероятно, но кто знает будущее, вдруг нам в один далеко не прекрасный момент придется осуществить так называемую обратную амбаркацию. Понимаете, о чем я?

— Бойтесь, что арабы, турки, персы и прочие смогут рано или поздно опрокинуть вас в море?

— В обозримой перспективе — не боюсь. При условии, что вектор истории останется неизменным. А если нет? Кто мог в начале 1913 года вообразить грядущую мировую войну, в 1930-м — возникновение Тихоокеанского союза, в 1935-м — возрождение еврейского государства? Однако это случилось.

Ляхов не считал себя компетентным в вопросах истории, тем более — геополитики. Розенцвейгу с Тархановым бы поговорить.

А майор продолжал:

— Мы вам, как я сказал, гарантируем всю возможную помощь и защиту от общих врагов, поддержку со стороны уже имеющихся друзей, а взамен, когда (и если) придет время, рассчитываем на аналогичную лояльность.

— На мою личную благодарность и дружеские чувства вы, безусловно, можете рассчитывать. Говорить же о чем-то ином... Простите, но я не пророк. Не тревожьтесь о дне грядущем, грядущий день сам позаботится о себе, каждому дню достанет своей заботы. Так, кажется, в Библии сказано?

— Не в Библии, а в Новом Завете, который мы не признаем и не читаем. Разве что по делам службы.

К счастью, чересчур уж утомительный для Вадима разговор прервало появление ранее упомянутого персонажа. Им оказался абсолютно стандартного вида подполковник в оливковой повседневной форме с погонами административно-финансовой службы и ленточками нескольких малозначительных медалей над клапаном левого кармана.

«Даже орденочка ни единого не выслужил», — автоматически подумал Ляхов и только секундой позже сообразил, что данный человек отнюдь не соответствует своим знакам различия и отличия.

Подполковник назвался Чекменевым Игорем Викторовичем, сообщил, что он по своей должности ни о чем более не тщится, как о том, чтобы обеспечить вверенных его попечению офицеров максимальными удобствами как в материальном, так и в духовном плане.

— В духовном — это как? — осведомился Ляхов.

— А вы на досуге Салтыкова-Щедрина почитайте, глядишь, и отучитесь задавать не слишком уместные вопросы. Иначе вы меня разочаруете, Вадим Петрович, совершенно искренне вам говорю.

— Вот чего я никогда не понимал, — с наслаждением произнес Ляхов, — как это нормальный человек в романтическом возрасте может добровольно поступить в интендантское училище? Особенно если слышал слова фельдмаршала Суворова, что любого интенданта через пять лет службы можно спокойно вешать без суда.

— Да и вы-то не особенно о себе воображайте, Вадим Петрович, — не остался в долгу Чекменев. — Нормальному человеку так же странна ваша идея поступить на факультет, где приходится трупы резать и в чужих кишках, чтобы не сказать худшего, копать. Так что не будем друг перед другом чваниться, а поговорим серьезно. Господин майор на самом деле наш верный союзник и соратник, поэтому можете при нем не стесняться. Ну-ка, напрягите память. Насчет того, что на поле боя могло привлечь ваше внимание.

— Сейчас, сейчас. — Ляхов сообразил, что с этим че-

ловеком изображать амнезию не стоит. Тем более что или уже знает, или в ближайшее время узнает о том, что хранится в шкафу у Брайдера. — Что-то такое припоминаю. Нечто похожее на армейский термос? Он лежал рядом с мертвым шейхом. И еще двумя боевиками, которые показались мне... не из той компании.

Мундиры на них были какие-то странные, новенькие, неизвестного мне образца. И лица... Эти люди явно другие, чем основная масса грязных и вшивых дикарей. Я еще удивился: неужели в разгар боя они собрались пообедать? Или это был не термос?

Майор отчего-то глубоко вздохнул, прихватил зубами из пачки очередную сигарету.

— И где же он?

Вадим ответил где.

— Зачем вы его взяли с собой?

— Черт его знает. Я же говорю — контузия. Кроме того, мне показалось, что это не совсем термос. Там через дырку виднелось нечто радиоэлектронное. Подумал — рация. Или система спутниковой навигации. Вдруг пригодится. А что?

— Ничего особенного. — Чекменев усмехнулся кривовато, встал, застегивая верхнюю пуговицу кителя. — Вы знаете, что такое нейтронная бомба?

— Разумеется. Я же все-таки военврач, а не бухгалтер.

Опять получился вроде бы намек.

— Не любите бухгалтеров?

— Отчего вдруг? Работа не хуже всякой другой. Просто постарался назвать профессию, наиболее далекую от темы. А что вы все к словам цепляетесь? Решили говорить, так говорите. Не хотите — не надо.

— Я скоро вернусь, а вы пока еще с Григорием Львовичем пообщайтесь.

Ляхов сообразил, что дела неважные. Это что же, он нейтронную бомбу с пробитым корпусом на плече таскал? Во рту сразу пересохло. Да нет, ерунда. И по весу непохоже, и, если бы защитная оболочка вскрылась, он бы еще ночью от лучевой загибаться начал.

— Ну и, уважаемый Григорий Львович, при чем тут бомба?

— Да вы не расстраивайтесь, — понял его мысль Розенцвейг. — Это пока только рабочая гипотеза. Короче, по оперативным данным, наши «друзья» тащили в своем караване что-то, по описанию крайне похожее на означенную бомбу. Некое устройство, способное уничтожить огромное количество людей. При этом якобы без особых разрушений. Естественно, что мы подумали... Если вдруг правда... Ума не приложу, где они ее взяли. Мало, что она стоит чертову уйму миллионов, так ведь каждая из тех, что имеется в немногих, владеющих тайной этого оружия, странах, на строжайшем учете и под надежной охраной.

— На заказ сделали? — предположил Ляхов.

— Разберемся, непременно разберемся. Лично я думаю, что это скорее грандиозный блеф. А с другой стороны... Понятным становится остервенение, с которым они рвались вперед. Если все сплошь смертники.

И вы с капитаном сумели их удержать!

— Угу, — не нашел более подходящего к случаю слова Вадим.

Чекменев вернулся даже раньше, чем через час. И выглядел теперь гораздо веселее, чем раньше.

— Кажется, обошлось, — сообщил он, усаживаясь на прежнее место. — Теперь можно и водочки выпить. Праздник все-таки, вы не забыли? Ваш трофей и прочее имущество я привез, в машине лежат. А что там в этом контейнере, кому надо — разберутся. Но уж точно — ничего ядерного и термоядерного. Радиация — в пределах естественного фона. Можете спать спокойно.

А чтобы совсем спокойно — поживете пока здесь. Под надежной защитой наших друзей. А я определюсь, что с вами дальше делать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тарханов открыл глаза. Спалось ему хорошо, даже снилось что-то приятное, однако вспомнить содержание сна он не смог, хотя ощущалось, что вот только что, за секунду до пробуждения все было отчетливо и понятно.

Очевидно, вчерашний врач, сохранивший манеры российского земского врача, пожилой еврей, вместе с необходимыми лекарствами ввел ему какой-то мягкий транквилизатор.

В нижний угол окна заглядывало утреннее солнце. Исходя из того, что больничная палата находилась на четвертом этаже, сейчас около восьми утра. Сергей нащарил на прикроватной тумбочке часы. Так и есть, восемь часов десять минут.

Можно попытаться заснуть еще раз, поскольку делать все равно нечего. Голова у капитана забинтована так, что ни умыться, ни побриться. Читать одним глазом неудобно, телевизор или приемник ему пока что не принесли, поскольку он вроде как считается тяжелораненым.

Зато палату отвели хорошую. Туалет индивидуальный, душ, кондиционер, бактерицидные лампы вдоль потолочных карнизов. Нечто среднее между номером в классном отеле и тюремной камерой. Поскольку хоть и нет решеток на окне, но стекла армированные, пуленепробиваемые, и на прогулки не выпускают, не то чтобы на улицу, но даже и в коридор, хотя чувствует капитан себя вполне нормально. Первые три дня и вправду было плоховато, голова болела и кружилась, почти все время тошнило, а потом уже и ничего.

Ну, контузия небольшая, сотрясение мозга, лоб и щеку поцарапало, спину немножко. Врач говорил, глаз чуть не выбило, так не выбило же, повязку обещал через пару дней снять. А в остальном — и не такое бывало, только не держали Тарханова взаперти отечественные медики в санбатах и госпиталях.

Чувствуешь себя в силах передвигаться, ну и пожалуйста, делай что захочется от подъема до отбоя.

А тут порядки другие. Израильские. Наверное, евреи как привыкли к собственному здоровью с большим пиететом относиться, так и на русского союзника этот обычай распространяют. Лежи, мол, реб Сергей, пока оберштабсарцт¹ не сочтет тебя абсолютно здоровым.

¹ Чин старшего военврача в немецкой и израильской армиях, примерно соответствует подполковнику.

А вот почему его в госпиталь определили не в свой, а израильский, и на вопросы, кроме чисто медицинских, не отвечают, и вроде даже охранника за дверью поставили, которую держат запертой, Тарханов пока не разобрался. В бригаде медсанбат есть, а в Хайфе вообще на ВМБ¹ очень приличный, по слухам, российский госпиталь. Однако привезли сюда и держат в изоляции. Непонятно.

Похоже, влетел ты, господин капитан, в непростую историю. Связанную, безусловно, с боем в ущелье. Что-то, видать, не так они с «додиком»² сделали. Может, тех орлов как раз нужно было пропустить без шума, а они проявили неуместную инициативу. Может, никакие это не террористы были, а израильские рейнджеры, возвращавшиеся из рейда? Только в таком случае какого ж хрена первыми стрелять начали по союзникам?

Ну да ладно, объяснят рано или поздно.

Тарханов не любил забивать себе голову пустыми измышлениями. Вот когда появится конкретная информация, тогда и будем думать, как себя вести и что говорить. Причем обязательно — в присутствии представителя корпусного начальства.

Незаметно он снова задремал и в очередной раз проснулся от звука поворачиваемого в замке ключа.

Вошли двое, в халатах медицинских, зеленовато-голубых, и один из них, что помоложе, точно русский. Не только оттого, что форменные армейские брюки из-под халата выглядывают, а весь облик у него отечественный. Второй, лет сорока пяти — из местных. Судя по золотым очкам, наверное, врач.

— Здравствуйте, Сергей Васильевич, — улыбнулся русский, — не потревожили? Нормально себя чувствуете, поговорить согласны? А то мы можем и попозже.

— Чего уж там. Заходите, располагайтесь. Тут у них от тоски сдохнуть можно, в общей палате куда веселее. С кем имею честь?

— Подполковник Чекменев к вашим услугам. Игорь

¹ Военно-морская база.

² Жаргонное обозначение врачей в Экспедиционном корпусе.

Викторович. Чтобы не темнить — первый товарищ¹ военного атташе. А это — майор израильской СД Розенцвейг Григорий Львович.

«Все ты правильно угадал, господин капитан, «первый» как раз и ведает разведкой и контрразведкой», — подумал Тарханов, но половиной лица и зрячим глазом изобразил удивление.

— А я, признаться, считал, что наш случай скорее в компетенции разведотдела штаба корпуса. Но все равно рад. В чем проблема?

Чекменев с Розенцвейгом расположились на стульях перед кроватью, подполковник вытащил из внутреннего кармана обтянутую кожей плоскую фляжку грамм на двести.

— Не желаете для настроения?

Израильский майор выложил на тумбочку два крупных местных мандарина в ноздреватой малиновой кожуре, которые тут же и очистил.

— Можно глоточек за знакомство, — не стал жеманиться Тарханов. Крышка фляжки вмещала ровно пятьдесят грамм. Гости, демонстрируя военную выучку, тоже махнули по дозе, не закусывая.

— Повезло вам, господин капитан, еще бы чуть-чуть, и беседовать нам с вами не пришлось, — заметил Чекменев, деликатно выдохнув в сторону. — И пили бы совсем по другому поводу.

— Что за разговор. На войне всегда чуть-чуть, только иной раз это более наглядно, как у меня сейчас, а в другом случае свистнет пуля мимо уха, а ты и не заметишь. Или прямо по mine проедешь, а у нее взрыватель отчего-то не сработает.

— И так бывает, — согласился Чекменев. — И все же у вас на тот свет прогуляться куда больше шансов было, чем в среднем по статистике. Однако все это лирика, а мы с вами намерены побеседовать о вещах прозаических. Как я понимаю, вас вырубило минут за пять до конца боя и о дальнейшем вы ничего не знаете?

¹ Товарищ — заместитель (русск. устар.).

Тарханов понял, что начинается допрос, хотя и без протокола, и настроился соответственно.

— Я и о том, когда конкретно меня стукнуло, понятия не имею. Последнее, что помню, в очередной раз атака захлебнулась, снова ударили минометы. Я еще успел подумать, что надо бы словчиться до патронного ящика добраться, а то лента хвост показала, и сразу темнота. Очнулся уже в госпитале, когда меня на операционный стол клали, и тут же снова от наркоза вырубился. — Помолчал немного и, словно раскрывая большой секрет, сказал доверительно: — Так что теперь точно знаю — умирать совсем не страшно. Если бы не очнулся, и не знал, что уже того...

К теме неожиданно проявил интерес Розенцвейг.

— Так, может быть, это именно оттого, что вам все-таки предназначалось очнуться? А в противном случае ощущения могли быть совсем другими?

— Да, этого я не учел, — согласился Тарханов. — Вполне могло быть, что раз — и ты уже на мандатной комиссии у ворот ада. С соответствующими эмоциями. А может, и рая, ежели сочли достойным. Поскольку живот за отечество положил и за други своя.

— Увы, по нашим представлениям рай нельзя заслужить одним героическим поступком, если не соблюдали законы Моисея всю предыдущую жизнь. Так что тут вы в более выигрышном положении.

— Что-то вы, господа, не о том заговорили, — прервал завязывающуюся дискуссию Чекменев. — Это уже богословские мотивы какие-то. Учитывая разницу в наших религиях, вряд ли придете к согласию. Давайте о земном и суетном.

И подполковник начал с помощью Тарханова буквально по минутам разбирать завязку и ход боя. Скорее всего, как догадался Сергей, чтобы сверить его версию с тем, что удалось выяснить от доктора. Отвечал капитан четко, но скупой, избегая эмоций и личных оценок. Только факты и чисто военная суть дела.

Заняло это минут тридцать, ситуацию проиграли со всей возможной полнотой.

— Что ж, с профессиональной точки зрения вы действовали совершенно безупречно. Но неужели в предыдущие дни вы не имели никакой развединформации о возможности прорыва столь крупной банды? Никаких косвенных признаков? Вы же специалист, и это ваша зона ответственности, — поинтересовался израильтянин.

— Строго говоря, это совсем не моя зона, — возразил Тарханов. — Граница проходит как раз по дороге. Противник все время находился на территории, контролируемой французами. С них и спрашивайте.

И все трое, не сговариваясь, заулыбались. Отношения с французским командованием складывались издавна напряженные. Вроде как французы за шестьдесят лет так и не смирились с тем, что их подмандатные территории стали самостоятельными государствами, а русские с немцами, не имея на то никаких исторических прав, завели себе нечто вроде доминиона там, где еще тысячу лет назад французские бароны и герцоги строили свои замки.

А те из «лягушатников», кому наплевать было на древнюю историю и геополитику, просто завидовали, что русские батальоны охраняют благодатный прибрежный район, а им приходится сидеть в скучных горах.

Но профессиональный разбор боя был всего лишь преамбулой, и Тарханов это понимал. Не мог только сообразить, пора ли задать прямой вопрос или подождать, когда все объяснится само собой.

Дождлся.

— В общем, вы человек военный, хватит нам ходить вокруг да около, — решительно подвел черту Чекменев. — Никто к вам, разумеется, претензий не имеет, хотя поначалу пришлось вашему напарнику пережить несколько неприятных часов, когда армейские дуболомы к нему привязались с совершенно дурацкими претензиями. Но потом все стало на свои места.

— Все стало или все стали? — попытался сострить Тарханов.

— И то и другое, — улыбнулся Чекменев. — И в конечном итоге, я думаю, вы будете награждены по полной программе, сообразно заслугам и несколько более того.

Но дело оказалось уж больно щекотливым. Не просто так эти ребята через перевал дуром ломились.

— Ясно, что не просто, две сотни стволов легкого оружия, крупнокалиберный пулемет и не меньше батареи минометов. Был бы еще тот шорох, если бы они успели к побережью прорваться, — вставил Сергей.

— Если бы только это, — с сомнением сказал Чекменев. — Вот вы, по-настоящему военный человек, не то что мы, чем можете объяснить небылую настойчивость, я бы сказал — самоубийственную настойчивость?

— Пожалуй — могу. С той или иной степенью достоверности. Прежде всего — у них был категорический приказ любой, именно любой ценой прорваться на оперативный простор, а убедительность этого приказа подчеркивалась наличием за спиной некоей разновидности заградотряда. Ну, того типа, что использовались большевиками во время Гражданской войны.

— Так, допустим, хотя признаков наличия подобного мы не обнаружили.

— Не обязательно, чтобы заградотряд существовал физически. Его роль вполне могло сыграть обещание сварить всех трусивших в кипящем масле. Или посадить голыми в муравейник. А второй вариант... — Тарханов замаялся.

— Да говорите, говорите, как бы невероятно это ни звучало. Нам сейчас нужны все гипотезы, — подбодрил его Розенцвейг.

— Ну, слушайте. Я тут, пока лежу, только об этом и думаю, поскольку делать больше нечего. Понимаете, пытаясь поставить себя на место их командира (на место рядовых себя ставить бессмысленно), я все время старался вообразить, ради чего я бы гнал своих людей в бой, не считаясь с потерями, хотя вполне свободно мог оставить здесь заслон, а с главными силами отступить и прорваться в любом другом подходящем месте. Вы на карту смотрели?

— Вообще — да, — ответил Чекменев, — а конкретнее?

— Конкретнее? Любое другое подходящее место находится не ближе двадцати километров от этого. С уче-

том скорости передвижения колонны в горах это лишние шесть-семь часов. А вдруг у них не было именно этого времени? Что, если им нужно было пробиться раньше? Хотя бы десятой частью первоначального состава, но раньше?

— Гениально! — не сдержал эмоций Розенцвейг. — А зачем бы это могло быть нужно?

— Увы, не знаю. Но причина должна быть крайне веской. Как, допустим, жизненно важное рандеву кого-то с кем-то. Или — тикающий взрыватель часовой мины.

— Гениально, — повторил майор. — И при этом вы всего лишь капитан. Не умеет ваше руководство ценить людей, — сообщил он Чекменеву. — У нас бы Сергей Васильевич давно бы стал полковником.

В общем, так. Вы почти угадали. И мина у них была, и час «Ч» назначен. Грандиозный взрыв в Тель-Авиве или Хайфе, который, по некоторым данным, должен был послужить сигналом к вторжению регулярных армий сопредельных государств.

Тарханов не удержался, удивился матерно.

— Сначала мы думали, что речь идет о ядерной микробомбе. Потом это предположение отпало, поскольку ваш напарник, капитан Ляхов, случайно обнаружил это устройство и прихватил его с собой...

— Молодец! Не только стрелять умеет...

— Бесспорно, молодец. Доставил «артефакт» нам, специалисты на него посмотрели и зашли в тупик. Если считать его оружием, то принцип действия совершенно непонятен.

— Как такое может быть? — не понял Тарханов. — Если оружие — так оружие, а если нет — нет. Взрывчатка, простая или ядерная, соответствующие устройства ее инициации, поражающие элементы. Даже я в состоянии разобраться, а уж инженеры-пиротехники...

Мне это напоминает фразу из одного романа: «В комнату вошел человек в форме полковника неизвестной армии». Да, и еще. Вы что же, ни одного боевика живьем не взяли? Когда меня стукнуло, их там еще хватало. Или Ляхов до прибытия подмоги в одиночку остальных перебил?

— Кое-кого взяли. Только никто ничего не знает. Темный народ. Или специалисты действительно выбиты, или цель каравана — только транспортировка, а получатели сидят где-то в другом месте.

А насчет разобраться? Если бы все было так просто. В том-то и дело. Но мы не на теоретическом семинаре. — Чекменев сделал рукой отсекающий жест. — Суть в другом. Почему, собственно, мы с вами и говорим. Руководители или вдохновители террористов возлагали на эту штуку такие надежды, что вы с Ляховым объявлены кровными врагами всех правоверных и наказание вам одно. Соответствующая фетва, или, по-нашему говоря, постановление высшего духовного авторитета, уже издано.

— Быстро работают, — только и сказал Тарханов. В том, что их фамилии стали известны, ничего удивительного не было. Любой местный житель приграничной полосы знал его в лицо, а уж соответствующие службы террористов наверняка располагали и более детальной информацией. А как умеют болтать у нас в войсках и штабах, ему рассказывать не надо. Не исключено, что какой-нибудь бойкий журналист уже и статейку накатал с приложением фотографий.

— Поэтому вам, Сергей Васильевич, самое время умереть, — с совершенно серьезным видом сообщил Розенцвейг. Подождал, какотреагирует капитан, не увидел ответной реакции и закончил: — Разумеется, с последующей реинкарнацией.

— Вы так серьезно к этому относитесь? Не проще заменить куда-нибудь в отдаленный гарнизон России? Кто меня будет искать в Петрозаводске, Вологде или Хабаровске? Да и зачем? Что пристрелить меня они не прочь — никаких сомнений. Если на мушку попаду. Но объявлять всероссийский розыск? Вот вашим коллегам здесь остерегаться надо.

— Это уже наша проблема, — успокоил его Розенцвейг. — А мстительность арабов, или, может, не только арабов, недооценивать не надо. Если они что задумали, десять лет искать будут. Тем более не только в бомбе дело. Вы там заодно ухитрились весьма уважаемого шейха

шлепнуть, который с караваном шел. И священный предмет, при нем находившийся, исчез. Они это все на вас повесили, так что мстить намерены всерьез и основательно.

— Да, дела, — обреченно вздохнул капитан. В отличие от романтично настроенного Ляхова перспектива начинать новую жизнь под другим именем и с другой биографией его отнюдь не прельщала. Слишком много вопросов практического характера возникало сразу. — Впрочем, новобранцы Иностранного легиона до сих пор поступают именно таким образом. И ничего. Пока буду лежать, обдумая и суть, и детали.

— Само собой. Неделька у вас еще есть, как говорят врачи. Заодно и мы понаблюдаем, не проявит ли кто повышенный интерес к этому госпиталю.

Когда гости собрались уходить, Сергей попросил Чекменева устроить ему встречу с Ляховым.

— Хотелось бы напоследок повидаться с парнем. Сказать ему несколько слов, вроде как политическое заветование. Вы же и ему «переселение душ» намечаете?

— В принципе, это можно устроить. Вообще-то он на днях должен улететь на родину, «в очередной отпуск», но я ему передам вашу просьбу. Он уже и сам просил о свидании, но тогда врачи не рекомендовали. Только уж я попрошу — никаких разговоров о вашей будущей «смерти».

— Хотите, чтобы это было для него сюрпризом? — неловко пошутил Тарханов.

— Отнюдь. Обычная предосторожность. Каждый должен знать ровно столько, сколько требуют обстоятельства. Мало ли что может случиться, попадет он, не дай бог, в руки неприятеля, под пытками или наркотиком выдаст, что вы живы. Вам лишний риск, нам лишние хлопоты. Может, в дальнейшем, когда слегка утрясется, вы с ним еще и встретитесь.

— Ладно, вам виднее. А вы не можете вернуть мне мой пистолет?

Просьба контрразведчиков не удивила.

— Ваш — вряд ли. По-моему, он остался в медпункте авиаполка. Вместе с документами, согласно правилам, — ответил Чекменев.

А Розенцвейг продолжил:

— Возьмите вот этот. В подарок, — и протянул ему такой же, как раньше Ляхову, «дезерт адлер». — Хочу надеяться, что здесь он вам не пригодится, охраняем мы вас хорошо.

Гости ушли. Капитан немного повозился с новой игрушкой, изучая конструкцию, разобрал и собрал пистолет. Потом поставил на предохранитель и сунул под подушку. Так оно спокойнее будет.

Тарханов лег на широкую, тоже более подходящую для приличного отеля, чем для больничной палаты, кровать, заложил за голову руки. Отсюда в окне было видно только небо. Справа на его голубизну напознала серая клочковатая туча. Все ж таки январь на улице, и, возможно, скоро тучи сомкнутся и на землю, на море, на город польется холодный дождь, а то и снег.

Настроение у него было неопределенное. Непривычно было оказаться в положении героя шпионских боевиков. Все-таки это несколько разные вещи — служить в армии, учитывая, что при случае можешь поймать свою пулю, и жить, зная, что некто охотится именно за тобой, остро желая убить не абстрактного человека, одетого в военную форму, а конкретного и единственного Сергея Тарханова.

Но, с другой стороны, велика ли разница? В то, что убийцы будут идти за ним по пятам, гоняться за ним по городам, странам и континентам и месяц, и год, и больше, тоже не очень верилось.

Хотя кто их знает, азиатов.

Ну, что же, попробуем, как себя нелегалы чувствуют. Своя прелесть и здесь имеется — начать новую жизнь, попытаться стать другим человеком, не тем, кем стал за тридцать лет естественного развития, а, может быть, таким, каким ему иногда воображалось.

Избавиться от гнета собственного имени, биографии, всего, так сказать, груза прошлых ошибок.

И он начал придумывать себе новое имя и биографию.

Заодно придумал и кое-что еще.

...Следующий раз он встретился с неразлучной парой контрразведчиков через пять дней, когда ему, наконец, сняли повязки с головы и глаза. Зрение восстановилось полностью, но лоб и бровь пересекал свежий розовый шрам, захватывающий и край скулы.

В принципе, ничего страшного, солдата шрамы не портят, тем более что хирург сказал, что через месяц-другой можно сделать косметическую операцию.

Несколько другое мнение высказал Розенцвейг.

— А знаете, так даже лучше, — осмотрел он Тарханова взглядом профессионального театрального гримера. — Если вам отпустить усы скобочкой и небольшую бородку вот так, — он показал, как именно, от уха по краю нижней челюсти к подбородку, — то вы станете почти неузнаваемым. По крайней мере, человек, лично вас не знающий, по фотографии опознать не сможет.

— Вы все же продолжаете настаивать на реальности угрозы?

— Разумеется, — ответил Чекменев. — Более того, есть данные, что кое-какие меры по вашему розыску противник уже предпринимает. Так что нам следует поторопиться. Думаю, что сегодня-завтра вы неожиданно для врачей скоропостижно скончаетесь.

Тромбозмболия. От нее практически нет спасения. Как обойтись без присутствия на похоронах ваших сослуживцев, мы придумали. Тем более что большинство из них слишком занято на границах.

Похоронят на местном военном кладбище, поскольку близких родственников у вас в России нет, а вы под новым именем вылетите... Куда бы вам вылететь? — задумался разведчик. — Предложения есть?

Вопрос был вроде бы к Тарханову, но снова вступил Розенцвейг.

— Мы уже подумали. Сергей Васильевич вылетит с израильским паспортом из Тель-Авива беспосадочным спецрейсом в Нью-Йорк. На этом самолете летит наша торгово-промышленная делегация, так что присутствие на борту нежелательных лиц исключается. Там получите в нашем представительстве новые документы и возвратитесь в Россию. Таким образом, как у вас говорят, обру-

бим концы вчистую. А дальше уже как ваши товарищи решат. Устраивает?

— Вполне. Хоть мир посмотрю.

— Тогда — до скорого свидания.

Но у Тарханова были еще и кое-какие собственные соображения.

Только говорить о них имело смысл с глазу на глаз с Чекменевым. Розенцвейг оказывался третьим лишним.

Сергей выбрал момент и незаметно сунул подполковнику скрученную в трубочку записку с просьбой сегодня же навестить его еще раз, но теперь в одиночку.

А потом повалился на постель, поскольку делать все равно больше было нечего.

Ожидая, когда вновь появится Чекменев, Сергей ощутил наплывающую полудрему. Очевидно, так подействовал коньяк в сочетании с теми лекарствами, которые давали врачи. Поначалу чувство было приятным.

Как всякий военный человек, Тарханов не упускал возможности поспать лишние час-другой, впрок.

А тут вдруг в сознание вкралась непонятная тревога. Вначале он подумал, что так на него повлиял разговор с контрразведчиками, но тут же отогнал эту мысль. Опасность пока еще далекая, да и вообще проблематичная, его не пугала.

Скорее состояние походило на то, что бывает в момент пробуждения после хорошо проведенного вечера. Ляхов как-то объяснил, что называется это «адреналиновой тоской», чисто биохимическая реакция организма, никакого отношения к реальному положению дел не имеющая.

Но сейчас причина все же была. С момента, когда Тарханов пришел в себя в палате госпиталя, ему не давало покоя ощущение некоторой «неправильности» происходящего. Только никак не удавалось сообразить, в чем именно заключалась неправильность.

Он все думал, думал, вертел ситуацию так и этак. Но, очевидно, теснящаяся в подкорке информация никак не могла преодолеть барьер между сознанием и подсознанием.

Для простоты предположил — дело как раз в том, что он остался в живых на перевале. Не должен был, а остался.

И вот его организм, осознавший неизбежность смерти и подготовившийся к ней, теперь не может перестроиться обратно. Вроде как человек, выдохнув воздух, зажмурившись, опрокидывает стакан чистого спирта, а в нем — вода.

Говорят, иногда от такого шока чуть ли не умирали.

Ну, ничего, у него закалка покрепче.

Слегка удивившись, что подобная ерунда вдруг полезла в голову — отвлеченным идеям он всегда был чужд, — Тарханов переключился на более реальную проблему, чем рефлексии по поводу несостоявшейся гибели.

Как уютно, но роль пассивной жертвы, скрывающейся от возмездия террористов под чужой личиной, его совершенно не устраивает. Да и чем он станет занимать-ся на гражданке? А где же еще?

Нормально служить в строевых частях под чужим именем и с чужой биографией в соответствующей образованию и опыту должности все равно не получится.

Это только в военное время (да и то чаще в книжках и фильмах) вражеский разведчик на несколько дней может с чужими документами внедриться в воинскую часть под видом прикомандированного, к примеру, или возвращающегося из госпиталя, причем возможность провала и в таком варианте весьма велика. А жить «по легенде», тянуть повседневную служебную лямку месяцами и годами, без всякой «сверхзадачи», и психологически, и технически невозможно. По крайней мере, с его характером.

Завербоваться на службу «человеком без биографии», то есть рядовым, как это практикуется в Иностранном легионе, — увольте. Не для того он пятнадцать лет носит погоны, чтобы опять начинать с «беспросветных».

В мирной же жизни чиновником, торговцем или, упаси бог, рантье он себя в принципе не видел.

Чекменев вернулся через два часа.

— Слушаю. Что у вас случилось?

— Так. Поболтать захотелось на темы вашей основной специальности. Финансовой, — быстро добавил он, увидев, как удивленно поднимаются брови подполков-

ника. — Насчет моего денежного довольствия. То, о чем вы с господином Розенцвейгом говорили, — интересно, не спорю, только... У меня денежное содержание за три месяца в финчасти лежит. И боевые мне теперь полагаются, и пособия, «за ранение» и «на лечение». Я человек небогатый, а ведь в качестве, в каковое капитану Тарханову предстоит перейти, никто мне тех денег не выдаст. Так? Не люблю, когда в таком существенном вопросе неясности остаются, — а сам показал глазами на потолок и стены, приложил палец к губам, а потом пальцами же изобразил, что нужно пойти прогуляться в сад.

— Можно и поговорить, дело немаловажное. Только вот курить у вас тут нельзя, а хочется. Пойдемте на воздух.

Сад при госпитале был хороший. Словно бы не больничный даже, а на какой-нибудь древнеримской вилле, как их описывал в своих романах Фейхтвангер. С посыпанными мраморной крошкой дорожками, вьющимися в зарослях темно-зеленых туй, разноцветных клематисов и вообще неизвестных капитану южных растений. С журчащими фонтанами и расставленными вокруг скамейками. И все это великолепие обнесено трехметровым кирпичным забором с колючей проволокой по верху. Не для того, чтобы предотвратить побег пациентов, а совсем наоборот.

— Итак, я вас слушаю. — Чекменев протянул Сергею портсигар, когда они нашли подходящую скамейку подалее от прогуливающихся выздоравливающих.

— Не смею сомневаться в полной лояльности господина майора, — сказал Тарханов, — но все-таки и ему не все знать следует. О наших внутренних делах.

— Спорить не собираюсь. А о чем пойдет речь? Кроме денег. Те-то мы вам, разумеется, компенсируем. Назовите только сумму.

Деньги Тарханов считать умел, положения и инструкции знал, и без запинки доложил, что по всем видам выплат ему на сегодня полагается девятнадцать тысяч триста восемьдесят рублей. И еще восемь тысяч пятьсот лежит на счету в «Офицерском обществе взаимного кредита», получить которые ему теперь тоже будет затруднительно.

— Округленно двадцать восемь тысяч. На эту сумму я в любом случае пару лет в России проживу.

После чего начал излагать свой план, состоящий в том, чтобы не прятаться ему «по-за углом», как он выразился, используя часто употреблявшееся дедом выражение, а, напротив, активно включиться в операцию.

— Я же все-таки боевой офицер и без дела сидеть не приучен. Давайте вот что попробуем — устроим масштабную контригру. Насчет умереть — я не возражаю. Только нужно обставить это так, чтобы наши «друзья» сразу же заподозрили неладное. Утечку из госпиталя или из каких-то других кругов, что, мол, не все ясно с моей смертью и похоронами, еще что-нибудь в этом роде, тут вам виднее, вы специалист.

Главное, чтобы они зашевелились. Кое-какой след обозначить и вдоль этого следа наблюдать, когда они по нему двинутся. И я с полным удовольствием в игре поучаствую.

Чекменева, как показалось Тарханову, идея заинтересовала.

— А зачем это нам? — неожиданно спросил он Тарханова.

— В смысле? — не понял Сергей.

— Да в самом прямом смысле. Одно дело — провести мероприятия по стандартной схеме «защиты важного свидетеля», и совсем другое — разрабатывать многоходовую операцию с привлечением значительных сил и средств, рассчитанную на неопределенный срок, и для чего? Чтобы в случае удачи задержать парочку наемных убийц, скорее всего ни в какие тайны не посвященных? И что потом? По второму кругу, по третьему и так далее? В каждом деле должен быть смысл.

Но к такому повороту Тарханов был готов. В стратегии и тактике он разбирался вполне прилично, в том числе и в тактике разведопераций, пускай и войсковых, а не агентурных.

— Не говорите, что не понимаете. А то я в вас разочаруюсь. В том и фокус, чтобы отследить всю схему. И здесь, в Израиле, и у нас дома. Я и то, почти навскидку, могу вам планчик нарисовать. Розенцвейг организует утечку, по

разным каналам и с некоторыми отличиями. Через свою агентуру устанавливает, какая именно легенда прошла. И куда. Вы и ваши коллеги в России работаете аналогично. У вас же наверняка хоть какие-то разработки по террористам есть.

Я, соответственно, по первому уровню операции буду именно «прячущейся жертвой». По второму — живцом. Третий тоже можно придумать. Как?

— Для экспромта — вполне. Дело явно имеет перспективы. Но — работаем пока только вдвоем. Чтоб никто ни слухом ни духом. Ни здесь, ни в России, если я сам иного не прикажу.

— Кого учите, господин подполковник!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Буквально на три часа», как он выразился, Розенцвейг предложил Тарханову сгонять в Тель-Авив.

— Во-первых, у вас есть шанс, который нельзя упустить ни в коем случае, а во-вторых, шансов может не остаться ни у кого вообще.

Майор выглядел настолько встревоженным, что Сергей простил ему привычную уже манеру выражаться не совсем логически оправданным стилем. У всех свои обычаи.

Григорий Львович сел за руль рыжевато-песочного «Опель-Адмирала», выкрашенного под цвет окрестных библейских холмов.

Вопреки обыкновению майор был одет в обтягивающий кевларовый комбинезон цвета беж, на заднем сиденье распростерся дополнительный тяжелый бронежилет, придавленный томпсоновским пистолетом-пулеметом, а сверху перекатывалась на виражах круглая стальная каска.

«Точно, воевать ребята собрались», — отметил для себя Тарханов. А у него, кроме пистолета, ничего подходящего с собой и не было. Ну, да как-нибудь.

Машина летела по приморскому шоссе на сумасшед-

шей скорости, а майор, свободно положив руки в тонких перчатках на деревянное кольцо руля, не сжимая пальцев даже на крутых виражах, рассказывал ему о предстоящей церемонии.

— Встретиться с премьер-министром вам совершенно необходимо. Во-первых — это вопрос высокой дипломатии. В предвидении грядущих потрясений наши власти желают как-то обозначить нерушимость русско-израильского боевого братства.

Кроме того, отбитый вами прорыв боевиков действительно планировался как отвлекающий маневр. Сейчас три армии готовы к вторжению. Речь идет буквально о часах. Российские и немецкие дипломаты пытаются добиться встречи с маршалом Амером, королем Хусейном и президентом Аль-Баширом. Но ни одного из них отчего-то нет на месте. Кто отдыхает, кто наносит неофициальный визит неизвестно кому.

Одним словом, мы готовы к массированному вторжению регулярных подразделений Арабского легиона и вооруженных сил Судано-Египта и Сирии.

Третий день продолжается давно не слыханного размаха и разнузданности антиизраильская пропаганда, по радио и дальновидению непрерывно звучат призывы уже на государственном уровне сбросить Израиль в море или, по крайней мере, свести его к размерам древнего Иудейского царства. Причем эта людоедская идея получила неожиданно сочувственный отклик в среде самых человеколюбивых европейских интеллектуалов.

В приграничных территориях давно уже отмечается немотивированное и на вид бессмысленное перемещение танковых колонн.

Кроме известного вам случая, есть данные, что планировались взрывы зарядов субъядерного уровня во многих наших городах. Это должно было сорвать мобилизацию ополчения, и так далее.

Ничего, разберемся!

Тарханов даже и не предполагал, что спокойный, игравший под крутого интеллигента разведчик может так разнервничаться.

А с другой стороны, был бы он, Сергей Тарханов, князем какой-нибудь Рязани, к которой подступают полчища Батыева, а у него за стенами две тысячи дружины и чуть больше городского ополчения. И он бы завибрировал.

Конечно, расклад сейчас немного другой, но все же.

Тут действуют законы больших чисел, и при мобилизационном потенциале арабских стран в 10 миллионов готовых на все «воинов ислама», и почти таком же количестве предлагающих свои услуги искателей приключений из всех уголков мира не слишком стоит надеяться на поддержку союзников.

Если не удержишь фронт, разговор будет простой и короткий.

Так он и сказал Розенцвейгу, присовокупив, что не стоило бы им, братьям по духу, слишком уж воображать по поводу собственной исключительности.

— Ладно, вы избранный богом народ, мы тоже вроде бы народ-богоносец, у каждого своя свыше определенная функция. А вот согласились бы принять российское подданство на условиях полной автономии, и никто бы вас не тронул больше. Поскольку с Россией в свое время воевать и персы, и турки, и немцы зареклись, не говоря уже о ваших контрагентах.

Как в свое время Армения, Грузия, Азербайджан и другие многие за нашими штыками спрятались. Третий век живут и в ус не дуют.

— Не будем сейчас об этом, Сергей Васильевич, — мрачно ответил майор. Возможно, он был согласен с Тархановым, но не считал возможным именно сейчас обсуждать данную тему.

Справа и внизу искрилось почти штитовое море, у горизонта виднелись какие-то корабли.

Тарханова насторожила скорость их перемещения. Полосы дыма лежали на воде почти горизонтально. И двигались они снизу вверх, то есть с юга.

На русские крейсера не похоже, а израильские корветы ходят без дыма.

Еще садясь в машину, он заметил в глубокой нише под перчаточным ящиком хороший, обтянутый камуфляжной пенорезиной бинокль.

Вынул его, поднес к глазам.

Судя по силуэтам, эсминцы итальянской постройки, типа «Эммануэле Паретто». Такие стоят на вооружении в египетском флоте. Устаревшие, но по-прежнему быстроходные, на форсаже могут дать до сорока узлов и вооружены солидно. От крейсеров уйдут, от прочих отобьются.

«А ведь они уже в территориальных водах», — подумал капитан, и тут же вдоль бортов кораблей дружно сверкнуло пламенем.

— Тормози! — отчаянно закричал он майору, потому что непонятным образом, но совершенно отчетливо увидел, где и как лягут 140-миллиметровые снаряды эсминцев.

«Опель-Адмирал» догонял колонну израильских армейских грузовиков, кузова которых были полны солдат. Впереди шла еще одна колонна шестиосных транспортеров, перевозящих батальон танков.

Тарханов видел их давно, поскольку машина крутилась по серпантину, и иногда панорама дороги открывалась на десяток километров вперед, а моментами поле зрения сокращалось до сотни метров.

И Сергей понимал, чувствовал, что огневой налет с моря направлен именно на эти колонны, но они с Розенцвейгом гарантированно подпадают под удар.

Майор, демонстрируя невероятную реакцию, не спрашивая ни о чем, сбросил газ, вдавил в пол педаль тормоза и крутанул руль на интуитивно просчитанный угол. На какое-то мгновение машина пошла юзом, тут же выровнялась, вильнула и замерла, почти коснувшись бампером бетонного парапета.

Хорошо, что машина была кабриолетом. Тарханов, не думая о дипломатии и пиетете, схватил Розенцвейга за поясной ремень и перебросил через борт автомобиля.

Как приходилось делать в прошлой боевой жизни, Сергей считал в уме, сколько секунд летит снаряд.

Повалил майора в кювет, распластался рядом, и тут как раз и рвануло.

Серия разрывов накрыла хвост армейской колонны, а один из снарядов ударил прямо перед радиатором

«Опель-Адмирала». Вверх и в стороны полетели колеса, куски металла, подушки сидений.

Уцелевшие после первой очереди солдаты сноровисто рассеялись по обеим сторонам дороги, залегли в камнях, готовясь, пока не поступил другой приказ, отражать десант, если таковой высадится.

Танковые транспортеры на предельной скорости рванулись вперед, растягивая интервалы, и следующие залпы начали ложиться впустую, бессмысленно поднимая в воздух столбы песка и щебенки.

Через несколько минут танки прямо с посаженных гидродомкратами на асфальт платформ открыли по кораблям ответный огонь.

За это время Тарханов с Розенцвейгом успели то бегом, то ползком выбраться из зоны поражения.

— Вы молодец, капитан, реакция у вас прямо поразительная. Мы чуть не въехали в самую кашу.

— Уходят, — сообщил Сергей, продолжая наблюдать в бинокль за горизонтом. — Это как считать, уже война или еще провокация?

— Как высшее руководство расценит. Сейчас должны появиться наши штурмовики-перехватчики. Эсминцы они, скорее всего, потопят. А дальше стороны могут обменяться нотами и этим ограничиться или раскрутить акцию возмездия по полной программе.

В подтверждение слов Розенцвейга далеко впереди на ярко-синем небе обозначились белые полосы инверсионных следов. С аэродромов Синая поднялись по тревоге самолеты. Связь и радиолокация здесь работали четко.

Когда добрались до Тель-Авива, стало понятно, что дело идет скорее к войне.

Над крышами завывали сирены, предупреждающие о возможном воздушном налете. Резервисты, подчиняясь переданному по радио и дальновидению условному сигналу, спешили к пунктам сбора, уже обмундированные и со своим оружием.

Уличные репродукторы сообщали о нанесенных бом-

боштурмовых ударах по египетским и сирийским аэродромам и о том, что ни один вражеский самолет пока что не сумел подняться в воздух.

О встрече с премьер-министром теперь не могло быть и речи. Как раз сейчас он выступал по радио, и на перекрестках толпились встревоженные толпы не подлежащего призыву населения.

Тарханов, не слишком хорошо разбиравший быструю устную речь на идиш, уловил только понятную военную терминологию.

«...Мы не имеем права проиграть не только войну, но и один-единственный бой. У нас нет за спиной территории для маневра и резервов для восполнения потерь. Чтобы сохранить страну и армию, мы можем только наступать и побеждать. И я обещаю, что именно так и будет, если коварный враг попытается пересечь наши священные границы!»

Однако должный бюрократический порядок в стране сохранялся.

Розенцвейг привез Тарханова в приемную главы правительства, и какой-то чиновник с погонами бригадного генерала вручил российскому капитану от имени премьер-министра диплом о присуждении высшего почетного звания — «Праведник перед Богом», которого удостоивались только неевреи за исключительные заслуги перед еврейским государством, и соответствующую, довольно крупную медаль на бело-синей ленте, а в качестве приложения — чек на весьма и весьма приличную сумму.

В том, наверное, смысле, что Праведник не должен омрачать свой высокий дух суетными заботами о хлебе насущном.

— Имейте в виду, Сергей (у них тут все называли друг друга по именам, даже рядовой мог так обращаться к главнокомандующему), — сказал генерал, пожимая Тарханову руку, — все это означает, что вы автоматически приобретаете право на наше полноправное гражданство, можете поступить на службу в армию, выдвинуть свою кандидатуру в кнессет и так далее.

— Спасибо, ваше превосходительство, я всегда буду об этом помнить.

...Уже на другой машине, которую Розенцвейг раздобыл необыкновенно быстро, правда не такой шикарной, как безвременно погибший «Опель», они подкатили к высоким кованым воротам, преграждавшим въезд в охраняемый поселок на окраине города.

— Как у вас говорят, война войной, а обед по расписанию, — сообщил майор, когда они по свободным от выдвигающихся к фронту войсковых колонн окраинным улочкам выбирались из центра города. — Тем более что все идет по плану. Я осведомился по своим каналам, генштабисты уверены, что противник не сумеет прорвать наши пограничные укрепления. Тяжелая авиация Израиля готова накрыть бомбовым ковром и Каир, и Дамаск, если они не одумаются. Мы не зря готовились к этой войне тридцать лет.

— Мне, наверное, тоже нужно немедленно возвращаться в часть. Если ударят и со стороны Сирии, наша бригада окажется на главном направлении...

— Пусть это вас не беспокоит. Прежде всего вы еще не выписаны из госпиталя, а кроме того, через час-другой станет известно о нашей с вами трагической гибели во время огневого налета эсминцев по приморскому шоссе. То, что осталось от моего «Опеля», выглядит очень убедительно. Так что процедура похорон будет чисто формальной. А свою загробную жизнь мы с вами начнем уже по другому ведомству.

Лишних вопросов Тарханов задавать не стал, тем более что снова воевать по полной программе ему совсем не хотелось. Он знал, что обычно случается с войсками прикрытия в первые часы войны.

Служба охраны поселка была наверняка поставлена на должном уровне и до войны, а сейчас еще и ужесточилась.

Тарханов не мог не восхититься великолепной мобилизационной готовностью израильского народа.

В России, как известно, все обстояло совершенно противоположным образом. Начало войн и революций всегда сопровождалось невероятным бардаком на всех уровнях власти и общества и лишь с течением времени

приходило в относительный, а потом и в железный поря-док.

Несмотря на то что часовые не могли не знать майора в лицо, они все же попросили Розенцвейга предъявить пропуск, а его пассажира — документы. Один держал их под прицелом автомата, а другой заученным движением провел по удостоверениям ручным сканером.

— На всякий случай, — пояснил майор. — Во-пер-вых, вкладыш в пропуск меняется каждый день, и, если я этого по какой-то причине не сделал, это уже повод обра-тить на меня и моих гостей специальное внимание.

Вдруг меня захватили террористы и шантажом или угрозами заставили провезти их в поселок? Ничего не выйдет. Документы проверяются по такому числу при-знаков, что даже я все их не знаю. И если что, то вот... — он показал рукой в сторону караульных будок по обеим сторонам ворот. Из амбразур выглядывали решетчатые кожухи станковых пулеметов. — Охрана стреляет без предупреждения, причем в этом случае моя жизнь уже не имеет значения. У нас штучки типа: «Бросьте оружие, иначе мы убьем заложника» — не проходят. Поэтому и терроризм такого рода на территории Израиля практи-чески неизвестен. Мы им это вбили, как Павлов своим со-бакам, на уровень безусловных рефлексов. Однако бди-тельности по-прежнему не снижаем, в отличие от вас, коллеги, не в обиду будь сказано.

Контроль они прошли благополучно, и ворота перед ними гостеприимно раскрылись.

В поселке жили люди не бедные и по преимуществу — с фантазией, а также и обуреваемые ностальгией. Сергей насчитал только на одной улице восемь вилл, оформлен-ных в типично среднерусском духе. Бревенчатые в два этажа избы, помещичьи особняки с мезонинами стиля по-запрошлого века, березки перед фасадами, липовые аллеи.

Были, впрочем, и другие, напоминавшие о происхож-дении владельцев из Мекленбурга, Саксонии, Мазовец-кого края. Пока машина взбиралась вверх по серпантин-ной, мощенной брусчаткой дороге, Тарханов сообщил о своих наблюдениях вслух.

— Увы, что делать, здесь живут только ашкенази¹, других образцов для подражания у нас нет. Большинство плохо представляет, как жили зажиточные евреи в эпоху, предшествовавшую рассеянию. А если кто и знает, то все равно не хочет обитать в глинобитных домах без окон. В поселках сефардов вы бы увидели отчетливые мавританские мотивы.

Сам Розенцвейг квартировал в кирпичном особняке с мансардой, усредненноевропейского стиля, окруженном типичной средиземноморской растительностью, что свидетельствовало либо о принципиальном космополитизме, либо о нехватке средств на архитектурно-ландшафтные изыски.

Жил майор в этом доме один, по крайней мере никаких следов женского и детского присутствия Тарханов не обнаружил ни на участке, ни в комнатах. И стол был накрыт официантами из ближайшего ресторана, причем исключительно в местном вкусе.

— Привыкайте, дорогой друг, — с легкой иронией сказал Розенцвейг, — вы теперь почетный еврей и должны уметь поддерживать реноме. Если не за столом, то хотя бы в разговорах типа: «Ах, как я люблю настоящий «цимес», рыба-фиш могла бы быть и понежнее, по субботам я ем только молочный борщ», и так далее.

— Надеюсь, хотя бы водку вы нам подадите нормальную, от вашей кошерной меня всегда по утрам мутит. — Из двери напротив появился Чекменев, как всегда — словно черт из табакерки. Сбросил на спинку стула пиджак и упер руки в бока, присматриваясь к расставленным вдоль стола закускам.

Эту мизансцену Тарханов воспринял спокойно, привыкнув уже, что у русского и еврейского контрразведчиков своя игра и свои отработанные шуточки.

— Как вам будет угодно, друг мой.

Нельзя сказать, что еврейская кухня так уж Сергея восхитила, он предпочитал кавказскую, но есть было можно, не слишком себя напрягая.

¹ Ашкенази — евреи европейского происхождения.

— Признаться, я не очень люблю нарушать законы, даже если это диктуется служебной необходимостью. Поэтому решение премьер-министра снимает камень с моей души, — сообщил Розенцвейг. — По действующим законам получающий израильское гражданство имеет право избрать себе новое имя, фамилию или все сразу, если считает, что прежние не соответствуют его теперешнему положению и мироощущению.

Верующие часто принимают имена библейских персонажей, атеисты — что на ум взбредет, но обычно тоже с соответствующим колоритом, на базе языка иврит.

Сейчас вообще, особенно у молодежи, появился обостренный интерес к «языку Книги». Ходят даже разговоры, чтобы вновь сделать его живым разговорным, чтобы уравнивать шансы. А то, мол, европейские евреи со своим идиш имеют явное преимущество перед выходцами с востока и юга.

Впрочем, это я так, к слову, для расширения вашего кругозора. Так вот, вернемся к нашим баранам. Я тут позволил себе некоторое самоуправство, оформил вам документы на выезд из страны, не посоветовавшись с вами. Теперь вы — господин Узиель Гал. Звучит это вполне прилично, и запомнить легко. Паспорт совершенно подлинный, зарегистрирован как положено, срок действия десять лет. Можете пользоваться им без всяких опасений. Вот здесь отметка, что вы абсолютно не годны к военной службе, даже и в военное время, так что выпустят вас без проблем.

Чекменев, видимо избравший себе на сегодня позицию стороннего наблюдателя, молча кивнул с набитым ртом.

Сергей взял паспорт с вложенным в него билетом на самолет до Нью-Йорка.

Фотография была его, но когда ее сделали? Очевидно, прямо в приемной премьер-министра, скрытой камерой, потому что костюм и рубашка были те же, что и сейчас, а он сегодня надел их впервые. Ловкая работа.

Что бы там ни говорил майор, Тарханов решил уточнить свой нынешний статус у соотечественника, облеченного, что очевидно, весьма широкими полномочиями.

— Все так и есть, друг мой. Для отечественного армейского командования вы, к глубокому прискорбию, погибли. Из огня да в полымя, как говорится. Или же — сколько веревочке ни виться...

— Можно также добавить, — щегольнул знанием русского фольклора и Розенцвейг, — повадился горшок по воду ходить, тут ему и голову разбить.

— Ну, братцы, вы уж слишком плотно за меня взялись, — посетовал Тарханов. Чуть пригорюнился, соответственно моменту. — Значит, помянем. — Он поднял рюмку. — А если спросит кто-нибудь, ну, кто бы ни спросил, скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен был. Что умер честно за царя, что плохи наши лекаря и что родному краю привет я посылаю.

Не прекращая застолья, Розенцвейг и Чекменев подробно проинструктировали Тарханова о том, как ему вести себя в полете и по прибытии на место.

— Интуиция подсказывает, что мы еще встретимся с вами, дорогой друг, — сообщил майор. — Это гора с горой не сходятся. Может, здесь, может, в Москве. В любом случае желаю всяческих успехов и долгих лет жизни. Главное, соблюдайте одиннадцатую и двенадцатую заповеди.

— Это какие же? — удивился Сергей, который слышал лишь о десяти.

— «Не зевай» и «не попадайся».

На этой оптимистической ноте ужин и завершился.

На обратном пути Чекменев, который за весь вечер не сказал и десятка фраз, предложил:

— Нет, ты как хочешь, а я предпочел бы закончить мероприятие как-нибудь по-нашему. Мы же с тобой тоже расстанемся надолго, а я к тебе привык. Да и не обо всем пока обговорено. Выпьем еще чуток, я тут явно недобрал, закусим селедочкой с черным хлебом. Сколько ни пытался, так и не привык к их кулинарии. Вроде талантливые люди, а готовят черт знает что. Любой неграмотный грузинский крестьянин им сто очков вперед даст.

Действительно, подполковник пил сегодня крайне мало, по несколько раз пригубливая одну и ту же рюмку. Очевидно, по каким-то своим, оперативным соображениям.

— То, что они тебе первую фазу отхода обеспечивают, это хорошо. Мне хлопот меньше, собственные ресурсы лишний раз приберегу, а их СД — одна из мощнейших спецслужб в мире, сделают все как надо. Однако... Как писал один древнеяпонский поэт, «жаба хитра, но маленький хрущ с винтом много хитрее ее».

Тарханов сначала не понял юмора, но потом сообразил, подставив вместо жабы и хруща несколько другие слова, начинающиеся с тех же букв, расхохотался.

— Посему инструкцию Розенцвейга будешь выполнять до половины.

— Это как?

— Просто. Выйдешь из самолета, возьмешь такси, да не на стоянке, а чуть подальше, махни рукой любой проезжающей желтой машине. Поедешь по указанному адресу, но в дом заходить не спеши. Пройди мимо до следующего угла. Там к тебе подойдет человек, скажет по-русски: «Иван Петрович велели кланяться». Именно так скажет, никак иначе.

— Что я, не знаю, что такое пароль? — обиделся Тарханов.

— Не комплексуй, наше дело такое, лучше лишний раз напомнить. Услышишь пароль — делай, что дальше этот человек скажет. Если вдруг не окажется его на месте — подожди минут пятнадцать, не больше, и иди на еврейскую явку. Тогда уж по их схеме действуй.

Сергей все еще не мог привыкнуть к реальности той жизни, что у него началась вследствие невинного желания встретить Новый год в приличной компании.

— Слушай, ответь мне честно — ну на кой это все? Или вам просто работы не хватает, вот и выдумываете себе всякие вводные? Где мы, где Нью-Йорк, и неужели можно всерьез предполагать, будто люди какого-то полудикого шейха держат под колпаком весь мир, способны

перехватить человека, которого ни разу в жизни не видели, на улице двенадцатимиллионного города, тем более не догадываясь до сего момента, что я полечу именно туда, именно в это время.

— Сочувствую твоей наивности. И даже слегка завидую. Ну, слушай, Розенцвейг тебе этого не говорил, и я до поры помалкивал. Запомни раз и навсегда — не с полудикими шейхами мы имеем дело, а с разветвленной, почти всемирной организацией, объединяющей всех, кому не нравится нынешнее мироустройство.

Ты понимаешь — всех. Независимо от более частных интересов, религий и убеждений. Этакий «Черный интернационал». Что, казалось бы, может объединять исламских фундаменталистов, борцов за «свободу Южной Африки», китайские триады, колумбийских наркобаронов и всевозможных европейских «леваков»?

— А разве их действительно что-то объединяет? — Тарханов не один год воевал в разных «горячих точках» «тихо-атлантического периметра», но ему и в голову не приходило, что происходящие в мире перманентные локальные конфликты, «освободительные войны», набег бандитских шайк на приграничные территории, вспыхивающие время от времени студенческие бунты в самых сытых и благополучных странах Европы могут координироваться и направляться из единого центра, представлять собой этапы реализации какого-то грандиозного общего плана. Как это вообще возможно, а главное — зачем?

Так он и спросил.

— Санкта симплицитас¹, — восхитился Чекменев. — В том-то все и дело. По большому счету это действительно вроде бы никому не нужно, кроме нескольких сотен, может быть, тысяч людей, которые извлекают из данного процесса огромные деньги, а в перспективе рассчитывают приобрести власть над миром. Вернее, над тем, что от него останется. Недовольные существующим порядком вещей всегда были и будут, только, к счастью, их не

¹ Святая простота (лат.).

довольство в большинстве случаев не переходит некоторых границ.

Когда переходит, случается то, что имело место в Германии и России в 18—20-х годах прошлого века. К счастью, все это достаточно быстро кончилось. Трудно представить, в каком мире мы бы сейчас жили, сумей наши большевики и немецкие спартаковцы удержать государственную власть, организовать пресловутую «мировую революцию».

Ладно, это дела прошлые. А сейчас снова дело идет к чему-то похожему, только почти никто в это не хочет верить. «Обездоленные» всех стран свято верят, что если взломать Периметр, захватить и поделить богатства «свободного мира», то немедленно начнется райская жизнь для всех. А умные и беспринципные люди этим пользуются.

Одни, попроще, торгуют оружием, наркотиками. Другие — идеями, третьи — самые умные — надеются возглавить процесс дележки во всемирном масштабе.

А война, что сегодня или завтра начнется, ее полунинищие арабы по своей инициативе и на свои деньги начали, что ли? Они, конечно, с евреями разделаться семьдесят лет спят и видят, да только силенки здраво сопоставляли. А тут вдруг ломанулись очертя голову. Теперь будем ждать, кто еще в этой аванюре нарисует.

Да что я тебе политтратоту читаю, бог даст, сам все узнаешь, из первоисточников. Займись непременно, ибо сказано — не воображайте, что неучастие в политике убережет вас от ее последствий.

Что же касается тебя и твоего напарника Ляхова лично. Какое право мы имеем недооценивать противника? Они сейчас работают по всем направлениям, ставят на все шансы.

Почем мы знаем, вдруг они думают, что ты, например, не случайно влезший не в свое дело пехотный офицер, а контртеррорист-боевик суперкласса, направленный как раз для того, чтобы сорвать их акцию и захватить «Гнев Аллаха», так они называли свою машинку?

Мы с Розенцвейгом тоже скорее всего уже попали в

поле зрения их разведки. Вот пока и все зацепки. Так что убивать нас, скорее всего, просто так не будут, поведут, последят, а уж потом... Могут попытаться в плен захватить.

— А что же вы про фетву и месть говорили?

— Одно другому не помеха. Я же говорил, что только высшие стратегические цели у верхушки этого движения совпадают, а на уровне реальных действий тактика и интересы у всех свои.

И шейха вы шлепнули, и сабля пропала, так что для этих именно фигурантов отомстить вам — святое дело. Но как раз от них убережесь проще всего. Гораздо хуже и опаснее другое.

Я, к примеру, совершенно не уверен, что их агентура не внедрилась в штаб нашего Корпуса, в канцелярию израильского премьера, в какие-то московские и петроградские структуры.

То есть враг может быть абсолютно везде, поскольку непонятно, кого и на каких условиях «интернационал» может привлечь на свою сторону.

Российского социалиста увлечь «благородной» идеей восстановления справедливости в мировом масштабе, мусульманина призвать к участию в джихаде и почти любого — просто купить, поскольку людей, не продающихся принципиально и ни за какие деньги, не так уж много.

Так что абсолютно доверять я могу только лично мне известным коллегам, в том числе и Розенцвейгу. Ну и еще кое-кому. Тебе, Ляхову в том числе. Из чего вытекает — я очень заинтересован, чтобы ты добрался до России живым. Поскольку рассчитываю на дальнейшее сотрудничество.

— Понятно, хотя и не дюже приятно. Страшноватую картинку ты нарисовал. Я теперь так и буду ходить, все время оглядываясь и соображая, кто тут поблизости агент «Черного интернационала».

— Оглядываться, может быть, все время и не обязательно, а соображать надо, постоянно и всенепременно.

— Теперь давай, Игорь, проясним напоследок кое-что насчет пресловутого «Аллахова Гнева». Убей, не по-

нимаю, как можно не разобраться в сути железки, с помощью которой собирались полстраны уничтожить.

— Мы привлекли самых авторитетных специалистов, которые здесь имеются, но результаты парадоксальные. Пиротехники, к примеру, утверждают, что взрывным устройством предложенный к экспертизе предмет не является. Категорически. Взрывать там просто нечему. Ни нормальной взрывчатки, ни ядерной. Соответственно ничего не нашли и остальные специалисты, хоть как-то причастные к смертоносным технологиям.

Только один физик-ядерщик заявил, что эта штука напоминает по замыслу какой-то волновой преобразователь, но работать в данном виде не может, так как в нем отсутствует источник энергии и еще какие-то детали.

Или это лишь часть более сложной конструкции, либо — просто муляж. Выражаясь на воровском жаргоне — «кукла». Кто-то очень умный и наглый подсунул ее террористам, сорвал немаленький аванс, после чего скрылся, не ожидая результатов применения.

— Забавно, — ответил Тарханов, — только неужели они взяли товар без предварительной демонстрации его работоспособности?

— Кто ж его знает, — с тоской в голосе ответил Чекменев, и Сергей догадался, что он не кривит душой. — Отправим аппарат в Москву, может, там разберутся.

А Тарханов вдруг с удивлением заметил, что уже не первый раз подполковник упоминает Москву, а не Петроград в качестве пункта, где могут решаться важнейшие проблемы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По системе особо защищенной связи Чекменев дозвонился в Москву до Великого князя. Кратко доложил о последних событиях и о захваченном трофее. Олег Константинович в принципе знал о задании, которое подполковник сам себе определил и сам же реализовывал, но в детали не вникал.

— Уверен, что это — то самое? В таком случае поздравляю. Значит, можешь возвращаться? Делать там больше нечего?

Подполковник ответил, что дела еще кое-какие остались, но дня через два-три рассчитывает с ними разделиться.

— Я тут прикинул и решил, что оба эти офицера нам еще пригодятся. И вообще, и в рассуждении конкретной операции. Потому осмелился отправить их в ваше распоряжение. Думаю, полезно было бы, если бы вы удостоили капитана Ляхова аудиенции и осыпали соответствующими милостями сообразно совершенному подвигу.

Олег Константинович в принципе не возразил, только спросил с некоторым интересом: почему именно Ляхова, если главную роль сыграл все-таки другой?

— Нет, наградить следует обоих и одинаково, но есть у меня соображения из области психологии именно по поводу Ляхова. При встрече доложу в подробностях.

— Тебе виднее. В общем, ты там не задерживайся. И не вздумай в боевые действия вмешиваться. Без тебя разберутся. Особый корпус уже получил приказ — сохранять нейтралитет, оставаться в местах постоянной дислокации, открывать огонь только для самозащиты. Или — после особого распоряжения. А тебя жду не позже чем через неделю. Тут у нас тоже проблем хватает.

Чекменев и не сомневался, что Великий князь спорить не станет, он достаточно хорошо знал своего сюзерена и заодно старого друга. Олег Константинович принадлежал к тому редкому типу лидеров, которые способны терпеть рядом людей не глупее себя, более того — искать таких и возвышать, с благодарностью выслушивать умные советы и даже критику своих планов. Разумеется, до принятия окончательного решения.

Это как раз к нему относился афоризм: «Первосортные руководители окружают себя первосортными людьми, окружение второсортных состоит из людей третьего сорта».

Получив высочайшую санкцию, фактически карт-бланш на действия, далеко выходящие за рамки его офи-

циальных должностных обязанностей, Чекменев приступил к делу.

Он не верил в стойкую благосклонность судьбы и после того, как она так крупно ему подыграла, опасался рассчитывать на нее и дальше. Поэтому не рискнул отправить в Москву чудом попавшее ему в руки устройство самолетом. Самолеты имеют свойство неожиданно падать ни с того ни с сего. Море надежнее, поэтому он посадил сопровождавших ценный груз четырех офицеров на быстроходный бронекатер. Предварительно убедившись, что прогноз погоды благоприятен и до самого Севастополя не ожидается штормов и шквалов. В Севастополе же фельдъегерей будет ждать экстренный поезд.

Нет, действительно, повезло ему неслыханно. До Чекумена давно уже доходили слухи о якобы разрабатываемом в секретных лабораториях «Черного интернационала» небывалом оружии, способном разом уничтожить население целой страны, причем, что интересно, без вреда для соседей и без ущерба для материальных ценностей. И даже было известно место, где намечено его впервые применить. Оттого и оказался подполковник там, где оказался.

Он спрашивал у специалистов, возможно ли такое в принципе. Ответы были по-своему резонные: «Скажите сначала, на каком принципе будет основываться это оружие, тогда мы вам и посчитаем радиусы поражения и количество возможных жертв со всех заинтересованных сторон».

Чекменев допускал возможность грандиозного блефа, но это его не останавливало. Сам по себе факт запуска такой дезинформации кое-что значил, кроме того, сведения поступали к нему из слишком разных источников, координация действий между которыми представлялась маловероятной.

И эта «бомба» у него в руках. Остается сообразить, что с ней делать.

Нет, если она действительно работоспособна и на самом деле представляет собой новое слово военной тех-

ники, место в арсеналах великокняжеской армии ей найдется.

Главное же — теперь можно устроить великолепную контригру, развернуть шахматную доску на сто восемьдесят градусов, как это любил делать вельтмейстер Алехин. И выигрывал в пять ходов полностью только что загубленную партнером партию. Теперь уже он будет распространять по своим каналам слухи и грамотно подготовленные дезинформации, после чего отслеживать произведенный эффект, вскрывать новые линии и направления деятельности тех или иных организаций, источники финансирования, координирующие центры. И нанести, в конце концов, парализующие удары в нервные узлы. Как это делает оса-наездник.

То, что он идет по следу в нужную сторону, подтвердилось и вспыхнувшим, неожиданно почти для всех, военным конфликтом.

Именно так Чекменев все это себе и представлял.

Сначала взрыв «Гнева Аллаха», и тут же за ним — вторжение. Оправдается прогноз — войска займут безлюдную, как бы теперь ничейную территорию без сопротивления. Выйдет не совсем так, как ожидалось, — все равно под шумок может получиться. Страна-то маленькая, одновременным броском с трех сторон за полсуток можно все закончить.

И надо же было такому случиться, чтобы грандиозный план сорвался из-за того, что два отважных офицера случайно оказались совсем не там, где должны были находиться. А потом вдобавок приняли решение, далеко выходящее за рамки их полномочий, но зато единственно верное.

Такими людьми нельзя разбрасываться. Вот подполковник и осмелился советовать Олегу Константиновичу.

Но как и для чего Тарханова с Ляховым использовать конкретно, можно обдумать и обсудить в более спокойные времена. Сейчас для таких, как Чекменев, время действовать.

В Израиле, этом «новом Вавилоне», вклинившемся в самую сердцевину Ближнего Востока и граничащем с Аф-

рикой в ее самом беспокойном и уязвимом выступе, за последние годы скопилось огромное количество легальных и нелегальных разведчиков большинства цивилизованных стран. Кто просто отслеживал ситуации для их грядущего использования, кто присматривал за деятельностью российской и германской военно-морских баз, обеспечивающих присутствие крейсерских эскадр в Средиземном море, или занимался промышленным шпионажем.

Нормальная практика. По негласному соглашению никто никого как бы не замечал.

Кроме того, многонациональное и многорасовое население Израйла являлось великолепным питательным бульоном для жизнедеятельности всевозможных международных авантюристов и финансовых спекулянтов. А в этой среде как не завестись массе агентов «Черного интернационала», как сознательных, так и используемых втемную.

Сейфы возглавляемой Чекменевым службы ломились от досье на крайне интересных людей, подобраться к которым было весьма непросто. По целому ряду причин.

В условиях же всеобщей сумятицы, непременно сопровождающей переход от мира к войне, непроясненности обстановки и проблематичного пока что исхода вооруженного конфликта писанные и неписанные нормы и обычаи международного и внутреннего права как-то теряют свою определенность и обязательность.

Свободно можно выдернуть без лишнего шума два-три десятка интересующих тебя людей и поступить с ними по собственному усмотрению. С одними душевно побеседовать на месте (подходящие укромные помещения для таких целей у Чекменева имелись), других аккуратно переправить в Россию для углубленной разработки.

Кроме того, на учете у подполковника состояло некоторое число персонажей, сам факт существования которых признавался нежелательным в принципе. С этими тоже следовало разобратся.

И никаких международных скандалов и проблем с местной полицией возникнуть не должно. На любой войне

★

определенный процент «пропавших без вести» неизбежен, и почти никого не занимают причины и способы, в силу которых люди приобщаются к этой странной категории не живых, но и не мертвых.

Из необъятной памяти подполковника всплыл и подходящий к случаю афоризм Козьмы Пруткова: «Ничто существующее исчезнуть не может, так учит философия, и поэтому несовместно с Вечною Правдой доносить о пропавших без вести!»

Чекменев, предварительно созвонившись, приехал в контору Розенцвейга. Майор как раз пребывал в том подвешенном состоянии, когда довоенные дела уже потеряли свое бывшее значение, а новых, связанных с изменившейся ситуацией заданий еще не поступило. Он выслушал коллегу с интересом, просмотрел подготовленные им проскрипционные списки.

— Как-то это все, знаете ли... Мы ведь живем в правовом государстве.

— Да неужели? — искренне удивился Чекменев. — Нам ли об этом говорить? Особенно сейчас. Тем более что вы отнюдь не государственный прокурор, поставленный надзирать за соблюдением законов.

— Но тем не менее возможны серьезные осложнения. Тут я вижу такие имена...

— Да плюньте, — посоветовал Чекменев. — Вред или польза действия обуславливается совокупностью обстоятельств. Сейчас они таковы, что польза очевидна, вред же проблематичен. Короче, от вас мне требуется отнюдь не санкция, а лишь практическая помощь. Чтобы провести намеченную акцию быстро и без шума, у меня не хватает квалифицированных сотрудников. Скажу честно, у меня их сейчас не больше десятка. А нужно хотя бы втрое больше. Вот вы мне их и предоставьте. Максимум на одну ночь. Необходимым транспортом я обеспечу. Так договорились?

Розенцвейг продолжал раздумывать.

Чекменев едва заметно повысил голос:

— Ну что вы из себя девочку корчите, Григорий Льво-

вич? Торговаться станем? Не нужно. Я вам без всякого торга обещаю поделиться всем, что сам узнаю насчет той «штучки». Она ведь вас сильно интересует? Если хотите, вместе поедем в Москву, своими глазами все увидите.

Другой момент — если вам стыдно своими руками соотечественников голям сдать на поругание, то «ваших» брать мои ребята будут, а вы мне вот этих обеспечьте, — он отчеркнул карандашом, кого именно. — И вспомните, что вы Ляхову говорили насчет длительной перспективы наших взаимно полезных отношений.

— Хорошо, — согласился Розенцвейг. — В конце концов, вы правы. А ля гер ком а ля гер. Десять групп по три человека вас устроит?

— Более чем. Сбор сегодня в двадцать один ноль-ноль здесь. Командовать операцией буду лично я.

— Давайте все же не здесь, — возразил майор. — Светиться мне все равно ни к чему. Давайте мои люди будут подходить по две тройки с пятиминутными интервалами к вашему агентству, получать инструкции и садиться в ваши машины.

— С военными номерами?

— Зря иронизируете. Как раз это лучше всего. Часть машин пусть будут санитарные, часть — с эмблемами военной полиции. Наша гражданская полиция их останавливать не имеет права, на какой-то непредвиденный случай легенда — собираете по тревоге находящийся в увольнении личный состав и самовольщиков.

— Годится, коллега. Видите, как все хорошо у нас образуется...

Разумеется, никогда в жизни израильский разведчик не согласился бы сотрудничать с обычным резидентом другого государства в столь сомнительном деле, но тут был случай исключительный. А Розенцвейг умел просчитывать варианты не хуже своего знаменитого соотечественника, непревзойденного шахматного философа Эммануила Ласкера.

Мундир армейского финансиста-ревизора, который обычно носил Чекменев, был лишь первым уровнем при-

крытия. Должность товарища военного атташе по разведке — вторым, обеспечивающим экстерриториальность и соответствующий авторитет. Однако майор знал, что на самом деле «подполковник» руководил отделом Собственной канцелярии Его Императорского Высочества Великого князя Олега Константиновича, настолько секретным, что этот отдел не значился ни в одном штатном расписании и ни в одной платежной ведомости. И наверняка имел генеральский чин.

Из собственных источников Розенцвейг также знал, что Чекменева с князем связывала еще и личная дружба, с тех еще времен, когда тридцатипятилетний полковник Романов служил всего лишь командиром первой гвардейской бригады, а молодой поручик состоял при нем офицером для особых поручений.

Потом Олега Константиновича избрали на его нынешний пост, и он сделал Чекменева своим пресс-секретарем и старшим адъютантом. Затем возвысил до нынешнего поста, но были основания считать, что на самом деле Игорь Викторович является при дворе тем самым «серым кардиналом», без которого не обходится почти никакой властитель. И положение его весьма прочно.

А если так, то интересы долгосрочной политики требуют не пренебрегать просьбами такого человека.

Кроме всего, Розенцвейг с Чекменевым испытывали друг к другу выходящую за рамки деловых отношений симпатию и уважение, поскольку по-настоящему умные люди встречаются достаточно редко и дорожат возможностью общения. Особенно если им нечего делить.

Впервые познакомились они три года назад, когда Чекменев приехал в Тель-Авив «с неофициальным визитом», а майор был приставлен к нему в качестве консультанта и связного с руководством СД. Месяца два, как водится, присматривались и прощупывали друг друга, а потом российский коллега вдруг открыл карты.

Розенцвейгу была известна российская внутривластная коллизия, но не во всех деталях. Он, как и девять процентов аналитиков, продолжал считать Великого князя фигурой совершенно номинальной, а тут

вдруг оказалось, что нынешний Романов несколько отличается от своих предшественников.

Хотя бы тем, что сам или по подсказке того же Чекменева осознал грядущие катаклизмы, внешние и внутренние, смертельно опасные именно для России в первую очередь, с ее совершенно не подходящим для ответа на вызовы времени государственным устройством.

А мировой экономический и политический кризис стоял на пороге, грозящий в перспективе стать похуже прошлой Мировой войны и Великой депрессии, вместе взятых, в этом и Чекменев и Розенцвейг сходились во мнении, хотя исходные посылки у них были разные.

Подполковник как-то спросил майора, не удивляет ли его факт, что они оба, в принципе самые обычные, ничем не примечательные люди, осознают то, что непонятно тем, кто занимает высокие посты и должен быть мудр по определению.

— Кокетничаєте, Игорь? — спросил израильтянин.

— Отнюдь. Искренне недоумеваю. Исходя из собственного жизненного опыта.

— Напрасно. Возможно, вы об этом не задумывались, но действительно умный большой политик — редчайшее исключение. Потому что ум и воля к власти — две вещи несовместные. Умный и мыслящий человек обязан во всем сомневаться, в том числе и в правильности своих силлогизмов, он постоянно ставит себя на место своих оппонентов, входит в положение окружающих его людей. И так далее. Политик же должен, уверовав в свое предназначение, переть как танк, отсекая все и всех, что ему мешает в данный момент. Иначе он просто не состоится. А чтобы сочеталось и то и другое... Да, был Бисмарк, Черчилль, Рузвельт... Вот и все, пожалуй.

Чекменев подумал, что из русских мог бы назвать еще и Петра Великого, но не стал этого делать. Были у него насчет Петра некоторые сомнения. Больше же никто не приходил на ум. Иван Калита слишком далеко, любой из Романовых, даже царь-освободитель Александр Второй, не дотягивал в смысле государственной мудрости.

— Зато люди незначительные, вроде нас с вами, — продолжал Розенцвейг, — нередко проявляли гениальную

★ способность предвидения. Да вот что далеко ходить, недавно попалась мне в старом журнале докладная записка одного из придворных вашего последнего царя, генерала Дурново, датированная 1912 годом. В ней он на десяти страницах подробнейшим образом предсказал возможность грядущей Мировой войны и ее политические последствия, включая крушение монархии и гражданскую войну. И что?

— Знаю этот документ. И согласен с вашими выводами. Но что из этого вытекает?

— То, что у нас с вами есть шанс хотя бы сейчас переломить эту тенденцию.

Вот после этой беседы и возникла у него идея организации при ставке Олега Константиновича совершенно секретного кризисного штаба. Благо еще, что был в стране местоблюститель, человек, теоретически способный возложить на себя бремя государственной власти. Но в том-то и беда, что чисто теоретически. Реально представить себе, что в мирное время удастся собрать новое Учредительное собрание или Всероссийский Земский Собор, который двумя третями голосов согласится с восстановлением монархии, хотя и конституционной, было невозможно. А в условиях кризиса — тем более.

Поначалу князь вроде бы не слишком всерьез принимал опасения и идеи своего адъютанта, но в то же время и не спорил с ним. Разрешил, в виде эксперимента, создать небольшое аналитическое бюро со штатом всего в пять человек и выделил скромное финансирование.

Но когда докладные записки Чекменева о грядущих политических потрясениях начали с пугающей регулярностью сбываться, князь поверил в него всерьез.

— Как вы это ухитряетесь делать, капитан? Неужели чисто умозрительно?

— Именно так, Ваше Императорское Высочество. Информации в мире достаточно. И если знать, что именно ты хочешь узнать, — ответ непременно найдется. Проблема только в том, чтобы корректно сформулировать вопрос.

— И какой же вопрос вы ставите перед собой сейчас?

— Когда начнется Вторая мировая война...

Следующие годы Чекменев старательно плел паутину вокруг границ России и за ее пределами, покупал, перевербовывал и уничтожал лидеров, функционеров, агентуру «Черного интернационала», передавал информацию на их пособников в России соответствующим службам через специально созданные каналы, чтобы самому оставаться в тени. Одной из его главных забот по-прежнему оставалось сохранение полного инкогнито возглавляемой им конторы.

И такое положение вполне устраивало и его, и Великого князя.

За исключением одного момента — подполковник был ярым противником республиканского устройства России и убежденным сторонником «демократического самодержавия».

Когда Олег Константинович при случае спросил, что бы должен означать сей странный оксюморон¹, Чекменев ответил: «Ничего сверх того, Ваше Императорское Высочество, чтобы должным образом принятые законы государства вытекали из смысла и обычаев жизни и были равно обязательны для исполнения любым гражданином, включая самодержца. Каждый же гражданин, подобно тому, как это было в Древнем Риме, должен руководствоваться принципом: «Благо Отечества — высший закон».

— Утопия, — без выражения ответил князь, — ты только не вздумай свои идеи в прессе пропагандировать... — и более к этой теме они не возвращались.

Но каждый, похоже, остался при своем мнении.

В прессе, само собой, Чекменев с призывами восстановить самодержавие не выступал, однако для себя кое-какие записки вел.

Естественно, рассказывая Тарханову о «Черном интернационале», Чекменев многое сознательно упрощал, иначе лекция растянулась бы не на один час, а кое в каких моментах заблуждался и сам.

Просто потому, что полностью достоверной информацией не располагал никто в мире. Как никто не знает

¹ Оксюморон — стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова.

целей, намерений, политических взглядов и личных отношений, связывающих каждую отдельную особь в гигантском муравейнике или термитнике.

Что отнюдь не мешает прихлопнуть ту из них, которая в данный момент вонзает в тебя свои ядовитые жвала, или залить все вокруг мощным репеллентом.

Через три дня Чекменев вылетел в Москву в приятной уверенности, что дезинфекция проведена очень и очень основательная.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

...Чекменев устроил все в наилучшем виде. Ляхову даже не пришлось возвращаться в часть, чтобы сдавать дела, подписывать обходные и заниматься прочими утомительными процедурами. За ним все-таки числилось двадцать пять человек личного состава, в том числе два офицера, шесть единиц военно-транспортной техники и чертова уйма имущества, чисто медицинского и общего назначения, начиная от простыней и одеял вплоть до противогазов, штыков, карабинов и патронов.

И он совсем не был уверен, что при скрупулезном подсчете все сойдется. Не бывало такого и быть не могло. А возмещать убыток, согласно приказу еще от 1947 года, в двенадцатикратном размере ему совершенно не улыбалось. Хотя лично за собой он знал лишь два греха — рас-транжиренные на угощение бригадных и прочих начальников семь литров казенного спирта (за полугодие) и оставленный себе на память «костюм танковый кожаный утепленный». В ожидании грядущих охотничьих вылазок в средней и северной России. Хищением это считать никак нельзя, поскольку в любом варианте названное имущество досталось бы тем же начальникам, но под другим соусом: «Крутоворот вещей в природе».

Однако отвечать на вопросы хозяйственников было неприятно.

Не зря Вадим всю жизнь чурался каких-то руководящих, тем более — связанных с материальной ответствен-

ностью постов, предпочитая исходить из старинной мудрости: «Чем чище погон, тем спокойнее совесть».

А подполковник оформил все очень четко. После соответствующих согласований он привез предписание военврачу Ляхову убыть в очередной отпуск, откуда согласно ранее поданному и удовлетворенному рапорту на имя генерал-инспектора медицинской службы ему надлежит отбыть к новому месту службы, в крепость Петропавловск-Камчатский (как говорится, и хотел бы подальше, да некуда).

И соответствующие проездные документы, отпускные и прогонные деньги, а также полный расчет за проведенные в боевых условиях 13 месяцев со всеми зачетами и льготами.

Потом они поехали совсем не туда, куда предполагал Ляхов. Не в аэропорт «Теодор Герцль» в Тель-Авиве, а на базу гидросамолетов флота, где его посадили на борт, вылетающий в Севастополь, без всякой регистрации, под видом одного из постоянно снующих туда и обратно инженеров, механиков, кондукторов и младших офицеров, не желающих тратить прогонные деньги и обходящихся «жидкими билетами». Литр коньяка пилотам с «чужих» офицеров, литр водки с моряков.

Дальше он поехал в нормальном вагоне первого класса, как и приличествовало его чину.

В Москве Ляхов появился уже с новыми документами, как полноценный строевой капитан Экспедиционного корпуса Вадим же, но Половцев. Имя оставил прежнее, чтобы легче запомнить, а фамилию выбрал по ассоциации — что ляхи, что половцы — все равно традиционные соперники росичей на исконной территории.

Там, куда Вадим имел предписание, приняли его неплохо.

Полковник в Собственной канцелярии Великого князя был любезен, но до того вылощен, что становилось даже неудобно за свой вполне приличный для армейца, но здесь смотрящийся убого полевой наряд.

Он поинтересовался, есть ли господину капитану где остановиться, и предложил на выбор «Националь» или

«Московскую», где имелись свободные, закрепленные за канцелярией номера.

Вадим выбрал «Националь», у этой гостиницы была история и своеобразная атмосфера, а не современный голый функционализм.

— Если только отдельный номер, — добавил он, привыкнув за последнее время к спартанской скудости случайного офицерского жилья, и тут же понял, что сморозил глупость. С таким недоуменным удивлением посмотрел на него полковник.

Разместившись на 7-м этаже, в просторном номере с видом на Манеж, кремлевские стены и Исторический музей, Вадим отправился бродить по старым улицам и переулкам центра. Искать кого-либо из немногих старых знакомых, осевших в Москве, ему не хотелось, не прельщала перспектива исполнять ритуал встречи, пить водку, рассказывать о себе и выслушивать неинтересные подробности чужой жизни.

Перспектива одиночества, отстраненности от мира, который с некоторых пор воспринимался опасным и враждебным, манила и затягивала его все глубже.

Он не пожалел о своем решении. Вечер был чудо как хорош — пасмурный, сырой и теплый, даже не похоже, что январь, в воздухе пахло мартом. Деревья в саду Эрмитаж стояли мокрые, черные и голые, чуть слышно шуршали и постукивали ветками, над их вершинами кружились вороны, но каркали как-то очень деликатно, изредка и негромко.

Вадим сел на старую скамейку у подножия огромной липы. Наверное, она была такой же большой и старой уже тогда, полторы сотни лет назад, когда открылся этот парк. И кто-то так же вот сидел здесь тогда, в самый первый вечер, на этой же скамейке с литыми чугунными лапами. Ему вдруг захотелось увидеть этого человека.

Сад был тих и пуст, трудно поверить, что в нескольких десятках метров отсюда напряженно пульсирует самый центр столицы, ее нервный узел.

Ляхов долго сидел так, курил одну за другой легкие асмоловские сигареты и думал о том, что неловко все по-

лучается. Он вот здесь, и завтра его, наверное, примет Великий князь, а Тарханов глупейшим образом погиб, только-только выбравшись из одной заварушки и случайно попав в другую. Хотя... все это очень странно. Однако теперь получается так, будто он, Вадим, узурпирует славу товарища, который, по совести, только и имеет на нее право.

Мало ли, что сам он ни в чем не виноват, отнюдь не «тянет одеяло на себя», даже наоборот, и всего лишь выполняет приказы вышестоящих. Как писал поэт: «Нет никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны. И все же, все же, все же...»

Стало очень грустно. Появился в его жизни хороший человек и надежный товарищ и тут же исчез.

А как хорошо было бы сейчас посидеть с ним рядом. Обсудить грядущее, достать из кармана шинели фляжку коньяка или даже спирта. Верилось, что Сергей что-то умное и важное подсказал бы насчет будущего. Он-то в этих делах понимал куда больше.

А сам Вадим? Кто он есть сейчас? Призванный из запаса офицер, причем не настоящий даже офицер, а так, доктор... И хитросплетения военно-служебных отношений и большой политики были ему моментами совершенно непонятны.

Вот и сейчас, исходя из обычной психологии, поведение вышестоящих начальников нельзя объяснить рационально. Случай пусть и неординарный, но не настолько же, чтобы удостаивать одного из участников Высочайшей аудиенции, вызывать его с края света. Однако ж вызвали, снабдив при этом новым именем и чином, устроили в отличную гостиницу, включили в сценарий своеобразной, скрытой от непосвященных жизни монархического анклава в республиканской метрополии.

Но в чем смысл свершающегося и уже свершившегося?

Вот, случилось так, что для него оказался верным предрассудок, владеющий почти каждым на войне: меня не убьют, этого просто не может быть. Хотя многих тем не

менее убивают. То, что он сейчас жив, — не его заслуга. Это судьба. Он убил (правда, так не принято говорить в армии — убил, уничтожил — это благороднее) несколько десятков человек. (Тоже не так. Неприятелей, или врагов, или «живую силу численностью до роты».) За это его наверняка возвысят, наградят.

Он снова подумал о вожденном геройском «терновом венце» и на всякий случай сделал сицилийские «рога» мизинцем и указательным пальцем. Чтобы не сглазить.

А дальше? Остаться в армии, в воюющих частях, или устроиться на теплое местечко, в буквальном смысле, на одном из кораблей Средиземноморской эскадры, как ему не раз приходило в голову? И что? Лечить матросиков от простуды и поносов, остальное время играя в бильярд и попивая вино в кают-компани? Скучно.

Или добиться увольнения, заняться частной практикой? И ежеутренне просыпаться, думая, не сегодня ли, наконец, разыщут его мстители джихада?

Тоже перспектива не из веселых.

Но это будет позже, а чем бы заняться сейчас? Пойти в ресторан, который виднеется за деревьями, в Зеркальный зал? Наплевать на все, прилично выпить, и пусть все идет, как хочет?

Он сидел и каблуком сапога долбил ямку в толстом слое кирпичной крошки, покрывающей дорожку. Ямка получилась довольно глубокая.

...Готовясь к аудиенции, Вадим прочитал все, что смог найти касательно существующего в России уже восемьдесят лет института регентства и ныне занимающего этот пост человека.

Великий князь Олег Константинович, собственно, не был регентом. Так его называли в просторечии и, разумеется, за глаза. Официально же должность называлась «Местоблюститель Императорского престола». И был он на ней пятым по счету, пребывая на этом странном в демократическом государстве посту уже десятый год.

Предыстория же вопроса такова: после подавления большевистского мятежа в 1920 году было собрано, нако-

нец, назначенное еще два года назад Учредительное собрание для определения нового государственного устройства и способа правления.

После гибели Императора во время матросского мятежа в Гельсингфорсе, а потом на фронте под Екатеринодаром и его брата Михаила, объявленного наследником, но так и не успевшего принять бразды, трон оставался вакантным.

Цесаревич Алексей с матерью, императрицей Александрой Федоровной, отказавшейся от имени сына от всех прав на престол, четырьмя сестрами и бабушкой, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, скрывался в Дании, где бывшая августейшая семья вела исключительно частную жизнь и слышать не хотела о возвращении в жестокую и неблагоприятную Россию.

В ходе двухнедельных заседаний Учредительного собрания блок «умеренных», включавший кадетов, правых эсеров, социал-демократов (меньшевиков) большинством голосов потребовал объявить Россию Демократической республикой. Против чего резко выступили октябристы, монархисты и националисты правого толка. То есть партии, чье представительство в Собрании составляло лишь около тридцати процентов, но зато компенсировалось единодушием и напористостью.

Поскольку именно правые фактически возглавляли победоносное Белое движение и в их лидерах значились такие авторитетные персоны, как генералы Корнилов, Деникин, Краснов, Юденич, опытные думские бойцы еще дореволюционного созыва Шульгин, Гучков, Пуришкевич, им не слишком трудно было сломать сопротивление разобщенных, смутно представляющих, чего именно они хотят, либералов.

Кроме того, как известно, на «прогрессивного либерала» достаточно с должной уверенностью топнуть ногой, и он с радостью «идет на компромисс».

Программа-максимум «правых» предполагала введение конституционной монархии по английскому образцу, а средством давления была избрана ясно выраженная угроза покинуть собрание и чуть ли не продолжить гражданскую войну.

Весь мир услышал произнесенную с думской трибуны фразу Лавра Георгиевича Корнилова: «Господа! Впервые в истории тот, кто мог бы объявить себя диктатором с неограниченными полномочиями, обращается к вам с просьбой — не доводите до греха!»

Прищур калмыцких глаз генерала произвел впечатление, и компромисс был достигнут.

Фактически Россия становилась парламентской республикой с официальным наименованием — Государство Российское, но монархия официально не отменялась. Для сохранения ее, так сказать, в латентном состоянии и был учрежден пост Местоблюстителя престола, который должен занимать «по конкурсу» один из Великих князей, к которым, во изменение ранее действовавших законов, отныне причислялись прямые потомки любого из когда-либо царствовавших императоров династии Романовых, а не только сыновья и внуки последнего по счету.

По протоколу эта тщательно прописанная процедура напоминала выборы папы римского конклавом кардиналов.

Вопрос же о дальнейшей судьбе монархии решили оставить на усмотрение грядущих поколений россиян, ибо никто из переживших Великую Смуту политиков, все еще переполняемых эмоциями кровавой битвы, не мог провидеть будущего и не хотел брать на себя ношу не по силам.

Потребуется еще не родившимся соотечественникам царь — вот и пожалуйста, все наготове. Решит очередное всенародное вече, что монархическая идея окончательно умерла, пусть само ее и упраздняет.

Оговорено было также, что впредь Великие князья и Великие княжны должны вступать в брак исключительно с российскоподданными, пусть и не царских кровей, но из родов, непременно занесенных в Бархатные книги не позднее царствования Екатерины Великой.

Резиденция Местоблюстителя определялась в Москве, а правительство державы помещалось в Петрограде.

«Регент» реальной государственной властью как бы и не обладал, но зато не подчинялся парламенту и премьер-

министру, а лишь только Конституции, и являлся непременным¹ заместителем председателя Государственного совета. До своего избрания претендент должен был обязательно послужить в армии в офицерских чинах и иметь академическое военное образование, поскольку, заступая в должность, автоматически становился главнокомандующим гвардией и генерал-губернатором Москвы и Московского военного округа.

Он же имел право своими указами присваивать офицерские чины в гвардии до полковника включительно, награждать оставшимися от царского времени орденами. Новыми, республиканскими, — нет. Ну и еще на него возлагался ряд церемониальных обязанностей общероссийского уровня.

Так что псевдомонархическая власть получалась не такой уж маленькой.

Вот с такой фигурой и предстояло встретиться Ляхову.

Когда, еще в Хайфе, Чекменев сообщил Вадиму, что ему надлежит явиться в канцелярию наместника, он несколько удивился. Хотя Отдельный корпус формально и числился в составе гвардии, Ляхову казалось, что Великий князь слишком высокопоставленная и одновременно несколько декоративная фигура, чтобы всерьез вникать в повседневную жизнь войск, тем более находящихся вдали от родины.

Теперь, ознакомившись с личностью и деятельностью Местоблюстителя, он так больше не думал.

Из биографической справки следовало, что Олег Константинович относился к той ветви Великих князей, что происходили от младших сыновей Александра Второго. Он был возведен в наместники в тридцативосьмилетнем возрасте, до этого преуспел в науках (экономическая география, этнография, автор нескольких книг, лауреат золотых медалей российского и британского географических обществ) и, разумеется, отличился на фронтах.

В строю дослужился до полковника, участвовал в нескольких пограничных конфликтах на Дальнем Восто-

¹ Постоянным и несменяемым.

★
ке, в Афганистане, в составе Экспедиционного корпуса воевал в Северной Африке и в Персии. Кавалер десятка российских и иностранных орденов, имеет нашивки за ранения. При избрании на пост Местоблюстителя произведен в чин генерал-лейтенанта гвардии и генерал-адъютанта Императорского престола.

Из всего этого следовало, что Олег Константинович не мог не принять близко к сердцу геройский подвиг двух однополчан. Тем более что соответствующую информацию с всеподданнейшими рекомендациями он получил от человека, которому полностью доверял.

Прием был обставлен по протоколу «вне протокола». То есть удостоенный аудиенции должен был явиться в строевой форме одежды, при орденах и холодном оружии. Число участников — на усмотрение Его Императорского Высочества, роль церемониймейстера исполняет дежурный генерал при ставке.

Ляхов в сопровождении флигель-адъютанта поднялся по парадной лестнице резиденции Великого князя, помещавшейся в бывшем здании городской Думы, по левую сторону от Иверских ворот Красной площади.

Часовые у высоких резных дверей взяли карабины «на караул по-ефрейторски», двери распахнулись как бы сами собой.

Одновременно с Ляховым, только с другой стороны, в зал вступил Местоблюститель в сопровождении свиты из трех человек. Из скрытых в стенах динамиков не слишком громко зазвучал Преображенский марш.

Чувствуя себя несколько глуповато (в придворных церемониях он раньше участия не принимал и находил их странным пережитком давно ушедшего мира) и одновременно взволнованным, Ляхов, стараясь не потерять равновесия и не уклониться с середины ковровой дорожки, строевым шагом, левой рукой придерживая шашку, пересек гостиную, украшенную картинами батального содержания, остановился в четырех шагах от Великого князя, достаточно четко отдал честь и негромко, но разборчиво представился.

Пожал протянутую руку князя, двух генералов и одного человека в неброском, но крайне элегантном штатском

костюме, после чего замер, не зная, что делать дальше в предложенных обстоятельствах.

Просто смотрел в интеллигентное и одновременно мужественное лицо Олега Константиновича, украшенное небольшой каштановой бородкой, и думал, что сильны романовские гены, через сто с лишним лет после смерти прототипа сумевшие воспроизвести почти точную копию Александра Второго, царя-освободителя. Великий князь только несколько уступал ростом своему августейшему прапрадеду.

На Местоблюстителе был простого покроя китель светло-болотного цвета, синие галифе с лампасами, высокие кавалерийские сапоги со шпорами. У левого бедра офицерская шашка позапрошлого века с позолоченным, а скорее всего, золотым эфесом и наградным аннинским темляком.

Генеральские погоны с вензелями Николая Второго, неброские аксельбанты в три шнура, шейный крест ордена Андрея Первозванного.

Весьма представительный и внушающий уважение человек. Вадим раньше нередко видел его на экранах, но в жизни князь выглядел куда более впечатляюще.

Магнетизм титула или действительно сильная личность с высокой энергетикой?

— Прошу, капитан. — Олег Константинович указал рукой в белой лайковой перчатке на стол в углу. Ляхов мог бы поклясться, что никакого стола на этом месте только что не было. Или же он был так поглощен придворными процедурами, что напрочь потерял наблюдательность?

Хитрая все-таки штука — должным образом организованный церемониал. Вот он, Вадим Ляхов, свободомыслящая личность, крайне далекая от монархических иллюзий и верноподданнических чувств, а столкнулся со всей этой архаикой непосредственно и тут же попал под ее скромное, но навязчивое обаяние.

Наверное, по аналогичной причине отцы-основатели новой, демократической России и не сумели или не сочли возможным избавиться раз и навсегда от пережитков многовекового самодержавия. И, возможно, поступили очень правильно.

Бесшумно возникшие из складок драпировки лакеи наполнили широкие хрустальные бокалы шампанским.

— За славу русского оружия! — провозгласил Великий князь и мелкими глотками осушил до дна бокал по-настоящему ледяного вина.

«Как это у него ловко получается», — подумал Вадим. Сам он допил брют с большим трудом, от слишком холодных напитков у него всегда и мгновенно начинало болеть горло. До судорожных спазмов. Но он все же пересилил себя.

— Теперь давайте немного побеседуем. О случившемся, и не только о нем.

Тут Вадим получил еще один урок — владения искусством настоящей светской беседы.

Князь неувовимо легко вел разговор, задавал интересные его вопросы, позволял собеседнику ответить ровно столько, сколько требовалось, вроде бы не перебивая, изящно менял тему, когда находил это нужным, элегантно шутил к месту, и в итоге получилось, что Ляхов сообщил князю все, что тому хотелось узнать, сам не получив в ответ никакой значащей информации.

Потребовалось сделать значительное усилие, чтобы вырваться из словесных кружев, сплетаемых князем, и в довольно категорическом тоне, здесь, видимо, не принятом, заявить, что он, Ляхов, весьма благодарен за оказанную ему честь, но все же главным героем случившегося является капитан Тарханов, организатор и руководитель боя, он же лишь выполнял указания в меру сил и возможностей. И если бы Тарханов был ранен хоть на полчаса раньше...

— Простите, капитан, но вы рассуждаете совершенно неверно, — с любезной улыбкой, но достаточно жестким тоном возразил князь, — военное дело еще в большей степени, чем история, не терпит сослагательного наклонения.

Есть только то, что есть в настоящее время, а то, что могло бы быть в том или в другом случае, — не суть важно. Желаю вам впредь руководствоваться именно этой максимой.

В то же время очевидная случайность моего, а также

и вашего существования отнюдь не умаляет совершенных нами в жизни дел и не лишает юридической силы тот Рескрипт, который сейчас же и огласит мой флигель-адъютант генерал Берсенеv.

Генерал, сидевший вторым по правую руку Олега Константиновича, встал и хорошо поставленным голосом зачитал Высочайший Рескрипт, отданный сего, пятнадцатого числа января месяца две тысячи пятого года в городе Москве.

В короткой преамбуле излагались суть и содержание подвига, совершенного капитаном Отдельного экспедиционного корпуса Тархановым и военврачом третьего ранга того же корпуса Ляховым первого января текущего года при исполнении Присяги и воинского долга.

Далее шла суть.

«На основании вышеизложенного, правом, данным мне Конституцией Государства Российского, я, Местоблюститель Российского Императорского Престола Великий князь Олег, повелеваю: произвести военврача третьего ранга Ляхова В.П. в чин полковника Российской гвардии с причислением к ней пожизненно со всеми вытекающими правами и привилегиями. Удостоить также означенного офицера ордена Святого Георгия четвертой степени. Кроме того, по поручению Правительства Государства Российского сообщая, что Правительство своим постановлением № 0226-п от 18 января 2005 года по нашему же представлению полковнику Ляхову присуждает почетное звание Герой России с вручением соответствующих знаков и документов».

Вадим чувствовал себя не столько обрадованным, сколько ошеломленным. Наград и почестей было слишком много.

Во-первых, из категории военных врачей, чей чин лишь формально приравнивался к капитанскому, он, по гвардейской табели о рангах, где отсутствовал чин подполковника, сразу получил погоны, которых в ином случае пришлось бы ждать минимум лет десять или не дожидаться вообще никогда.

Во-вторых, старинный орден Святого Георгия хотя и

не входил в реестр государственных наград, а вручался как бы от имени несуществующего монарха, на практике ценился куда выше любого официального. И, наконец, звание Герой России являлось не только высшей степенью признания заслуг, но и влекло за собой массу преимуществ по службе, а также и солидное денежное вознаграждение.

Охваченный этими мыслями и эмоциями, Вадим чуть не пропустил последний пункт: «Настоящий Рескрипт по Высочайшему благоволению является секретным, до особого распоряжения публикации не подлежит».

Дочитав, генерал вручил Вадиму папку с Рескриптом и обтянутые золотистым муаром коробочки с орденскими знаками.

Ляхов осипшим голосом едва сумел ответить «Служу Отечеству!».

После чего свитские генералы строевым шагом покинули зал, а Ляхова Великий князь движением руки пригласил пройти в скрытую за драпировками невысокую дверь. Следом вошел неназванный господин в штатском.

— Садитесь, полковник. Понимаю, что некоторые принятые у нас процедуры кажутся вам архаическими, а сами мы — невозможными ретроgrадами, но тут уж ничего не поделаешь. В обществе должно быть хоть что-то незыблемое, олицетворяющее традиции и высший смысл. Как подъем флага на корабле или «вечерняя зоря с церемонией» в армии. В идеале каждый военнoслужаший должен быть уверен, что если флаг не поднят в восемь ноль-ноль, то в восемь ноль-одна наступит конец света.

— Я все понимаю, Ваше Императорское Высочество.

— Значит, считаем тему закрытой. А теперь нам следует уточнить кое-какие важные для вас детали.

Вот господин Лисафьев, Кирилл Антонович, начальник собственной нашей Тайной канцелярии, проинформировал меня о работе, которую провел с вами подполковник Чекменев. Я ее одобряю. Следовательно, только что оглашенный Рескрипт к господину Половцеву не имеет ровно никакого отношения. Более того, господин Половцев до настоящего времени является как бы «персоной,

фигуры не имеющей», поскольку, кроме офицерского удостоверения на это имя, ничего иного в природе не существует. Поэтому следует легализовать господина Половцева в полной мере.

Вот Кирилл Антонович вместе с вами этим и займется. Я заранее согласен с любым вашим решением и скреплю его своей подписью. Выскажу только свое личное пожелание, ни к чему, впрочем, вас не обязывающее. Я бы хотел, чтобы вы остались на службе. Нам очень нужны надежные и мужественные офицеры.

— Слушаюсь, Ваше Императорское Высочество!

— Вот и хорошо. Надеюсь, мы с вами еще не раз встретимся. Не смею больше задерживать. Рад был бы вместе с вами отпраздновать новый чин и награды, как у нас в гвардии принято, но, увы, не располагаю временем.

Лисафьев догнал Ляхова уже на лестнице.

Вадим только сейчас к нему более-менее присмотрелся. До этого был отвлечен другими эмоциями.

Да и неудивительно. Этот человек, наверняка один из самых могущественных если не во всей России, то уж в зоне влияния Великого князя наверняка, был удивительно банален в своей элегантности. Раньше Вадим читал и слышал, что руководители и сотрудники тайных служб отличаются неприметностью и своеобразной серостью облика, а Кирилл Антонович годился для съемок в кино на роли великосветских стареющих денди.

И в то же время... Представительный седеющий господин, каждая деталь костюма которого и каждая черточка лица прямо-таки возглашают — смотрите, какой я утонченный, изысканный, красивый, несмотря на возраст. А отвернешься, отвлечешься на минуту — и не сможешь узнать его в толпе, более того — и словесного портрета не составишь.

Оригинальный, между прочим, способ маскировки.

Лисафьев оправил перед зеркалом лацканы поданного гардеробщиком пальто мышиного цвета в черную клетку, уточнил положение шляпы над правой бровью.

— Поедем, что ли, мон колонель? Карета подана.

Тон у него вдруг оказался небрежно-ухарским, будто

в ресторан к цыганам приглашал, а не в какую-то свою тайную контору.

Карета не карета, а автомобиль у Лисафьева был солидный, под стать должности. Только вот обязательные для персоны такого ранга шофер с охранником отсутствовали, и за руль он сел сам. Любил, наверное, это дело или не хотел, чтобы хоть кто-нибудь был осведомлен в его передвижениях и контактах.

Но привез он Ляхова отнюдь не в легкомысленное заведение и даже не на конспиративную квартиру, а в совершенно бюрократического вида контору.

Кабинет начальника средней руки в покоем на неуклюжий старинный комод особняке где-то неподалеку от подвесного моста через Москву-реку. Город Вадим знал плохо и сообразил только, что отсюда не слишком далеко до Нескучного сада.

Правда, книг в кабинете было многовато для обычного чиновника. Они не только заполняли высокие дубовые шкафы, а еще и лежали грудami и пачками на краю стола, на подоконниках и даже на диване. И во многих торчали закладки, причем совершенно плебейские — то страничка из настольного календаря, а то и просто косо оборванный угол газетного листа.

За окнами снова летел крупный снег, да и бордовые шторы задерживали их до половины, отчего сумрачно было, неуютно как-то в комнате. И зябко. Чувствуя это, хозяин сразу включил настольную лампу и крутнул ручку климатизатора.

— Держите себя запросто. — Кирилл Антонович бросил пальто на спинку дивана, однако гостю указал на рогатую вешалку справа от двери.

И Вадим действительно, непонятно даже почему, ощутил некоторую легкость. В конце-то концов, вся официальщина позади, мыслимые и немыслимые награды и почести он получил, теперь о чем же комплексовать? Своим начальником он этого могущественного человека не ощущал, подвохов с его стороны не ждал тем более.

— Олег Константинович намекнул нам, полковник, что отпраздновать вашу удачу совсем не грех. Да мы бы и

без него догадались, правда? — хитро улыбаясь, сказал начальник Тайной канцелярии, извлекая из тумбы стола бутылку коньяка и крупный, очень спелый лимон.

И таким предвкушением светилось его лицо, что Вадим подумал, а не тайный ли вы алкоголик, господин Лисафьев? Только простое соображение, что выпить Кирилл Антонович мог бы и без него, и в любое время, и в любом количестве, в корне ликвидировало бестактное подозрение. Ну хочет тебя хороший человек поздравить с чином и орденами, так что же кочевряжиться?

И выпили, и закусили, и еще раз выпили.

Вадим почувствовал, что способность провидения ближайшего будущего, вдруг оставившая его во дворце Регента, снова к нему возвращается.

— Так что же, полковник, мы с вами будем делать? — спросил Лисафьев, промокнув губы салфеткой и закуривая. — Князь свое пожелание высказал, но мы что будем делать? Фер то же?¹

— Не совсем улавливаю вашу мысль, — осторожно сказал Ляхов, на самом деле все прекрасно понимая.

— Желаете валять дурака? Пожалуйста. Будем рассуждать в этом ключе. Князь при своей обычной широте души дал вам такой карт-бланш, с которым лично я не знаю, что и делать. Ну, вы теперь полковник гвардии. Однако все равно медик. Вашему новому чину соответствует должность как минимум начальника одного из департаментов Главмедсанупра. Или — медслужбы корпуса. Вы готовы ее занять? Я уж не говорю об уровне вашей реальной квалификации, но в вашем довольно замкнутом мире наследников Гиппократов как воспримут появление ниоткуда тридцатилетнего начальника?

Кто вы такой, где учились, с кем работали? У вас есть имя, у вас есть труды? Кто вообще когда-нибудь слышал про врача с фамилией Половцев, хоть в армии, хоть на гражданке? А если завтра появится человек, который скажет — да ведь этот парень семь лет назад сдавал у меня

¹ Намеренно искаженное французское выражение, долженствующее означать: «Делать-то что?»

экзамены, а теперь он нами руководит? И ведь наверняка появится...

Ляхов только молча кивнул. Возразить «опричному генералу» было нечего. Все именно так и будет.

— Далее. Только не подумайте, что я пытаюсь ревизовать приказ Великого князя, я просто рассуждаю. В чине полковника гвардии вы готовы принять командование хотя бы полком? Бригадой? Возглавить штаб дивизии?

И здесь Вадим понуро кивнул, признавая правоту собеседника.

«Играйтесь, играйтесь, господин начальник, — думал он про себя с усмешкой. — Только для чего это вам, пока не пойму. Показать мне, что ли, хотите, что князь князем, а хозяин ситуации все равно вы? Мелковато вроде бы...»

— Так давайте все же уволим меня на гражданку. С чином полковника в отставке и пожалованными орденами я вполне хорошо могу устроить себе частную практику...

Лисафьев вроде бы даже испугался.

— Да кто ж нам такое позволит? Вы просьбу князя слышали? А это куда серьезнее, чем прямой приказ. Хотите быть замеченным в неуважении Величества?

— Так у нас вроде республика. По крайней мере, за пределами Москвы...

— Нравится вам шутить, так шутите, — грустно сказал Лисафьев, снова наливая коньяк.

— А что, наказать можете за неуважение высочайшего мнения?

— Ох, ну как же вы там все наивны, в вашем так называемом свободном и демократическом Петрограде. А Москва для вас, значит, заповедник тирании, навроде времен Ивана Грозного. Опричная слобода. Одного не поймете — здесь-то к вам как к настоящим людям относятся, в меру личных заслуг и качеств, а там — «Либерте, эгалите, фратерните». Дураку, может, и лестно, а умному человеку?

Ляхов понял, что здесь не то место, чтобы развлекаться и тешиться мыслью, несмотря на свое, якобы высокое теперь положение. Тем более чутье подсказывало, что вся эта преамбула — не более чем способ подвести его к

мысли, что единственное место, где новоиспеченный полковник будет себя чувствовать просто и комфортно, — это как раз возглавляемая господином Лисафьевым служба.

Но вот туда идти Вадиму категорически не хотелось. Этакая интеллигентская неприязнь к жандармской профессии. А куда деваться?

— Знаете что, ваше превосходительство? Это я только с виду такой дурак, а на самом деле... Отчего бы вам не отправить меня на учебу? Слышал я, что Военно-дипломатическая академия тоже в какой-то мере входит в круг интересов Олега Константиновича, раз помещается в Москве, а не в Петрограде. Толкового врача из меня явно не вышло, так, может, на новой стезе себя проявлю?

Ляхов понял, что сказал совсем не то, что от него ждали, но и особых вариантов он своим предложением начальнику Тайного приказа не оставил.

Тот довольно долго молчал, пожевывая губами. Потом лицо его просветлело.

— А недурно, очень недурно вы придумали. Масса проблем сама собой снимается. И при деле целых четыре года будете, и образованность свою повысите, с дальнейшей карьерой проблем не будет. Генералом лет в тридцать пять можете стать. А до того, кроме стипендий, полковничий оклад в полном объеме получать будете. Истинно молодец, подполковник Чекменев в вас не ошибся. Да и мы с князем...

Теперь осталось только достойную биографию вам придумать, по документам все провести. Но это нам не сложно. Одно имейте в виду — геройский свой знак вы в нынешней ипостаси носить не будете. Во избежание лишних вопросов. А крестик Георгиевский можете, тут никаких сложностей.

Итак, приступим...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Большая парусно-моторная яхта турецкого миллиардера Ибрагима Катранджи, скорее похожая на океанский пакетбот середины XIX века, неторопливо крейсировала

вдоль северного берега Персидского залива. Погода благоприятствовала морской прогулке. Почти неподвижная индиговая вода залива, легкий бриз с вершин хребта Загрос.

На корме под белым парусиновым тентом предавались послеполуденному кайфу несколько человек. Сам хозяин, представительный мужчина лет пятидесяти, трое гостей восточной наружности и европеец, по виду славянин или прибалт. Несмотря на то что почти все они выглядели мусульманами и на гафеле бизань-мачты колыбался красно-голубой вымпел с полумесяцем, стол, кроме обычных восточных закусок и сластей, был обильно сервирован многочисленными бутылками и графинами, причем не только с прохладительными напитками, но и винами, коньяками, даже русскую водку можно было здесь отыскать.

Правда, участники застолья спиртным не злоупотребляли.

Говорили по преимуществу об итогах недавно завершившейся арабо-израильской войны. На которую возлагали столько надежд и которая столь быстро и бесславно была проиграна. Обсуждали перипетии сражений азартно, заново переживая горечь поражения. Естественно, со своей точки зрения, скорее тактически, не вдаваясь в долгосрочные политические последствия, поскольку на государственном уровне проблемой занимаются правительства, Организация арабского единства, Исламская конференция и тому подобные структуры.

Но вот как раз хозяина, господина Катранджи, это все волновало мало. Как турок, он, скорее, в глубине души радовался очередному ослаблению геополитических соперников, нежели скорбел.

Тем более что отчаянный, плохо подготовленный и мало кому понятный бросок арабских армий на Израиль был на самом деле направлен чуть ли не лично против самого миллиардера. Он расценивал эту войну как попытку недобросовестных партнеров в последний момент сорвать плод, который он выращивал долго и старательно, и сбежать с добычей.

Что ж, они достаточно наказаны, и напыщенный египетский король Фарух с его бездарными маршалами, которых у него больше, чем у Наполеона, и по недомыслию примкнувшие к нему союзники, лишившиеся почти всей своей тяжелой техники и многих тысяч солдат.

Так даже лучше, потому что сам Катранджи не потерял ничего, кроме нескольких миллионов фунтов и какого-то количества времени. Впрочем, время, как и деньги, он компенсирует. Раньше это, кажется, еще никому не удавалось.

Миллиардер довольно хохотнул при этой мысли, сделал большой глоток красного греческого вина. Греков он терпеть не мог, но их вина, душистые и терпкие, ценил. Особенно они хороши в жару. Разжижают кровь и утоляют жажду.

Что там болтают эти глупые люди, одержимые страстью к реваншу?

— Само существование государства Израиль — это уже агрессия против святой арабской нации. Любой мир — лишь прелюдия к новой войне, в которой мы достигнем, наконец, своей цели. И горе неверным, которые поддерживают Израиль и тем самым бросают нам вызов.

Из этого следует, что виновные в нашем последнем поражении должны быть наказаны, причем, поскольку об использовании регулярных армий на ближайшие годы придется забыть, все ставки будут сделаны на «стратегию непрямых действий». Зато здесь мы превосходим врагов с их примитивным европейским «рациональным мышлением».

Мы начинаем операцию «Укус скорпиона». Мы заставим врага ужалить самого себя и умереть от собственного яда. Лишь бы только нам удалось получить копию «Гнева Аллаха»... — громко, не опасаясь, как на берегу, подслушивающих устройств, рассуждал, а скорее вещал тучный старик, владелец нескольких бейрутских газет и торговых фирм, он же по совместительству идеолог крайне правой антиизраильской организации «Фаланга». — Я слышал, Ибрагим-эффенди, ваши люди входили в контакт с окру-

жением шейха Муслима незадолго до того, как он отправился в свой последний поход?

— Чтобы я знал и контролировал все контакты всех людей, которые работают на меня, моя голова должна быть больше, чем у ифрита из сказок «Тысячи и одной ночи», — с улыбкой сообщил Катранджи. — Только генеральных директоров и президентов моих компаний насчитывается больше пятидесяти. И все они ведут дела самостоятельно, разумеется, до тех пор, пока меня устраивают балансы годовых финансовых отчетов. Однако о «Гневе Аллаха» я тоже слышал. Кстати, довольно безвкусное название. Чем страшнее оружие, тем безобиднее следует его именовать. Так мне кажется... — Говоря, он перебирал унизанными перстнями пальцами крупные черные четки немислимой цены и древности.

И четки и перстни — все это антураж, дань старательно культивируемому облику самодовольного и недалекого набоба¹. На самом деле Катранджи учился и в Петрограде, и в Берлине, без акцента говорил на четырех языках, умел носить и фрак, и смокинг. Кроме того, к слову сказать, название «Гнев Аллаха» придумал именно он, с той же самой целью — напустить как можно больше тумана.

— К сожалению, шейх Муслим унес с собой главную тайну — откуда взялся этот «Гнев», кто его сделал...

— Я думал, вы знаете, Ибрагим-эффенди. Существует мнение, и небезосновательное, что вы знаете все.

— Всего не знает даже Аллах, — смиренно наклонил голову миллиардер.

— Вы кощунствуете, — вставил доселе молчавший чернобородый человек, похожий на перса. — Аллах всемогущ и всеведущ.

— Здесь не место для богословских споров, — ответил Катранджи, который не выносил, когда его перебивали, тем более — в его собственном доме. Кроме того, он был хотя и мусульманин по культуре, но турок, поклонник Ататюрка, а значит, практически атеист. И любил

¹ Неумеренно богатый человек, жизнь которого отличается восточной пышностью и демонстративной роскошью.

дразнить фанатиков любой конфессии. — И я совсем не уверен, что даже Аллах, милостивый и милосердный, вполне осведомлен, скажем, о мыслях и намерениях христианского бога или еврейского Яхве... Но оставим это. — Властным жестом он заставил перса замолчать.

— Может быть, кто-то прояснит, что вообще представляет собой этот «Гнев»? — спросил славянин, которого присутствующие, с некоторым трудом выговаривая имя, звали Станиславом. Он представлял здесь крупнейшую в Европе подпольную организацию «Народовы силы збройны»¹, ставящую своей целью возрождение Великопольско-литовского государства «от моря и до моря».

По причине отсутствия возможностей для реализации программы-максимум ее боевики пока вредили России и Германии там, где удавалось. И возлагали определенные надежды на союз с мусульманами.

— Это все-таки бомба необычайной конструкции или нечто другое? Как можно уничтожить миллионы неверных и самим не задохнуться от миазмов их разлагающихся трупов? Вы представляете, что это будет за ад?

— Я не знаю, как устроена эта адская машина, да и знать мне этого не нужно. Могу только заверить вас, что трупов не будет. Испытания это подтвердили. Ни трупов, ни раненых, ни пленных. Мы получим совершенно пустую, девственную землю со всеми ее богатствами...

— Невероятно! Не могу усомниться в ваших словах, но — невероятно. Если все, что вы говорите, — правда, это похоже на действие нейтронной бомбы, но я все равно не понимаю, куда денется живая органика. Не испарится же?

— В этом и кроется великая тайна, которая принесет нам победу. Сначала в Палестине, а потом и во всем мире. Зеленое знамя Пророка накроет, наконец, всю землю, как и было нам завещано «Невидимым имамом». Создатель «Гнева Аллаха» утверждает, что может придать своей машине любую мощностъ. Достаточную даже для того, чтобы очистить от неверных целые континенты.

¹ Народные вооруженные силы (польск.).

— Это было бы неплохо. Скажем, свободная от москалей полоска между Бугом и Волгой...

Катранджи снова улыбнулся. Пусть собеседники тешат себя несбыточными надеждами. А пока — работают на его замыслы, даже не подозревая об этом.

Он-то как раз знал, что представляет собой устройство, о котором идет речь. И уже успел встретиться с человеком, изготовившим его. И вернуться, чтобы провести нынешнюю встречу.

Дело в том, что господин Катранджи не признавал не только еврейских, но и арабских прав на Палестину, а считал ее своей незаконно экспроприированной собственностью. Поскольку его дед и дед его деда являлись ее потомственными владетельными пашами, чьи вечные и неоспоримые права были в последний раз подтверждены султаном Абдул-Меджидом после подавления мятежа египетского паши Мухаммеда-Али в 1841 году. К сожалению, отец Ибрагима, сначала по малолетству, а потом по случаю поражения Турции в Мировой войне и распада империи не сумел вступить в свои законные права.

Естественно, как человек умный и реалистически мыслящий, тем более занятый успешным, охватывающим Азию, Африку и проникающим на территорию ТАОС¹ бизнесом, он до последнего времени относился к своим ленным правам с известной долей иронии, но и не забывал о них.

Палестинцев же, вообще арабов и иных экстремистов от Тибета до Техаса поддерживал и финансировал просто потому, что очень удобно иметь в друзьях и клиентах вооруженных и хорошо организованных людей, способных между делом проводить по заказу господина Катранджи операции даже и фронтового масштаба.

Потребуется свергнуть президента какого-нибудь Цейлона, установившего запретительные пошлины на ввоз производимых Ибрагимом-эффенди товаров, — всегда можно натравить на него тысяч пять озлобленных и голодных «тамильских тигров». Возникнет необходимость

¹ ТАОС — Тихо-Атлантический оборонительный союз.

слегка изменить направление морских перевозок между Японией и Индией — к услугам малайские пираты. И так далее.

И когда до него дошла информация, что один из финансируемых им «сумасшедших изобретателей» придумал штуку, способную уничтожить без следа любое количество людей, его это заинтересовало. Сначала чисто теоретически. Он со своими двумя высшими образованиями и обостренным интересом ко всему новому просто захотел выяснить, как такое возможно. Тем более в способности изобретателя находить неожиданные и парадоксальные решения он уже убеждался не раз.

Демонстрация, произведенная с помощью модели, питающейся от двух автомобильных аккумуляторов, убедила его настолько, что Катранджи без торга выделил под дальнейшие эксперименты два миллиона золотых рублей под небрежное честное слово, что рабочий образец будет готов не позднее чем через год.

Изобретатель не обманул. Изделие было готово, и единственным его минусом было то, что применить его можно было только единожды, почему и предварительное испытание проводить нерационально. А так, конечно, Ибрагим вполне готов был посмотреть на ожидаемый эффект где-нибудь в Центральной Африке. Просто жаль было терять целый год, чтобы получить два экземпляра устройства. Да и привлекать излишнее внимание мирового сообщества не следовало. Что бесследное исчезновение миллионов человек такое внимание привлечет — несомненно. И трудно сказать, какие породит последствия.

Акцию было решено осуществить сразу «по месту». Катранджи считал, что он ничем не рискует, но все же пообещал инженеру самую мучительную из возможных смертей, если что-нибудь выйдет не так.

Замысел операции был прост до гениальности. Переложить изделие в точно вычисленную точку на территории Израиля и привести его в действие. Как только желаемый эффект будет достигнут, Ибрагим намеревался высадиться в Тель-Авиве или Хайфе с десантом из не-

скольких тысяч верных лично ему и хорошо вооруженных потомков черкесов-мамелюков (род Катранджи, несмотря на турецкую фамилию, происходил как раз из них и до сих пор пользовался огромным авторитетом среди адыгов всего мира) и объявить себя законным пашой Палестины и всех отныне «свободных» территорий.

Интервенции со стороны арабских стран он не боялся, имелись соответствующие рычаги, а с правительствами России, Германии и прочих стран ТАОС надеялся договориться. Где добром, а где и угрозой нового, еще более масштабного применения «Гнева».

Пока, увы, вышло не совсем то, что намечалось. Правда, не по вине изобретателя. Кто же мог знать, что отряд смертников шейха Муслима напорется прямо на русскую заставу. И не сумеет прорваться вовремя.

Миллиардер не знал подлинного механизма процесса, но изобретатель настаивал, что включить устройство следует в точно вычисленное время и в нужном месте, с точностью до километра.

Нехорошо получилось.

— А вот скажите, — обратился Катранджи к четвертому из гостей, который до сих пор молчал, лениво жуя вяленые финики, — на самом деле сабля уважаемого шейха-шахида — настолько священный предмет, что весь мусульманский мир не пожалеет ни времени, ни средств, чтобы найти ее и возвратить? Я слышал даже, что по этому поводу идут разговоры об объявлении очередного джихада...

— Не хочу оскорблять ничьих чувств, но, по мнению совета улемов, если упомянутая сабля и представляет интерес, то только антикварный. А священной реликвией является лишь для одной из исмаилитских сект, «местночтимой», как говорится. Обожествление же материального предмета, за исключением общепризнанных святынь, как, например, Кааба, вообще является грехом и ересью.

По усвоенной среди русских привычке Катранджи чуть не выругался известным способом. Получается, что и здесь он допустил ошибку.

— Очень хорошо, достопочтенный Фатх-Али. Только

я убедительнейше вас прошу никому больше не говорить того, что вы мне только что со столь исчерпывающей полнотой разъяснили. По крайней мере в течение ближайшего полугода.

— Почему? — не понял тот.

— А вот это уже мое дело. Просьбу я высказал, ваше дело — удовлетворить ее или прямо отказать. Так как?

Угроза в словах миллиардера звучала настолько неприкрытая, что Фатх-Али несколько даже съежился.

— Конечно, конечно, достопочтенный. Ни один человек больше не услышит от меня ни одного слова об этой святыне.

...Несколько позже Ибрагим, пожелав прогуляться по палубе, поскольку уже наступала предвечерняя прохлада, январь все-таки, а не июль, жестом указал поляку следовать за собой. Поднялся на кормовой мостик. На юго-востоке, над горлом Ормузского пролива, собирались тучи. Возможен шторм. Хотя даже сильный шторм не слишком страшен большой яхте, может быть, лучше выйти в открытое море? Надо спросить капитана.

— Ну что, Станислав-бей? — Турок обратился к поляку по-русски. Скорее всего с целью издевки. Катранджи ведь ничего не делал зря. — Снова вы проиграли? Снова поставили не на ту карту. Я понимаю, для того чтобы самоутвердиться среди нас, вы долго пытались выглядеть еще большим мусульманином, чем мы, но теперь это уже ни к чему. Боюсь, что очень надолго. Теперь я гораздо лучше вас пойму, если вы станете великорусским шовинистом... Это ведь совсем не трудно. Зато — светское общество близких вам по культуре людей. Возможность сделать отличную карьеру, служа тому государству, которое вы так страстно мечтали разрушить. Особенно если сумеете подтвердить в российском департаменте геральдики свое древнее шляхетство. Тогда и при дворе Великого князя у вас появятся кое-какие шансы. И без риска лишиться всего, в том числе и головы, ради очередной химеры.

Вот когда я жил в Берлине, я на самом деле жалел, что не являюсь немцем по крови. Но вам разве что-нибудь мешает остаться славянином?

— Простите, эфенди, я бы не хотел говорить на эту тему. В остальном же... — Станислав ответил турку по-немецки.

— Нет, мы будем говорить именно на эту тему! — вновь по-русски, уже резче возразил Катранджи. — Поскольку теперь вы можете надеяться только на меня. Либо вы вместе со всей вашей организацией будете служить мне, а не своей дурацкой идее, либо я задумаюсь, оправданно ли вообще ваше потерявшее смысл существование. Что вы на это скажете?

— Ваши доводы неопровержимы, к сожалению, — стараясь сохранить лицо, ответил Станислав с иронической усмешкой, причем было непонятно, к чему и кому она относится. — И божьи мельницы мелют медленно, но верно. Возможно, помогая вам, я тем самым все же буду приближаться и к своей цели.

— Не помогая мне, а работая на меня. Я нанимаю вас, разумеется, за хорошую плату. Кстати, сколько, вы говорили, в вашей организации «збройников»?

— Более двадцати тысяч, эфенди.

— Ясно. Значит, человек на сто реально можно рассчитывать. Так вот — вам придется поехать в Россию. К сожалению, мы упустили двух русских офицеров здесь, придется поискать их там. И саблю. Обязательно найдите мне этих офицеров и саблю. В средствах можете не стесняться. В обоих смыслах. — Катранджи помолчал, глядя на все мрачающий горизонт, потом добавил: — Но и лишнего брать не нужно. Отчет с вас я рано или поздно потребую. Да и вообще, раз вы так сроднились с Востоком, — миллиардер добродушно растянул толстые губы в улыбке, — советую не забывать здешнюю поговорку: «Ид-диния зай хъяра — йом фи-идак, йом фи-тизак¹...» Вам перевести?

— Не нужно, я все понял.

¹ Жизнь что огурец: сегодня в руках, а завтра в заднице (араб.).

ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ

Девятичасовой полет от Тель-Авива до аэропорта «Ла-Гуардия» в Нью-Йорке прошел нормально.

Взлететь удалось до начала войны, ни грозовых фронтов по дороге не встретилось, ни террористов среди членов делегации не оказалось. Розенцвейг так грамотно все обеспечил и Тарханова хорошо проинструктировал, что инженеры и бизнесмены принимали его за одного из охранников, а охранники, наоборот, за члена делегации, причем довольно высокопоставленного. В результате он в одиночку занимал целый четырехместный полуотсек в хвостовой части реактивного «Юнкерса» и никто всю дорогу его не напрягал попытками нежелательного общения.

Он с удовольствием позавтракал и пообедал, запивая не слишком аппетитную воздушную еду вполне приличным вином за счет фирмы. Просмотрел предложенные стюардом газеты, половина из которых предрекала не просто очередную арабо-израильскую стычку, а полномасштабную войну чуть ли не по всей «дуге нестабильности» от Индостана до Мавритании, а остальные уповали на то, что вмешательство Великих держав в очередной раз пригласит тлеющий бикфордов шнур.

Сам Тарханов склонялся к некоему среднему варианту. Постреляют через границы, как уже не раз бывало, немного побомбят друг друга, египтяне попытаются в очередной раз форсировать Суэцкий канал, после чего затеют очередную конференцию по урегулированию спорных вопросов.

Но в данный момент это Сергея не волновало. Если бы он оставался там, готовил бы, конечно, свой батальон к серьезным боям, а раз он здесь — нужно исходить из ситуации. Как говорится — ни от чего не отказывайся и ни на что не напрашивайся.

Он с удовольствием выкурил бесплатную сигару и оставшуюся часть времени посвятил изучению театра предстоящих действий.

То есть карты города Нью-Йорка и окрестностей. Память у него с детства была хорошая, а долгие тренировки в училище сделали ее фотографически точной. Ему достаточно было того времени, что горит обычная бензиновая зажигалка, чтобы изучить, накрывшись плащ-палаткой, «трофейную» карту с нанесенной обстановкой, а потом через сутки или больше воспроизвести ее на чистом листе со всеми подробностями.

За допущенные ошибки наказывали строго, справедливо поясняя нерадивому юнкеру, что не там поставленный значок, обозначающий вражеские батареи или минные поля, будет стоить десятков или сотен жизней твоих товарищей.

Поэтому через три часа Тарханов был уверен, что сможет ориентироваться в городе почти свободно.

Если бы ему еще дали фотоальбом с перспективным изображением основных магистралей и мостов...

Но, за неимением гербовой, будем писать на клочетной.

Затем он предался размышлениям о будущем, поглядывая в иллюминаторы, где справа на пределе видимости сверкали ледники Гренландии, а слева, чуть склоняясь к горизонту, неподвижно висело неяркое зимнее солнце. Он впервые летел с востока на запад на самолете, скорость которого совпадала со скоростью вращения Земли, и вид остановившегося в одной точке небосвода Солнца несколько удивлял.

...Человек, который ждал его в Нью-Йорке, должен был передать Тарханову новый российский паспорт, сообщить очередные инструкции и обеспечить безопасное возвращение домой. В качестве рабочей легенды Сергей избрал имя и биографию своего давнего приятеля, поручика Арсения Неверова, с которым они вместе заканчивали военное училище, а потом полтора года служили в одном полку.

Арсений пропал без вести в Черном море, катаясь во время отпуска на виндсерфе. Утонул, конечно, попав в неожиданный и скоротечный шквал, но ни его самого,

ни плавсредство так и не нашли. Прошло с тех пор уже семь лет, близких родственников у Неверова, кажется, не осталось, в училище он попал из кадетского корпуса для сирот и был поэтому идеальным объектом для подмены.

Да вдобавок имелось у них и некоторое внешнее сходство — одинаковый рост, телосложение, цвет волос и глаз. Что неудивительно — во время их учебы тогдашний начальник училища, генерал-майор Гальцев, при конкурсном отборе кандидатов в юнкера при прочих равных условиях отдавал предпочтение выраженным типам кубанских, терских и донских казаков.

И по учебным ротам распределял по тому же принципу, отчего парадный строй училища напоминал о временах царской еще гвардии, где полки тоже комплектовались почти что близнецами: Преображенский — рослыми курносыми блондинами, Семеновский — коренастыми брюнетами с одинаково закрученными усами, а лейб-гвардии Атаманский как раз во вкусе генерала Гальцева — стройными смугловатыми шатенами с карими или серо-голубыми глазами.

Потом, правда, генерал ушел, по выслуге лет, в отставку, и традиция поломалась, но за пятнадцать лет своей деятельности он успел здорово унифицировать фенотип офицеров горно-егерских войск, заканчивавших Ставропольское училище.

Конечно, близко знавшего их обоих человека обмануть при близком общении вряд ли бы удалось, но, с другой стороны, этого и не требовалось. А вот если бы кому-то, кто видел Неверова последний раз те же семь или десять лет назад, показали фотографию его нынешнего воплощения и спросили, он ли это, ответ вполне мог быть утвердительным.

Имелась и хорошо документированная легенда на период от момента исчезновения и до настоящего времени.

А о том, что он будет делать по возвращении в Россию, Сергей пока не думал. Как говорится, бой покажет.

В «Ла-Гуардии» он четко выполнил все полученные инструкции. Сразу после прохождения поверхностного паспортного и таможенного контроля в «зеленом» зале для «гостей правительства» и VIP-персон Тарханов неза-

метно отстал от группы, якобы бесцельно побродил по залам и галереям огромного здания, выпил в баре местного кофе, который ему резко не понравился.

После густого аравийского, сваренного на песке в медной джезве, эту бурюю жидкость с запахом мочалки, да еще и поданную в картонном стакане, назвать благородным именем мог только человек, начисто утративший чувство реальности.

Потом, ежась от пронзительного ветра с океана, обошел по периметру привокзальную площадь, постоял, покурив, пряча в кулак сигарету. В поле зрения за последние сорок минут ни одного человека, который проявлял бы к нему хоть какое-то внимание, он не обнаружил.

Самолеты в аэропорту взлетали и садились почти непрерывно, и таким же непрерывным потоком катились к нему и от него автомобили.

Желтые массивные такси, именуемые здесь чеккерами, как на подбор весьма архаичных моделей и настолько неухоженные и избитые, что нормальный русский водитель не сел бы за руль подобного монстра просто из самоуважения, группировались на стоянках перед терминалами крупных авиакомпаний по двадцать-тридцать машин. Выбрать из них любую не составляло труда, но он помнил совет — ловить такси в потоке.

С этим тоже проблем не должно было возникнуть. Там и тут среди красных, белых, синих, черных крыш мелькали желтые. Он пропустил пять или шесть, потом махнул рукой идущей со стороны города пустой машине.

Водитель резко затормозил. Распахнул правую дверцу.

— Садитесь быстро, сэр. Пока никто не увидел...

Немолодой водитель с худым, утомленным, каким-то размытым лицом сначала сдал метров на двести задним ходом, удивительным образом ухитряясь не задеть никого в своем и двух ближайших рядах, потом, точно выждав момент, развернулся с визгом покрышек и буквально втиснул свою машину между идущими навстречу трехосным автобусом и красной малолитражкой, возмущенно-испуганно засигналившей.

— На каждой стоянке очередь в полсотни машин, — сообщил водитель, когда они в общем потоке понеслись

к Нью-Йорку с шестидесятимильной скоростью, — я бы там часа три простоял. Так что спасибо вам, сэр. А если бы вашу посадку кто-нибудь из них заметил, мне бы порезали покрышки. Интересно, почему вы не взяли машину там?

«Какая тебе разница?» — подумал Сергей, но ответил скучающим тоном:

— Меня должен был встретить приятель, но отчего-то не приехал. Нам долго ехать до Манхэттена?

— А куда вам нужно?

— В Вест-Виллидж. — Тарханов назвал цифры, обозначающие перекресток стрит и авеню на пару номеров меньше требуемого.

— За час доедем. Это будет стоить тридцать пять долларов. За посадку я не возьму, вы ведь тоже меня выручили. А вы что, русский?

— Нет, я еврей, — немного смущаясь, не привыкнув к своей новой роли, ответил Тарханов.

— Ну и что? Я тоже еврей. Но вы из России? Я же чувствую акцент.

Пришлось признать, что да, именно оттуда. Не стоит без крайней нужды врать таксистам и парикмахерам, они умеют разбираться в людях, и явная ложь их сразустораживает. И запоминается.

Легкий же, ничем не примечательный разговор куда быстрее выветривается из памяти. Тем более что этот пожилой и не слишком благополучный человек видит за день в своей машине столько людей...

Разговорились.

Тарханова удивило странное противоречие в личности водителя. словно два человека в нем сосуществовало. Моментами прорезалось явно местечковое происхождение и четыре класса общеобязательной школы, а то вдруг проскакивало нечто вполне интеллигентное. Может, тоже мужик скрывается от Интерпола по серьезному делу, натурализовался почти, а со случайным попутчиком разболтался и из образа вышел.

От него Сергей узнал кое-какие последние новости, выслушал квалифицированное мнение о событиях на исторической родине и в заключение совет — если решит

господин Гал по случаю войны больше в Израиль не возвращаться, так пусть лучше едет в Россию, а здесь ловить нечего. Так он и выразился.

— Нашему брату, если при деньгах, конечно, так там жить веселее и спокойнее.

— Отчего же?

— Потому что там негров и латиносов поменьше. Побываете на Брайтоне и в Гарлеме, сами поймете...

...Ходить по лабиринту улиц и переулков, именуемому Вест-Виллидж, легко только тому, кто хорошо знает этот район. Это Тарханов понял сразу. Карта, а скорее — просто туристская план-схема, которую он изучал в самолете, не давала главного — представления о реальном масштабе местности и о ключевых деталях уличного рельефа. А это очень затрудняет ориентировку.

Но нельзя не признать, что место для контакта со связником выбрано грамотно.

Когда машина вильнула с просторной Шестой авеню вправо и Тарханов, расплатившись, вышел из чеккера, то увидел, что и лежащая перед ним улица, и уходящие вправо и влево переулки совершенно пусты. То есть пусты от людей, пешеходов. Машины здесь попадались, но их тоже было неизмеримо меньше, чем там, где он только что проезжал.

По узким тротуарам, тянувшимся вдоль грязных, запущенных трех- и четырехэтажных домов, похоже, не ступала нога человека со времен Великой депрессии. Правда, непонятно было, откуда здесь в таком случае взялось столько мусора.

Жить в этих домах, вообще в этом районе Тарханов согласился бы только под страхом... Чего?

Обычно говорят — смерти. Глупые люди, не понимающие истинного смысла произносимых слов. Им никогда не предлагали подобный выбор, вот они и болтают.

Другое дело, под страхом обвинения в невыполнении приказа он согласился бы жить даже и здесь. Но ни в каком другом случае. Слишком гнетущая атмосфера, на

его вкус. Представить только, что каждое утро будешь видеть в окно окрестный пейзаж...

Но какие-то люди здесь все-таки живут, и, видимо, ничего им не делается.

Глубоко засунув руки в карманы слишком легкой для здешней промозглой погоды куртки, Сергей, приволакивая ноги, как смертельно усталый и разочарованный в жизни человек, подошел к условленному месту.

По-прежнему пусто. Из темных подворотен тянет плесенью и застарелым запахом мочи, чуть дальше, взгромодившись спущенными скатами на тротуар, навеки замер покрытый пылью и пятнами ржавчины, некогда красный микроавтобус-фургон с выбитыми стеклами.

Нужный ему дом ничем не отличался от других, только сбоку от высокой облупленной входной двери имелась тусклая медная табличка с малопонятной надписью на идиш. Вернее, совсем непонятной, поскольку на этом языке Тарханов мог довольно прилично изъясняться, но из букв твердо знал только три: «алеф», «бет» и «шин».

Сергей, как велено было, прошел мимо и посмотрел на часы. Время.

Дошел до конца квартала, постоял перед пустым газетным киоском, разглядывая в пыльном стекле витрины отражение двух пересекающихся улиц. Считается, что это хороший способ проверить, нет ли за тобой слежки. Однако он по-прежнему до конца не верил в старательно нагнетавшиеся Чекменевым шпионские страсти. Считал, что все это так, чистая теория, в том числе и могущественный «Черный интернационал». Возможно, но мало реально.

Ничего подозрительного он не увидел. Шелестели по мокрому асфальту автомобили, изредка все же появлялись прохожие, которые казались совершенно лишними в этом пейзаже. Отчего-то по преимуществу негры средних лет и не слишком благополучного облика. Возникали из парадного или из-под арки подворотни, торопливо проходили сотню-другую метров и снова исчезали в неразлично одинаковых парадных и подворотнях. Или в бедноватого вида магазинчиках и забегаловках.

Все верно, таким и должно быть здешнее существо-

вание, монотонное, утомительно-бессмысленное. Он вообще никогда не считал САСШ¹ местом, пригодным для нормальной человеческой жизни.

Сергей прошел еще метров пятьдесят вдоль улицы, повернулся, и тут же навстречу ему из тупикового, как казалось, никуда не ведущего переулочка появился человек в хорошем синем плаще ниже колен, с элегантно поднятым воротником, в надетой чуть набекрень и заливчато примятой широкополой велюровой шляпе. Очевидно, последний крик здешней мужской моды.

По его целеустремленности Тарханов догадался, что это и есть искомый связник.

Сергей пошел навстречу, готовясь либо услышать пароль, либо, чтобы оправдать свои действия, спросить, как выйти на Седьмую авеню. Машинально улыбнулся, чувствуя облегчение. Все же в чужом городе, в полутрущобном районе, с неясными перспективами на будущее, он чувствовал себя не слишком комфортно. А теперь хоть скажут, что дальше делать.

— Иван Петрович кланяться... — успел сказать мужчина, протягивая руку. Закончить условную фразу он не успел.

— Сзади! — отчаянно выкрикнул Сергей, мгновенно переходя в боевой режим.

Из подворотни за спиной связника, как черти из табакерки с сюрпризом, стремительно выметнулись два парня, каких-то странно одинаковых, низеньких, почти квадратных, одетых в грязноватые комбинезоны то ли водопроводчиков, то ли мусорщиков.

Тарханов начал воспринимать действительность как замедленную киносъемку. Обычно с этой целью контрпартизаны принимают за полчаса-час до решительного дела пару таблеток бензедрина, резко увеличивающего физическую силу и реакцию, но Сергей, по странной прихоти природы, умел обходиться без химии. Солидное преимущество, потому что после работы под бензедрином требовалось отсыпаться не менее суток, иначе чело-

¹ САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты.

век надолго превращался в ни на что не годный выжатый лимон.

Связник тоже имел хорошую реакцию, он резко развернулся на месте, из кармана с ковбойской сноровкой вылетела левая рука с пистолетом, удлиненным ребристым глушителем. И тут же из разбитого окна брошенного микроавтобуса раздались легкие, едва слышные хлопки. Как из детской пневматической винтовки, даже еще тише.

Человек в синем плаще согнулся пополам и начал медленно садиться на асфальт, прямо в зеленоватую грязную лужу.

Значит, им нужен не связник, а именно и только Тарханов.

Тут же у него включился автопилот. Все же четыре года в лучшем в России горно-егерском училище и восемь лет службы в ЧОН¹ сказывались.

И его учили, и он сам солдат учил, что думать можно и нужно лишь до и во время тренировок, а в бою думать поздно... В том числе и о том, разрешается ли местными законами стрельба на улицах неизвестно в кого и почему. И сколько лет тюрьмы за это можно получить.

Со скоростью спринтера, бегущего стометровку на Олимпийских играх, он рванулся вперед, выхватил из руки падающего связника пистолет и, разгибаясь, встретил того, кто бежал быстрее, ударом рукоятки снизу вверх под угол правой челюсти. Шагнул назад с поворотом, поматадорски пропуская второго мимо себя, и от души врезал ему по третьему шейному позвонку.

«И вот все об этом человеке», — как любила говорить Шахерезада.

Главный же блеск маневра заключался в том, что Сергею не потребовалось больше никаких лишних движений. Он просто по инерции чуть повернулся на каблуке, а рука с пистолетом, снеся противника, как кеглю, выпрямляясь, сама пришла в огневую позицию.

Стрелявший из фургона не успел просто ничего со-

¹ Части особого назначения.

образить за резиново растянувшуюся для Тарханова секунду. Темный контур его головы так и торчал в обрамлении осколков стекол в раме окна.

«Пом, пом, пом», — защелкал пистолет. Первая пуля — в голову, вторая и третья на две ладони ниже обреза рамы, еще по две левее и правее.

Разрядив обойму, Тарханов прошил все пространство салона на полметра выше пола с интервалами сантиметров в сорок. Сколько бы там ни пряталось еще людей, по пуле хватит всем.

Ответных выстрелов не последовало.

И все. И тишина.

За пятнадцать секунд схватки в перспективе улицы не появилось ни одной живой души, только показалось Сергею, что за окном третьего этажа в доме напротив мелькнуло чье-то белое лицо.

Если так — через минуту может последовать звонок в полицию от добропорядочного гражданина. Или — продолжение силовой акции, если гражданин не добропорядочный, а наоборот.

— Эй, ты жив?

Связник был жив и даже на первый взгляд чувствовал себя вполне прилично. Только на плаще из-под широкого пояса расплывалось темное пятно.

«Если так кровит, значит, не слишком страшно. Из серьезной раны столько крови не бывает», — автоматически отметил Тарханов.

— Жив. Пока. Быстрее, машина там, за углом...

Тарханов подхватил раненого на руки.

Пока он тащил его за угол еще более узкого и угнетающе мрачного переуллка, ему в голову пришла неожиданная пространная и философическая мысль.

«Всех нас ждет собственное место смерти. Мы знаем, где родились, но не знаем, где умрем. Дома в постели, в ближайшей больнице или на другом конце света. Случится это во сне, или в бою, или под колесами грузовика на автострате — неизвестно, но в конце концов это произойдет. Место для каждого давно уготовано. Одно-единственное для каждого. Только никакими силами не узнать заранее — где оно. Не будет ли моим — вот этот гряз-

ный тупик в занюханном районе неприятного города... Пронеси, господи!»

Тогда, конечно, мысль эта промелькнула почти или вообще без слов, но позже, вспоминая, он сформулировал ее именно так.

За углом действительно стоял низкий синий «Понтиак». И мотор работал, и левая дверца была приоткрыта.

А ведь на самом деле прошло-то всего полторы, максимум две минуты, как неизвестный товарищ вышел из машины и определенно рассчитывал, что все произойдет быстро, но не с таким исходом, конечно.

Первым делом — скрыться отсюда. Тарханов задвинул раненого на заднее сиденье, еще раз оглянулся по сторонам. Затащить, что ли, тела в подворотню? А, незачем, только время потеряешь.

Сергей плавно тронул машину.

— Куда теперь? В больницу или... Как себя чувствуешь, куда попало?

— Не пойму. В живот, кажется, и в грудь где-то справа. Терпимо, только тошнит и слабость. Езжай три блока вперед, там направо на Шестую авеню... Знаешь? Главное — угадать под зеленый. Тогда сразу по газам и теряйся в потоке. Город знаешь?

— По карте. Живьем не ездил... Даже правил не знаю.

— Тогда словчись воткнуться в средний ряд и гони все время прямо. Дай мне рацию, вон там, под панелью, и включи тумблер.

И тут Тарханов вспомнил, что пароль-то парень до конца не сказал. Оно понятно, форс-мажор и все такое, но тем не менее... Чекменев не зря предупреждал. Да и по личному опыту Сергей знал, скольких неприятностей можно избежать, четко соблюдая инструкции и уставы..

— Слышь, друг, а что ты там про какого-то Ивана говорить начал? Кто такой, не припомню...

— Ну, ты даешь... Иван Петрович кланяться велели. Теперь вспомнил?

— Ага.

Тарханов нащупал массивную телефонную трубку, протянул, не оборачиваясь. На следующем углу красным

светил сквозь опускающийся туман светофор, у которого следовало поворачивать. В зеркале заднего вида по-прежнему не видно было ни одной машины. Везет, черт, все еще везет!

Сигнал как раз в нужный момент перемигнул на зеленый, капитан вывернул руль и резко поддал газу. Аж покрышки запищали. На предельно допустимой скорости пролетел полквартала, вильнул в средний ряд, пристроился за черной «Импалой» и решил, что пока можно расслабиться.

Машины по авеню шли четырьмя рядами в каждую сторону, и его «Понтиак» неразличимо растворился в этом гудящем потоке. Тарханов опустил боковое стекло, закурил. Раненый, полулежа на широком сиденье и прикрывая рукой микрофон, шептал что-то в трубку.

Сергей думал, что хорошо было бы остановиться и перевязать его, а то и при сравнительно легком ранении парень может истечь кровью. Но знал он и другое правило, что старший в операции, а связник в данном случае таковым и был, сам решает, что и как делать. Считает, что в силах продержаться еще сколько-то, — так тому и быть.

И еще выходило, что совершенно прав был в своих опасениях подполковник Чекменев, или как его там зовут на самом деле.

Значит, даже наша американская резидентура под плотным колпаком. Кто-то вовремя узнал, что один из ее сотрудников должен встретить важного гостя из Тель-Авива, сопоставил факты и направил группу захвата в заранее известное место.

Либо...

Тут могут быть разные варианты.

И в то же время операция неприятелем была подготовлена из рук вон плохо. Видимо, второпях послали на дело не настоящих спецов, а тех, кто был под рукой. Никакого профессионализма Тарханов здесь не увидел. Если даже он, не имеющий никакого опыта в играх такого именно рода, сделал их одной левой.

В переносном смысле, конечно, а так, на самом деле, одной правой, вторую руку в дело вводить не пришлось.

И все, нет больше группы захвата из трех как минимум человек. Придурки. Если б Сергею пришлось играть с той стороны, он всю акцию провел бы один, и успешно.

Так, может быть, на самом деле все это — инсценировка, просто для того, чтобы понагляднее подтвердить правоту Чекменева и привлечь Тарханова к работе в его службе?

Хороша инсценировка — один человек ранен, двое-трое убиты. Свой способности капитан знал.

Значит, или он ошибается в предположениях, или ставки в игре так высоки, что людей решено не жалеть.

— Эй, товарищ, не знаю, как тебя звать, езжай все время прямо, пока не увидишь указатель — Сорок шестая улица. Там направо, до шоссе, и прямо через мост Трайнборо. Я подскажу, если не выключусь. Гони, только правил не нарушай. Все время по указателям и в потоке...

Перед мостом притормозишь, там нас должны встречать. Достань из бардачка аптечку, дай сюда, я пока посмотрю, что со мной. Что-то хреновато мне.

— Так, может, остановимся, я перевяжу? Понимаю кое-что в полевой медицине...

— Езжай, я сказал, — неожиданно резким голосом приказал связник. — Если сразу не убили, еще полчаса не сдохну. Тебя, в натуре, как зовут?

Станный вопрос для разведчика. Или он просто так употребил слово «в натуре», для связки слов?

— Узи меня зовут. Узиель, если полностью.

— Пойдет. Меня — Саша. Вице-консулом здесь работаю. Стреляешь ты классно. И дерешься. Пистолет не потерял?

— Нет, вот он...

— Держи запасную обойму на всякий случай. Ребят, что нас встретят, я в лицо знаю, но если по пути что случится, еще раз нападут, бей, не стесняйся...

Саша зашипел сквозь зубы, отдирая приклеившуюся к ране рубашку.

— Вроде бы ничего, — услышал Сергей его голос. — Текло сильно, сейчас почти перестало. Одна пуля по ребрам, а вторая, правда, где-то внутри застряла...

Тарханов не стал бы так уж радоваться, что из проникающей раны перестала идти кровь. Опыт подсказывал, что вся она может оставаться внутри, а это еще хуже.

— В аптечке есть хороший стимулятор с обезболиванием? — спросил он.

— Должен... В шприц-тюбике.

— Вот вколи и держись, пока к врачам не попадешь. Долго еще ехать?

Саша не отвечал, наверное, целую минуту, пока возился со шприцом и ждал, когда лекарство подействует.

— Почти приехали. Мне чуть полегчало, теперь я своих ребят точно узнаю и распорядиться смогу...

«Хорошо бы, — подумал Сергей. — А то в чужом городе, с «грязным» пистолетом и бесчувственным телом в салоне как-то неудобно ездить незнамо куда и зачем».

В указанном месте он остановил машину. Из двух стоявших на парковочной площадке автомобилей к нему метнулись сразу четыре человека.

— Сашка, ты как, в порядке?

— В относительном. — Хотя вице-консул бодрился, голос у него ощутимо слабел. Видно, держался, пока нужно было, а увидел своих, и гайки начали отдаваться. — Забирайте клиента, и по схеме. А я... — и замолчал, откинувшись на спинку сиденья. Потерял сознание, дотянув до цели.

— Бегом, парни, его сразу на операционный стол надо, боюсь, у него дела плохи...

Двое заняли места в «Понтиаке», и он стремительно рванулся в сторону моста через Ист-Ривер, а двое других предложили Тарханову пересечь в неприметный бежевый «Форд».

— Ну-ка, расскажите подробно, что там у вас случилось, — предложил полноватый немолодой человек в очках, похожий, как показалось Тарханову, на адвоката. Второй, с внешностью хорошо воспитанного телохранителя, плавно тронул машину и повел ее вдоль набережной, под которой плескалась грязная, стылая зимняя вода пролива, отделяющего Манхэттен от материка.

Сергей рассказал подробно и в деталях все, что случилось с момента приземления самолета.

— Кстати, заберите его пистолет, мне он ни к чему. — Тарханов тщательно протер все поверхности пистолета влажной дезинфицирующей салфеткой, целый пакет которых он прихватил из самолета, и протянул его «адвокату». Незачем оставлять отпечатки пальцев даже и своим покровителям.

— Думаю, вам нужно как следует проверить все свои службы, всего лишь вчера в это время я говорил с господином «Ч», а уже сегодня...

— Вы абсолютно правы. Мы этим займемся. А вы сами ни с кем и ни о чем не говорили за это время?

— Я что, идиот? — не возмутился, а скорее удивился Тарханов. — Известный вам человек посадил меня в самолет, и до встречи с Сашей я вообще ни с кем не разговаривал, кроме как с обслугой «Юнкерса» и таксистом, да и то на чисто бытовые темы. Ну, можете найти таксиста с жетоном номер «Т-535», номер машины 9274 ВА, имя, судя по табличке в салоне, — Лазарь Сол, он довез меня до места встречи. Не доходя двух кварталов. Больше мне сказать нечего...

— Да и этого достаточно. Наблюдательность у вас великолепная, боевая подготовка тоже. Думаю, самое лучшее...

Он не успел договорить. Завывая сиренами, их взяли «в коробочку» два полицейских автомобиля. Белые с синими дверками и эмблемами города на них. Хриплый голос из мегафона потребовал остановиться и всем выйти из машины. Тарханов непроизвольно дернулся, не зная, что делать, но «адвокат» оставался спокоен. Он протянул Сергею синюю книжку дипломатического паспорта.

— Сидите, ничего не предпринимайте. Я буду говорить. Если потребуется, молча покажите паспорт и не произносите ни слова.

Полицейские окружили машину, держа на изготовку массивные револьверы.

— Всем выйти из машины, я сказал, — надрывался сержант-негр, прижимая к губам фишку микрофона.

«Адвокат» спокойно и медленно, не вставая с места, протянул в открытое окно свой документ.

Несколько потерявший гонор негр принял его, в то время как остальные пять или шесть полицейских продолжали держать оружие на изготовку.

— Извините, сэр, — пролистав паспорт, сказал сержант, — но мы получили сообщение, что в этой машине скрываются с места преступления вооруженные преступники. Не могли бы и ваши спутники предъявить свои документы?

— Мой дипломатический иммунитет распространяется и на автомобиль тоже, обратите внимание на его номера. Я мог бы устроить вам большие неприятности даже за сам факт задержания, но я все понимаю. Вас ввели в заблуждение или диспетчерская перепутала номер. Пожалуйста, — он подал сержанту паспорта Тарханова и водителя.

— Еще раз извините, сэр, все в порядке, — негр вернул документы. — Действительно, здесь какая-то ошибка...

— Ваших извинений мне мало. Чтобы загладить свою ошибку и исключить подобное в следующем квартале или где там еще, извольте сопроводить меня своими машинами до места назначения. Боюсь, что это не ошибка, а провокация, имеющая целью устроить дипломатический скандал. Если сделаете то, о чем я вас прошу, вместо выговора получите от своего начальства благодарность. Я лично попрошу об этом мэра города...

— Есть, сэр, будет исполнено. Мы вас сопроводим, и даже с сиренами.

— Сирен не надо, — улыбнулся «адвокат», — обычное плотное сопровождение и пресечение любых подобных попыток. Вы меня поняли?

— Так точно, сэр!

Кортеж на огромной для внутригородского движения скорости понесся по улицам, хотя и без сирен, но распугивая окружающих яркими проблесковыми маячками на крышах полицейских машин и резкими гудками клаксонов.

— Наверное, вы серьезный человек, — сказал «адво-

кат», откидываясь на спинку и закуривая сигару. — Ради вас пришлось спалить еще одну надежную «крышу». Но я действительно не понимаю, каким образом нас так плотно накрыли.

— Да проще простого, — ответил Тарханов. Ему, как дилетанту в крутых играх разведок и контрразведок, многое представлялось ясным. — Враги четко контролируют все ваши каналы связи. Я не знаю, что и на какой волне говорил Саша, но он назвал место встречи — и пожалуйста... И связь вашу слушают непрерывно, и шифры, если они есть, читают свободно. Не пойму только, почему явилась полиция, а не сразу киллеры. Наверное, просто поблизости никого не было, а им требовалось нас задержать хотя бы таким способом, втемную.

— Разберемся, — со скрытой угрозой в голосе сказал «адвокат», так и не назвавший ни своего имени, ни должности, очевидно, не маленькой, раз она так повлияла на сержанта.

Неужто сам посол или хотя бы посланник?

— Но что теперь с вами делать? И этот паспорт тоже засвечен. И где гарантия, что, пока будем делать новый, информация опять не просочится?

Решение к Сергею пришло сразу, без размышлений и перебора вариантов, как уже не раз бывало.

— Я знаю, что делать. Только... У вас есть при себе деньги? Наличные, тысяч хоть несколько? Я стеснен в средствах.

— Миша, есть? — спросил теперь уже не «адвокат», а «дипломат», у водителя.

— Найдем. Сколько конкретно?

— Что есть, все и отдай. Только сначала — в чем ваш план?

— План простейший. Избавляющий хотя бы вас от дальнейших забот. Вы знаете, под каким именем я прилетел сюда?

— Нет. Место встречи, пароль и соответствующие инструкции, вот все, что нам передали.

— Отлично. Не знаете вы, не знают, может быть, и они. Давайте деньги и постарайтесь посадить меня у ближай-

шей станции метро, желательно — чтобы не заметили сопровождающие. Поймать момент, даже не остановиться, а чуть притормозить у светофора в правом ряду, когда он будет переключаться с желтого на зеленый, я выскочу и сразу в подземку. Если кто и едет за нами, когда поток рванет, остановиться и побежать за мной он не успеет.

А уж дальше я сам. Только подскажите мне, с каких станций ближе всего к каждому из аэропортов и где делать пересадки...

— Сделаем. А паспорт все же возьмите. Не думаю, что сержант с одного раза запомнил написанную латиницей славянскую фамилию. На всякий случай, используйте его за пределами Штатов. Должность у вас такая, что в любой цивилизованной стране вопросов не вызовет. Младший атташе Управления ООН по оказанию гуманитарной помощи.

Парней из этого управления даже самые отвязанные бандиты уважают, поскольку уверены, что от любой помощи свой кусок оторвать сумеют. Но примите и еще один совет. Самолетами пользоваться избегайте. С вашими способностями из любой заварушки есть шансы выбраться, а вот из летящего самолета — не знаю. В общем — желаю успеха.

Водитель Миша протянул ему заклеенную банковскую пачку стодолларовых купюр.

— И пистолет Сашкин возьмите. Может пригодиться. С диппаспортом вас полиция обыскивать не станет, в любом другом случае действуйте по обстановке. Удачи...

— Вам тоже удачи. Саше привет передайте, пусть выздоравливает. Сумеем встретиться — обмоем это дело. А пистолет не нужен. У меня свой есть...

Все получилось, как Сергей и рассчитывал. Ловким маневром Миша сумел уйти сначала влево, на скоростную полосу, увлекая за собой полицейский кортеж, а перед поворотом вдруг вильнул вправо, к автобусной остановке, и, когда двухэтажный серый «Грейхаунд» заслонил их, Миша крикнул:

— Выходите, быстро. Вон подземка!

Тарханов выпрыгнул из продолжавшей двигаться ма-

шины, его дернуло вбок, когда ноги коснулись асфальта, но он удержался и по инерции влетел в черный зев станции метро, откуда толпой валил нью-йоркский народ и тянуло влажным затхлым воздухом.

Спустившись в подземку, он часа полтора беспорядочно пересаживался с поезда на поезд, менял линии и направления движения. При этом он использовал известные ему способы отрыва от преследования. Возможно, с точки зрения настоящего специалиста-«наружника» они и выглядели наивно, но Сергей считал их вполне действенными.

Выждав нужный момент, он то вскакивал последним в отходящий вагон, то так же неожиданно выпрыгивал из уже отходящего и внимательно наблюдал, не пытается ли кто-нибудь повторить его маневр. Пару раз, поднимаясь по лестницам между ярусами, он, словно вспомнив что-то, перепрыгивал через перила и устремлялся вниз, что тоже легко позволило бы обнаружить слежку.

Набегавшись как следует, потеряв ориентировку в переплетении тоннелей тысячекилометровой протяженности и четырех сотен станций, капитан поднялся наверх. И увидел, что в городе уже почти ночь, а сам он стоит на замусоренной площадке среди домов весьма неприятного облика.

Подошел к лениво прогуливающемуся полицейскому-негру и с утрированным акцентом сообщил, что он, кажется, заблудился и просит сообщить, где сейчас находится и как отсюда добраться до Брайтона.

— Вы в Гарлеме, приятель, и самый лучший способ — вернуться вниз и ехать до такой-то станции с такими-то пересадками.

— А если взять такси? Тут ездят такси? От подземки меня уже тошнит...

— Не советую, очень не советую. Боюсь, что вы просто не успеете найти машину. Здесь много бездельников, которые любят очень грубо подшутить над «белыми братцами»...

Как раз это и устраивало Тарханова. Вряд ли следить

за ним послали черного филера, а белый будет хорошо приметен.

— Я все-таки рискну...

— Дело хозяйское. Здесь свободная страна. Я предупредил. Такси проще всего поймать там, — он указал дубинкой направление. — Проезд до Брайтона стоит примерно десять долларов.

Толпу молодых, громко галдящих, улюлюкающих и хохочущих нарочито противно негров, человек в пятнадцать, он увидел уже за вторым перекрестком на параллельной улице. Нормальному человеку еще хватило бы времени добежать обратно, под защиту копа, но Сергей, не меняя шага и держа руки в карманах, продолжал идти прямо на предполагаемого противника.

В случае чего половину из них он мог раскидать и покалечить еще до того, как они сообразят, что происходит, а вторую половину — сразу после. Тем более в карманах у него дареный «Адлер», и, по принципу аутентичности документов граждан «свободного мира», полученное в Израиле разрешение на хранение и ношение считалось действительным и здесь.

Его заметили и с радостными воплями двинулись навстречу, привычным образом перестраиваясь в линию вогнутого полумесяца, охватывающего капитана с флангов.

Местного жаргона, да еще и основанного на дико исковерканном афро-английском, Сергей практически не понимал, но сами намерения уличных хулиганов были ясны. И манеры поведения почти не отличались от таких же у лиговской или марьинорощинской шпаны лет десять-пятнадцать назад.

Зато Тарханов сызмальства обладал одним полезным в уличных разборках свойством — когда он приходил в состояние боевой alertности¹, противник это сразу ощущал. Подкоркой или спинным мозгом.

¹ Алертность — готовность к действиям, вызванная внезапной опасностью.

Правило сработало и здесь, подтверждая, что все люди — братья.

Сблизившись шагов на десять, обитатели трущоб сообразили, что тут что-то не то. Белый парень в расстегнутой куртке, законная и незащищенная жертва, повел себя неправильно. Он чуть сбавил шаг и громко произнес:

— Хай, парнишки. Вы с той стороны идете? Не видели, на стоянке хоть одно такси дежурит?

Произошло некоторое замешательство. Одни вообще смолкли, другие загомонили между собой. Наконец самый сообразительный, скорее всего — главарь, решил что-то делать.

— Хо-хо, братишка. Ты, наверное, забрел к нам по ошибке и теперь не знаешь, как спасти свою задницу? Так мы тебе поможем. Давай сто долларов, и мы тебя под ручки отведем к машине. Чтобы еще кто-нибудь не обидел. Тут ведь мало таких джентльменов, как мы...

Толпа взорвалась очередным приступом хохота и воя.

Дальнейшая диспозиция понятна. Стоит ему достать бумажник, и свора его стопчет, отнимет деньги, вывернет карманы, хорошо, если обойдется без ножа под ребра.

— Идет. — С многообещающей улыбкой, глядя прямо в глаза главарю, Тарханов вытащил из кармана пистолет, переложил в левую руку, направив ствол ему в живот, а правой полез в нагрудный карман.

— Вот тебе двадцатка. На пиво хватит. Один твой приятель проводит меня до такси, а остальные — шлепайте своей дорогой. Лучше в сторону метро. И если увидите по пути моего приятеля, он что-то приотстал — с него возьмете остальное. Хоп?

Парень смотрел на него, будто бы не совсем понимая, что происходит. В его районе никто с ним так не разговаривал. Даже свои, черные, предпочитали не связываться, а тут вдруг чужак, белый. Но пистолет у него в руке выглядел крайне убедительно, а выражение лица не оставляло сомнений в том, что стрелять он будет не задумываясь.

Но шанс сохранить лицо перед своими оставался.

— Га-га-га! А ты мне нравишься, братец. Давай твою двадцатку. Боб, проводи его до такси. Да посади в хоро-

шую машину. А как выглядит твой приятель, мы не обо-
знаемся?

— Если увидишь человека, который торопится от метро в этом направлении, — значит, это он. Спросишь: «Ты ищешь моего белого друга? Гони восемьдесят баксов». И все... Сразу не поймет — объясни. А я тороплюсь.

Тарханов свернул в указанный переулок, и тут же сопровождающий Боб, мальчишка лет семнадцати, отлетел в сторону, получив жестокий удар по голове чем-то вроде резиновой дубинки, и распластался без звука рядом с выставленными на проезжую часть мусорными баками. Сам же Сергей, схваченный за воротник необыкновенно мощной рукой, почти влетел в щель между домами, почувствовав, как к голой шее прижался холодный металл.

Ничем, кроме пистолетного дула, это быть не могло.

В первую секунду он подумал, что попался на уловку обиженной им местной шпаны, однако тут же эта мысль его оставила.

— Вот и добегался, фраер, — примерно так он перевел сказанную ему в ухо сочным баритоном английскую фразу. — Ну, побегал, и хватит. Утомил ты нас...

Надо же! Выходит, все его уловки оказались ни к чему, и попался он действительно как последний фрайер.

Но как, каким образом его выследили после всего, что он проделал, и как враг оказался впереди него и даже успел сесть в засаду, Тарханов понять не мог.

Тот, кто упирал ему в шею пистолет, был явно на порядок сильнее его. Капитан его не видел, но чувствовал и силу рук, и просто исходящую от массивного тела за спиной грубую мощь. Словно он попал в объятия гориллы.

Но зато горилла была одна. Это тоже чувствовал Тарханов. Интуитивно. Да и практически — был бы тут кто-то еще, уже подбежали бы, с криками или молча, начали шарить по карманам, бить или просто тащить куда-то.

Этот же, взяв его голыми руками, сам оказался в положении мужика, поймавшего медведя.

Сергей повел головой в сторону. Осторожно, чтобы не вызвать ненужной реакции.

Так и есть. Сзади и справа стоит машина с погашенными фарами. А больше вокруг никого.

— Чего тебе нужно? — слабым, с дрожью голосом спросил Тарханов.

— Тебя и нужно. Сейчас поедem, там остальное объяснят. Медленно и спокойно заведи руки за спину.

На это капитан не имел возражений.

Спросил только:

— Вы не ошиблись? Я просто израильский инженер. Заблудился в подземке. Хотя у полицейского на входе спросите. А денег у меня с собой триста долларов. Бумажник в левом кармане...

— Почеши себе задницу битой бутылкой (по-русски это означало примерно — «не гони порожняк»).

На левом запястье капитана защелкнулся браслет наручников. Этого он и ждал. Второй-то браслет и цепочка в руке «гориллы»...

Только спинных мышц жалко.

Он стремительно присел и, выпрямляясь, крутнулся штопором, как балерина, выполняющая невероятное фуэте.

Получилось здорово.

В смысле — хряск девяностокilограммового тела по брусчатке прозвучал убедительно. При всей его силе парню не хватило реакции не только вовремя разжать пальцы, но и вообще что-либо сообразить.

На третьей секунде Тарханов, впечатав в лоб «гориллы» рукоятку его же пистолета, уже отъехал от места происшествия на странно маленьком для такого человека «Форде».

Что делать дальше, капитан пока не знал.

Если его так лихо просекают в любой позиции, значит, или на нем самом сидит мощный радиомаяк, или за ним гоняются сотни классных филеров сразу.

— И все равно русского капитана без хрена не съешь! Сам подохну и вам жизни не дам, — почти прокричал он, надеясь или не надеясь, что в машине работают микрофоны. В любом случае — для самоуспокоения.

Совершенно диким образом крутятся по улицам Нью-Йорка, он остановился, наконец, на абсолютно пустынном берегу океана.

Пусть его достанут и здесь, но хоть подходы открыты,

а в случае чего «и шестнадцать патронов — не пустяк!». Плюс пистолет пленника.

Если к нему подоспеет подмога, держать врага на расстоянии до последнего выстрела, потом кончать этого, и вплавать...

«Горилла» давно уже очнулся, в полной мере испытывая чувства, соответствующие внезапно изменившемуся раскладу.

На самом деле мощный это был парень и аккуратный одновременно, подтянутый в смысле фигуры. Не грубый кусок бестолкового мяса. С достаточно интеллигентным лицом, со вкусом одетый.

В другой ситуации Тарханов не возражал бы иметь его в своем отряде.

А сейчас — враг. А с врагами поступают прежде всего — беспощадно. Исходя из их же предварительного замысла.

Чтобы привести неприятеля в должное состояние, Тарханов его же «кольцом» вмазал ему по губам. Плашмя, но так, что от зубов полетели острые крошки. И губы всмятку, конечно.

— Больно? Так это только начало. Ты что со мной хотел сделать? Отвечай, сволочь! — И ударил еще раз.

— Не бейте. Скажу. Только взять и отвезти по адресу.

— Зачем?

— Откуда я знаю? Приказали...

Капитан сел рядом, раскурил сигарету. Тишина вокруг стояла полная. Вода только поплескивала в ржавые сваи заброшенного пирса, пароходы коротко взрывали гудками вдалеке, где сиял огнями порт.

И никаких признаков возможной поддержки пленнику.

О чем Тарханов ему и сказал. Мол, нет тебе помощи и не будет. А появится — тебе же хуже. Сдохнешь самым первым из всех. Не в свои ты игры, пацан, ввязался. Думал, здоровый и сильный? Здешним рыбам твоя мышечная масса будет интересна. А с каким клиентом тебе дело иметь придется, не сказали? Ну, их и благодари. А кого, кстати? Адресок, имена, фамилии...

Парень замотал головой. Не хотелось ему отвечать.

Или все еще на помощь надеялся? Так зря.

Еще там, в Гарлеме, Тарханов нашел у него в нагрудном кармане нечто вроде очень портативной рации и раздавил каблуком об асфальт. А у «Форда» на подъезде к пляжу сорвал клеммы с аккумулятора.

Капитан не считал себя злым или жестоким человеком, но «языки» у него не молчали никогда.

И этот заговорил, причем заговорил торопливо, стараясь успеть сказать все, о чем спрашивают. И если что — лучше поскорее умереть, чем так жить.

Когда в диктофоне кончилась пленка, Тарханову было достаточно.

— Значит, так. Убивать я тебя не буду. За откровенность добром плачу. Всегда. А за наглость ответишь. Я сейчас уеду, ты останешься. Выживешь, твое счастье. Нет — нет.

Сергей зашвырнул в океан ключ от наручников. Замок на них был очень сложный, не каждым гвоздем откроешь. И пошел по пляжу к машине, посвистывая. Информация получена крайне интересная, Чекменеву наверняка понравится.

Найдут этого парня, прихваченного браслетами левым запястьем к правой щиколотке, до прилива или же нет — его совершенно не интересовало. Свое слово он сдержал.

Чтобы больше не рисковать, уже пройдя паспортный контроль в аэропорту, Тарханов позвонил из туалета в зале «Дьюти фри». По номеру, который «дипломат» сообщил ему при прощании.

— Я от Иван Петровича. Камера хранения там, где я сейчас. Айдуайлд. Вылет у меня через десять минут, куда — неважно. Уловили?

— Да, говорите.

— Ячейка 543. Код — номер паспорта, который я получил. Там — аудиокассета. У меня все.

Оригинал записи Сергей оставил себе. На всякий случай. Чекменеву она будет тоже любопытна.

Дальше было совсем просто. Без новых приключений

он вылетел в Европу, по-прежнему с паспортом на имя Узи Гала.

Свой новый, российский дипломатический, он предъявил только в аэропорту Хитроу, когда садился в самолет до Москвы после недурно проведенного уикенда в игорных заведениях Сохо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Хотя лето в Южном полушарии было в самом разгаре, день выдался скорее подходящий для поздней осени.

От не слишком далеких берегов Антарктиды надвигался шторм, который гнал перед собой фронт сырого и холодного воздуха. В сером полусумраке низкое рыхлое небо почти сливалось с грязно-серым асфальтом авениды Альвеар, и порывистый ветер с Рио-де-ла-Платы, накидывающий частые дождевые заряды, делал утро, день и вечер одинаково неуютными, расплывчато-мутными и тоскливыми.

Газетные киоски с их радужой глянцевых обложек казались Елене единственно живыми пятнами, пусть и натянуто, но все же оптимистическими элементами пейзажа.

И в то же время ей здесь нравилось.

Аргентина вообще, а в основном, конечно, ее столица, Буэнос-Айрес, честно признаться, воспринималась ею единственным местом за пределами Тихо-Атлантического Периметра, где европейский человек мог чувствовать себя как дома.

Причем — даже спокойнее, чем дома. Слишком эта страна на хвосте Южной Америки далека от проблем «цивилизованного мира». Ни с какой стороны не подобраться врагу.

Справа, если смотреть в сторону Огненной Земли, — Кордильеры и дружественная Чили, слева — почти бесконечная Атлантика, побережье, прикрытое не самым слабым в мире флотом, береговыми батареями и авиацией.

Сзади, то есть с севера, — тоже все в порядке. Широкая Парана и непроходимые джунгли Уругвая и Парагвая отделяют Аргентину от Бразилии, с которой десятилетиями тянется вялотекущая дипломатическая и торговая война.

Проходя мимо киосков, автоматически скользя по витринам и прилавкам глазами, как бы просто восполняя сенсорный голод, она совсем не обращала внимания на ассортимент выставленной там продукции. Интересующие ее журналы она выписывала: местные и российские газеты приносил с работы муж.

И вдруг ее словно что-то толкнуло изнутри, заставило сбиться с шага, и только уже потом, шагов через пять, когда подсознательная реакция перешла в осознанную, она остановилась, пытаясь понять, что именно случилось?

Конечно, это связано с тем, что она только что увидела.

Где? Разумеется, на витрине ближайшего киоска. Елена повернулась и, прикрывая лицо зонтиком, вернулась.

Из-за покрытого дождевыми потеками стекла на нее в упор смотрел Вадим Ляхов, с большой, в половину газетного листа обложки журнала, сверху и снизу испанской арабской вязью. Смотрел полуобернувшись, знакомо прищурив глаза, словно его внезапно окликнули перед тем, как щелкнуть затвором камеры.

Она было засомневалась, не удивительное ли это просто сходство, уж больно лицо у этого офицера было непривычно осунувшееся, пыльное и грязное. Но зато улыбочка, пусть и слегка нервная, кривоватая, куда как знакома, и на плечах отчетливо видны серебряные погоны русской армии с зелеными просветами без звездочек и эмблем, обвивающей чашу. Позади него, не в фокусе, различались силуэты стоящих рядами самолетов.

Вадим, прищурившись от яркого солнца, смотрел ей прямо в глаза, и в уголках его рта словно скрывалась так раздражавшая ее когда-то и в то же время милая ирония: «Ну-ну, my dear, как тебе это нравится?»

Вдруг задрожавшими руками она растегнула сумочку, бросила на прилавок десять песо, пальцем указала на жур-

нал. Седой продавец посмотрел на нее как-то уж слишком внимательно.

Впрочем, это ей, конечно, показалось.

И что ей теперь с этим журналом делать? Что означает портрет Вадима на обложке, о чем сообщает крупная и бессмысленная вязь арабских букв?

Арабский разговорный она немного знала, с тех пор как прожила полтора года в Касабланке, где ее муж, Владислав, исполнял обязанности генерального консула, но грамоту так и не освоила. Не для слабых умов занятие.

Не ехать же в посольство какой-нибудь мусульманской страны с просьбой прочитать... Но выход тут же пришел в голову. Женщина, захотевшая узнать что-то о своем бывшем любовнике, становится очень изобретательной.

Она остановила такси и попросила отвезти ее в университет.

Там наверняка должна быть кафедра арабистики.

На углу авениды Хустисиалисимо и пласы Хунин она вышла, огляделась по сторонам и направилась в сторону старого желтого здания нужного ей факультета, построенного, наверное, еще во времена испанского владычества.

На лестнице, ведущей на второй этаж, она увидела смуглую и темноволосую девушку лет двадцати, одетую слишком строго для креолки.

— Простите, сеньорита, как бы мне найти здесь кого-нибудь, владеющего арабским?

— А что вы хотите, сеньора? Здесь все им в той или иной мере владеют. Я в том числе.

С трудом сдерживая нервную дрожь пальцев, которая подсказывала, что, вопреки разуму и логике, ничего не забыто, Елена протянула ей журнал.

— Вы не могли бы перевести мне вот это?

Они отошли к окну, полуприкрытому серыми от пыли шторами.

На задней, то есть по-арабски на передней, странице обложке тунисского, сравнительно нейтрального издания студентка прочитала броскую фразу: «Русские убийцы под маской врачей? См. стр. 12».

— Простите, а отчего вдруг вас заинтересовал именно этот номер, раз вы арабского не знаете?

— Видите ли, этот человек показался мне похожим на одного знакомого, вот и захотелось выяснить, так ли это...

И снова ей показалось, что девушка бросила на нее из-под длинных загнутых ресниц чересчур внимательный взгляд.

— Ну, слушайте. — Она открыла обозначенную на обложке страницу.

«1 января наступившего, по Христианскому летосчислению, 2005 года (1383 год Хиджры), как сообщает наш корреспондент, на нейтральной территории, вблизи от израильской границы, один из отрядов палестинского сопротивления, принадлежащий к организации «Ас саика»... Ну-у, это можно перевести как «Молния», хотя оттенок тут несколько другой, «подвергся нападению отряда войск специального назначения российского Экспедиционного корпуса, который, согласно многостороннему соглашению, осуществляет обеспечение соблюдения перемирия в этом регионе. По крайней мере, над полем боя были замечены российские и израильские боевые вертолеты.

Имевшее место неспровоцированное нарушение международных соглашений отягощается тем, что нападавшие, по сообщению информированных источников, были одеты в униформу врачей российской армии и использовали технику, несущую соответствующие эмблемы.

Высказывается предположение, что это может означать начало реализации плана устранения с политической арены антиизраильских сил и их вооруженных формирований.

Так, по слухам, в ходе боя был убит один из духовных лидеров палестинцев шейх Абу аль Муслим. В случае, если эти факты подтвердятся, указанный инцидент может привести к крупномасштабному политическому кризису на Ближнем Востоке».

Извините, я, может быть, перевела не совсем точно, но смысл ясен... Если это действительно так, это отвратительно. Даже по европейским меркам. — В голосе девушки прозвучало искреннее возмущение. — Тем более что война началась и, к сожалению, закончилась... очень плохо.

— Что за ерунда! Этот человек правда врач, я знаю совершенно точно...

— Тем хуже, если вы знаете с такими... Извините.

Девушка сунула ей в руки (хорошо хоть не швырнула в лицо) журнал и застучала каблучками по длинному коридору, вымощенному каменными плитами. Казалось, этим стуком и надменно выпрямленной спиной она дополнительно демонстрировала неизвестной даме (гяурке!) свое презрение.

Елена только недоуменно пожала плечами. Неужели эта восточная девушка, давно, судя по ее безупречному испанскому, живущая в Аргентине, так эмоционально реагирует на события, происходящие бог знает где?

Да и не случилось, по большому счету, ничего особенного. Там последние две тысячи лет непрерывно кто-то с кем-то воюет. С переменным успехом.

Подсознательно она ждала чего-то страшного, а так...

Хотя, судя по тексту, ко времени написания статьи арабо-израильская война, кажется, четвертая по счету, еще не начиналась.

Она не слышала и не читала, что в ней принимали участие российские войска, израильтяне сами справились, но мало ли что? В любом случае, находясь там, Вадим рискует.

Вернувшись домой, она переоделась в теплый халат, у себя в комнате смешала в большом бокале розовый джин с тоником, бросила в него три кубика льда горных озер, забралась с ногами в глубокое и уютное кресло, при свете торшера, перебивающего почти совсем умерший за окном дневной свет, снова долго смотрела на журнальную обложку.

Заметка, написанная, очевидно, достаточно независимым и объективным журналистом, поскольку оценки более-менее осторожные, несколько притушила ее неожиданно паническое настроение. Казалось бы, что ей Гекуба, а вот поди ж ты...

Она поняла главное. Надпись на обложке не имеет ничего общего с действительностью. С чего вдруг та девчонка так взъерепенилась?

Какой из Вадима диверсант-provокатор? Достаточно знать Ляхова, с его преувеличенной честностью и щепе-

тельностью. И вообще — что это за иллюстрация к материалу, обвиняющему русскую армию в подлой жестокости и предсказывающему грядущий кризис чуть ли не мирового масштаба?

Где снимки поля боя, русских или чьих угодно командос, с автоматами позирующих над трупами врагов, портрет погибшего шейха в черной рамочке и т. д. и т. п.?

В журналистике Елена разбиралась, знает, как оформляют по-настоящему сенсационные или просто заказные статьи. А тут что?

Фотография даже не названного по имени военного врача, не вооруженного и не на поле боя. На гражданском, судя по всему, аэродроме.

Ну, неумытый, грязный, так он, может быть, сотню километров проехал в открытой машине, собираясь куда-то лететь... Из чего следует, что он вообще к описанным событиям причастен?

Куда больше ее занимало и волновало совсем другое.

Как давно все было, как много всего с тех пор прошло, и вот, расставшись пять уже лет назад, они снова встретились, при том, что она — в Буэнос-Айресе, а он то ли в Сирии, то ли в Ливане.

У каждого прошел большущий кусок новой, отдельной жизни, приведшей их туда, где они сейчас, но отчего же навалилась вдруг такая тоска? Что из прошлого еще не умерло, не ушло навсегда? И почему?

Нет, но какой вызывающе мелодраматический поворот судьбы потребовался, чтобы снова напомнить ей о нем!

Впрочем, судьбе проще, она же не литератор, ей нет необходимости остерегаться критиков и обвинений в отступлении от реализма и правды жизни. Обычная жизнь такова, какова она есть, и больше никакова.

Но, значит, где-то была совершена ошибка, иначе так не ныло бы еще молодое, закаленное горными лыжами и теннисом сердце.

Елена ощущение допущенной жизненной ошибки испытывала в глубине души уже давно, только никогда так напрямую не связывала именно с Ляховым.

Он вспоминался, конечно, время от времени, со слад-

кой сентиментальной грустью, с которой вообще вспоминается молодость, но нынешние ее жизненные неурядицы никак прежде не соотносились со сделанным ранее выбором.

А у Вадима, значит, его тогдашнее бравирование своими военными пристрастиями и увлечением спортивной стрельбой оказались стойкой привязанностью и вот привели его на обложку журнала. Такой чести всю жизнь напрасно добиваются многие и многие политики и люди искусства.

И не так уж важно, какой подписью сопровождается эта обложка, лишь бы она была... Важен факт, остальное менее существенно.

Елена потянулась к сервировочному столику, плеснула себе еще джина, набросила на колени плед. Электрообогреватель приятно жужжал вентилятором, колебля синтетическое пламя, струя теплого воздуха отчетливо пахла горящим древесным углем. Если прикрыть глаза — полная иллюзия, что сидишь перед настоящим камином.

А в широкие венецианские окна вместо дождевых капель начали впечатываться крупные, как в Подмоскowie, снежинки. Лето называется. Такого здесь, судя по сообщениям синоптиков, лет пятьдесят не было.

Она раскурила длинную тонкую сигарку, как это стало последнее время модно в кругах светских «криожьас аргентинас»¹. Посмотрела на портрет совсем иначе, полуприкрыв глаза ресницами.

Изображение чуть расплылось, приобрело объемность, и Вадим стал еще более живым и похожим на того, кого она знала раньше.

Сыщик из романа Кобо Абэ, чтобы лучше постичь суть личности своего очередного объекта, любил рассматривать его фотографию в полевой бинокль. Судя по книге, ему это помогало.

А какая суть у него, Ляхова? Бинокль тут поможет? Ее собственное зрение в свое время отчего-то не помогло.

¹ «Аргентинские креолки» (*аргент. диалект, исп.*).

...Странно, но и наутро, и несколько дней спустя Елену не оставляло все то же смутное беспокойство и ставшая почти привычной печаль. При том, что вроде бы никаких оснований для них не было.

Что ей, в конце концов, Вадим? «Как вспомнишь, как давно расстались...» — всплыла к случаю строчка Лермонтова.

Да и не было, откровенно говоря, ничего между ними по-настоящему серьезного. Так, полудетская влюбленность, приятные, но ни к чему не обязывающие интимные отношения, тоже не слишком долгие. Потом все как-то само собой разладилось, без слез, ссор и скандалов, она даже почти не помнила уже, с чего началось охлаждение и как именно оформлен был разрыв.

То есть сюжетную канву она помнила, но не могла даже себе самой ответить, какая именно их совместная ночь была последней, в том смысле, что если были еще и другие, то уже как бы по инерции.

Может быть, это случилось тогда, когда Вадим сказал ей, что после университета хотел бы определиться на военную службу.

Армию она более чем не любила, и мысль связать свою жизнь с военным, хотя бы и в докторском звании, казалась ей абсурдной.

Вот если бы он решил стать столичным, успешно практикующим врачом по какой-нибудь престижной специальности, она бы согласилась рассмотреть предложение руки и сердца, а то и сама бы предприняла для этого необходимые шаги. От роли же полковой дамы — увольте!

Кажется, последний их общий праздник был новым годом, встреча нового тысячелетия, ошибочная, как выяснилось, с девяносто девятого года на двухтысячный. А в начале весны ее познакомили с Владиславом, только что окончившим училище правоведения по факультету международных отношений, и вскоре она приняла уже его предложение.

И уехала с молодым мужем, блестящим младшим атташе, которому так шел темно-зеленый, с золотым шитьем парадный мундир, сначала в Касабланку, а потом сюда, в Буэнос-Айрес.

И все забылось.

А теперь вдруг вспомнилось. Так бывает, когда какой-нибудь случайный раздражитель, чаще всего почему-то запах, разблокирует таинственный механизм памяти, и дальше уже человека несет неуправляемый поток.

Странно, но никому из психологов не удалось пока проследить, как и в какие моменты напрочь забытые и, казалось бы, малозначительные детали начинают властно руководить поступками и даже подсознанием человека, навязывая ему действия, которые совсем недавно показались бы ему как минимум нелепыми.

Вот и она вдруг снова начала сравнивать старого приятеля и мужа. Как пять лет назад. И все оценки неожиданно поменяли знаки на противоположные. Достоинства одного стали недостатками и наоборот.

Она понимала всю абсурдность своих мыслей и все же не могла от них избавиться. Что, если им еще предстоит встретиться и он ей намекнет, что ничего не забыл и хотел бы восстановить и продолжить то, что уже было? Как она к этому отнесется?

Елена знала, что такого не случится никогда, поэтому могла дать волю воображению.

Ничем не рискуя, она представляла, как для порядка даст понять, что она честная жена своего мужа, типа Татьяны Лариной (но ровно столько, чтобы не отпугнуть Вадима), а потом, не в силах сопротивляться, уступит его домогательствам...

И все будет совершенно великолепно.

Что при таком развитии событий должно будет случиться дальше, ее не интересовало, достаточно было фантазий о первой встрече, фантазий волнующих и весьма эротических.

Она не догадывалась, что это у нее таким образом проявляется первый кризис, пять лет после замужества, усугубленный тем, что детей у нее до сих пор не было.

Но, в общем, все это лирика. Никаких особых причин изменять мужу у нее не имелось, да и желания тоже.

Разные ведь вещи — воображать перед сном страстные объятия бывшего возлюбленного и заняться поисками реального любовника на улицах чужого города. Именно

города, потому что мирок дипломатической колонии был слишком тесен. Не только в переносном, но и в буквальном смысле. И посольство, и жилой поселок при нем размещались на огороженном высоким забором участке площадью в три гектара.

Постепенно ее фантазии начали терять яркость и бодрящую остроту. Что тоже вполне естественно. Тем более что в один прекрасный день Владислав сообщил, что ему предложили должность приват-доцента (с перспективой на начальника кафедры) на юридическом факультете Московского университета и он намерен согласиться.

И Аргентина надоела, и шансы сделать яркую дипломатическую карьеру в последнее время потускнели. А там все-таки жалование в два раза больше и профессорское звание не за горами.

Елена это решение одобрила и начала готовиться к возвращению.

Сама она была коренной петроградкой, в Москву приезжала считанное число раз, и возможность пожить во второй столице, так отличающейся от первой, представлялась ей заманчивой. Все настоящие аристократы духа и крови живут в Москве, Петроград же — город чиновников. Красивый, но скучный.

Однако Елена знала, что светская жизнь требует соответствующих средств, а с ними было негусто. Скопить они почти ничего не сумели, все деньги уходили словно между прочим, в том числе на поддержание реноме, да и вообще далеко в будущее не заглядывали. Хорошо хоть в долги не залезли.

Владислав ее успокоил, сообщив, что на новом месте будет получать около двух тысяч рублей плюс отдельно за лекции, да и еще кое-какие пособия и выплаты полагаются, а казенная квартира вообще бесплатно, так что не пропадем.

...За неделю до отъезда, когда большинство вещей уже было запаковано и отправлено, а муж сдавал дела, которых оказалось неожиданно много, Елена в одиночестве бродила по «осеннему» Байресу, прощаясь с его авенидами и парками. Вряд ли еще доведется попасть в южно-

американский Париж, как часто называли аргентинскую столицу, самый изысканный город на континенте.

Устав, она присела за столик на авениде Коррентес, откуда открывался впечатляющий вид на Рио-де-ла-Плату.

Панораму портила только реклама. Прямо перед ее глазами, на крыше сорокаэтажной «Телефоники» вспыхивали и гасли с периодичностью, способной вызвать эпилептический припадок, три мистических слова: «Мехор — Мехора — Мехораль!»

Почти что «Мене, Текел, Фарес», только смысл не такой пугающий.

Всего лишь пропаганда местного сорта аспирина, а глупейшая фраза примерно переводилась как «Лучше улучшает Улучшитель».

Елена развернула стул так, чтобы не видеть этого бреда.

Помешивала трубочкой в бокале кофе-гляссе, пригубливала рюмочку с гренадином, настоящим на листьях контрабандной коки. К наркотикам этот продукт официально не относился, но великолепно бодрил и вызывал легкую эйфорию. В Москве такого наверняка не найдешь, там вряд ли понимают разницу между кокой и кокаином, за который элементарно сажают в тюрьму.

На башне муниципального совета часы пробили половину пятого. Елена машинально сверила свои часики. Только половина пятого. Или — уже половина пятого. День тянется долго, а все равно закончится, потом еще один, другой, третий... И все. И больше она никогда ничего этого не увидит.

Вдруг захотелось заплакать. Просто так. От ощущения неудержимо утекающей жизни.

Постукивая полированной тростью из драгоценного кебрахового дерева, с тротуара на площадку кафе свернул пожилой сеньор, а судя по его надменно-скучающему лицу, консервативному костюму из шерсти ламы и свисающей из жилетного карманчика золотой часовой цепочке, скорее даже идальго.

Приподнял шляпу со староиспанской учтивостью, спросил разрешения присесть рядом.

Елена бросила на него раздраженный взгляд. Не хватало ей еще случайных ухажеров, которым не к молодым

женщинам приставать, а искать себе сиделку в предвидении близкого будущего.

— Не видите других столиков? Мне достаточно собственного общества.

— О-о, роза, оказывается, с шипами, — не смутился сеньор и все-таки сел, но напротив. Подозвал официанта, или же «мосо», по-здешнему, долго и внимательно вчитывался в карточку напитков, но в результате ограничился стаканом разбавленного газировкой вермута. Не глядя на соседку, старик долго раскуривал тонкую сигару, отнюдь не самого дешевого сорта, потом сказал, как ни в чем не бывало: — Так устаешь от одиночества, прекрасная сеньорита, что хочется иногда перекинуться парой слов со случайным собеседником.

— Разумеется, сеньор, разумеется, — кивнула Елена. Настроение у нее под воздействием коки изменилось так быстро, что даже самой стало странно, чего она вдруг нагрубила в ответ на вежливый вопрос. И чем этот несчастный старик может ей помешать?

Постепенно они разговорились. Так, ни о чем, слово за слово. Сначала, как водится, о погоде, потом случайный собеседник сообщил ей, что жизнь уже не та, а вот если бы сеньорита попала сюда году этак в тысяча девятьсот пятьдесят третьем—пятьдесят пятом, она бы поняла, каков был настоящий «Ciudad de la Trinidad puerto de Nuestra Senora Santa Maria de Buenos Aires»¹. Вот тогда здесь действительно стоило жить.

— Когда? В пятьдесят третьем? — ужаснулась Елена. — Немыслимая древность. За четверть века до моего рождения...

Идальго грустно улыбнулся.

— Что вы? Это было будто вчера... И здесь, — он обвел рукой вокруг, — было гораздо веселее... Девушки танцевали на набережной, вон там парни с гитарами соревновались, кто лучше сыграет танго, на летней эстраде бесплатно пел для всех сам Уго дель Карриль...

Она помнила это имя. В середине прошлого века он,

¹ Город Троицы, порт нашей святой Девы Марии Хорошего Воздуха — полное название Буэнос-Айреса (исп.).

говорят, по популярности соперничал с Ивом Монтаном, а голосом далеко его превосходил. Впрочем, аргентинцы склонны к преувеличениям. Так она и сказала.

— А ваш испанский очень неплох, сеньора Сигарева, — неожиданно и совсем не в тему сказал старик.

— Вы меня знаете? — опешила Елена.

— Знаю, что тут такого. Я прожил много лет и знаю в этом мире очень многих. Хуана Доминго Перона хорошо знал, Борхеса знал, Габриэля Маркеса тоже. Вот и вас случайно знаю. Вас и о вас, не так уж много, но на этот случай достаточно.

Знаю, что вы на днях возвращаетесь в Москву. И еще — что вы некоторое время назад достаточно близко дружили с неким молодым человеком по имени Вадим Ляхов...

«Он что, мысли умеет читать?» — скорее с удивлением, чем со страхом, подумала женщина.

— Не в этом дело, — ответил на невысказанный вопрос старик. — Кстати, меня можете называть дон Херардо. Не обязательно затрудняться чтением чужих мыслей, в этом мире достаточно более надежных и стабильных носителей информации.

Елена взяла себя в руки. Действительно, она никогда не скрывала, в том числе и от мужа, свою предыдущую биографию. И подругам наверняка рассказывала, и в семейном альбоме хранила несколько фотографий, на которых была изображена с Вадимом. И вдвоем, и в компании друзей. Но этот-то старец тут при чем? И кто он вообще? Так она и спросила.

Спросила, а он не ответил, сохраняя инициативу разговора.

— Вы с ним давно виделись в последний раз?

— Очень давно, — машинально ответила Елена и тут же возмутилась. — А почему я вообще должна вам отвечать? Я лучше пойду...

— Подождите...

— А будете еще приставать, позову полицейского...

— Вот этого — не надо, — поднял старик сухой палец, на котором сверкнул крупным бриллиантом перстень. — Вы рискуете упустить свое счастье.

Он вдруг полез во внутренний карман пиджака и извлек большой бумажник змеиной кожи.

— Вам здесь ничего не грозит — в центре города, днем, да и чем я могу быть для вас опасен? Не тот, увы, у меня возраст, — слабо улыбнулся он. — Зато если вы согласитесь продолжить нашу беседу, я прямо сейчас заплачу вам, не чеком, наличными, пять тысяч...

«Почему бы и нет?» — подумала Елена, хотя только что была настроена совершенно непреклонно. Настойка коки продолжала действовать.

— Пять тысяч — чего? — деловито спросила она.

— Ну, у меня с собой только песо и доллары...

— Хорошо. Давайте пять тысяч долларов, и я буду с вами говорить. Но больше ни на что не рассчитывайте, — бесшабашно махнула рукой Елена. А сама подумала: «Нет, это безусловно какое-то безумие. Но — веселое».

Из левого отделения бумажника дон Херардо вытащил пачечку пятисотдолларовых банкнот, отсчитал десять и протянул Елене.

— Прошу. Расписки не надо. Итак, продолжим теперь уже на законных основаниях....

Елена затолкала деньги в сумочку. Не столь уж солидная сумма, но на карманные расходы муж выделял ей не больше двух-трех сотен в месяц в пересчете на песо. Значит, и в Москве с этими деньгами она будет финансово независима от мужа не меньше года. Неплохо за ни к чему не обязывающий разговор. Вот только так ли это?

Старик сообщил, что о причинах своего поведения, на первый взгляд странного, он сообщит позже, а сейчас хотел бы получить ответы на несколько вопросов. Причем он даже оставляет за ней право не отвечать, если что-то покажется ей неприемлемым или затрагивающим какие-то интимные струны, но те ответы, которая сеньора согласится дать, должны быть абсолютно правдивыми. Итак.

— Вы давно виделись с человеком, о котором мы говорим?

Тут ей скрывать было нечего:

— В Петрограде около пяти лет назад. После чего наши пути разошлись навсегда.

— Ну, об этом может судить только бог, — философски заметил старик. — Да и он может ошибиться. И вы ничего о нем не знаете? Не переписывались, не передавали друг другу приветов через общих знакомых?

— С общими знакомыми я не виделась ровно столько же времени. Я вышла замуж и уехала из России. А переписываться с человеком, с которым рассталась... В нашей культуре это не считается хорошим тоном.

— Понимаю, понимаю. Но все же... Я знаю, что в подобных случаях иногда сохраняются остатки былой привязанности. Хочется вдруг узнать что-то о человеке, который некогда был дорог. А?

— Допускаю, что так бывает. У меня лично подобная сентиментальность отсутствует, — пожала она плечами.

Кажется, ей удалось сохранить невозмутимость и ответить так, что голос не дрогнул.

— Да, да... Сколько людей, столько характеров. Но вы с нетерпением ждете, когда же я объясню причину столь странного интереса, проявленного незнакомым человеком на другом конце света к другу вашей юности...

— Не скрою, меня это очень интригует... — А сама уже давно догадывалась, что как-то все это связано с заметкой в тунисском журнале. Иначе просто невозможно, два таких совпадения по отдельности просто немыслимы. Но вот каким именно образом они связаны?

— Видите ли, дело в том, что я коллекционер, коллекционер страстный, из тех, что ради обладания предметом своего вожделения готовы на все. Именно на все. В свое время из-за моей страсти от меня ушла жена, я так и не завел детей, и все ради моей коллекции.

За некоторые вещи я готов отдать все свое состояние. Более того, я не останавлиюсь и перед преступлением... — дон Херардо хитро улыбнулся. — Разумеется, если буду уверен в своей безнаказанности, иначе какой же смысл — попасться, сесть в тюрьму и навсегда лишиться того, ради чего все и предпринималось. Вы же знаете, даже из крупнейших музеев мира то и дело исчезают ценнейшие экспонаты. И, как правило, исчезают бесследно. И, значит, кто-то ими сейчас любителюется в одиночестве, в глубоких подвалах или в комнатах с броневыми стенами...

Дон Херардо говорил так увлеченно, что Елена ему поверила. Он действительно коллекционер, но при чем тут Вадим?

— Так вот. Я давно искал по всему Ближнему Востоку и в странах Магриба тоже одну вещь. И недавно узнал, что некий русский военный врач Вадим Ляхов эту вещь приобрел в одной из лавочек старьевщиков. В Иерусалиме. Практически случайно. А я ее искал десятки лет. Вот уж воистину — дуракам везет.

Он употребил несколько другую, испанскую поговорку, но Елена перевела ее именно так.

— И что же это за вещь?

— Старинная сабля работы очень древнего мастера. Каким образом она попала к мелкому старьевщику — это отдельная история. Главное, что мои агенты шли буквально по ее следам, но — опоздали. У меня разветвленная сеть торговых агентов по всему цивилизованному миру. А сабля попала в лавку из краев весьма нецивилизованных... Так вот. Установить имя покупателя было не слишком сложно, несколько мелких бакшишей тому, другому...

Но, увы, господин Ляхов к этому времени уже покинул Палестину. Уехал куда-то и, как говорится — адреса не оставил. Короче, мы потеряли его след. Еще раз повторяю — я готов на все.

Мне удалось через друзей в России многое узнать о Ляхове. И ведь главное — никакой он не коллекционер. Просто приобрел сувенирчик на память. Как другие привозят из экзотических стран морские раковины и павлиньи перья. Больше всего я боюсь, что он эту вещь кому-нибудь уступит, перепродает, да просто ее у него украдут...

Так вот, в ходе поисков мои люди выяснили и необходимые подробности его личной жизни. Холост. Была у него любимая девушка. То есть вы. И якобы он был к вам очень привязан. Вот я и подумал...

А то, что вы, по удивительной случайности, оказались именно здесь, в Буэнос-Айресе, так это просто еще одно удивительное совпадение. Или — очередная шутка судьбы...

Елена ему поверила. А почему бы и нет? Какие еще могли быть поводы? А о нравах коллекционеров-фана-

тиков она читала, одного психа-филателиста даже знала лично.

— Но все равно я не понимаю...

— Сеньора Елена. — Старик поднял руки с обращенными к ней ладонями. — Вы — мой шанс. Пусть слабый, ненадежный, но шанс. Вы возвращаетесь домой. А вдруг?! Ну представьте, что вы с ним встретитесь? Он сам вас найдет или вы его — через общих друзей! Ну что вам стоит?

Это ведь не так уж невозможно, стоит вам захотеть... А уж я, со своей стороны... Вам достаточно будет просто позвонить по телефону. Или моему знакомому в Петрограде, или прямо сюда. На другой день я прилечу. И заплачу вашему другу в сто, в тысячу раз больше, чем он потратил на совершенно ненужную ему вещь.

А вам — коммиссионные — десять процентов от суммы. И это совсем не мало, уверяю вас...

Старик перевел дыхание, вытер пот со лба батистовым платком, сделал сразу три глотка из стакана.

— Ну что же, если это будет в моих силах, — после некоторого колебания ответила Елена. — Только ведь правда, шансов совсем мало. Вдруг он и вправду уехал к новому месту службы куда-нибудь в Африку, в Сибирь, я не знаю.

— Возможно, но все же... Обычно люди после фронта получают отпуска. Я вас умоляю — помогите мне.

— Ну, хорошо, хорошо. — Она взяла из рук фанатика визитную карточку, на которой тот написал телефоны в Москве и Петрограде.

— И вот еще. Я понимаю, моя просьба сопряжена с неудобствами. Так возьмите. Как аванс и на представительские расходы. — Он вынул из бумажника еще одну стопочку банкнот.

— Что вы, зачем это?

— Нет, обязательно возьмите. У вас будет дополнительный стимул. Вы женщина с принципами и после этого не выбросите мою визитку в ближайшую урну.

— Ну, хорошо. — Преодолевая смущение, Елена и эти деньги спрятала в сумку, не считая.

Но мысль мелькнула — интересно, а теперь в какую сумму он оценил ее услуги? И ведь самое смешное, ей

заплатили чертову уйму денег за то, что она с огромным удовольствием сделала бы и бесплатно. В собственных интересах. А теперь вдобавок у нее будет моральное оправдание. Не безнравственная женщина, гоняющаяся за бывшим любовником, а...

Внезапно муж объявил, что ему придется задержаться в Байресе еще минимум на месяц. А уже были куплены билеты и отправлен багаж. И она вдруг решила, что улетит в Москву, как намечено. И будет ждать мужа там.

— Не сидеть же мне месяц на ящиках в пустой квартире. — Она заговорила даже с некоторой агрессивностью, готовясь к спору и возможному скандалу, но вопреки ожиданию муж отнесся к этому спокойно.

— Конечно, нечего тебе теперь здесь делать. Езжай. Я позвоню в Москву, может быть, пока с квартирным вопросом разберешься, раз уже все оговорено. А нет — поживи в гостинице, походи по театрам, по музеям...

...Полет оказался очень утомительным. Мало того, что аргентинские авиакомпании еще не успели обзавестись новейшими реактивными лайнерами вроде российских АНТ-100 «Антей» или американских «Боингов» и половину пути пришлось проделать на медлительном четырехмоторном «Констеллейшене», пусть и вполне комфортабельном внутри, так и погода до самого Мехико была отвратительной. Даже на шестикилометровой высоте самолет трясло и бросало так, что Елена то и дело выглядывала в иллюминатор, не отвалились ли еще тонкие крылья, пугающе облитые голубоватыми огнями святого Эльма.

Не зная, долетит ли она живой до твердой земли, Елена регулярно снимала со столика, подвозимого тоже укачивавшимися стюардессами, очередной стаканчик виски и банку саморазогревающегося кофе, выпивала и на полчаса проваливалась в полусон-полубред, пронизанный тяжелым гулом моторов.

Над Мехико «Констеллейшен» долго кружил, пока не

плюхнулся на залитую дождем бетонную полосу. Пассажиры, выходя, осеняли крестным знамением себя, крестили стюардесс и пилотов, прижимали руки к сердцу.

А Елена в полете моментами думала, не есть ли все это кара небесная за измену мужу, пусть пока и мысленную, и за согласие продать душу свою и чистые воспоминания юности странному дону Херардо, так похожему на Мефистофеля, с его ничем не сообразной платой за душистые услуги.

Зато в Мехико, подождав всего три часа и вволю нагулявшись между прилавками последнего в Америке магазина «Фри шоп», где беспощинно продавались экзотические товары, которые хорошо пойдут в России в качестве сувениров для друзей, она села, наконец, в самолет отечественной фирмы «Русвоздухфлот», поражавший как своими размерами, так и непостижимым для иностранцев сервисом в стиле допетровской Руси.

И вот она, наконец, ступила на надежную московскую землю, и молчаливый ночной таксист привез ее в тихую гостиницу с полупансионом на Суворовском бульваре.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тарханов вышел из воздухофлотского автобуса на углу Тверской и Охотного ряда.

Вечерело. Сыпался с мутно-розового неба мелкий снег, под ногами хлюпала полужидкая ледяная каша. Снегопад длился уже несколько дней, и дворники не успевали убирать даже центральные улицы. Только перед подъездами богатых доходных домов и гостиниц асфальт был выскоблен досуха непрерывно гудящими ручными снегоочистителями.

Одежда Сергея никак не соответствовала московской погоде, и нужно было немедленно искать пристанище.

Он выбрал «Гранд-отель», его старый трехэтажный корпус, притаившийся позади нового, вонзающегося в тучи своими гранями золотистого стекла и выходящего фасадом на Манежную площадь.

Когда-то ему уже довелось жить здесь несколько дней, и гостиница запомнилась старомодным уютом и некоторой, если так можно выразиться, трущобностью, в хорошем смысле слова. Сквозные коридоры, полутемные и сводчатые, тянулись вдоль этажей на добрую сотню метров каждый, соединяясь в самых неожиданных местах поперечными проходами и мраморными лестницами с наполовину стертыми ступеньками.

Создавалось впечатление, что в этом лабиринте очень легко затеряться, да и такое количество непрерывно заезжающих и выбывающих постояльцев лишало каждого из них индивидуальности.

Истинный людской муравейник, в котором населяющее его человекообразное насекомое выбегает поутру из отведенной ячейки, торопится раствориться в департаментах, конторах, банках, магазинах города-муравейника высшего порядка, а вечером, изнуренное дневными трудами, мечтает лишь о том, как бы скорее повалиться в постель или приступить к скромному веселью в десятках гостиничных ресторанчиков, трактиров, буфетов и бильярдных с подачей спиртных напитков.

Кому в таких условиях дело до еще одного существа, влившегося на краткий срок в здешнее сообщество...

Господин Узиель Гал, инженер из Иерусалима, прибывший в Москву по коммерческим делам, снял крошечный, но двухкомнатный номер окнами на Театральную площадь и Петровку, в самом углу левого бельэтажа. По телефону осведомился у коридорного, работает ли в отеле сауна, с удовольствием услышал, что к услугам господ постояльцев не только сауна, но и русские, и турецкие бани, а для любителей есть даже и узбекский «хаммом».

Что такое «хаммом», он знал, поскольку послужил в свое время в Средней Азии, но сегодня такая экзотика его не влекла. Турецкие — это как раз то, что нужно, решил Тарханов и начал собирать узелочек с бельем.

В предбаннике он впервые за трое суток разделся и отважно шагнул в овальный, пышущий жаром зал, забрался на самый верхний ярус. Распростерся на горячей мраморной скамье так, чтобы только глаза и верхняя часть

головы выступали над непроницаемой пеленой содового пара. Интересное зрелище — словно летишь в самолете вдоль верхней кромки облаков. А заодно и видно, не появится ли вдруг поблизости еще чья-нибудь голова. Нью-йоркские комплексы продолжали действовать.

Впрочем, хотя бы сейчас стоит наплевать и забыть.

Как приятно и даже необходимо утомленному битва-ми воину распарить старые кости и покрытое рубцами и шрамами тело. Тем более — душу.

Вчера ты был неизвестно где, не знал, выживешь ли или останешься в чужой земле (красивость, естественно, правильнее было бы сказать — в чужом морге), а теперь сидишь вот здесь, предвкушаешь грядущую рюмочку с пристойной московской закуской и думаешь — а ведь все равно хорошо жить на свете, господа!

Сейчас он как следует отмякнет, потом пойдет на сладкие мучения к турку-массажисту, который станет «ломать ему члены, вытягивать суставы, бить сильно кулаком, но так, чтобы не чувствовать ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут на спине вприсядку *e sempre bene*.) После сего будет долго тереть шерстяной рукавицей и, сильно оплескав теплой водой, станет умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обтекает вас, как воздух!»¹

После пузыря банщик отпустил Тарханова в бассейн. Тем и кончилась церемония.

Отдохнувший и настроенный благостно, по боковой лестнице, избегая лифта, Сергей вернулся в свой номер, выпил давно чаемую рюмку водки, а потом и вторую, но в буфет идти сил уже не имел.

Проверил прочность запоров на двери, окнах, пересчитал патроны в обоймах пистолета и позволил себе, наконец, заснуть, ни о чем более не думая. И отключил внутренний будильник, чтобы спать завтра без ограничений, до упора.

¹ См. А. Пушкин. Путешествие в Арзрум.

С утра, как любой нормальный человек, вернувшийся в Москву после долгого отсутствия, Сергей отправился гулять по Первопрестольной. Проходя сквозь арку Иверской часовни, он машинально перекрестился и тут же сообразил, что жест этот мало совмещается с его нынешней легендой. Сейчас это роли не играет, но вообще-то впредь следует быть повнимательней.

Гражданским, никому во всем огромном городе не известным человеком, при деньгах и без каких-либо забот, чувствовать себя было необыкновенно приятно.

Однако несколько омрачали радость жизни размышления о будущем, которое Тарханов представлял довольно смутно. Звонить по оставленному Чекменевым номеру ему активно не хотелось. Он понимал, что тут его свобода и закончится. Жизненный опыт подсказывал, что не из голого альтруизма столько людей приняли в нем участие, нарушая законы нескольких государств и рискуя жизнями многих людей. Обязательно найдут ему занятие, и вряд ли оно будет синекурой. Но тут уж ничего не поделаешь, взялся за гуж, и так далее...

Интересно было бы разыскать доктора Ляхова и узнать, как устроились дела у него. При последней встрече Вадим намекнул, что в ближайшее время вылетает в Россию, и тоже инкогнито, только под каким именем, еще не знает. Своей предстоящей судьбы Тарханов не знал тем более и все же предложил, если получится, подать друг другу весточку.

— А как? — спросил Ляхов.

Действительно, как, не зная ни будущих имен друг друга, ни места, где доведется оказаться?

И все же Тарханов придумал.

Нет документов — ну и бог с ними. У него имелся талисман, расставаться с которым он не собирался ни при каких обстоятельствах. Кроме тех, когда вопрос встречи с другом уже не будет актуальным.

Российский царский бумажный рубль, так называемый брутовский. Еще до Мировой войны кассир Государственного банка Брут, попавшийся на каком-то крупном мошенничестве, повесился, и судьба управляющего банком Плеске тоже была печальной. Естественно, что

★ подписанные ими банкноты пользовались репутацией талисманов и высоко ценились среди карточных игроков, каковым был и капитан Тарханов.

В свое время он отдал за него сто полновесных нынешних, на которые можно было пару раз хорошо поужинать с дамой в высококлассном ресторане.

— Если сможешь — оставь записочки на Главпочтамтах Москвы и Петрограда, до востребования, предъявителю рубля серии НА — 004711. Номерок-то тоже раз в раз, как на «Тройном одеколоне». Специально не придумаешь.

На конверте пометь — хранить бессрочно. Вдруг да сумею получить. А в записочке изобрази, где и как тебя искать...

Сейчас, конечно, рано еще идти на почту, едва две недели прошло после их прощания, к тому же Тарханов успел «умереть», но в конце месяца уже можно будет наудачу наведаться.

Мудрость состоит в том, продолжал размышлять Тарханов, чтобы с максимальной приятностью использовать выпавшие ему несколько свободных дней и до самого конца «отпуска» не думать, что завтра или послезавтра он неминуемо закончится.

Тем более — ему ведь было сказано человеком, явно имеющим на это право, — избегайте самолетов. Вдруг он послушался и взял билет на пароход? Тогда в запасе минимум неделя. Этот срок он себе и положил на отдых и развлечения.

Поскольку, как уже упоминалось выше, капитан был картежником, причем игроком не только азартным, но и умелым, он решил использовать свободные вечера с толком.

То есть не просто потешить организм изрядными дозами адреналина, который обильно выбрасывается в кровь при рискованной игре, но и до возможных пределов улучшить свое финансовое положение.

Имеющаяся в его распоряжении сумма российской, американской и израильской валюты в пересчете по курсу — чуть больше восьмидесяти тысяч рублей — в принципе достаточна для безбедной жизни в течение двух-

трех лет, но ежели потребуется снять квартиру, обзавестись каким-никаким автомобилем, то останутся слезы, а не деньги.

Поэтому в первый же вечер он выбрал по газетным объявлениям игорный дом.

Приличный, судя по тому, что размещался он на Петровке, неподалеку от универмага Мюра и Мерилиза, и в газете был указан номер регистрационной лицензии.

То есть можно надеяться, что крупные там соблюдают законы и обычаи, а профессиональных шулеров служба безопасности умеет отслеживать и в заведение не допускать.

Предварительно Сергей посетил парикмахерскую, привел в порядок прическу и довольно уже отросшую шкиперскую бородку, купил в Верхних торговых рядах английский костюм табачного цвета, весьма дорогие, но стоящие того туфли крокодиловой кожи, дополняющие облик еврейского коммерсанта уровня российского купца второй гильдии, аксессуары вроде запонок, булавки, часовой цепочки, машинки для обрезания сигар и собственный портсигар.

Последним штрихом был удивительно к месту попавшийся на глаза в ювелирной лавке золотой перстень с эмалевым Могендовидом¹.

Встреченный с должным почтением, которое не мешало сотруднику местной секьюрити тщательно огладить его по всем частям тела сканером-металлоискателем, Тарханов для разминки купил фишек на тысячу рублей, примериваясь к столам и освежая квалификацию, проиграл по маленькой рублей триста в «блэк-джек» и штосс, потом столько же выиграл.

Старавшийся быть незаметным в толпе, но внимательно присматривающийся к новому гостю охранник быстро потерял к нему интерес. Шулерских замашек иностранный господин не проявлял.

Тарханов и не был шулером, но свои секреты у него имелись. Основанные исключительно на наблюдатель-

¹ Могендовид — щит Давида, шестиконечная звезда (изр.).

ности, быстрой реакции и умении разбираться в психологии и темпераменте партнеров, а также и крупье.

Кроме того, зная обычаи и правила заведения, которые можно прочесть на соответствующих табличках, определенную пользу извлечешь и из этого. Только никто их обычно не читает. Скорее всего, от самоуверенной глупости, ибо любой написанный и заверенный текст непременно таит в себе выгоду. Для того, кто сумеет быстрее и лучше сообразить.

Он выиграл еще два раза по двести рублей в «блэк-джек», попросту говоря, в «двадцать одно». Один раз честно, с десяткой и девятью очками мелкими, а второй внагиую, на четырнадцать.

В штосс он снял со стола пятьсот рублей на чистом везении, поскольку формула «тройка, семерка, туз» с известных времен утратила свою магическую силу.

Удвоив стартовый капитал Сергей, наконец, решил попытать счастья в покер, ради чего сюда и пришел.

Понаблюдав за столами, неспешно прогуливаясь с сигарой в зубах, засунув пальцы в проймы жилета. Ему нужны были партнеры особого типа.

Не слишком богатые, чтобы не загоняли ставки до тех пор, пока остальные игроки сбросят карты, в меру азартные и не слишком хорошо умеющие владеть личными мышцами.

Вскоре он нашел то, что требовалось. Трое мужчин средних лет и дама бальзаковского возраста. Судя по всему, между собой не знакомы. Первые ставки по пятьдесят рублей. Приемлемо.

Крупье сдал.

Тарханову выпало ни то ни се. Но в принципе карта прикупная. Он сбросил две и получил к своим трюфовым валету, даме и королю такую же десятку и джокера.

На подобное везение трудно было рассчитывать. Но, видно, раз уж начало везти с новогодней ночи, хотя и несколько сомнительно, так и дальше идет. Теперь остается сидеть, в меру нервничая и отражая лицом все перипетии чужой игры.

Сергей достал из кармана заветный рубль и положил его на стол, под стопочку фишек.

Ну, покойнички, вывозите!

Каждую следующую ставку он поддерживал, но бросал фишки сильнее раз от разу вздрагивающими пальцами. Партнеры вели себя почти аналогичным образом.

На первой тысяче рублей спасовал господин в клетчатой визитке. На второй — дама и мужчина с висячими усами. Остался самодовольно усмехающийся господин, похожий на адмирала в штатском.

Тарханов давно приметил, что адмиралы в массе своей непонятным, но безусловным образом отличаются как от лиц гражданского звания, так и от армейских генералов. Почему так, он до сих пор не выяснил, но на практике ошибался редко.

«Ладно, ваше превосходительство, — подумал Сергей. — Для начала я тебя раздевать не буду», — и бросил на стол пятисотрублевую квадратную фишку. Партнер с все более раздражающим пренебрежением ответил тем же.

«Ах, так? На чем же ты играешь? Каре тузов или тоже флеш-ройаль? Не может быть, чтобы флеш, да еще и старший...»

— Отвечаю вдвое. Раскроемся? — предложил Сергей.

Партнер отрицательно мотнул головой и еще поднял ставку. «Если у него денег больше, чем у меня, а на руках покер, — мне кранты. Но и сдаваться сейчас, с флешем на руках и всеми ставками, — верх глупости... А он что, корабельную казну проигрывает?»

Когда ставка поднялась до десяти тысяч, крупные бесстрастным голосом сообщил:

— Господа, ставка предельная. Предлагаю раскрыть карты.

Тарханов с облегчением, по одной выложил свой флеш на стол. Для начала сильных эмоций хватит.

У «адмирала» тоже оказался флеш-ройаль, но бубновый. Выдержка, наконец, ему изменила, и он бросил карты нервно, беззвучно при этом, но отчетливо выругавшись.

Встав из-за стола и сгребая фишки, Сергей вежливо поклонился партнеру.

— Вы хорошо держались, сэр, — сообщил он по-английски, — не согласитесь ли выпить со мной рюмочку в баре?

«Адмирал» согласился, и, сидя на высоких вертящихся стульях, они некоторое время оживленно обсуждали детали и подробности схватки, прихлебывая коньяк.

— Не желаете ли повторить? — спросил собеседник, до сих пор так и не считая нужным представиться.

— Коньяк или игру?

— Я предпочел бы игру, но можно и коньяк.

— С коньяком согласен, а играю я только единожды. Второй раз такая удача может и не повториться. Надеюсь, здесь не действует русское правило — с выигрышем не уходят?

— Насколько я знаю, это правило действует только в тюрьмах и воровских притонах...

Они выпили еще по рюмке, и Тарханов раскланялся.

— Будет настроение — заходите, — бросил ему вслед партнер, — я тут почти каждый вечер бываю.

«Нет, вряд ли он адмирал, разве только в отставке, располагающий приличным состоянием».

Настроение у Сергея было отличное. И развлекся как следует, и капитал свой за один вечер округлил почти на двадцать процентов. Ровно год за эту сумму пришлось бы служить.

Теперь совсем неплохо положить большую часть выигрыша в банк, а потом заказать ужин в номер и поинтересоваться у портье, есть ли в штате девушки, готовые скрасить одиночество «гостя столицы».

...Всю отведенную себе неделю Тарханов провел, как и подобает отпускнику. Спал по утрам часов до одиннадцати, потом час-полтора валялся в постели, читал газеты и смотрел новости по дальновизору. В основном — зарубежные.

Все шло почти как обычно.

В Африке и Южной Азии царьки и диктаторы воевали друг с другом и повстанцами, борющимися неизвестно за что, в водах Тихого и Индийского океанов малайские

и иные пираты нападали на следующие без прикрытия военных кораблей торговые суда, в парламентах цивилизованных стран продолжалась никому не интересная горюшня.

На Ближнем Востоке успела начаться и закончиться арабо-израильская война. Сергей был уверен в победе союзника, но не ожидал, что победа будет настолько блестящей. Ровно за неделю великолепно обученная и сверхмоторизованная израильская армия вдребезги разгромила десятикратно превосходящего противника, трижды развернув направление главного удара на девяносто градусов. Еврейский главнокомандующий показал себя блестящим полководцем, уступающим талантом только, пожалуй, генералу Слащеву.

Тридцатилетний генерал-лейтенант Яков Александрович сумел весной и летом 1919 года продемонстрировать еще большую стратегическую отвагу и лихость, не имея в своем распоряжении ни современной авиации, ни бронетехники. Только мосинские винтовки, штыки и полевые трехдюймовки на конной тяге. Зато кадры у него были покруче — офицеры с шестилетним опытом Мировой войны и добровольцы-юнкера, заведомо, как средневековые самураи, обрекшие себя на смерть, независимо, достижима победа или нет.

А вот аргентино-бразильская война разворачивалась совершенно по типу давней Мировой, с вовлечением многотысячных масс пехоты, с морскими сражениями, не приносящими результата, и с тем бессмысленным ожесточением, которое не обещало скорого мира.

Это, кстати, Тарханову было очень понятно.

Недовоевали ребята в свое время, а сейчас, когда Великие державы положили за правило не вмешиваться в чужие разборки и не допускать новых членов в нынешнее «Антанте кордиаль»¹, отчего же и не попробовать установить на своем отдаленном континенте свой же «новый порядок»?

А кто победит — претендующая на тотальную геге-

¹ «Антанте кордиаль» — Сердечное согласие (франц.).

монию бывлой португальской империи Бразилия или блок испаноговорящих стран — угадать сложно.

Тут стоило бы поговорить с настоящими аналитиками Генштаба, располагающими достоверной информацией, но такой возможности у Тарханова сейчас не было.

Поэтому, дождавшись, когда в дверь деликатно постучит девушка Влада, он одевался сообразно погоде, шел с ней обедать к Елисееву или в полуподвальный трактир «Дядя Гиляй» на Столешниковом, а дальше уже по настроению.

Заглянул попутно на Главпочтамт на Мясницкой. Как и ожидалось, письма от Ляхова пока что не было.

Влада, с которой он познакомился в первый московский вечер, отнюдь не была банальной «девушкой по вызову», а своеобразным аналогом японской гейши или древнегреческой гетеры.

Не то чтобы слишком красивая, но вполне миловидная, умная, прилично образованная, она исполняла роль как бы случайно встретившейся, давней, хотя и не слишком близкой подруги.

Вводила его в тонкости нынешней московской жизни, показав себя приятной собеседницей с широким кругозором, эрудированной гидессой по культурным объектам и значным местам.

Быстро разобравшись в характере, уровне образования и настроениях томимого ностальгией «господина Гала», она определила для себя амплуа «своего парня» — бывают такие девушки, свободно ощущающие себя в мужских компаниях, с которыми можно говорить о чем угодно, ходить в турпоходы, сплавляться на байдарках по горным рекам и петь песни у костра под гитару.

А уж постельные отношения, хотя и безусловно имели место, выглядели не более чем приятным, но необязательным дополнением ко всему остальному.

На четвертый день Сергей поймал себя на мысли, что очень бы не прочь продлить знакомство с ней за пределы срока, оговоренного контрактом. Он понимал, конечно, что это полный бред и ерунда, девушка на работе и в реальной жизни, скорее всего, так же отличается от тепе-

решней, как театральная Принцесса Турандот от играющей ее актрисы.

Но верить, вопреки всему, в суровую прозу жизни не избалованному вниманием по-настоящему чутких и ласковых женщин боевому офицеру не хотелось.

Неужели он не может понравиться ей не по недельному договору, а всерьез? Чем он для нее плох? Молод, недурен собой. Отнюдь не беден.

А что касается ее нынешней работы — не шлюха же она панельная, просто профессия у нее такая, можно сказать — психотерапевт широкого профиля.

Это определение Владе тоже понравилось. Но когда он попытался осторожно развить свою мысль, она засмеялась и ответила: «Как говорил один мой знакомый моряк, кто пытается проникнуть глубже поверхности, как правило, идет на дно».

Оставалось только согласиться. Но мыслей поговорить с ней еще раз, ближе к моменту прощания, он не оставил. Как вариант — предложить девушке продление контракта еще на месяц, полгода, год. Денег хватит (поскольку он играл еще несколько раз и по-прежнему успешно), а там будет видно.

Если бы только не полная неопределенность его будущей судьбы.

В последний вечер, когда он окончательно решил, что завтра позвонит по нужному телефону, Сергей предложил Владе организовать процедуру прощания в лучшем, по ее выбору, ресторане.

Она выбрала «Русскую избу» в Петровских линиях.

Здесь обычно московские деловые люди давали обеды особо важным клиентам-иностранцам, а гиды туристских фирм заманивали состоятельных ценителей русской экзотики. Чаще всего на эту удочку ловились японцы.

В небольших залах, убранных расшитыми полотенцами и деревянной резьбой панелей в простенках, столы сервировались великолепно стилизованной под старину XVII—XVIII веков серебряной посудой. Русские и иностранные вина подавались перелитыми в старинные штофы и полуштофы с надписями — фряжское, фалернское, бургундское, мальвазия и тому подобное, а шампанское

приносили в двухлитровой, тоже серебряной, братине, откуда его черпали ковшом, а пили кубками.

И еда готовилась исключительно по старорусским рецептам, начиная от расстегаев и кулебяк до осетров, стерлядей, целиком зажаренных поросят и лебедей в перьях.

На такие роскошества господин Узи Гал, разумеется, не размахивался, но попросил Владу не стесняться и сделать заказ, руководствуясь ее безупречным вкусом.

— Не боишься, что пища здесь абсолютно не кошерная?

Ее вопрос вдруг представил Сергею ситуацию несколько с другой стороны. Вдруг все дело именно в его якобы происхождении? Действительно, может же девушка испытывать определенные предрассудки?

Работа — это работа, клиентов, если они хорошо платят, не выбирают, а вот вступать в соответствующие отношения с израильским евреем по доброй воле — извините.

Как бы выпутаться из этого положения достойным образом?

— Ну, мое иудейство — вещь весьма относительная...

— Имела удовольствие убедиться, — с фривольной улыбочкой кивнула Влада.

— Строго говоря, я вообще не еврей, — продолжал импровизировать Тарханов. — Просто так сложилось. Вообще-то по происхождению я из поляков, и даже шляхтичей. Просто мой дед в свое время решил поправить свои не слишком блестящие дела, с первой большой волной эмиграции отъехал из Торуни в Израиль, слегка подделав документы, воевал, был неоднократно награжден, натурализовался, ну и так далее...

— Бывает, — почти равнодушно ответила девушка. Похоже, данная тема ее мало интересовала. — То-то я смотрю, по-русски ты говоришь практически свободно. И, судя по всему, ваши дела идут очень неплохо...

— Более чем. Между прочим, я давно подумываю «репатрироваться». На Востоке становится жарковато, да и для бизнеса возможности сокращаются... — Он вспомнил нью-йоркского таксиста и, слегка повысив его ста-

тус, добавил, что весьма уважаемые в деловых кругах люди советовали ему поступить именно так. — Если я все-таки решу — останешься со мной?

По лицу девушки пробежала едва заметная гримаса.

— Знаешь, дорогой, что я тебе скажу? Не нужно сейчас об этом. Не понимаешь разве, что ты все портишь? Есть соглашение, есть сценарий. Позволь мне закончить все так, как должно... — Она обреченно махнула рукой. — Ах, да все уже испорчено...

Тарханову показалось, что в уголках ее глаз блеснули слезы. Но, возможно, это тоже элемент сценария.

— Ну и прекрасно. Давай проведем этот вечер без всякого сценария. Ты — это ты, я — это я. Те, кто есть на самом деле. Считай, контракт закончился. Ты мне ничем не обязана. Поступай по собственному усмотрению. Можешь даже уйти, если я тебе неприятен. — Он непроизвольно дернул щекой. Последствия контузии моментами проявлялись. И добавил неизвестно зачем: — На твоём заработке это не отразится...

Пока сразу два официанта хлопотали вокруг стола, они молчали. Влада нервно курила, хотя раньше этой привычки за ней не замечалось.

Сергей смотрел в окно на устье Столешникова переулка, освещенное фонарями, стилизованными под газовые.

Как-то глупо все получилось. Давал себе слово сдерживать эмоции, а вот не сдержался. Но, возможно, все как раз к лучшему.

«Так мир устроен, дым и ветер, размах и ясность до конца».

Официанты исчезли, оставив стол бутылками и подав первую перемену закусок. Не спрашивая Владу, Сергей налил ей того вина, что здесь называлось «фряжским», а на самом деле являлось сухим белым хересом из Бессарабии. Себе щедро плеснул водки.

— Интересно бы узнать, кто ты есть на самом деле, — каким-то новым, незнакомым тоном спросила девушка, когда они выпили без тоста.

— В каком смысле, интересно?

— Я бы предположила, что ты, например, моряк, вер-

нувшийся после долгого-долгого плавания в неведомые края, — продолжала Влада, словно не услышав его вопроса. — Не знаю, зачем тебе нужно валять дурака, изображая из себя иудея. Вполне готова допустить, что ты мог служить под каким угодно флагом, но ты же стопроцентно русский...

— С чего ты взяла?

— Да, господи! Неужели ты меня вдруг душой вообразил? Поздновато что-то. Я тебе прямо сейчас могу назвать два десятка признаков. Только времени жаль. Его и так осталось слишком мало.

В ее голосе Сергею послышалась горечь.

— Ну какой иностранный еврей способен, подписав с девушкой недельный контракт на эскорт-услуги, уже на третий день вообразить, что влюбился в нее, а она, услышав признание, тут же ответит ему взаимностью? Это с детства нужно наши глупые книги классиков читать. А предложение отпустить меня с миром раньше срока?

Влада тихо засмеялась.

— И вот этот эффектный штрих под занавес — абсолютно автоматически хлопнуть полстакана водки с горя! Да, загадочный друг мой, кем бы ты ни был, но в разведке тебе не работать...

— Зато из тебя контрразведчица так и прет! — резко ответил Сергей, злясь прежде всего на себя и не стараясь больше имитировать акцент и манеру разговора. — У вас там действительно есть спецотряд по надзору за иностранцами? Я в альбоме у портье штук тридцать фотографий просмотрел, пока тебя выбрал, так в кого ни ткнул бы пальцем, все равно попался? Нет?

— Умный ты вроде, а все равно дурак. В Москве каждый день десятки тысяч «интересных» иностранцев крутятся, так что теперь, контрразведке целые дивизии специально обученных блядей для них формировать? — Она опять рассмеялась. — Не умножай сущности сверх необходимости, учил монах Оккам, то есть не изобретай сложных объяснений там, где можно обойтись простыми. У меня достаточный жизненный опыт и знание людей, чтобы раскусить тебя после первого же вечера и ночи. А потом я просто наблюдала, чем все это кончится.

Тарханов неожиданно успокоился.

Правильно говорят на Востоке — все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. Кончилась вся эта авансом оплаченная игра, хотя бы сегодня у них все будет по правде. А там — куда кривая вывезет.

Но главное — своего он добился. Влада разговаривала с ним совершенно иначе, чем раньше. И на другие темы. Сама, похоже, не замечая, что как раз теперь ее сценарий «Встреча давних приятелей» реализовывался с куда большей достоверностью.

Они были знакомы в предыдущей жизни — он преуспевающий израильский бизнесмен, она эскорт-леди, а теперь вдруг встретились по новой, и каждый в другом качестве.

Можно вспоминать о прошлом, можно не вспоминать и строить отношения с чистого листа.

— У тебя давно не было близкой женщины? — спросила девушка, когда официанты опять переменили приборы и отправились за тушенными в остром соусе перепелами.

— По-настоящему — лет семь, а так — полсуток назад...

— Ну и судьба у тебя, — по-бабьи пригорюнилась Влада. — На самом деле моряк?

И врать не хотелось, и правду говорить — тоже.

— Не совсем, но все равно искатель приключений без определенного места жительства. Теперь вот действительно думаю в Москве осесть, только осмотреться надо. Поможешь?

Девушка дернула плечом.

Понимай как хочешь. То ли — «что за вопрос», то ли — «а чем я тебе помогу?». Уточнять он не стал.

Но вечер, плавно переходящий в ночь и за полночь, все равно продолжался, подчиняясь своей собственной логике. Немного потанцевали в общем зале, посидели в баре, смотря на других танцующих, снова ели, пили и разговаривали. Около двух начали собираться.

Сергей решил ничего больше не предпринимать, предоставив Владе самой определиться, ехать ли к нему в номер, как обычно, или проститься раньше.

★ Она выбрала первое, обставила это неуловимо, но по-другому. И в постели повела себя иначе, больше не стараясь угодить клиенту, а так, как вела себя, наверное, до или вне профессии.

Прощаясь утром, Сергей, глядя в сторону, попросил: — Слушай, ну устрой себе каникулы дней на десять... За это время все у меня должно решиться. Я позвоню, а там — как знаешь.

И протянул ей конверт с суммой, вдвое превышающей предыдущий гонорар. Тогда он внес деньги в кассу, и что там ей от них досталось — неизвестно.

Он боялся, что девушка откажется, но она взяла конверт как ни в чем не бывало. Мол, жить-то надо.

— Звони. Подожду... Пока совсем на мель не сяду.

Резко повернулась на каблуках и вышла, ничего больше не сказав и не обернувшись даже, хотя он смотрел ей вслед, пока она торопливо перезванивала подковками по бесконечному коридору.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

★ В академии Ляхову сразу понравилось.

С первого дня, когда, представив в канцелярию выданный ему Лисафьевым запечатанный пакет, он тут же был включен в приказ, и отлаженный механизм закрутился.

Из канцелярии он попал к начальнику курса. Тот после краткой беседы вызвал дежурного офицера и распорядился проводить господина полковника в общежитие. Таковое оказалось отдельно стоящим в глубине необъятного двора трехэтажным зданием, оборудованным, как хорошая гостиница.

Вадиму досталась двухкомнатная секция на третьем этаже, в блоке, состоящем из еще двух отдельных комнат, общей прихожей, ванной с туалетом и крошечной кухоньки с электроплитой и большим, под потолок, холодильником.

Судя по табличкам на дверях, соседями его оказались некие капитан Салтыков и штабс-капитан Рюмин.

— По алфавиту размещаете, что ли? — шутливо поинтересовался он у дежурного, помня, что теперь он Половцев.

Тот шутку не воспринял.

— По вашему чину вам положено две комнаты, а свободные только здесь. Свои комнаты каждый убирает сам, места общего пользования — в очередь. Однако за свой счет можно нанимать солдат из роты обслуживания.

— Ничего, как-нибудь и сам справлюсь.

Поручик молча кивнул, отпер дверь и предложил свертить наличие мебели и инвентаря с описью на стене в деревянной рамочке.

Комнаты были небольшие, но уютные, меблированные по-спартански. В спальне кровать, столик, стул, тумбочка. В кабинете — письменный стол, деревянное кресло, шкаф.

Зато на столе возвышался терминал вычислительной машины.

— Это у нас новинка, — сообщил дежурный. — Раньше слушатели занимались самоподготовкой в общем зале, а с прошлого года по всем комнатам разводку сделали. Можете выходить в книгохранилище нашей библиотеки, а также и в общегородскую информационную сеть. В памяти машины для вас будет выделена личная ячейка для хранения записок, черновиков, курсовых работ. Потом инструктор придет, все объяснит.

Оставшись один, Вадим не смог удержаться. Он достал из коробочки геройский знак и приколот его на китель. Подошел к поясному зеркалу в тамбурке.

Нет, все-таки здорово, хотя сам по себе сюжет напоминает известную картину «Свежий кавалер».

«Герой России» почти один в один повторял своим видом наградной знак Белой армии «Участнику 1-го Кубанского (Ледяного) похода», которым награждались бойцы, проделавшие февральский переход 1919 года из Ростова до Екатеринодара под руководством генерала Л. Г. Корнилова. С него и началась победа, в дни, когда

только потерявший здравый рассудок оптимист мог в нее верить. Большинство просто хотело умереть не как скотина под ножом мясника, а в бою и с честью.

На георгиевской колодке филигранно сплетенный из серебра и платины двойной терновый венец. Сквозь него снизу вверх и сверху вниз продеты два меча, золотой и вороненый. Как бы символы Победы и Смерти. Рукоятки мечей усыпаны крошечными бриллиантами, а между терновыми иглами разбросаны рубины — кровь спасителей Отечества.

С внутренней стороны венца гравированный девиз: «Feci quod potui!»¹ и номер — 1013.

Выходит, за всю историю этой награды он всего лишь одна тысяча тринадцатый кавалер. Неплохо за почти восемьдесят лет.

И, главное, присутствует непременно приносящее ему удачу число.

Такого ведь нарочно не придумаешь.

Жаль только, неизвестно, когда он сможет надеть знак в открытую, а не за наглухо запертой дверью.

В каптерке Ляхов получил положенное вещевое довольствие, едва уместившееся в два больших мешка.

Особенно понравилась Вадиму «учебная» форма, заменявшая здесь «полевую х/б». Приятного голубовато-серого оттенка, с вышитой золотом нарукавной эмблемой заведения, она была специально разработана для удобства занятий. Мягкая, типа фланели ткань, брюки навыпуск, легкий однобортный китель с обилием карманов, коричневые туфли типа мокасин.

Вместо погон — небольшие алые петлицы с обозначением лишь курса и факультета. Над правым карманом — нашивка с фамилией. Психологически верно, чтобы в процессе занятий слушателям и преподавателям не мешала разница в чинах. Погоны полагались только к строевому и парадному мундирам.

¹ Я сделал все, что мог! (лат.).

Академия, столь удачно выбранная Ляховым, входила в первую пятерку высших военно-учебных заведений России наравне с Академией Генерального штаба, Военно-морской академией и Высшим училищем правоведения. Кое в чем она их даже превосходила.

Прежде всего тем, что считалась наиболее аристократичной, располагалась в Москве, а не в Петрограде, и находилась под личным патронажем Великого князя. Благодаря уникальной специализации ее выпускники могли сразу же рассчитывать на получение высоких, вплоть до генеральских, должностей в посольствах, Главном разведуправлении и Генеральном штабе, самостоятельные посты военных атташе.

Даже самые слабоуспевающие (хотя таких почти не встречалось), дотянув до диплома, получали назначения минимум в штабы военных округов или флотов. Да и на гражданской службе перспективы открывались самые широкие.

Вместе с тем Ляхов обратил внимание на то, что и здесь слушатели, по крайней мере первого курса, как ингредиенты коктейля, отчетливо делились на несмешивающиеся слои.

Первый — обычные строевые офицеры армейских частей, чином не ниже поручика, преодолевшие частое решето окружных отборочных комиссий и сдавшие весьма трудные вступительные экзамены при конкурсе до тридцати человек на место. Для большинства из них академия была единственным шансом пробиться в высшее военное общество.

Второй — штабс-капитаны и капитаны гвардейских полков, имеющие высшее образование и ранее служившие по соответствующему профилю. Этим и число вступительных экзаменов сокращалось вдвое, и конкурс среди них был вполне терпимый, 2—3 человека.

И, наконец, третий, в который попал и Ляхов. Эти люди оказались в академии путями неисповедимыми. В основном все они были подполковниками, редко капитанами, многие носили значки российских и иностранных военных академий и поступили вообще без экзаменов, на основании лишь приказов о зачислении.

Очевидно, им требовались не столько базовые знания, как некоторые специальные дисциплины, соответствующая «шлифовка» и диплом.

Из таких «аристократов» и был сформирован первый учебный взвод в составе двенадцати человек. С остальными слушателями курса они встречались лишь на лекциях, прочие же занятия шли по особому плану.

Но даже на их фоне Ляхов выделялся тем, что пришел уже в середине первого семестра. И теперь ночи напролет просиживал перед экраном, просматривая сотни страниц учебников и ксерокопированных лекционных материалов, которые уже изучили коллеги, чтобы на семинарах не выглядеть «митрофанушкой».

Параллельно он еще знакомился с совсем другими материалами, по своей вымышленной профессии, и уставал первое время страшно. Научился, как флотский офицер, засыпать мгновенно в любых условиях, на пятнадцать-двадцать минут, чтобы в сумме набрать за сутки хоть четыре-пять часов жизненно необходимого отдыха.

Товарищи по взводу приняли его нормально, хотя поначалу несколько сдержанно, что естественно: он был единственным полковником, да еще и с Георгием, и ни с кем из коллег не был раньше знаком. Но постепенно все наладилось.

О прошлой службе и подробностях биографии спрашивать здесь было не принято, разговоры в курилке и столовой ограничивались темами, относящимися к учебе, и нормальным офицерским трепом на военные темы, без привязки к конкретным местам и людям.

Чтобы не попасть впросак, первое время Вадим предпочитал помалкивать или поддерживал темы максимально нейтральные, касающиеся женщин, автомобилей, стрелкового оружия. Еще он рассказывал анекдоты, которые знал в изобилии. Это создало ему репутацию человека несколько себе на уме. Впрочем, негативного оттенка оценка не несла.

Через неделю после зачисления в академию Ляхова пригласили в санчасть. Для прохождения диспансеризации. Чтобы доскональнейшим образом проверить состояние здоровья нового слушателя и впредь пресекать любую патологию в самом начале, а то и до того.

Ничего особенного в данном мероприятии не было. Вадим переходил из кабинета в кабинет, где врачи-специалисты подвергали его положенным процедурам и манипуляциям.

Он только отметил, что оборудование в кабинетах было первоклассным, новейших образцов, с некоторыми приборами он был знаком только по литературе или понаслышке. И врачи были все как на подбор, мужчины в возрасте от сорока до пятидесяти, что говорило о достаточном опыте и соответствующей квалификации.

Да и неудивительно, в элитном учебном заведении и медконтроль должен быть по высшим стандартам. Слишком дорогим материалом являлись слушатели и преподаватели академии, чтобы экономить на поддержании и укреплении их здоровья.

Как и положено здоровому и далекому от медицины человеку, Ляхов старательно изображал опасливую почтительность перед людьми, облеченными недоступным простым смертным знанием и властью. Будто бы только от их благоусмотрения зависит, какой будет окончательный диагноз и приговор.

Врачи же вершили свою рутинную работу, как правило, с выражением привычной скуки на лицах. Что же еще можно испытывать, в тысячный раз задавая одни и те же вопросы, включая и выключая диагностические устройства и с высокой степенью достоверности предполагая, что ничего нового и интересного они не услышат от заведомо здоровых пациентов и не увидят на экранах своих приборов.

Ляхов с внутренней усмешкой вспомнил, с каким волнением и даже трепетом на третьем курсе шел на первые практические занятия в гинекологическую клинику и что испытывал к концу этого же дня. Тогда ему «повезло», на профилактический осмотр как раз привели целый курс женского педагогического училища. Человек пять-

★

десять. Так он потом недели две и на одетых девушек не мог смотреть без содрогания.

Только один врач, невропатолог, на нагрудной нашивке которого значилось только «Максим Николаевич», без фамилии, как и у всех остальных здешних докторов, его несколько удивил.

Не только своей молодостью на фоне почтенных коллег (было ему немногим за тридцать) и не тем неприкрытым радушием, с которым врач его встретил, а странным несоответствием между заявленной специальностью и тем, чем он занимался на самом деле.

Что делает невропатолог на обычном диспансерном осмотре? Задаёт несколько рутинных вопросов, стучит молоточком по коленке, царапает кожу на ладонях и стопах тупыми иглами, заставляет постоять на одной ноге с закрытыми глазами и попасть пальцем себе в нос.

И все, как правило, если пациент не высказывает конкретных жалоб по профилю.

Этот же, проделав положенное, дальше повел себя нестандартно.

Он усадил Ляхова в кресло типа зубоврачебного, на голову водрузил нечто вроде диадемы, обтянутой черным пластиком, на запястьях и щиколотках защелкнул блестящие браслеты, опутал его проводами, подсоединенными к многочисленным резиновым присоскам. Присоски эти врач разместил на теле Ляхова вроде бы бессистемно. По крайней мере, с топографией внутренних органов эти точки не соотносились.

Что бы это значило?

Одни провода скрывались в массивной тумбе кресла, другие тянулись к нескольким ящикам, покрытым молотковой эмалью, похожим на системные блоки транзисторной вычислительной машины...

Максим Николаевич крутил верньеры, щелкал клавишами, всматривался в экраны и при этом почти без пауз задавал вопросы, больше подходящие не невропатологу, а скорее психоаналитику.

Некоторое время Вадим пытался уловить систему в этих вопросах и соотнести их с действиями врача, а также его мимикой и интонациями.

«Похоже, ради этого вот паренька весь медосмотр и затеян, — думал Ляхов, — остальные врачи — статисты по преимуществу».

Выбрав момент, когда закончилась очередная серия вопросов, касавшихся его предыдущих болезней, травм, навязчивых состояний, вредных привычек и сексуальных предпочтений, Вадим с долей тревоги в голосе поинтересовался, что это вообще за процедура, мол, раньше, сколько лет служил, а подобным допросам не подвергался, и не в космонавты ли его готовят?

А может быть, в разведчики-нелегалы, а машинка эта — просто новомодный детектор лжи?

— Так в этом случае, согласно закону, следует получить мое, полковника Половцева, письменное согласие. — Он специально подчеркнул свой чин, чтобы создать у врача нужное представление о себе, а заодно и посмотреть на его реакцию.

Максим Николаевич поднял голову и впервые посмотрел на Ляхова с нормальным интересом. Как к человеку, а не объекту изучения.

— Нет, это совсем не детектор лжи. Мне сложно объяснить неспециалисту, но если в двух словах... Я уточняю основные характеристики типа вашей нервной деятельности. Мы тут, в академии, стараемся поспевать за научным прогрессом. То, что физически вы совершенно здоровы, мои коллеги уже выяснили...

— А вы выясняете, здоров ли я психически? Здоров, в армии за этим следят строго.

— Я и не сомневаюсь. Но, видите ли, в нашей академии слушателей готовят для разных видов деятельности, в разных условиях, языкам учат очень хорошо... Вот и требуется знать, к чему вы более предрасположены. Вам не приходило в голову, что, допустим, изучение в совершенстве японского языка требует иных черт личности, чем, скажем, голландского?

— Вот так, специально, я над этим не задумывался, — честно ответил Ляхов, — но ход вашей мысли улавливаю. В самом деле, если требуется изучить язык так, чтобы не отличаться от природного иностранца, нужно и по основным параметрам соответствовать.

А участвовать в чайной церемонии и читать наизусть хокку Басе в оригинале, но одновременно мечтать «бо выпить рюмку водки и бо дать кому-то из присутствующих по морде» — что-то не то получится...

— Я рад, что вы поняли. Вот я и должен подготовить предварительные рекомендации, к чему вы более всего предрасположены. А что, вам действительно в Японии бывать приходилось?

— Увы. Но книжки на досуге почитывал разные. В том числе и про Японию тоже. А так я больше насчет Латинской Америки специалист.

— Ну-ну, посмотрим...

Невропатолог продолжал терзать Ляхова своими вопросами еще около получаса, и Вадим старался по возможности думать о чем-нибудь постороннем, не сосредотачиваясь на действительно интересующих его темах.

Наконец Максим Николаевич смиростивился, хотя, как выяснилось, не насовсем. На прощание он вручил Ляхову довольно толстую брошюру.

— Не считите за труд, Вадим Петрович, полистайте это. И ответьте на все пункты. Надеюсь, до завтрашнего утра управитесь. А в одиннадцать ноль-ноль прошу нанести мне очередной визит. И еще — сегодня спиртных напитков не употребляйте. В том числе и пива. Договорились?

— А куда от вас денешься? Честь имею кланяться.

По пути в общежитие Ляхов продолжал размышлять.

Врачу он не очень-то поверил. Потому что имел представление о достижениях медицинских наук, в том числе и касающихся высшей нервной деятельности. Все-таки на детектор лжи это больше похоже. Не может быть методик, позволяющих определить те параметры личности, о которых говорит Максим. И, значит, он старается объяснить что-то другое.

Допустим — нестыковки в биографии и послужном списке новоявленного полковника Половцева.

Так ведь этим делом занимались специалисты, и легенду проработали тщательно. Да и начальник Особого отдела академии непременно должен быть в курсе. Вряд

ли врач по собственной инициативе такую проверку бы затеял.

А, кстати, почему бы и нет?

Хотя Ляхов и согласился на все предложенные ему меры безопасности, сам он относился к угрозе довольно скептически. Просто весь его жизненный опыт протестовал против мысли, что какие-то там бандиты, пусть и идейные, бросят все свои дела и кинутся искать неприятного им человека на территории в полсотни миллионов квадратных километров, среди миллиарда с лишним проживающих там людей, и все это в чуждой и враждебной культурной среде.

Но сейчас вдруг изменил свое мнение. Если взглянуть по-другому, не так всё и сложно.

Допустим, средствами его враги обладают достаточными. Тогда не так трудно нанять несколько бывших сотрудников спецслужб, хотя бы и российских, а тем уже вообще не составит проблем пройти по следу Ляхова от Хайфы и до момента исчезновения, а потом уже выдвигать гипотезы и отрабатывать их по нескольким направлениям.

Возможно это практически, бог весть, но Розенцвейг говорил, что еврейской разведке такие штуки удавались.

Так отчего не предположить, что Максим Николаевич вольно или невольно и является одним из членов одной из таких поисковых групп? Возник в поле зрения новый человек с неясной биографией, чего бы его и не проверить?

Тогда самое время обратиться в тот же Особый отдел и доложить о своих подозрениях. Или сразу позвонить Лисафьеву.

Можно, конечно, но неохота выглядеть дураком, да еще и перепутанным, если подозрение не подтвердится.

Лучше сначала самому разобраться, что за исследования проводит коллега. Благо предоставленная ему техника позволяла просмотреть и медицинские каталоги Государственной публичной библиотеки.

В своей комнате Вадим переоделся в домашнее, с сожалением посмотрел на запотевшие бутылки пива в

холодильнике, поставил на огонь кофейник и улегся на диван с брошюрой в руках.

Как он и предполагал, это оказался сборник интеллектуальных и психологических тестов, с подобными ему уже приходилось иметь дело, только этот был что-то уж слишком большой. Двенадцать разделов, больше полутысячи позиций.

Прежде чем отвечать, Ляхов наскоро проанализировал текст, пытаясь угадать сверхзадачу автора-составителя. Чего он добиться хотел, предлагая именно эти вопросы пациенту?

Кое-какой опыт в этом деле у Вадима имелся, и с карандашом в руках он приступил к работе.

Первым делом — раскидать вопросы по тематике, не так, как в книжечке, а реально, поскольку известно, что форма вопроса не всегда совпадает с его истинным содержанием, которое подчас очень хитро маскируется.

Часа через три он с этой задачей справился. Картинка вырисовывалась интересная.

Примерно четверть тестов были чисто интеллектуальные — на эрудицию, сообразительность, умение нестандартно мыслить, находить просто аналогии и аналогии к аналогиям. С ними он разделался быстро и перешел к следующему блоку.

Здесь тоже было все понятно — проверка основных черт характера и темперамента, причем чуть ли не каждый пятый вопрос был своеобразным «детектором», предназначенным для проверки искренности отвечающего. Зная об их устройстве и принципе деятельности, Ляхову не составило труда подкорректировать ответы в желательном для него направлении.

А вот остальные поставили Ляхова в тупик. Это был большущий массив парадоксов, апорий и антиномий, в которых человек, не имеющий специального философского образования, просто не мог разобраться. Лично он — мог, поскольку еще в позднем детстве отец почти силой навязывал ему для прочтения и Платона, и Зенона, и аналогичные труды более современных любомудров.

Да, забавлялись они со столь же склонными к умственным упражнениям друзьями разбирательством про-

блем, кто бреет цирюльника и сколько зерен составят кучу, но откуда же доктору это знать?

В итоге Вадим решил отвечать не так, как ответил бы сам, а как мог бы это сделать еще плохо ему самому знакомый полковник Половцев. Но тогда придется потратить дополнительные усилия, чтобы лично для себя исключить слишком кричащее раздвоение личности.

Ровно в положенное время он предстал перед врачом, вручил ему книжку тестов с ответами и вновь устроился в давешнем кресле.

Теперь Максим щелкал кнопками и вертел ручки приборов, поминутно заглядывая в ответы, причем делал это не подряд, а выборочно, то с конца, то с начала, а то долго листал страницы где-то в середине.

Иногда он удивленно приподнимал правую бровь, иногда поджимал губы и бросал на Ляхова короткие взгляды исподлобья и повторял тот или иной вопрос вслух, предлагая Ляхову ответить на него еще раз. Память у Вадима была великолепная, и он ни разу не сбился.

Что-то у «невропата» не сходилось.

Да и неудивительно. Если машина действительно побое детектора лжи, так сейчас она должна немного запутаться.

Закончив сегодняшний сеанс и сворачивая свою аппаратуру, Максим Николаевич неожиданно предложил Ляхову вместе пообедать.

— Если, конечно, у вас нет других планов...

Планов у Вадима не было, да если бы и были...

Коллега явно хотел продолжить свои эксперименты в неформальной обстановке. Этого же добивался и Ляхов, только пока не придумал, как это осуществить. Врач сам облегчал ему задачу.

Причем обедать они пошли не в академическую столовую, а в город. У Максима была небольшая красная «Даугава», полуспортивное купе, и он повез Ляхова в ресторан-поплавок, пришвартованный к берегу Москвы-реки напротив Большого Каменного моста.

По зимнему времени там было почти пусто, отчего официанты проявляли особую предупредительность, и кухня здесь оказалась совсем не плоха.

Они сидели у широкого окна в зале первого класса на верхнем этаже надстройки, после рюмки холодной «Смирновской» с удовольствием ели суп-харчо и нетопливо беседовали.

Слякотный и теплый в своих первых двух третях январь вдруг будто опомнился и показал свой норов. Ударил довольно крепкий мороз, густо, словно прорвались небесные закрома, повалил снег. Через день, как по расписанию, завывали метели.

Вот и сейчас по стеклам квадратных иллюминаторов приглушенно шелестели жесткие снежинки, а в вентиляционных трубах заунывно скулил северный ветер. Стены и башни Кремля смотрелись неотчетливо, как сквозь густую кисею.

Хорошо, уютно.

Вел разговор Максим, который носил точно такой же китель военврача, как недавно Ляхов. Правда, сидела на нем военная форма без изыска, и мятые погоны давно бы следовало поменять.

Но неопрятность первого в новой жизни приятеля отчего-то Вадима не раздражала. Очевидно, потому, что сам он вызывал интерес.

— Вы какое образование имеете, господин полковник? — поинтересовался Максим, наливая по второй.

— Знаете, капитан, давайте без церемоний. Я к этому не привык. Раз выпиваем вместе и вне службы, так лучше попросту, по имени и на «ты». Согласны?

Врач развел руками, мол, что ж тут спорить, раз старший по званию предлагает.

— Ну и славно. Значит — на брудершафт. Вернемся к твоему вопросу. Ты что же, моего личного дела не видел?

— Отнюдь. Для чистоты эксперимента я никогда предварительно документов не смотрю.

— Ну и как, к какому выводу пришел?

— Сначала ответь, а я свое мнение потом скажу.

— Да ради бога. Образование у меня довольно бессистемное. Нормальная гимназия. Потом в армии полугодовая школа унтер-офицеров. Потом, экстерном, экзаме-
на на чин подпоручика. Еще — высшие курсы войск ООН в Монреале. И, наконец, тоже экстерном — экза-

мен на степень магистра военной истории. Теперь — академия.

Вся эта легенда Ляхова-Половцева была тщательно задокументирована, у Вадима имелись совершенно подлинные аттестаты и свидетельства, и, как ему сообщил референт Лисафьева, в соответствующих учебных заведениях тоже вписана в нужные бумаги его фамилия.

Конечно, тщательной проверки на уровне государственных служб безопасности эта легенда все равно не выдержала бы, но не для них ведь она и делалась.

А вот если подкупленный писарь или столоначальник вздумает поинтересоваться — пожалуйста. В списках выпускников названных учебных заведений, в архивах воинских частей, в приказах по военному министерству фамилия Половцева значилась.

— Интересная биография. И учиться успевал, и воевал так, что и до полковника за десять лет дослужился, и вон... — Максим указал на белый Георгиевский крестик на груди Ляхова.

— Не жалуюсь, нормально сложилось, — не стал скромничать Вадим — А война — это такое дело, стоит только начать. Если не убьют, за чинами дело не станет, тем более что я, считай, по всему Периметру успел отметить.

— А род войск какой?

Тут тоже все было продумано. Любой родвойск, хоть артиллерия, хоть авиация, хоть танки, требовал специальных знаний, и первый попавшийся «коллега» его бы разоблачил даже в случайном разговоре. За исключением одного варианта.

— Разведывательно-диверсионные подразделения спецназа ООН. — Ляхов приглушил голос, как бы сообщая то, о чем откровенничать не положено.

Специалистов именно этого профиля в академии сейчас не было, а за пару месяцев Вадим успеет просмотреть достаточно соответствующей литературы, инструкций, отчетов и фильмов, чтобы в случае чего не ударить лицом в грязь.

Практического же подтверждения умений и навыков от него в ближайшее время не потребуется наверняка.

Хотя кое-что, входящее в программу офицерского пятиборья, он мог продемонстрировать. Для обычных людей и это будет выглядеть круто.

— Солидно, — с уважением сказал Максим и велел официанту подавать второе: бефстроганов с картофельной соломкой и густым сметанным соусом с грибами.

— А ты что заканчивал? — из вежливости поинтересовался Ляхов.

— Да мне-то хвастаться нечем. У меня все прямо, как Николаевская дорога. Гимназия, медицинский факультет МГУ, параллельно — мехмат его же. Закончил, и сразу пригласили в медчасть академии. Тут и служу пятый год.

— Так тебе сколько ж лет?

— Скоро двадцать девять.

— Хорошо выглядишь. Я думал — двадцать пять. Еще удивился, не из вундеркиндов ли будешь. А сочетание неожиданное — медицина и мехмат. Я бы сказал — взаимоисключающее...

— Отчего же? Я и тем и тем с детства интересовался. Теперь вот исследованиями занимаюсь, докторскую готовлю и сам для себя приборы делаю.

— Вон как. А тема?

— Если вкратце — комбинированные методики анализа и коррекции психогенетических возможностей личности.

Кажется, все становилось на свое место.

Талантливый парень на свой страх и риск занимается темой, с которой его в шею вытолкали бы из любого исследовательского института, пользуясь уникальной возможностью на протяжении нескольких лет наблюдать в динамике весьма широкий контингент отборного человеческого материала.

Наверное, связи у него хорошие, если сразу после университета сумел пристроиться на такое теплое место. И со своей то ли научной, то ли псевдонаучной методикой он неожиданно наткнулся на экземпляр, несколько спутавший ему карты. Вот и решил он его для себя проявить в приватной обстановке за рюмкой водочки, весьма способствующей развязыванию языков в непринужден-

ном трепе. Только совсем чуть-чуть ошибся в исходной посылке.

— И чем же я тебя так заинтересовал? — без оковностей спросил Ляхов, обостряя партию.

— Да просто любопытно стало. По всему выходит, что как раз для работы в спецназе ты не особенно подходишь. Совсем другие параметры личности. И в то же время факт налицо — не только проявил выдающиеся успехи, раз полковника и кучу орденов заслужил, а еще и в академию отобран. Критерии отбора-то тут о-го-го!

Максим недрогнувшей рукой разлил по рюмкам остаток водки из графинчика.

— Выпьем. За тебя и за науку. Моя методика редко сбой дает, я готов был поручиться, что по потенциалу ты теоретик-интеллектуал. Гуманитарного направления. Участие в острых акциях тебе даже противопоказано. Зато теоретические исследования — это твое. Тут ты достиг бы выдающихся успехов. Кстати, вот и подтверждение — раз ты при своем образе жизни еще и ученую степень приобрел...

Увидел насмешливый взгляд Ляхова и хлопнул себя по лбу.

— Тыфу ты, черт! Как же я не подумал! Ты же и в спецназе мог заниматься как раз планированием операций, анализом разведанных и тому подобным... А оружие и в руках не держать. Так?

— Давай, брат, на эти темы распространяться не будем. Лучше теперь я заказ сделаю. Эй, уважаемый, — окликнул он пробежавшего мимо официанта, — кофе нам пока подавать не надо, соорудите лучше этакое... — он прищелкнул пальцами, — из даров моря что-нибудь. Омара, например, или же лобстера, осьминога по-гуанчжоуски...

— Покорнейше простите, не имеется. Не сезон. Ежели желаете — раковые шейки чищенные, осетринка с хреном, балтийские миноги копченые.

— Ну, пожалуй, сгодится. Пусть раковые шейки. Порции хоть приличные?

— Как прикажете. Можно сразу блюдо принести.

— Вот и несите. И вина соответственного, лучше всего марочного хереса.

★ Максим деликатно поинтересовался, не дороговато ли будет, и раковые шейки по зимнему времени, и марочное вино, испанское скорее всего.

Ляхов беспечно махнул рукой.

— Не бери в голову. Я там столько заработать успел, что и без нынешнего оклада до конца академии на гулянки хватит. Заодно подскажи, я же не местный, где тут автомобиль приличный прикупить можно? По салонам недосуг мотаться, да и переплачивать сдуру не хочется.

Поговорили о машинах, их сравнительных характеристиках и ценах, потом Максим упорно вернулся к прежней теме.

— С тестами ты меня тоже надул? Не сходится картинка, хоть убей. По всем параметрам выходит, что честно отвечал, а результат вполне дурацкий. Я бы с тобой еще поработал, если ты не против.

— Отчего я могу быть против?

Они просидели в ресторане до тех пор, пока на город не начали опускаться ранние зимние сумерки. Максим, похоже, особой привычки к офицерским кутежам не имел, и его подразвезло.

Так что Ляхову самому пришлось садиться за руль и везти нового приятеля домой.

Жил он на Второй Мещанской улице, не слишком далеко от академии, и Вадим решил, что, поставив машину и проводив Максима до квартиры, с удовольствием прогуляется по морозцу переулками, застроенными одно- и двухэтажными домами начала прошлого и даже позапрошлого веков.

Но врач наотрез отказался отпускать Ляхова, пока тот не зайдет к нему, посмотрит, как он живет, и выпьет кофе.

Спорить оснований не было.

Жил Максим в совсем маленькой квартирке на четвертом этаже кирпичного дома, выложенного по фасаду белыми и красными кафельными плитками, архитектурой похожего на католический собор. Лифта не было, и Вадиму пришлось вести товарища по крутой полутемной лестнице.

Максим то и дело оступался, ругался вполголоса, а в

промежутках слегка заплетающимся языком повествовал, как ему повезло. Двоюродный брат с женой уехал по контракту в Австрию, а свою квартиру оставил ему совершенно бесплатно, в бессрочное пользование, но с условием, что, если вдруг дела там пойдут не слишком удачно, он оставляет за собой право вернуться. И без обиды.

— Но дела у него идут более чем хорошо, Володя уже приобрел себе виллу в предгорьях Альп, и можно надеяться, что съезжать в обозримом будущем не придется...

Наконец они добрались, Максим с третьего раза попал ключом в замочную скважину и отпер дверь.

Пока доктор в ванной приводил себя в рабочее состояние, Ляхов бегло осмотрел квартиру.

Она ему понравилась. Правда, потолки слишком уж высокие по отношению к скромной площади комнат. Кабинет, по трем стенам с полу до потолка заставленный книжными полками, небольшая гостиная, где с неизменными книгами соседствовал странной конструкции дальновизор, похоже, что самодельный, окруженный несколькими электронными блоками. Из мебели имелся только низкий журнальный столик и диван, очевидно, служащий Максиму постелью.

Над диваном висел писанный маслом портрет довольно симпатичной девушки лет двадцати двух. Возлюбленная, наверное, а возможно, и мать, не угадаешь, поскольку одета она была в стилизованное под восемнадцатый век платье с глубоким декольте.

Пока он рассматривал портрет, вернулся Максим.

С мокрой после душа головой, в домашней куртке и брюках из коричневого вельвета и, похоже, принявший отрезвляющее снадобье, поскольку выглядел вполне прилично.

— Перестарался я, — с извиняющейся улыбкой сообщил он, — давно выпивать не приходилось.

«Видел бы ты меня в Хайфе», — подумал Ляхов и ответил подходящей к месту поговоркой:

— Кто пьян да умен, два угодя в нем.

— А что, все нормально было, я лишнего ничего?..

— Неужто не помнишь?

— Так, местами. Основное помню, а кое-где и провалы...

«Плохой признак, — опять подумал Ляхов. — Выпили-то всего ничего, по двести пятьдесят водки и по бутылке хереса. Для хорошей гулянки — аперитив. Хотя, если без привычки...»

Он успокоил Максима, и они вместе пошли варить кофе, по которому доктор тоже оказался большим мастером.

На кухне у него имелось до десятка кованых медных турок разного размера и емкости, на стене висела стационарная немецкая кофемолка, похожая на старинный телефон, а в шкафчике в жестяных банках хранились запасы зерен, зеленых и жареных, бразильских, колумбийских, перуанских и индийских. Рецептов врач тоже знал множество, и они долго, азартно препирались, чьи приемы и методики правильнее и лучше.

Потом сидели за дубовым столом на пузатых резных ножках, пили густой, обжигающий, невероятно душистый кофе с кремовой пенкой, причем Ляхов еще и прихлебывал из рюмки «Бенедиктин», а Максим от ликера категорически отказался.

Невропатолог пребывал сейчас в самом подходящем состоянии, чтобы вытянуть из него какую-нибудь значимую информацию. Вадим и сам пока не знал, какую именно, но чувствовал, что дело того стоит.

Либо, хотя и маловероятно, коллега представляет для него угрозу, пусть и неопределенную, либо, наоборот, он может весьма пригодиться в новой жизни. Пока в академии у него нет друзей, и с товарищами по группе только-только успел познакомиться, а заводить полезные связи надо.

Врач в армии, если у тебя с ним хорошие отношения, — полезное знакомство. Это он знал по собственному опыту, правда, с другой стороны.

Максим, в свою очередь, продолжал прощупывать его, но, как всякий не до конца протрезвевший человек, делал это не совсем ловко, поскольку себя ощущал хитрым и умным, а собеседника недооценивал, точнее, вообще не принимал его во внимание.

В общем, говорили они долго, то о том, то о другом, и все постепенно стало напоминать бессмысленно затянувшуюся шахматную партию, когда у игроков осталось по королю, коню и паре пешек.

Первым не выдержал Максим.

Он раздавил в пепельнице очередную сигарету, которые не столько курил, сколько портил, то забывая на краю пепельницы, где она бесполезно сгорала до фильтра, то гасил, не выкурив и половины, и тут же поджигал новую.

— Ну, короче, так. Хватит нам му-му гонять. Что-то я про тебя узнал, что-то ты. Но без откровенного разговора не обойтись. Положение у меня почти что безвыходное...

— В чем же это? — не понял Ляхов. — Для первого знакомства все нормально. Выпили, потрепались, убедились, что и дальше можно. В чем проблема?

— А в том, что я своими исследованиями занимаюсь уже второй год. А что толку? Нужно же принимать когда-нибудь решение...

— Опять не понял. Какое решение? Выходить с темой на ученый совет? Статью писать, или как?

— Да при чем тут статья? Я открытие мирового уровня сделал, но не знаю, как им распорядиться. Тут дело, может быть, о судьбах мира идет. Да не может быть, а точно, поскольку возможности открываются...

Ляхов почти насильно всунул между пальцами врача высокую рюмку, до краев полную шестидесятиградусным золотым ликером.

— Так. Выпей не спеша, потом пару глотков кофе, глубоко вздохни и начинай говорить по делу, если считаешь меня достойным своей тайны. А если нет — допивай кофе до конца и ложись спать. А я пойду. Тайна вклада, разумеется, гарантирована.

— Сиди! — Максим нажал Ляхову на плечо, после чего послушно выпил ликер и схватил из пачки новую сигарету. — Слушай. — Он хитро, но как-то кривовато усмехнулся, из чего Вадим сделал вывод, что приятель отнюдь не протрезвел, просто находится в следующей фазе, когда тяжелое опьянение подавляется сильным нервным напряжением.

— Если моя теория верна, то, открывая ее тебе, я ничем не рискую, а если нет — все равно наплевать, расскажешь ты о ней кому-нибудь или нет...

Из последующего Ляхов узнал действительно интересные вещи. Выходило так, что Максим на самом деле изобрел устройство, позволяющее анализировать личность человека практически по всем параметрам.

То есть по особым образом считываемым биопотенциалам мозга, головного и спинного, можно сделать вывод о предрасположенности к того или иного рода занятиям, как физическим, так и умственным.

Скажем, сочетание быстрой реакции, способности мышц к тонким и точным движениям, устойчивый и одновременно подвижный тип нервной системы, еще кое-какие особенности делают человека идеально предрасположенным к профессиям пианиста, микрохирурга, летчика-испытателя и карманного вора.

Следующий уровень анализа, касающийся уже более глубоких слоев сознания, позволяет уточнить параметры профпригодности.

А проникновение в подсознание дает ключ к нравственным характеристикам личности. И тогда можно определить, какой же путь изберет данный человек для реализации своих способностей, пианиста или все-таки карманника.

Но и это было только, как говорится, «подходом к снаряду». В идеале методика Максима позволяла построить фактически полную психомодель конкретного человека и определить, на что он способен в обычных условиях, в идеале или никогда.

Что нужно сделать, чтобы он проявил свои лучшие или худшие качества, какую работу ему доверить можно и нужно, а от какой его (или работу от него) необходимо оградить. И так далее...

Ляхов понял сразу. Он ведь не просто был умным человеком, он и сам занимался психиатрией и психологией, пусть и недолго, и не слишком профессионально.

— Слушай, брат, если не шутишь, конечно, ты ведь это... Ты ведь, кроме всего прочего, оружие изобрел. Изо-

щренное и опасное. Не знаю, насколько детально оно у тебя проработано, но в идеале...

— Так ведь и я об этом же! — горячо воскликнул Максим. — Как только кое-что стало получаться, я первым делом именно об этом и подумал.

Ну, ладно, вначале предполагалось просто профпригодность наших слушателей к предлагаемой работе определять, программы обучения в процессе корректировать, но потом-то до меня дошло!

Я ведь смогу находить не только положительные качества, но и негативные, преступные и вычислить, как ими воспользоваться. Играть на глубинных чертах личности. Того шантажировать, того сделать своим слугой, другого — наемным убийцей... Ну и так далее. С женщинами, опять же, кое-что узнав, поступать как заблагорассудится...

— А что, с женщинами у тебя проблемы? — подпустил Ляхов коварный вопрос.

— Да при чем тут это, — возмутился Максим. — Я в широком смысле. У одной служебные секреты выманить, другую на панель послать, третью...

— Достаточно. Я все понял. И что же ты такое про меня узнал, что решил пооткровенничать? Впервые, надеюсь?

— Вот именно, что впервые. До этого не с кем было. Я из наших курсантов уже с полсотни проверил. Не то... Нет, ребята в массе хорошие, критерии отбора в академии на уровне, но — не то. В моем понимании. А вот тебя увидел — и удивился...

В волнении Максим налил себе еще рюмку и залпом выпил, не озаботившись предложить собутыльнику. Нервно глотнул остывший кофе.

— Тесты мои, конечно, ты грамотно обошел. Но детекторы все равно не все вычислил. Однако и там, где ты соврал, грубо говоря, результат все равно в твою пользу.

Характер есть характер. С таким, даже ради высокой цели, ребенка ногой пнуть ты не сумеешь или у слепого нищего копеечку из шапки украсть.

Почему я и удивился, как это ты в спецназе десять лет продержался, знаю, что это за служба.

Второе — образование у тебя, судя по схемам, гораз-

★
до серьезнее, чем ты утверждаешь. Гораздо больше зон мозга у тебя задействовано, чем требуется по легенде.

— Что, и это можно определить?

— Я же сказал — все можно. У меня ведь экспериментальный материал большой наработан. Есть с чем сравнивать. Все, тобой названное, подтверждается. Но еще должно быть минимум одно высшее образование, какое-то очень специфическое, требующее не только усилий памяти и интеллекта, но и солидных моторных навыков. Инженер-механик, художник, скульптор — нет?

Проницательность Максима или способности его машинки Ляхова почти убедили. Но все же недоработка есть. В машине или в натуре самого Максима. Ему просто не пришло в голову, что объект исследования тоже может быть врачом, в том числе и военно-полевым хирургом. Которому тонкая моторика очень даже требуется.

— Про моторные навыки правильно. Но ты невнимателен. А также находишься в плену стереотипов. Специалист-диверсант, кроме огромного информационного багажа, должен очень много уметь делать руками: мины из подручных средств, ловушки всякие, сборка — разборка — ремонт оружия и прочая, и прочая, и прочая... Куда там штатскому инженеру.

— Согласен, уже два-ноль в твою пользу. Учту в дальнейшем, — поднял руки Максим. — И — последнее, не по значению, а по времени вывода. Не хочешь — не отвечай, но... Мне показалось, что на тебя возложена... нет, не так, должна быть возложена некая высокая миссия...

Доктор на глазах проваливался в пучину тяжелого опьянения, но все еще карабкался, бултыхался, старался удержаться наверху и выяснить то, что считал очень для себя важным.

— О чем ты, брат? Какая миссия? Я сумел выжить там, где выжить почти невозможно, вот и вся миссия. Просто ты неверно трактуешь данные. Толстой мечтал научить жить человечество, я — выжить лично. Всего-то и сходства, что для меня и него это была равнозначная по эмоциональному накалу задача...

— Во! Эт-то ты верно сказал, — выговорил Максим и облегченно упал головой на стол.

ГЛАВА
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новая жизнь увлекала Вадима все больше. Потому, что она стала совсем другой. Это трудно передать словами, это нужно ощущать — слишком сложный комплекс событий, эмоций, мыслей, встреч, слов...

И быстрота происшедших изменений тоже имела значение. Словно перевели железнодорожную стрелку, и жизнь, как поезд, покатилась совсем по другим рельсам, и все вокруг стало другое — от пейзажа за окнами до стука колес на стыках.

Что у него было совсем недавно? Служба командира подразделения, пусть и медицинского, круглосуточно, плюс прием пациентов с восьми до двенадцати и еще раз с семнадцати и до двадцати. А если нужно — и это тоже в любое время, стоит кому-нибудь прищемить палец или обожраться холодной картошкой во время кухонного наряда.

В виде компенсации — сравнительно приличная зарплата, ощущение некоторой собственной значимости, быстро надоевшая экзотика Востока.

Главное же, что Ляхова терзало, — отсутствие перспектив. Когда тебе еще нет тридцати, а все уже прописано на годы вперед, когда знаешь, что как было, так и будет, все возможные диагнозы заранее известны и собственные действия тоже, predetermined железными принципами этапности медицинской помощи.

Больных и раненых со сроками выздоровления в пределах недели лечишь сам, всех прочих эвакуируешь в медсанбат или сразу в профильный госпиталь, в зависимости от тяжести случая.

Ожидаемая вершина карьеры — старший ординатор или начальник отделения в приличном, желательно столичном армейском или окружном госпитале, и отставка в чине полковника. Если, конечно, заблаговременно не уйти на вольные хлеба.

И вдруг все изменилось чудеснейшим образом. Если сейчас он идет по улице в форме, на него оглядываются

★ молодые офицеры и приятные во всех отношениях девушки и молодые дамы.

Не далее как позавчера неподалеку от Исторического музея к нему обратился, смущаясь, совсем юный пехотный подпоручик, отдал честь строго по уставу и спросил, не подскажет ли господин полковник, каким образом можно в столь еще молодом возрасте дослужиться до его чина.

Польщенный, Ляхов ответил честно:

— Служить, уважаемый коллега, только служить, ничего более. Как говорится, ни от чего не отказываться и ни на что не напрашиваться. Полной гарантии эта формула не дает, но от многих неприятностей избавить может. И, конечно, некоторое везение тоже требуется. Оказаться в нужное время в нужном месте. Ничем более, увы, помочь не могу...

Нагнав пропущенное и подтянув «хвосты», Вадим начал получать от занятий удовольствие.

Вроде как и служба, с неизменным распорядком и соблюдением устава, но в то же время словно вернулись студенческие времена, веселые и беззаботные.

Главное, никаких маловразумительных наук вроде математики, а все прочие для ума, изощренного зазубриванием простой анатомии и анатомии топографической, фармакологии, биохимии и всяческих специальных наук в ассортименте, труда не представляли. Напротив, то, что предлагалось первокурсникам на лекциях и семинарах, было весьма интересно и значительно расширяло кругозор до того вполне аполитичного доктора.

Полковничье жалованье хватало на все, двухпробные погоны избавляли от многих утомительных обязанностей, вроде нарядов, внутренних караулов и патрулирования московских улиц по выходным дням.

Достойное общество, удобное жилье, бесплатная столовая, не уступающая иным ресторанам, свободное время с семнадцати часов до восьми утра.

И все это — только за то, что сумел единожды не струсить, сохранить под пулями достоинство и выдержку, ну и уцелеть, конечно. Это — главное условие всего остального.

В том-то и заключается тайный смысл жизни, думал

Вадим, что в ней чаще всего мера воздаяния не очень согласуется с мерой свершения, а куда больше зависит от факторов привходящих. Вот капитан Тарханов, товарищ по оружию, сделавший куда больше, чем он, и заслуживший, по совести сказать, все то, что получил Ляхов, и даже намного больше, а вот поди ж ты...

Сначала дурацкое ранение за несколько минут до мига торжества и победы, а потом еще более дурацкая смерть от шального снаряда.

Зная Тарханова, Вадим представлял, сколько удовольствий смог бы извлечь капитан из нынешней ситуации. И как бы они вдвоем все это с неба свалившееся благополучие обмыли бы! От души и по полной программе. А вместо этого — ах, да что говорить!

Была в этом серьезная несправедливость судьбы. Но разве не сказал Марк Аврелий, солдат и философ на троне императора: «Делай, что должен, свершится, чему суждено»? Ну и, конечно, подвиги лучше совершать, когда есть кто-то поблизости, кто может заметить, записать, довести до сведения тех, кто вправе наградить.

Это не цинизм и не расчет барышника, а лишь констатация факта, что вовремя зафиксированный, оцененный и внесенный в анналы подвиг перерастает свое непосредственное локальное значение (которое может быть не так уж в материальном смысле велико) и становится элементом истории, фактором воспитания, порождает последователей, укрепляет дух нации...

А в результате через неопределенный отрезок времени вдруг может породить цепь следствий, напрямую влияющих уже на судьбы мира в целом.

В Москве у Вадима не было старых знакомств, но он очень быстро приобрел новые. В том числе такие, о которых раньше не мог и помышлять, несмотря на то что ни умнее, ни красивее он не стал.

И тем не менее люди, которые раньше, даже сведи их судьба, вряд ли сочли бы лекаря Ляхова заслуживающим внимания, теперь охотно принимали у себя полковника Половцева, находили его «комильфо», интересным и остроумным собеседником, вполне равновеликим тому круту, в который он попал.

Вот, например, Борис Салтыков, сосед по жилой секции, из тех самых графов Салтыковых, капитан и военный журналист, с которым Ляхов оказался в одной учебной группе, знающий в Москве все и всех, уже через две недели ввел Вадима в литературно-театральное общество.

Именно то, о котором принято говорить: «На премьере у Силина была вся Москва», подразумевая, что там собралось десятка полтора-два людей, каким-то образом причастных именно к этому театру. Способных заплатить сто рублей за место в партере или организовать хвалебную рецензию в «Вечерней» или «Независимой» газете.

Раньше Вадим только слышал о такой жизни, с всевозможными «средами» и «субботами», со спорами о «новых трактовках» и «реминисценциях, восходящих к Мейерхольду в новой постановке Табашникова», с чтением «гениальных» стихов и пьес очередного, возникшего из глубины сибирских руд, непризнанного пока дарования, с интригами, публичными выяснениями отношений, «капустниками», внешне дружелюбными, а на самом деле злыми, даже злобными эпиграммами.

В сообществах врачей и инженеров, где ему приходилось вращаться в прежней жизни, ничего подобного не случалось, поэтому поначалу это было даже забавно. А вот то, что художественный талант, иногда даже большой, отнюдь не означает наличие других достойных качеств личности, скорее разочаровывало.

Как-то на вечеринке, организованной в «Малой гостиной» Дома актера, посвященной то ли получению приличного гонорара кем-то из присутствующих, то ли чьему-то удачному дебюту в давно желаемой роли, Вадим оказался за одним столиком с дамой лет около двадцати пяти, обладательницей удивительной внешности.

Было в ней нечто такое, межнациональное, а может быть, даже и межрасовое. Она была высока, тонка и стройна до невозможности, очертаниями своей фигуры напоминала не столько реальную женщину из плоти и крови, как таковую с рисунков Бердслея.

В изящном абрисе лица ощущалось что-то вест-индское, разрез глаз наводил на мысль о Персии, рисунком губ она походила на Джину Лоллобриджиду, некогда край-

не популярную итальянскую киноактрису, лицо, шею и высоко открытые платьем руки покрывал легкий тропический загар, а пышные, коротко постриженные волосы были очень светлые, почти соломенного оттенка, причем естественные, а не крашенные, в этом Вадим разбирался.

И ко всему тому было ясно, что она все-таки русская, даже, как принято говорить, «истинно русская», а какие там скрывались в ее фенотипе исторические коллизии — бог весть.

К тому времени Ляхов уже настолько пообтерся в обществе, что мысль не только познакомиться поближе с этим чудом практической генетики, но и по возможности завести с ней необременительную связь уже не казалась ему вызывающей.

Тем более дама была одна. Она, успев, видимо, перекусить бутербродами с фуршетного стола еще до появления Ляхова, теперь маленькими глотками потягивала полусухое шампанское, почти не затягиваясь, курила длинную сигарету с ментолом и время от времени отправляла в рот двузубой вилкой острые и жирные черные маслины.

К разговору, который как-то сам собой завязался у Вадима с обитателями двух соседних, близко приставленных столиков, она прислушивалась с интересом, но желания самой принять в нем участие не проявляла.

Слегка подвыпившие соседи обратили внимание на Ляхова скорее всего оттого, что он единственный здесь был в мундире. С неизменным белым крестиком Святого Георгия, который по статуту полагалось носить постоянно и в натуральном виде, отнюдь не заменяя его орденской ленточкой, как другие награды.

Вначале он просто отвечал на вопросы, касающиеся обстоятельств получения высокого ордена, затем, будто невзначай, собеседники, молодые люди типично богемного вида, принялись выражать сомнение в нравственной оправданности нынешней российской геополитики. Мол, когда народ страдает, неприлично тратить деньги на содержание четырехмиллионной армии и вмешиваться в не нужные никому зарубежные авантюры.

Тут Вадим не сориентировался в ситуации и высказал

несколько соображений, вполне естественных в кругу «академиков», но здесь, очевидно, априорно считающихся непристойными для «интеллигентного человека».

Да еще, на беду, поблизости оказалась поэтесса Римма Казарова, дама, как выразился классик, «в последнем приступе молодости». Ее стихи Ляхов время от времени встречал в толстых литературных журналах и находил довольно грамотными, даже изысканными временами. Кроме того, в эфире часто звучали песни с ее же текстами.

Услышав последнюю фразу, в которой Ляхов выразил одобрение действиям возглавлявшейся полковником Черняевым российской десантной бригады во время очередного судано-абиссинского конфликта, она метнулась к нему черным коршуном.

Оказывается, именно эта операция касалась поэтессы лично. У кого-то из ее знакомых там погиб сын, «отравленный циничной империалистической пропагандой», как она выразилась.

С несколько излишней аффектацией Римма сначала прочитала-провыла стих, написанный от имени матери того самого добровольца, убитого неизвестно за что в не названной африканской стране. Второй был изготовлен, в развитие темы, как плач туземки, в деревню которой пришли русские солдаты и, опять же, убили ее детей, виноватых только в том, что не хотели покориться чужакам.

В качестве коды она изобразила загробный монолог русского солдата. Правда, звучало это сильно:

Я убит под Хартумом,
В безымянном болоте,
В третьей роте, на фланге,
При ответном налете.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей...

В общем, грамотный получился триптих. Хотя с точки зрения военного человека — вредный. Поэтессе аплодировали.

После лихо выпитой рюмки водки, с сухими и горящими глазами, она перешла на прозу.

Вадим не мог понять, отчего именно сейчас у нее случился такой публицистический приступ, но слушал с интересом. Несколько, впрочем, брезгливым. Для него было внове, что существуют в обществе такие вот настроения.

Римма доказывала, что вообще вся деятельность русских войск, военных советников и дипломатов в разных концах света является серьезнейшей опасностью для человечества.

— А отчего же именно российских? — не выдержал Ляхов. — Насколько мне известно, наши контингенты в любой точке мира не превышают предписанных пятнадцати процентов от общей численности боевых формирований ООН. Причем, за исключением дальневосточного театра, находятся под международным командованием...

Римма взглянула на него почти что с ненавистью. Относилось это, разумеется, к его словам и мундиру, поскольку лично они знакомы не были.

— А вы не знаете?! Российские войска известны во всем мире...

— Своей боеспособностью и одновременно редкостной сдержанностью и политической беспристрастностью, — вставил Вадим фразу в ее длинную паузу.

— О втором ничего не знаю, а первое — да! Боеспособностью. То есть способностью в минимальное время уничтожить максимальное число людей, не желающих жить по вашим законам и правилам...

— Скорее, по **вашим**, ибо законы и правила устанавливаются демократически избранной Государственной думой, военнослужащие же правом законодательства не наделены и лишь исполняют то, что им предписывают избранники народа. **Ваши** избранники...

Ляхов театрально развел руками и сел.

Дама-визави улыбнулась и одобрительно кивнула, сделав при этом почти неуловимый жест. Пробегавший мимо лакей тут же поставил перед Вадимом рюмку коньяка. Она тоже прикоснулась губами к краю своего бокала.

Ляхова попытался поддержать пожилой актер Вах-

танговского театра, фамилия которого вылетела у Вадима из головы, хотя игра в «Кабале святош» понравилась, но Римма тут же его осадила.

Выходило так, что оставшемуся в одиночестве Ляхову следовало или молча капитулировать, или принять бой на территории противника.

Салтыков куда-то испарился нечувствительно, а рассчитывать еще на чью-либо поддержку Вадим не мог.

Разве только взгляд безымянной красавицы обнадеживал.

Поэтому он отважился.

— А вы предпочли бы, чтобы повторилась ситуация сначала 1914-го, а потом и 1918 года? — медленно и как-бы небрежно спросил он, словно все это его чрезвычайно утомляло, но и оставить выпады оппонентки без внимания он не мог.

— При чем тут восемнадцатый год? — с разбегу наткнулась на его вопрос поэтесса.

— Ну как при чем? Тогда большевики объявили всеобщий мир без аннексий и контрибуций, и миролюбивые соседи тут же начали отгрызать от России куски, в меру собственных потребностей. Еще б чуть-чуть, и мы остались бы без Украины, Дальнего Востока, Прибалтики и Закавказья, не говоря о Польше и Финляндии.

К счастью, генералы Корнилов и Деникин сумели вовремя навести порядок. И показать союзникам, что древнее правило «Пакта сунт серванта»¹ остается в силе. За что нас и приняли в Тихо-Атлантический союз.

А сейчас ровно та же ситуация. Стоит нам только перейти на декларируемые вами позиции абстрактного пацифизма и гуманизма, нас сначала выдавят из Союза, а потом просто отнимут все территории, которые мы не станем защищать.

Кстати, на каких границах вы согласны признать наше право на вооруженную защиту?

— Не передергивайте. Речь идет о том, что мы убиваем людей, которые не сделали нам ничего плохого, на

¹ Договоры следует соблюдать (лат.) (положение международного права).

всех материках, а лучше бы оставить их в покое и заняться собственными делами...

— Так и занимайтесь, — широко улыбнулся Ляхов. — Кто же мешает? Но если мы, — он показал на себя пальцем, — сегодня не станем защищать наши интересы на китайской или турецкой границе, завтра нам и вашим детям, если они у вас есть, придется делать это же самое на границах Московского княжества времен Ивана Третьего...

Логично дать свободу всем народам, которые мы поработили за последние пятьсот лет?

— Конечно же! — воскликнула Римма. — Каждая нация, каждый народ имеет право на самоопределение...

— Так точно, — кивнул Ляхов. — Давайте с ними согласимся. Отдадим всем все, кто чего попросит. Вы еще забыли — китайцам Маньчжурию, японцам — Корею, Сахалин и Курилы. Мы же не будем больше агрессивными.

А завтра Новгород вспомнит о событиях XVII века. Они же были независимым государством, а злобный Иван номер четыре их покорил. Причем с крайней жестокостью. Бояр и лучших людей в Волхове топил, митрополита задушить велел. Это мы тоже признаем, покаемся, можем даже согласиться на репарации и реституции.

Вам понравится, если независимые новгородцы и соплеменные псковитяне перережут Николаевскую железную дорогу, установят погранпосты и таможенную, а в качестве компенсации станут грабить транзитные поезда, а пассажиров топить в придорожных водоемах? Поскольку это же делали наши с вами предки с их предками, и вообще подобный стиль отношений вполне соответствует национальным традициям.

Кто-то в углу зала демонстративно хихикнул, но вообще в собрании воцарилась какая-то нехорошая тишина. Ляхов сообразил, что тема воспринимается здесь слишком уж всерьез. А он-то думал, что имеет место просто интеллигентский треп. Но остановиться на полуслове уже не мог.

— Так вот, вопрос непросвещенного человека. Хотите ли вы, ради чистоты «гуманистической» идеи, жить

в таком мире? Я бывал в странах, где подобный идеал достигнут. Там вы без сопровождения взвода оккупантов даже до ближайшей лавки выйти не рискнули бы...

Позтесса словно впервые увидела Ляхова как объект, достойный внимания. По крайней мере, сыграно это было хорошо.

— Ах да! Я же сразу не поняла, с кем имею дело! Господин полковник. Георгиевский кавалер! Разумеется, в вашем лице мы имеем доблестного защитника интересов Российской империи, как бы она сейчас ни называлась, и адепта военно-полицейской мощи...

Вадим поразился силе ее чувств и непримиримой ненависти, мелькнувшей где-то на втором плане.

— Орден у вас свеженький, и погоны тоже. За что, интересно, в вашем возрасте это дают? Знаю, знаю... Кровь на них, кровь, кровь и кровь... Но запомните, насилие рождает только насилие, и все это непременно падет на ваши головы...

Ляхов испугался, что сейчас она забьется в истерическом припадке.

И вдруг его визави, все это время наблюдавшая за спором, дискуссией или просто скандалом с позиции холодного любопытства, обернувшись куда-то в угол, двинула тонкой кистью с алмазным перстнем на безымянном пальце.

Тут же заиграла музыка, причем не в записи, а живая. На хорах в торце зала обнаружился оркестрик из саксофона, скрипки, электрооргана и ударника. Классическое танго они исполняли, медленное, сладкое и волнующее глубокие слои подкорки.

— Не хотите меня пригласить? — спросила девушка. Удивляясь, как странно все происходящее, Вадим вскочил с излишней даже быстротой, подал ей руку. Радуюсь и тому, что прелестная незнакомка обратила на него внимание и что никчемная дискуссия наконец прекратилась.

Танцевала она чудо как хорошо. Это кроме того, что умела правильно двигаться под музыку. Всем своим поведением, как и положено в классическом танго, она давала понять, что изнывает от любви к партнеру, и Ляхов

воспринимал это именно так. На короткие три минуты, пока длился танец, он перечувствовал это все. Сначала — робкий намек, потом развитие отношений и, наконец, бурный финал, одновременно и кульминация любви, и ее трагический конец.

А уж талия у нее была совершенно изумительная, гибкая и сильная, а под тонкой тканью платья легко прощупывался пояс вроде корсета, с застежками справа.

Когда они шли на место, провожаемые аплодисментами зала, девушка незаметно сжала своими пальцами его ладонь.

— Только, прошу вас, не спорьте ни с кем больше...

— Почему?

— В разговорах такого рода самые точные факты не убеждают, а лишь озлобляют оппонента. Иначе все было бы очень просто.

— Вы правы, но характер у меня... Иногда не могу сдерживаться.

— Терпите, полковник, терпите. Терпение всегда окушается, в отличие от ненужной эмоциональности...

«А она очень умна, кроме всего прочего», — подумал Вадим со сладким чувством только-только затевающегося романа. Не будет девушка, не желающая продолжения, так себя вести с совершенно незнакомым человеком.

Когда Вадим вышел в туалет, откуда-то со стороны буфета нарисовался Салтыков. Он был в меру пьян, и на шее у него Ляхов рассмотрел мазок карминной губной помады.

— Выпьем? — Из-за спины Борис жестом фокусника извлек две рюмки. Только чуть позже Ляхов сообразил, что они стояли на подзеркальном столике, скрытом глубокой тенью. А то впору было поверить в сверхъестественное.

— За твой успех, браток! — Салтыков лихо махнул рюмку. А на недоуменный взгляд Вадима ответил также недоуменной репликой.

— Ты что, еще не понял, с кем подружился? — Слово «подружился» он произнес с некоторым нажимом.

— А ведь в натуре нет, — удивился Вадим. — Кстати, ты ее знаешь, как хоть ее зовут?

— А что, понравилась? — продолжал куражиться Салтыков, как уже было сказано, урожденный москвич и граф, знавший в свете всех и вся.

— Нет, ну девочка очень нестандартная... — осторожно ответил Ляхов.

Салтыков вдруг погрузился, как это бывает у веселых, но выпивших лишку людей.

— Запомни, невинная ты душа, за одну улыбочку этой «девушки» большая часть сильной половины московского света, включая гомиков и импотентов, душу бы черту запрдала, а уж как она тебя танцевать позвала... Это, командир, полный...

— Да хватит тебе ваньку валять, скажи, наконец, в чем дело и кто она такая?

Салтыков сделал хитрое, опять же не по-трезвому, а по-пьяному хитрое лицо, погрозил Ляхову пальцем.

— Вот уж нет, ваше высокоблагородие. Сам в седло залез, сам и держись за луку. А голову на скачке разобьешь — тоже по собственной воле...

Очевидно, здесь Вадим столкнулся с одной из тех тайн, которых ему, провинциалу, не знакомому с обычаями старой столицы, понять пока было не дано.

Он вернулся на свое место. Незнакомка, ставшая еще более таинственной после разговора с Салтыковым, продолжала цедить свое шампанское.

Отставила бокал и спросила:

— Вы готовы к серьезным эксцессам, полковник?

— Нет, — искренне ответил Вадим. — Вообще терпеть не могу эксцессов.

— Тогда возьмите себя в руки, перетерпите, и все закончится очень быстро.

— Что?

— Сейчас увидите.

И действительно, не прошло и минуты, как к их столу подскочила совершенно уже неменяемая поэтесса. Или ее кто-то из не желающих самостоятельно светиться людей настроил на агрессию, или она, нюхнув кокаинчику, сама вышла на этот уровень.

— Вы... Вы! Зачем вы сюда пришли? Ни один честный человек не в силах терпеть ваше присутствие. Ланд-

скнехт, опричник. Убивали там, теперь ищите жертву здесь? Идите, донесите на меня, на всех нас! Орденочками хвастаетесь, мундиром, руки с карболкой вымыли... Провокатор! Но мы не боимся! Россия освободится от палачей! Но пасаран!

Это было уже совсем смешно. Лозунг последнего в двадцатом веке коммунистического мятежа, вполне бесславно закончившегося из-за внутренних склок и разногласий лидеров, звучал в богемном салоне совершенно не по делу.

— Заткнись, старая дура, — почти шепотом, так, чтобы, кроме Казаровой и Вадима, ее никто не услышал, сказала девушка, вставая. — Тебя не вешать, тебя в Сухумский обезьянник сдать...

Поэтесса ахнула, прижала руки к груди и вдруг картинно, с подвыванием, зарыдала.

— Вы проводите меня, господин полковник? — совершенно спокойно, будто происходящее ее вообще не касалось, спросила девушка.

Вадим, разумеется, встал, подал даме руку.

Внезапно вновь проявившийся из недр дома Салтыков, шутовски кривя лицо, показал ему поднятый вверх большой палец.

На заснеженной улице девушку ждала машина с шофером. Длинный синий «Хорьх» с рядным двенадцатилитровым двигателем и двумя запасными колесами в нишах передних крыльев. В обтянутой тисненой кожей каретке, отделенной от водительского отсека толстым стеклом односторонней проницаемости, пахло изысканно и волнующе.

«Ох и прав Борис, — подумал Ляхов, — непростая штучка». Но после всего случившегося, включая и аудиенцию у Великого князя, мало что могло его удивить. Разве что его новая знакомая сама окажется Великой княжной. Или княгиней.

— Меня зовут Майя. А вас, как я слышала, Вадим? Какой черт занес вас в этот бордель? Они здесь все тяжело контуженные. В основном мечтой о славе. Независимости...

мо от цены и повода. Разумеется, ваши погоны и крест уже сами по себе травмирующий фактор. А вы еще покусились на святое — «права униженного и угнетенного человечества». Как Римма еще вам глаза не выцарапала. Впрочем, я бы ей этого не позволила...

Ехали недолго. Когда машина остановилась у парадного подъезда дома на Большой Ордынке, молчавшая всю дорогу девушка требовательно спросила:

— Ну, а до дверей квартиры вы меня тоже проводите, полковник?

Отказаться не было никакой возможности. Желания — тем более.

Дальше — как ожидалось.

Швейцар у резной дубовой двери подъезда, похожий на унтер-офицера спецназа консьерж за высокой конторкой, аналогичного стиля лифтер, рефлекторно щелкнувший каблуками при виде гвардейских полковничьих погон.

Дверь лифта открылась прямо в прихожую квартиры. Девушка, шутливо сделавшая книксен, заставила Ляхова перешагнуть и этот барьер. Не физический, сословный. Его отец, хотя и пребывал в генеральских чинах морского ведомства, таких апартаментов не имел.

Мало того, что Майя сама по себе вызывала у него сильное влечение, так ведь и интрига закручивалась неслабая.

Тянет на то, что он попал в сферу интересов настолько сильных мира сего... Причем без всяких усилий со своей стороны. За исключением тех, что уже случились сами собой.

Длинный и узкий коридор от дверей лифта вел в глубь квартиры. Хозяйка вдруг, без предупреждений и объяснений, скользнула куда-то вбок и исчезла.

Перед встретившейся вешалкой Ляхов снял шинель, повесил ее на крючок, подумал, снял и китель. Белой рубашки с погонами вполне достаточно для респектабельности. Тут же оказалось саженной высоты зеркало в резной позолоченной оправе. Вадим причесался, осмотрел себя с ног до головы и остался доволен.

Ложной скромностью он не отличался, с юных лет

знал, что весьма привлекателен внешне и нравится девушкам. И был благодарен судьбе и родителям, что наделили его все же некоторой грубоватостью и резкостью черт, иначе он вполне мог попасть под ненавистное определение — «красавчик». А так он больше смахивал на римского центуриона, теперь уже скорее — легата, чему способствовал и не сошедший до сих пор субтропический загар. Жаль вот, что шрам поперек лба достался не ему, а Тарханову...

Гостиная удивила его эклектической богемной роскошью. Метров в пятьдесят площадью, территория разделена спинками диванов и кресел, невысокими шкафчиками с книгами и безделушками на изолированные функциональные зоны. На полу ковры и звериные шкуры, на стенах картины, вперемежку импрессионисты позапрошлого века, Левитан и Дали, современный европейский пост-авангард.

Он подошел поближе. Если и не подлинники, то копии суперкласса. Но, судя по всему остальному, скорее все-таки подлинники. Тогда какова же цена этой коллекции? Разве что приобретена она каким-то иным способом...

В дальнем правом углу комнаты он обнаружил трехстворчатую остекленную дверь, ведущую на балкон.

Несмотря на мороз и ветер, он вышел туда, чтобы посмотреть на ночные огни города. Пейзаж с высоты не менее чем двенадцатого этажа распахнулся перед ним великолепный.

«Как моя нынешняя жизнь, — подумал он. — Неожиданно, роскошно, непонятно, как сюда попал и сколько будешь падать, если сдуру сорвешься». А высота на самом деле притягивала, и абсолютно по-дурацки, как в детстве, хотелось, для остроты ощущений, перелезть через ограждение и пройтись на спор по узкому карнизу вокруг дома.

Черт его знает, а вдруг действительно собрался бы? Что-то такое в душе шевелилось. Обратно его позвал голос девушки.

Она успела переодеться в почти прозрачный сиреневый пеньюар, накинутый, похоже, на голое тело. Хотя нет, такое тело голым назвать — кощунство. Не голая же

Афродита Таврическая в Пушкинском музее, хотя галантерейными изделиями она не обременена.

Похоже, переодеваясь, хозяйка заодно глотнула чего-то возбуждающего. Или, наоборот, сначала глотнула, а потом вздумала переодеться.

И снова на Вадима накатил приступ ясновидения. Фраз на пять вперед он знал все, что скажет Майя. Совершенно такое ощущение, словно смотришь основательно забытый фильм.

— Пойдем со мной, командир, если не боишься, — произнесла она низким воркующим голосом. — Я редко кого к себе приглашаю. А если и приглашаю, то остаюсь в рамках приличий...

И он пошел за ней. В пахнущем духами будуаре, большую часть которого занимала низкая кровать карельской березы, а остальное место трельяж, туалетный столик и радиостереосистема, она чересчур даже торопливо обвила руками его шею. Но голову запрокинула назад, как бы отстраняя губы от возможного поползновения. Или — предоставляя инициативу следующего шага партнеру.

Вадиму в прежней жизни не приходилось встречаться с такими страстными, а главное — чуждыми предрассудков женщинами. Его первая любовь — Елена, была до предела закомплексована и ложилась в постель, непременно погасив свет и, как ему представлялось, сцепив зубы. Соглашалась на это, просто чтобы соответствовать.

Остальные знакомые — просто скучны, даже если и отдавались с охотой. С охотой, но без фантазии.

А вот эта — да! Она знала, чего хотела, и делала, или требовала что-то сделать, без смущения.

Самое же главное — в ней не было ни капли вульгарности. Сексом она занималась точно так же, как обедала в своем обществе. Вилка в левой руке, нож в правой, салфетка, если даже требуется вытереть губы, совершенно не заметна. И вообще, такие девушки даже при плюс тридцати градусах совершенно не потеют. Словно у них всегда имеется персональный кондиционер.

— Ну и как, господин полковник, я вас не шокировала? — Майя вернулась из душа, обернутая по бедрам зе-

ленным в крупных розовых цветах полотенцем, на манер полинезийки.

Она села на низкую банкетку напротив кровати, закинула ногу за ногу, закурила. Вообще, курила она слишком часто, как отметил Вадим. Хотя и совершенно не затягиваясь. Переводила, попросту говоря, выпускаемые для богатых снобов сигареты по двадцать пять рублей за сотню.

— А если вы совсем без предрассудков, я вам сейчас кофе сварю и принесу, потом поговорим о жизни, ну и вообще...

— Предрассудков у меня нет совершенно, — заявил Ляхов, которого эта ситуация заинтересовала уже по-настоящему.

Несмотря на все между ними происшедшее, он по-прежнему воспринимал Майю совсем не как эксцентричную и темпераментную партнершу, загадка для Вадима оставалась совсем в другой области.

Майя, по свойственному красивым женщинам, обладающим к тому же высоким жизненным статусом, предрассудку собственной неотразимости, об этом не догадывалась.

«Если уж я с ним легла и продемонстрировала все свои возможности, то дальше он ни о чем другом и мечтать не сможет, следовательно — он мой с потрохами».

Примерно так она рассуждала сейчас и, что самое интересное, в девяноста процентах предыдущих случаев не ошибалась.

И вправду — девушка из высшего общества, по определению не обделенная поклонниками, вдруг выбрала в толпе худородного, но блестящего офицера, привезла к себе домой, допустила до тела, намекнула на возможное и желательное продолжение связи.

Даже — решила изобразить из себя горничную, подающую барину кофе и себя в постель. Устоит ли он?

Допустим, не устоит. Только вот в чем просчеты красивой, но не слишком поднаторевшей в психологических играх девушки.

Первый — офицер на самом деле не знает, кто она

такая, соответственно, не в состоянии оценить, сколь высокая честь ему оказана.

Второй — она не знает, кем на самом деле является этот офицер. И по реальному статусу в свете, а главное — по профессиональной подготовке.

И в итоге — не он жертва красиво разыгранной комбинации, а она.

Есть и еще кое-какие тонкости, которые ставили Вадима в заведомо выигрышное положение.

Майя вернулась, неся на подносе обещанное — две фарфоровые чашечки, тонкие, как скорлупа голубино яйца, две бронзовые джезвы с шапкой пены и торчащими из нее сандаловыми палочками, придающими кофе особый вкус и аромат.

Конечно же — запотевшая бутылка настоящего «Боржоми» и шарообразная бутылочка крепчайшего ликера «Селект». Тюльпанообразные рюмки и хрустальные стаканы.

Играть так играть.

Тем более что насилия над собой игра не требовала.

Он подождал, пока Майя не поставит поднос на журнальный столик, потом схватил ее за тонкое запястье и привлек к себе. Только-только успел коснуться губами маленького шершавого соска, как Майя его оттолкнула. И довольно резко.

— Не скажу, что ваши прикосновения мне неприятны, но ведь кофе остынет, — заявила Майя, подвигая к краю кровати столик. — А остывший кофе — это ужасно, особенно если я готовила его для вас.

Вадим чувствовал себя несколько глупо. Выходит, девчонка его небрежно так ткнула мордой об стол, показала, кто здесь на самом деле хозяин. Оставалось не подавать виду...

Зато кофе оказался в самый раз, не кипяток, но горячий как раз в такой мере, чтобы его можно было пить, не обжигая губ. И ликер оказался более чем хорош. Истинный шестидесятиградусный нектар с божественным ароматом.

Болтая о пустяках, Вадим все время пытался изыскать деликатный способ осведомиться, кто же она есть

на самом деле. Но в лоб делать этого не хотелось, а окольные пути к успеху не приводили. Удалось выяснить только, что по происхождению Майя коренная петербуржанка, но предпочитает жить в Москве, в прошлом году окончила университет по факультету юриспруденции и защитила магистерскую степень, однако работать по специальности не намерена.

Ни адвокатская, ни судебная карьера ее не прельщает, тем более — должности нотариуса или юрисконсульта.

— Разве что на кафедру, преподавателем надумаю, мне предлагали, а скорее всего — нет. Скучно дуракам-студентам изо дня в день прописные истины вдалбливать. Лучше уж журналистикой заняться...

— Зачем тогда вообще поступала?

— Ну, какой-никакой диплом все равно иметь надо, а «правовед» звучит вполне пристойно. Не в медички же мне было идти.

— Резонно, медичка из тебя никакая, если только тоже не преподавателем: Психиатрии, например.

— Почему это вдруг? — неожиданно сочла себя обиженной Майя.

— Так мне кажется. Врачебное дело трудное, малоэстетичное вдобавок и вообще. По крайней мере, я как-то не встречал до сих пор светских львиц, одновременно являющихся практикующими хирургами, например.

— Скорее всего, ты прав, — вдруг согласилась с ним Майя. — А я на эту тему как-то раньше не задумывалась. Действительно. У них же ногти всегда коротко острижены и руки карболкой пахнут. Но это все ерунда. Скажи лучше, эта наша поэтесса, Римма, она хоть в чем-то права? Тебе действительно приходилось вешать, расстреливать, подавлять борцов за свободу? Я ведь про тебя тоже ничего не знаю.

Увидела тебя, ты меня сразу заинтересовал. Такой весь неординарный на фоне прочей публики. Лицо у тебя располагающее, крестик на кителе выглядит очень стильно, а тут еще Казарова на тебя отвязалась. Интересно. Вот, думаю, роковой мужчина.

— Палач, жандарм... Волнующее сочетание, да?

— А что ты думаешь, конечно, волнующее, — легко

согласилась Майя. — Для настоящей женщины. Особенно — по сравнению со здешними. Не поймешь, то ли мужик, то ли баба. Особенно как пошла мода на мужскую косметику. Ужас какой-то. Теперь приходится смотреть, чтобы он тебе помадой платье или бюстгальтер не испачкал.

Майя сделала такую гримасу, что Ляхов рассмеялся. Действительно, вернувшись в Москву, он тоже обратил внимание, что по дальновизору часто рекламируют мужскую губную помаду, тональный крем для лица и тени для век. Но думал, что это исключительно на потребу пассивным педерастам. Оказывается, нет.

— И фамилия у тебя мужественная. Половцев! Дикое поле вспоминается, сабельные рубки и все такое. Так где же ты все-таки воевал? И с кем?

— Проще всего сказать — с врагами Свободного мира. В широком смысле слова. Вообще один германский военный философ еще лет полтора назад сказал, что твой враг выбран не тобой, а для тебя. Вот и мы врагов себе не выбираем. Любой, кто не хочет жить по установленным правилам и вооруженной силой пытается изменить порядок вещей, автоматически сам себя помещает в означенную категорию.

— Разве «установленные правила» так уж безупречны? Непререкаемы, как десять заповедей? — Интересно выглядела обнаженная девушка, полулежащая в кресле, вытянув длинные ноги, вызывающе потряхивающая смуглыми грудями, дымящая сигареткой и рассуждающая при этом на темы высокой политики.

Возможно, так все это обстояло во времена расцвета Эллады, когда компанию достойным мужам на симпозионах составляли высокообразованные красавицы гетеры.

— Вопрос-то не ко мне, — сообщил Вадим, запивая пузырящимся «Боржомом» глоток ликера. — Это ведь ты здесь юрист-правовед. Как я уже довел до сведения поэтессы, мы — серая скотинка, лишь реализуем «возведенную в закон волю господствующего класса». Изменяются нормы международного права, с тем же старанием станем исполнять новые. Я человек не шибко грамотный, однако помню, что должным образом ратифицирован-

ные документы всегда имеют приоритет над национальным законодательством.

— Не прибедайся, пожалуйста. Уже того, что ты в свои годы полковник и учишься в академии, сапиенте сат¹. Но все же...

Лично ты согласен, что Россия по-прежнему остается фактически империей, включает в себя не только не способные к цивилизованной государственности области Туркестана, Сибири и Крайнего Севера, но и Финляндию, Эстляндию, Лифляндию, Польшу и так далее, то есть территории вполне европейской культуры, коренных жителей которых наше владычество в общем-то унижает?

Разговоров на эту тему Ляхов слышал давно и много.

— Во-первых, большой вопрос, что и кого унижает. Очень многие представители высших классов названных областей гораздо комфортнее чувствуют себя в роли аристократов великой России, сохраняя при этом свои титулы и родовые привилегии, и отнюдь не желают превратиться в элиту микроскопических государств, которых на карте не разглядишь.

Далее, большинство договоров о добровольном вступлении бывших царств, эмиратов и княжеств в состав Империи содержат формулировку «на вечные времена»...

— Но ни минутой дольше, — пошутила Майя.

— Совершенно верно. И я не вижу оснований для денонсации этих договоров и трактатов. И последнее, помоему, — декларация о создании ООН, законным порядком принятая и ратифицированная всеми ее участниками, недвусмысленно провозглашает нерушимость территориальной целостности государств-основателей и право на ее защиту всеми доступными средствами от любых внутренних и внешних угроз...

— Сразу видно неофита-академика. Даже в постели так и рубишь заученными формулировками. Оставь, до сессии еще далеко. Я хотела узнать, что ты сам, лично обо всем этом думаешь.

— Да вот что сказал, то и думаю. Офицеру положено

¹ Умному достаточно (лат.).

присягу сполнять, стрелять и помирать, коли приказано, а в кого и за что — это начальство знает.

— Ну-ну. Послушаешь тебя, и даже страшно становится. При таких защитниках державных интересов у Риммы и ее друзей действительно нет шансов. — И тут же девушка резко сменила тему. Вскочила с кресла, потянувшись, привстав чуть ли не на пуанты, закинула руки за голову. От порывистого движения полотенце снова соскользнуло на пол. — Ну, что? Еще покувыркаемся?

— Знаешь, как-то уже и не хочется, — почти искренне ответил Вадим.

— Да брось ты. Обиделся, что ли? Ну прости, если что. Я просто посмотреть хотела, умеешь ты себя в руках держать или при виде голой бабы в дикого самца превращаешься.

— И если бы я тогда не захотел остановиться?

Майя сузила глаза.

— Остановился бы. Только с определенными моральными и материальными потерями. А раз выдержал испытания — имеешь право на вторую попытку.

Наконец наступил момент, когда Вадиму захотелось спать. День был длинный, вечер тоже, да еще и столь бурные ночные утехы, от которых он успел отвыкнуть.

Последний год у него если что и бывало, так наскоро, в основном с медсестричками из армейского госпиталя. (В чем ему так люто завидовал Тарханов.) Приятно, необременительно и ни к чему не обязывающе. Оправдывая себя, он даже придумал соответствующий афоризм: «Простые удовольствия — последнее прибежище для сложных натур». К сложным натурам он, естественно, относил себя.

Заметив его намерение, Майя искренне удивилась.

— Ты что это?

— Как что? До утра еще четыре часа, вполне успеем вздремнуть.

— Нет, ты чего-то не понял, по-моему.

— Насчет чего?

— Насчет меня! — Девушка уперла руки в бока и надменно вскинула голову. В полностью обнаженном виде эта поза выглядела несколько комично. Однако голос ее звучал вполне серьезно.

— Я могу заниматься этим самым с женщиной, который мне понравился, когда и как хочу, но я никогда НЕ СПЛЮ с мужчинами. Это ж надо такое представить! — Майя фыркнула возмущенно. — Если тебе лень возвращаться домой — ложись в гостевой комнате. Или могу машину вызвать.

— Да нет, спасибо. Я лучше по снежку прогуляюсь.

Вадим быстро оделся, не зная еще, как относиться к случившемуся. С одной стороны — унизительно как-то, а с другой — какое он имеет право вообще на что-то претендовать? И на том, что уже было, — большое спасибо.

Когда он затягивал ремень шинели в прихожей, Майя стояла в дверном проеме, накинув на плечи пеньюар, но даже не запахнув его, так что он имел возможность в последний раз полюбоваться ее изысканными прелестями, и изображала при этом на лице чуть ли не разочарованную мужской грубостью невинность.

Наверное, если бы Ляхов согласился заночевать на прикроватном коврикe, она была бы довольна куда больше.

— Честь имею кланяться, — поднес Вадим руку к козырьку.

Она вдруг шагнула к нему, прикоснулась губами к щеке.

— Только не вздумай на меня обижаться, слышишь? Я не могу просто так вот взять и отказаться от своих принципов. Даже ради тебя.

Повисла чересчур длинная пауза.

Она ждала его ответа или подумала, что сказала слишком много, и соображала, как исправить ошибку. Нашлась, наконец.

— Или ради кого угодно. Звони, я буду рада... — Майя сунула ему в руку визитную карточку из коробочки на телефонной тумбочке.

— Благодарю, — стараясь, чтобы голос звучал посуше, ответил Вадим и не удержался от прощальной шпильки: — Принципы — это хорошо. Но советую запомнить, интереснее всего — люди без принципов...

ГЛАВА
ПЯТНАДЦАТАЯ

С трудом подавляющий зевоту портье прочитал рекомендательную записку, стал любезен и предложил несколько комнат на выбор. Елена взяла большую угловую на третьем этаже, окнами выходящую в сторону Воздвиженки, а просторной лоджией — во внутренний двор с садом.

Судя по огромным старым липам, чьи черные голые ветви колыхались прямо перед глазами, весной и летом здесь будет хорошо.

Она подумала так и удивилась: неужели придется прожить здесь несколько месяцев? Отчего бы, ведь квартирный вопрос должен решиться куда скорее? Но предчувствиям она доверять привыкла, и они ее редко обманывали. Ведь и перед тем, как увидеть журнал с портретом Ляхова, ее несколько дней томили странные ощущения, похожие на предвестники приступа у эпилептиков. Так что же должно произойти теперь?

Неужели это как-то связано с полученным заданием? Она не очень верила, что ей удастся разыскать Ляхова, но знала, что, отработывая полученный аванс (и не только поэтому), предпримет все возможное.

Размышляя так, Елена разложила по полкам стенового шкафа те немногие вещи, что взяла с собой, еще раз пересчитала спрятанные в пакетах с бельем доллары. По-прежнему их было 13 тысяч, она не потратила ни одного. Мужу она об этом внезапно свалившемся богатстве, разумеется, не сказала. И это означало, что разрыв между ними практически произошел. Сколько они теперь проживут вместе — неважно. Может быть, и всю оставшуюся жизнь, это уж как сложится, но, если представится случай, она расстанется с ним без колебаний и сожалений.

После душа Елена надела просторную и теплую ночную рубашку, легла в постель со стаканом сильно разведенного тоником розового джина, к которому привыкла за границей. Включила приемник. Знакомый буэнос-айресский диктор торопливой скороговоркой сообщал о

том, что еще неделю назад ей было близко, имело реальное значение, а сейчас — словно из другой галактики доходили до нее новости. И трудно было представить, что действительно существует где-то там этот романтический город, и ее бывшая квартира, и муж...

Странно все в этой жизни.

Заснула она как-то внезапно, не допив свой джин и не выключив приемник.

Снился ей престарелый дон Херардо, который стоял перед ней на коленях и снова совал ей в руки деньги, но уже совсем за другое. Он умолял Елену поехать к нему на виллу и там стать его любовницей.

— Мы будем с вами чудесной парой. Ведь я мазохист, а вы настоящая садистка. Вообразите, как это будет приятно...

Утром она позвонила мужу, чтобы сообщить, что у нее все хорошо, и вдруг услышала, что только что, час назад, поступило сообщение, что бразильская армия перешла границы Боливии и Парагвая. Если в ближайшие часы конфликт не будет урегулирован, Аргентина собирается выступить на стороне жертв агрессии.

А это означает очередную региональную войну. Буэнос-Айрес почти наверняка подвергнется бомбардировкам с моря и с воздуха, и посольство, скорее всего, переведут в глубь страны, в Кордову или Мендосу.

— Но мы тут пока еще надеемся на лучшее. Может быть, Штаты выступят с ультиматумом...

— А чем все это грозит нам лично? — спросила Елена.

— Понятия не имею. Пока что. С равным успехом меня могут отозвать в ближайшее время, а могут оставить здесь до конца войны.

Не зная, что еще можно сказать в такой ситуации, она пожелала мужу удачи, попросила быть осторожнее и в ближайшее время позвонить, сообщить, как идут дела.

— А я тут буду следить за новостями...

...Всего три дня потребовалось Елене, чтобы осмотреться в Москве, привыкнуть к повсеместно звучащему русскому языку, наладить минимально достаточный для временно свободной женщины комфорт. Это было несложно, поскольку комнаты убирала прислуга, ей же

можно было отдавать в стирку белье. Кухонными делами Елена не занималась в Буэнос-Айресе, не собиралась заниматься и здесь, привыкнув пользоваться услугами бесчисленных ресторанчиков и кафе. Вообще, при определенных условиях, она готова была всю жизнь прожить в отелях, для разнообразия меняя их время от времени.

Дальновизионные новости не радовали. Аргентина и Уругвай на второй день конфликта объявили-таки войну Бразилии, и уже состоялся первый морской бой в устье Ла-Платы между аргентинскими и бразильскими крейсерами. Правда, без решительного результата. Обменялись несколькими залпами и разошлись. Аргентинцы под прикрытия береговых батарей, а бразильцы — в открытое море.

Информационные агентства сообщили, что семьи дипломатов и гражданских специалистов цивилизованных стран будут в ближайшие дни эвакуированы, возможно, через Чили, так как морское и воздушное сообщение с зоной боевых действий прервано.

Елена представила себе эту эвакуацию и порадовалась, что успела выбраться оттуда вовремя. И сразу же подумала, что, наверное, теперь ее договор с доном Херардо сам собой теряет силу или откладывается на неопределенный срок. До сабли ли, пусть и антикварной, пожилому человеку, когда его родной город бомбят вражеские самолеты? А война ведь может затянуться и на год, и на два.

Однако уже на следующий день ей позвонили. Хорошо говорящий по-русски человек передал ей привет из Аргентины «от нашего общего друга» и поинтересовался, предприняла ли она какие-нибудь действия к поиску «известного лица»?

— Какие действия? Я только что приехала, еще и багаж разобрать не успела. Да, а откуда вы узнали мой номер телефона, я сама его еще не успела запомнить?

— Мне сообщил друг. Наверное, ваш муж ему сказал. Я понимаю ваши обстоятельства, но все же прошу поторопиться. Это в наших общих интересах. До свидания.

— Простите, а как я вас смогу известить... — спохватилась Елена, но с той стороны провода уже повесили трубку.

Теперь она была по-настоящему встревожена и даже напугана. Ну не мог муж дать ее телефон и адрес совершенно незнакомому человеку, он был достаточно осторожен в таких вопросах, как и всякий дипломат. Она тут же набрала посольство. Спутниковая связь, к счастью, пока еще действовала.

Знакомый дежурный атташе ответил, что Владислав Петрович выехал сегодня утром по заданию посла и пробудет в отлучке несколько дней.

— У вас там все в порядке, мне он ничего не передавал?

— Пока нормально, дипломатический городок еще не бомбили. Для вас ничего нет. Я передам, чтобы позвонил вам, когда вернется.

Вот странно, она ведь решила уже, что с мужем ее давно ничто не связывает, кроме общей постели и тех жизненных благ, которые она получала от своего положения жены советника дипслужбы первого ранга. А сейчас испытала тревогу, даже страх за него.

Как-то все непонятно и неприятно складывалось. Зачем он дал зловещему (да, теперь рафинированный дон Херардо представлялся ей зловещим) старику ее телефон? Или не ему, а кому-то из знакомых, а уже тот...

Или, еще проще, в посольстве почти каждый знает адрес этой гостиницы, и обслуживающий персонал из местных тоже может узнать в любой момент. Так что особого повода для беспокойства нет, но все же...

Почему так все странно получается?

Но ехать в Петроград все-таки придется. Навести справки, переговорить со старыми приятелями и подругами, сообщить неизвестному, что ничего не сумела сделать, и забыть все.

В Северной столице она за несколько дней навестила всех, кого наметила, и во время бесконечных разговоров на темы: «а помнишь?», «а как ты теперь?», «а что (и с кем) он (она)?» — задавала вопросы и о Ляхове, не особенно эту тему акцентируя.

Подруги попонятливее делали соответствующее лицо, другие воспринимали ее интерес без эмоций, как вполне естественный, но реальной информацией не располагал

никто. Да, слышали, вроде бы служит, кто-то встречал Вадима мельком на улице два или три года назад, один из сокурсников даже выпивал с ним, но тоже давно.

Короче, затерялся человек бесследно в волнах житейского моря.

Чувствуя, что заказчики этого расследования не удовлетворятся односложным отрицательным ответом, возвращаясь домой, она подробно записывала в блокнот, с кем именно говорила о Ляхове, степень близости и информированности собеседника, суть полученных сведений.

Оставался последний шанс — съездить к родителям Ляхова в Гельсингфорс. В прежние времена они относились к ней хорошо, мать Вадима была явно не против, чтобы они поженились, но с тех пор столько времени прошло...

...Вагон первого класса ощутимо, но очень плавно покачивался на закруглениях пути. За зеркальным окном в утреннем свете близко тянулась высокая стена темно-зеленых вековых елей, тяжело нависающих над откосом насыпи. Порой в сплошном массиве леса открывались солнечные полянки с массивными деревянными домами на фундаментах из круглых валунов, принесенных сюда ледниками в незапамятные времена — зажиточные финские хутора, разительно отличающиеся от оставшихся по ту сторону границы северорусских деревень.

А слева вдруг слепящей гладью распахнулась освещенная утренним солнцем, заснеженная поверхность Финского залива. У самого горизонта слабо дымил ледок, пробивая во льдах широкую черную дорогу.

Вот бы где купить себе домик, подумала Елена, когда старые ели вновь скрыли недолгое видение, несколько часов езды от Петрограда, а совсем другая жизнь. Размеренная, спокойная. Вроде бы и Россия, но и не Россия тоже, «нераздельная часть государства Российского, управляемая особыми установлениями на основании собственного законодательства».

Вот, может быть, выйди замуж за Вадима, и жила бы где-то здесь, скорее всего — в Гельсингфорсе, на Эспла-

наде, упирающейся в Южную гавань, где ровной шеренгой прямо у гранитной набережной зимуют серо-голубые эскадренные миноносцы.

Красиво и внушает удивительное чувство покоя и защищенности.

Что-то слишком часто ей стали приходить в голову подобные мысли. Явное свидетельство нарастающей депрессии.

Мать Ляхова, Тамара Николаевна, узнала Елену сразу. Да и сама она почти не изменилась, ну, может быть, чуть-чуть морщинок вокруг глаз прибавилось. Красивая, элегантная женщина, едва перевалившая за пятьдесят. Заохала, заудивлялась неожиданной встрече, пригласила в просторную, залитую солнечным светом гостиную, обставленную светлой финской мебелью. Усадила гостью на полукруглый диванчик в глубоком эркере, приказала горничной приготовить чай. Сказала несколько дежурных комплиментов ее внешности, фигуре и нарядам.

И только после этого со сдерживаемой тревогой спросила:

— У тебя что-нибудь случилось?

С прежних времен она обращалась к ней на «ты» и сейчас не стала менять привычки.

— Нет, что вы, совершенно ничего. Ну, если не считать, что муж у меня застрял из-за войны на другом конце света. А я вернулась одна и пока совершенно не знаю, чем заняться. Съездила вот к родителям в Питер, потом подружки пригласили провести недельку в Финляндии. Поехала. И вдруг захотела увидеть вас. Извините, что без приглашения...

— Что ты, что ты! Совершенно правильно сделала, что без приглашения. Ну, рассказывай, как у тебя жизнь сложилась? Дети есть?

Ответила, что нет, и уловила в глазах несостоявшейся свекрови нечто такое...

Будто она сразу поняла про Елену все. Но ни словами, ни мимикой не подала виду, что догадалась — у сына снова появился шанс.

А может, все не так. Может, Елена, как истинный неврастеник, заикнулась на мысли, что все только на нее

смотрят, перешептываются за спиной, показывают пальцем на спущенный чулок или сбившуюся прическу.

Они в обычном женском стиле болтали минут пятнадцать, пили чай с вкуснейшими пирожными, хотя Елена с большим удовольствием выпила бы сейчас для храбрости чего покрепче, и наконец все же спросила о Вадиме.

И по улыбке Тамары Николаевны поняла, что все это время она ждала — ну, когда же?

— С Вадимом все хорошо, я надеюсь. Последнее письмо мы получили от него... сразу после Нового года. Да ты возьми, сама почитай, там ничего секретного. От тебя, — добавила она.

Тоже с намеком?

Елена увидела знакомый почерк и с трудом подавила очередной приступ дрожи в пальцах. Нельзя, нельзя выдавать свои чувства. А может быть, как раз можно и нужно? Может, пригодится в будущем? Встретятся они, а он уже будет знать от матери. И никому не придет в голову задуматься, а чего это она вдруг заявила пять лет спустя.

Вот именно поэтому...

Вадим, как водится, поздравлял родителей с Новым годом, писал, что у него все нормально. «Солдат спит — служба идет. Солдат идет — и служба идет. Солдат бежит, а служба, вот парадокс, все равно идет».

С легкой иронией описывал некоторые, на его взгляд, примечательные, эпизоды военно-медицинской жизни. Сообщал, что праздники встретил хорошо, в компании друзей, в лучшем ресторане Хайфы. И еще — что буквально на днях выезжает в длительную командировку, за пределы Ближнего Востока. Куда именно — пока сообщить не может, но в места, далекие от любых войн и революций. Так что беспокоиться за него больше не нужно. Когда прибудет на место и устроится — тогда и сообщит.

— Только я все равно тревожусь. Раньше он всегда сообщал, куда его переводят. Хотя, конечно, сейчас, кажется, больше нигде у нас вдоль границ не воюют. Но вот уже месяц прошел, а писем нет. И не звонил ни разу.

— Да что такое месяц, Тамара Николаевна? Мужчи-

ны, они такие, за делами обо всем забывают. У меня вот тоже муж в воюющей стране оказался, хотя дипломатов чужая война не касается, а все же...

Она говорила это, а сама думала, что письмо написано, похоже, сразу же после событий, о которых говорилось в тунисском журнале. Но он ничем на них не намекнул, даже, напротив, соврал, что отмечал Новый год в ресторане. И что же, сразу из-за стола в бой? Впрочем, могло и так случиться, ехал после праздничной ночи в свою часть и попал в перестрелку.

И его внезапный отъезд, похоже, как-то с этим связан.

Но все-таки ничего существенного она не узнала. Получается, последний шанс использован. Разве что, прощаясь, попросить Тамару Николаевну сообщить ей, когда Вадим объявится. Под каким предлогом? А без всякого предлога. Вернулась домой, восстанавливаю старые связи. Расстались мы с Вадимом по доброму согласию, без всякой вражды. Отчего бы ни повидаться при случае?

Так она и сказала.

— Ну почему же нет? Позванивай мне, всегда рада тебя слышать, — но, когда Елена действительно собралась уходить, вдруг придержала ее за руку. — А ты не боишься?

— Чего?

— Знаешь, в жизни по-всякому бывает. Вот встретишься, вечер воспоминаний и так далее. И вдруг на старое потянет?

— Вас это волнует? — с некоторым вызовом ответила Елена.

— Меня — совершенно нет, — спокойно ответила мать. — Вадим — человек взрослый, к тридцати дело идет. О тебе думаю. Жизнь окончательно поломать не боишься?

Елена хотела ответить какой-нибудь подходящей дерзостью, но неожиданно для себя махнула рукой:

— Ах, да что там уже ломать?! — и расплакалась неудержимо.

Тамара Николаевна долго ее успокаивала, заставила проглотить овальную синюю таблетку, и потом только и

начался у них настоящий разговор. Но о заметке с фотографией Елена так и не сказала.

Потом же случилось настоящее чудо.

Нет, не возник на пороге Вадим Ляхов собственной персоной, как следовало бы по канонам сентиментального женского романа, а просто вернулся со службы его отец, Петр Аркадьевич, высокий, вальяжный и дородный, совсем не похожий на Вадима, в черном флотском пальто с широкими серебряными погонями.

Не раздеваясь, с порога протянул жене простой желтый конверт.

— От Вадима. Только что в служебной почте нашел.

И только после этого заметил Елену.

— О, у нас гостя! Двойная радость. Сейчас обедать будем. И даже с шампанским.

Тяжело, чуть вразвалку ступая, словно по палубе корабля, он пошел на свою половину квартиры, на ходу расстегивая пуговицы пальто.

Тамара Николаевна жадно пробежала глазами листок, потом прочла еще раз, медленно. Протянула письмо Елене.

Невольно она поступила так же — быстро скользнула глазами наискось, выхватывая суть, перевела дыхание и перечла.

«Здравствуйте, мама и папа, пишу, как обещал. У меня по-прежнему все в порядке. Получил новое назначение. Какое, и где — сказать по-прежнему не могу, даже вам. Весьма секретно. Государственная тайна. Но хорошее, почетное и безопасное в той мере, в какой безопасна вообще вся наша жизнь. Но в принципе, кроме несварения желудка и падения на голову кокосового ореха, мне ничего не угрожает. Жалованье двойное, много новых впечатлений. При случае напишу подробнее. Если появится адрес — немедленно сообщу.

P.S. Чуть не забыл. За предыдущие заслуги ваш сын удостоен ордена Святого Георгия, четвертой, естественно, степени. Прочие впереди. Valetе¹!

¹ Будьте здоровы (лат.).

P.P.S. Это письмо должен бросить в ящик мой товарищ проездом через Москву. Если вы его получили, значит, не подвел».

Пока в гостиной накрывался стол для парадного обеда, Петр Аркадьевич принес из кабинета громадный атлас.

— Так, — рассуждал он вслух, — нужно понимать, намек нам дан. Где у нас кокосы растут? По преимуществу в Азии, на побережьях океана. Индия, Цейлон, острова южных морей... Это что же, наши стратеги расширяют жизненное пространство? Базу на Таити строить затеяли? Или просто командировка к союзникам по обмену опытом? Филиппины, Гавайи, Новая Гвинея?

Что ж, повезло парню, хоть мир посмотрит. А «Георгий» — это совсем здорово! Отличился, и именно в боях отличился. А где же сейчас такие бои, что врачам «Георгии» дают? В Израильской войне наши участия вроде не принимали. Да и уехал он уже оттуда. Хотя...

А Елена опять ничего не говорила этим людям, сама не понимая почему.

— А может, не за бои вовсе? — рискнула она вставить слово. — Может быть, он особу императорской крови от смерти спас? Георгиевскими же орденами Великий князь имеет право награждать, не правительство? — блеснула Елена эрудицией.

— Ведь и вправду! Вы молодец. Самое реальное объяснение. Спас наследника престола, скажем, от острой асфиксии, когда секунда промедления смерти подобна, совершил трахеотомию в полевых условиях. — Как отец врача, Петр Аркадьевич тоже кое-что слышал о подобных случаях и блеснул эрудицией. — Вот и получил крестик в петлицу. И вдобавок причислен к свите, сопровождает Высочайшую особу в путешествии... Сходится.

Он, довольно улыбаясь, потер руки, предвкушая и широкое застолье, и то, как завтра в клубе поделится с друзьями карьерными успехами сына.

Вечерним экспрессом Елена выехала сразу в Москву, заручившись на прощание у гостеприимных хозяев обещанием обязательно сообщить ей, как только появится очередная весточка от Вадима.

ГЛАВА
ШЕСТНАДЦАТАЯ

Москву заносила полярная метель. Случаются иногда такие метеорологические катаклизмы, и вполне средневропейский город в одночасье становится похож на Якутск или Магадан.

По пустынным, освещенным мертвым синеватым светом уличных фонарей проспектам с пронзительным визгом летят снежные змеи, на перекрестках сплетающиеся струи поземки образуют нечто вроде бурной морской поверхности на полметра выше уровня асфальта.

Трамваи и автобусы пролетают мимо, заросшие инеем, тускло светясь изнутри, и кажутся чем-то нездешним, не вполне реальным, наверное, потому, что на остановках не задерживаются, стремясь к какой-то собственной тайной цели.

Но даже и в такую погоду прогулки могут доставлять удовольствие, если одежда подходящая. Ветер не пробирает, ногам тепло, а бесцельное буйство стихий возбуждает и радует душу.

Впрочем, насчет радости души — это слишком. Сейчас Ляхову было скорее тревожно после недавно состоявшегося разговора.

Началось все вполне респектабельно — его пригласили провести вечер в приличной офицерской компании. Очевидно, присмотрелись, убедились, что полковник отвечает неким критериям, а может быть, поступили соответствующие рекомендации.

Он ведь прекрасно понимал, что и «дружба» с Чекменевым, и княжеские милости, и настоятельная рекомендация остаться на службе, и академия — все это отнюдь не просто так. Рано или поздно что-то должно было произойти. Вот, выходит, дождался.

Началась, Впрочем, эта коллизия несколько раньше.

...Лекцию по новейшей истории, посвященной сентябрьскому мятежу 1918 года и последовавшей за ним Гражданской войне, увлекательно и эмоционально прочитал профессор Бушков, в самых зажигательных момен-

тах свирепо сверкавший стеклами толстых очков, тряся бородкой и ежеминутно поправляя крахмальные манжеты, выпадающие из-под обшлагов испачканного мелом мундира надворного советника.

Ляхов всегда думал, что имеет достаточно отчетливое представление об этом периоде, а тут вдруг оказалось, что он не знает практически ничего. Ни о «движущих силах», ни о реальных взаимоотношениях между лидерами союзных и противостоящих группировок, ни о самом ходе Гражданской войны.

Выходило так, что и «революции» никакой вообще словно бы не было.

Как, впрочем, и страны, в которой все изучаемые безобразия случились. А было так, черт знает что, морок, наваждение или же грандиозная перекрестная провокация.

Вышел он с лекции в состоянии легкого обалдения, в котором, впрочем, пребывал уже не первую неделю.

Моментами ему хотелось обратиться к невропатологу Максиму не в качестве товарища и коллеги, а обычного пациента, чтобы специалист объяснил и успокоил. Или назначил соответствующее лечение.

Довольно часто Ляхову казалось, что он не живет наяву, а пребывает в пространстве сна, пусть необычайно реального и похожего на действительность, но все равно сна. Поскольку в каком-то уголке сознания сохранялось понимание, что происходящее с ним наяву происходить не может.

Зато услышанное от профессора еще усилило эти ощущения и пробудило странные воспоминания. Естественно, ложные. Будто он давным-давно все, выдававшееся сегодня Бушковым за умысел и фальсификацию, то ли видел в кино, то ли даже сам участвовал в чем-то подобном, что уж совершенный бред.

После лекции состоялся семинар на ту же тему, но уже в преломлении стратегии и тактики противоборствующих сторон. Для чего слушателям был предоставлен специальный кабинет с имитационным столом, на кото-

ром можно было разыгрывать сражения в масштабе от ротного до фронтового, как по подлинным сценариям, имевшим место в действительности, так и в альтернативном жанре.

Семинары у них на курсе вообще проходили довольно живо, но сейчас по не слишком понятной Ляхову причине обсуждение вопроса приобрело особую остроту.

Словно бы речь шла не о событиях давно отгремевших и списанных в запасники истории, а о чем-то крайне актуальном и животрепещущем.

Возможно, здесь имели место личные мотивы или отзвуки каких-то давних споров, столкновение враждующих научных школ, поскольку, в отличие от самого Вадима, остальные его соученики имели настоящее военное образование, да вдобавок в большинстве хорошо знали друг друга и преподавателей, учились в одних и тех же училищах и высших классах, вместе служили в войсках и штабах.

А Ляхову приходилось в основном помалкивать, поскольку не мог он, щеголяя знанием предмета, сыпать номерами и названиями белых и красных полков и дивизий, ссылаться на труды и мемуары участников тех давних событий. Оставалось только мотать на ус да записывать наиболее интересные мысли и факты, а также вникать в тонкости позиций своих коллег.

Представители ортодоксального направления, которых было большинство, утверждали, что красный мятеж был обречен с самого начала и лишь несогласованность действий и отсутствие единого авторитетного вождя помешали покончить с ним в первый же месяц.

Группка же из четырех человек, одним из которых был обучавшийся в одном с Ляховым отделении подполковник фон Ферзен, яростно и тоже аргументированно, на взгляд Вадима, доказывала, что все наоборот.

Что победить непременно должны были именно большевики, и лишь слепой случай, воплотившийся в до сих пор не объясненном (и теперь уже, скорее всего, необъяснимом) отказе Ленина перевести резиденцию правительства из Петрограда в Москву, привел красных к поражению.

И тут же, ловко орудуя манипуляторами, барон изобразил на стратегической карте Европейской России, как именно должна была развиваться осенне-зимняя кампания 1918/19 года.

— Вот, вот и вот! Обосновавшись в центре страны, красные получали в свои руки колоссальные военные запасы Московского и Западного округов, почти всю военную промышленность. Действуя по внутренним коммуникациям, они легко наносили поражение Ростовско-Екатеринодарской группировке Корнилова и Каледина, загоняли ее в калмыцкие степи и весной девятнадцатого года соединялись с просоветски настроенными войсками Кавказской армии. И все!

На карте стремительно перемещались разноцветные значки и стрелки, обозначающие соединения и объединения воюющих сторон. Вкупе с цифрами и формулами, показывающими соотношение сил и средств, военно-стратегические и экономические потенциалы, а также учитывающими фактор времени и боевого напряжения обеих армий, они убедительно подтверждали слова подполковника.

— Но как же так, необъясненном? — решил поучаствовать в дискуссии и Ляхов. — Не говоря о том, что сегодня было доложено на лекции, даже в мемуарах Троцкого сказано, по какой именно причине было принято решение удерживать именно Петроград.

— Задним числом сказать все можно, — отмахнулся от Вадима капитан из параллельной группы. — Нужно же им было оправдаться. А на самом деле? Я думаю, что они просто трусили оторваться от моря, Кронштадта, Гельсингфорса и поддерживавшего их флота. Желание иметь возможность отсидеться за крепостными стенами фортов или сбежать на Запад в случае неудачи оказалось сильнее здравого стратегического расчета.

— А это чем не объективный фактор? Если руководители переворота трусили в самый ответственный момент, о чем еще можно говорить?

Дискуссия продолжалась все три академических часа, касаясь теперь уже частных вопросов. Ляхов услышал еще много для себя интересного. Гораздо более того, что спор-

щики произносили вслух. Главное же, на что обратил он внимание, — как-то уж слишком сильно походила воспроизведенная бароном на планшете стратегическая обстановка на нынешнюю.

Если сравнить исходные границы тогдашней РСФСР в трактовке Ферзена с территорией, подконтрольной Мес-тоблустителю.

Стрелки двигались быстро, и номера частей и соединений возникали буквально на мгновения, однако же...

Интересно, сохранилась ли в памяти машины эта фронтовая операция? Хотелось бы просмотреть еще раз, не торопясь.

Уже на улице Ляхов догнал Ферзена, который почему-то шел один, хотя обычно его сопровождали двое-трое приятелей.

— Простите, Федор Федорович, вы в общежитие направляетесь? Не позволите составить вам компанию?

— О чем речь, Вадим Петрович, только так и не иначе, — барон был человек остроумный, неизменно со всеми любезный, а своим круглым, подвижным лицом никак не походил на потомка остзейских баронов, суровых рыцарей Ливонского ордена. — Заодно и собеседование продолжим. Вы сегодня что-то отмалчивались, на вас непохоже. Имеете собственное мнение, которым не сочли нужным делиться?

— Скорее наоборот. Предпочел слушать других, поскольку ощущаю себя в данном вопросе почти профаном.

— Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий. Так?

— Примерно. Но вы меня извините, конечно, из некоторых ваших высказываний я сделал вывод, может быть, излишне опрометчивый...

— Ну-ка, ну-ка...

— Я давно к вам присматриваюсь, как и вы ко мне, как кажется. Так вот сопоставив прежние разговоры и в курилке, и на занятиях, я думаю... вернее, мне показалось, что тот исторический прецедент, который мы обсуждали, интересует вас не просто так.

— Разумеется. Если вы еще этого не поняли, у нас в академии ничего не изучается «просто так», лишь с целью расширить вашу эрудицию...

— А как материал для принятия будущих решений?

— Нет, ну вы будто мои мысли читаете. Именно это я и хотел сказать. Вы, кстати, не задумывались о том, что нереализованная, но вполне закономерная политическая тенденция вполне может воплотиться на новом витке истории, и теперь уже с иным результатом?

Мысль Вадиму показалась здоровой. Он и сам неоднократно задумывался, а что могло бы случиться, если бы большевики все же выиграли Гражданскую войну? Когда-то он пролистывал сохранившиеся в библиотеке отца изданные еще до переворота книги и брошюры коммунистических вождей, к примеру «Государство и революция» В. Ленина.

Там была нарисована вполне привлекательная картина будущего устройства. То, что в ходе Гражданской войны красные повели себя несколько иначе, чем декларировали, еще ничего не значит. Эксцессы имели место с обеих сторон, а в силу того, что красный переворот опирался на не слишком образованные и взбудораженные четырьмя годами Мировой войны массы, то почти естественно, что зверств и безобразий с их стороны было значительно больше, чем со стороны дисциплинированных и культурных защитников старого порядка.

Великая Французская революция тоже не в белых перчатках делалась.

А вот если бы они победили и начали реализовывать свои теоретические установки, итог мог бы оказаться интересным...

Все ж таки новый путь развития человечества.

Примерно так он и сказал фон Ферзену, на что тот с живостью и ответил:

— По поводу того, что у них могло бы получиться в процессе построения коммунизма, судить не берусь, а вот то, что нечто подобное может повториться, — почти уверен. Слишком нынешняя обстановка в мире этому способствует.

— И вы... в инициативном, так сказать, порядке зани-

★ маетесь выработкой стратегии на случай повторения аналогичных событий в ближайшее время? Или даже готовитесь к принятию мер по их превентивному недопущению? Нет?

— И не то чтобы да, и не то чтобы нет. Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Мы считаем, что рано или поздно развитие событий в стране, и не только в стране, а... — он сделал руками округлый жест, изобразив не то глобус, не то просто достаточно обширный регион, — может стать неуправляемым. Почему — сами разберитесь. Материалов в нашей библиотеке достаточно.

А раз такой вариант весьма вероятен, нельзя же сидеть сложа руки. Надо действовать. И незамедлительно.

— Разумно. Но — еще вопрос. Надеюсь, все не ограничивается только *вашими* историческими упражнениями на кафедре?

Кстати, мне показалось, или на самом деле вместо конного корпуса Думенко вы в какой-то момент показали на схеме две мотомеханизированные дивизии, наносящие фланговый удар от Царицына на Екатеринослав? Потом, правда, поправились. Я на высших стратегических курсах не обучался, обстановку так быстро, как вы, не схватываю. Однако...

— Вы наблюдательны, что, впрочем, неудивительно. А я ошибся, конечно. Чисто механически. Это существенно?

— Смотря как судить. Оговорки, по Фрейду, имеют большое значение. Так все же. К чему вдруг эта самодеятельность? Существуют ведь соответствующие службы, разные там парламентские комиссии, Генштаб наконец, госбезопасность. Им по статусу положено отслеживать тенденции и предупреждать.

— Идеалист, — несколько вразяжку произнес барон. — Полезное качество, но не всегда. А историю все же плохо знаете. Раз не помните, что в случае приближения судьбоносных катаклизмов все названные структуры отчего-то оказываются удивительно беспомощными. И, как правило, разрушаются и гибнут в числе первых.

В Российской империи уж на что серьезные конторы были — Отдельный корпус жандармов, охранные отде-

ления, Генштаб с его контрразведкой, Дума, к слову сказать. И что? Ничего не предусмотрели и ничего не предотвратили. И пришлось верным присяге генералам все создавать с нуля.

Аналогично — в кайзеровской Германии и во Франции Людовика номер шестнадцать. Зато из той же истории известно, что некий Ульянов-Ленин начинал свое дело с двумя десятками сподвижников и у него почти все получилось.

В определенном смысле стоять у самых истоков движения весьма полезно для будущей карьеры. Но я вас понимаю, вы человек другого склада. Поэтому скажу — единомышленников у нас много. В самых широких кругах общества. — Подполковник вдруг сделал испуганное лицо. — Только ради бога, не воображайте, что мы действительно тайный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» или пресловутое «Южное общество». Мы не готовим дворцовый переворот, и вам не придется с автоматом выходить на Сенатскую или какую-нибудь еще площадь.

Речь вовсе о другом. Мы не хотим, чтобы вам, мне, кому-то еще пришлось вновь повторить Ледяной поход генерала Корнилова. А если, упаси, конечно, Бог, этот бордель вдруг рухнет в одночасье, очень важно с первой же секунды знать свою цель, здраво оценивать соотношение сил и средств, ближайшую и последующую задачи.

— Перехватить руль...

— Вот именно. Перехватить руль и не упустить момента, когда достаточно устранить или изолировать сто, пусть тысячу человек, но не допустить в стране хаоса и очередной войны всех против всех... Кстати, прошу заметить, мы отнюдь не думаем, что катастрофа произойдет завтра. Пока это скорее вероятность, но имеющая солидные шансы реализоваться. Хочется верить, что и мы с вами, и другие наши коллеги успеют закончить академию, получить достойные посты, к которым нас и готовят. Вот тогда мы будем располагать реальными возможностями...

— Навести порядок железной рукой, чтобы обеспечить России еще сотню мирных лет? Достойная цель.

Только... Это ведь зверски скучно — год, десять, двадцать лет готовиться к чему-то, что может произойти, да все никак не происходит. А жизнь кончается.

Барон панибратски хлопнул Ляхова по погону.

— Вы мне все больше нравитесь, полковник. Давайте-ка заглянем в этот вот извозчий трактир да хлопнем по рюмке водки. Мороз, однако.

Трактир, разумеется, был никакой не извозчий, а вполне приличный, для «чистой публики». Это просто барон так шутил.

Гардеробщик принял у них шинели, а половой проводил на второй этаж. Двухместный столик стоял рядом с окном, через которое были видны золотые купола храма Христа Спасителя. Сквозь беспорядочное мельтешение крупных снежинок где-то далеко просвечивала сумрачная, малиновая вечерняя заря. А в зале тепло, тихо, уютно и очень малоллюдно.

— Кормят здесь исключительно по-русски, чем заведение выгодно отличается от всяких прочих. Я здесь частенько обедаю-ужинаю, — сообщил барон, удобно размещаясь в гнущем деревянном кресле и разминая папиросу, которая после долгого воздержания (на улицах офицерам курить не разрешалось ни под каким видом) обещала быть особенно приятной. — И вы привыкайте. Не с нашим положением столоваться из казенного котла. Гвардейцы все-таки. В полевых условиях, это я понимаю, а в Москве уважающие себя люди непременно трапезуют в ресторанах. Дома только гостей принимают, и то по особым случаям.

На самом деле Ферзена здесь знали, старший половой (метрдотель по-европейски), подбежавший принять заказ, обратился к нему по имени-отчеству.

— Ну что ж, как у нас водится, первую — в память государя императора Николая Александровича, который еще в 1896 году высочайше повелел господам офицерам употреблять спиртное не иначе как к обеду и ужину, — Федор Федорович поднял зеленоватую рюмку на уровень глаз и опрокинул «Смирновскую» в рот не чокаясь.

Не спеша и не отвлекаясь, закусили.

— Итак, барон. На чем я остановился?

— Что зверски скучно вам будет ждать...

— Именно. Только я не себя имел в виду. Я в общем смысле. Знаете, даже актерам в какой-то момент надоедает все репетировать и репетировать, хочется наконец выйти на сцену...

— И сорвать свою долю аплодисментов, — закончил фразу барон.

— Совершенно верно. Соответственно, если люди чересчур долго готовятся действовать в кризисной ситуации, не захочется ли им...

— Подтолкнуть события? Не исключаю. — Федор Федорович прожевал ломтик кулебяки и вытер губы салфеткой. — Давайте еще по одной. В ожидании горячего. Селянка здесь чудо как хороша. А по поводу ваших подозрений что я могу сказать? История и наука политология учат, что при любых общественных преобразованиях необходимо:

первое. Четко поставленная цель (модернизация страны или общественного устройства для того-то и того-то либо, наоборот, контрреволюция и восстановление прежних порядков). Декларировать цель в определенных обстоятельствах не обязательно.

Второе. Источники, средства и инструменты ее достижения (источники внутренние или внешние, средства — административно-государственные (в т.ч. принудительные) или общественно-психологические, инструменты — госаппарат, партии, армия, спецслужбы или иные).

Третье. Общественные силы, на которые можно опереться (сословия, классы, те или иные слои общества либо лица определенной идейно-психологической ориентации).

Четвертое. Идеология преобразований (форсированное создание постиндустриального общества, социальная справедливость, занятие лидирующих позиций в мире или на континенте, мобилизующие лозунги, в т.ч. и «непрямого действия» от двух бортов в середину)...

— Четко излагаете, Федор Федорович. Как я понимаю, цель вами определена, источники подразумеваются внутренние, средства... О средствах пока не в курсе. Инструмент — гвардия?

— Торопитесь, полковник, торопитесь. Я совсем противоположное хотел сказать. Что нашей целью на данном этапе как раз и является постоянное наблюдение за обстановкой, чтобы не прозевать, когда у неприятеля все это появится...

— Тогда кто же возможный неприятель?

— А кто угодно. — Ферзен нарисовал ложкой в воздухе почти замкнутый круг. — Хоть правые, хоть левые, хоть «пятая колонна» какого-нибудь внешнего врага, хоть собственное правительство, нам без разницы. Любая сила или силы, пожелавшие организовать в стране хаос или направить ее развитие в нежелательном направлении...

— А что считать нежелательным?

— Все, что будет препятствовать возможности устойчивого экономического прогресса, эффективных, но постепенных реформ и, соответственно, процветанию России.

Ляхов на это ничего не сказал, но улыбнулся весьма двусмысленно.

— Кроме того, вы как-то упускаете из виду, Вадим Петрович, что разговор у нас — чисто умозрительный. Вообразилось вам, что попали вы в окружение настоящих заговорщиков, и никак от этой гипотезы отказаться не хотите, а это ведь просто учебная вводная. «Что делать, если...»

— Хорошо, оставим это пока, барон. Вон, кстати, и половой наш на горизонте обозначился. Расскажите мне лучше о вашем кружке. Если это всего лишь научное общество, изучающее тенденции общественного развития с точки зрения нашей с вами будущей профессии, я в него вступлю с полным удовольствием, но хотелось бы все же знать поподробнее. Если оно у вас, конечно, не построено по системе «пятерок», например.

— Побойтесь бога, Вадим Петрович! Какие там «пятерки»? Это вы где-то там, — барон сделал неопределенный жест рукой, — подобных мыслей набрались. А у нас в стране самые что ни на есть экстремистские партии невозбранно функционируют и депутатов в Госдуму проводят, и никого это не волнует. (Хотя лично я это отнюдь не приветствую.)

Мы же — интеллектуальная элита нации, я бы сказал, нам конспирировать незачем. Все, о чем мы на своих «средах» и «пятницах» рассуждаем, в любой газете и журнале хоть завтра напечатать можно... — Барон сделал простодушно-хитроватое лицо и закончил: — Только — за чем?

— И вправду — зачем? Это вы тонко подметили. Одним словом — я с вами, — сообщил Ляхов, погружая ложку в желтоватую, с пятнами жира и плавающими ломтиками лимона поверхность селянки.

— Кстати, — сказал наконец барон, отодвигая пустую тарелку и утирая со лба обильный пот, — пора бы вам и с другими коллегами познакомиться. А то вы только свою группу знаете да зачем-то со всякой творческой интеллигенцией якшаетесь. А в их компаниях трудно что-нибудь умное услышать. Да вы и сами в этом имели возможность убедиться...

«Знает, все знает, — подумал Ляхов. — «Историк». Или Салтыков доложил, или у них вообще все под контролем...»

— Так что милости просим к нам. Вот, кстати, завтра состоится очередная гусарская вечеринка.

Компания действительно была представительная. И «академики», в том числе и старших курсов, и просто гвардейцы высоких чинов. Сбор состоялся в огромной старинной квартире на Волхонке, занимающей чуть ли не целый этаж, где легко поместилось человек двадцать гостей и хватало места для буфета с холодными закусками, ломберных столов, бильярда, уютных уголков для приватных бесед.

Держались все раскованно и одновременно аристократически сдержанно, совершенно как в английском клубе. Главное, среди этих людей Вадим мгновенно освоился, почувствовал, что здесь можно говорить то, что думаешь, и не бояться, что тебя не так поймут. Не то что в «актерском» доме.

Здесь никому ничего не надо было растолковывать,

темы подхватывались на лету, испытывались на прочность и вкус и так же легко и быстро сменялись новыми.

Ляхов заметил, что здесь куда выше ценилась остроумность и парадоксальность постановки вопроса, нежели основательность и глубина.

Да и то не на теоретическом ведь семинаре разговор идет, а в компании добрых друзей, собравшихся для приятного времяпрепровождения в кругу подобных себе военных эстетов.

Когда в разговоре вдруг мелькнуло это слово, Вадим совершенно к месту сообщил, что еще в давние гимназические времена они с товарищем разработали классификацию человеческих типов, где имелись виды и подвиды: «быдло», «хам» просто, а также «хам, возомнивший о себе» и «хам грядущий», верхние же строки таблицы занимали «интель», «эстет» и «эстетствующий эстет».

— А что, весьма недурно, господа...

— Я бы даже сказал — зверски тонко...

— Отчего бы не принять на вооружение? Кратко и исчерпывающе...

— А любопытно бы узнать, к какой категории вы тогда относили себя, полковник?

— Скрывать нечего, дело прошлое, — со смехом ответил Ляхов, — мы были ребята, цену себе знающие, но самокритичные. Наша видовая принадлежность была — «эстет-хам».

— Что же, для восемнадцати лет вполне достойный статус...

Вадим подумал, как отвечать, если кто-нибудь спросит, как он оценивает себя в нынешний момент, но здесь собравшиеся люди в этикете понимали побольше его, поэтому тему сочли исчерпанной. Обратились к якобы уже готовому проекту отмены обязательного строевого ценза для «академиков» и повышения окладов денежного содержания чуть ли не вдвое сразу...

Но вот закончился вечер неожиданно.

Хозяин дома, авиационный генерал-майор, хотя и не достигший сорокалетнего рубежа, но явно засидевшийся в звании, пригласил Вадима в свой кабинет.

О таком кабинете Ляхов мечтал с детства. Наверное,

ничего в нем не менялось последнюю сотню лет, а то и больше. Только книги на трех языках, по преимуществу военного содержания, постоянно пополнялись в высоких дубовых шкафах, и было их здесь тысяч пять, не меньше.

В креслах уже сидели два полковника и два подполковника, одного из них Вадим встречал и раньше, остальных видел впервые. Но Ферзена среди них не было.

Свежесваренный кофе и коньяк на столе, молодая горничная в белом передничке, подавшая его и тут же исчезнувшая, мягкий свет настольной лампы, сигары в кожаной шкатулке...

Это могло бы выглядеть дешевым снобизмом, если бы не факт, что эту квартиру приобрел в только что выстроенном доходном доме еще прадед генерала Агеева, тоже генерал, но от кавалерии.

Как сказали Ляхову знающие люди, в каждом поколении Агеевых со времен императора Николая Павловича обязательно был хоть один генерал, а иногда два и три.

Разумеется, все это свой отпечаток накладывает: манера говорить, двигаться, держать рюмку или сигару, мимика даже неуловимо отличали Алексея Михайловича от всех прочих, при том, что одновременно он выглядел человеком современным, радушным и простецким. Но — лишь на поверхности образа.

— Вам понравилось у нас, полковник? — любезно осведомился Агеев. Это тоже было тоном компании — обращение только по чину.

— Благодарю, вполне. Если быть честным, в Москве у меня пока очень мало знакомых. Это, пожалуй, один из первых по-настоящему приятных вечеров.

Ему показалось, что при этих словах не только генерал, но и прочие синхронно, но едва заметно улыбнулись. Да, информация у них поставлена.

— Тем лучше. Надеюсь, не последний. Но, если позволите, к делу. Мы давно обратили на вас внимание, и то, что до настоящего момента это внимание было, так сказать, выжидательным, объясняется только серьезностью дела, о котором пойдет речь.

Вадим, внутренне подобравшись, ждал, какие еще сюрпризы готовит ему судьба, почти тридцать лет никак себя

не проявлявшая, а теперь вдруг решившая наверстать упущенное.

Сигары он не любил, вернее, не имел к ним привычки, но сейчас курил с видом знатока, долго лишенного любимого занятия.

— Чтобы не интриговать вас слишком, перейдем к сути вопроса. Кое-что о вас мы знаем, не слишком много, естественно, учитывая вашу профессию, но, думаю, достаточно, чтобы наш разговор стал возможен.

— Простите, что вы подразумеваете под местоимением «мы»? Всех присутствующих на этом вечере, лиц, находящихся сейчас в кабинете, или ВВС Московского округа? — решил слегка подерзить Ляхов. А что ему терять?

— Уместный вопрос. Мы — это узкий круг друзей, объединенных общими интересами. От преферанса и ружейной охоты до недостаточно проработанных тем российской военной истории. Да ведь Федор Федорович вам уже говорил...

Из дальнейшего разговора Ляхов уяснил, что господа офицеры и генералы хотели бы и его видеть членом своего общества. Исключительно в рассуждении расширения круга военной интеллигенции.

Вадим к этому готовился и не нашел причин отказаться.

Везде и всегда создавались клубы по интересам, а уж что зачастую потом они начинали исполнять и другие, не вытекающие из первоначального замысла функции, так иначе и быть не может. Вроде известного общества «энциклопедистов» накануне Великой французской революции.

И ему, оказавшись в этом новом для него круге, прежде всего следует там закрепиться, отнюдь не изображая белую ворону.

Человек, ставший в тридцать лет полковником, независимо от предыдущих убеждений начинает задумываться, что пусть это и хорошо, но стать генералом в тридцать три—тридцать четыре куда как интереснее.

— То есть, насколько я понимаю, господин генерал,

вы хотите предложить мне стать членом вашего почтенного клуба? Как он, кстати, называется?

Агеев усмехнулся, довольный ходом беседы.

— Кружок ревнителей военной истории. А для своих, неофициально — Клуб «Пересвет», если угодно. Только говорить об этом на стороне не следует. Не оттого, что мы намереваемся заниматься чем-то предосудительным, а так...

Вы же догадываетесь, что люди, немногим уступающие нам, но в клуб не приглашенные, должны испытывать вполне понятные чувства...

Уж это Ляхову было понятно. Даже в школьные еще времена чувство жгучей обиды испытывал одноклассник, вдруг не приглашенный на общую праздничную вечеринку. Независимо от причины, подчас вполне невинной. Однако от того, чтобы состричь, он все равно не удержался.

— Хм! «Пересвет»? Хорошо думали? А отчего не «Клуб самоубийц», в стиле Стивенсона?

Ляхову показалось, что смысла вопроса генерал так и не понял. Зато один из полковников в кресле коротко хохотнул.

— А ведь он прав по-своему, наш кандидат. Можно ведь и так истолковать. Мы исходили из героизма и жертвенности нашего святого покровителя, а полковник парадоксально выдернул на первый план его почти заведомую гибель в единоборстве с поганым Челубеем. А что, тем лучше. Нам очень не повредит коллега с таким вот стилем мышления.

Повисла для всех неловкая пауза. Ляхов чувствовал, что допустил бестактность, все прочие, кроме сообразительного полковника, тоже как-то смутились.

— Ну, хорошо, — постарался Вадим выйти из положения. — Я, может, правда не так все понял. Оно ж — кто на что учился... А условия приема в ваш клуб какие?

— Да боже мой, никаких особенных условий. Раз уж мы с вами об этом заговорили...

Однако Вадим понимал, что все далеко не так просто. Если его сюда пригласили и при их с Агеевым беседе присутствуют четверо почти безмолвных наблюдателя,

значит, это сейчас нечто вроде мандатной комиссии. Смотрят, оценивают, взвешивают.

«Да ради бога, господа, — думал он, приняв предельно независимый вид. — Решайте, как вам угодно, я в вашу компанию не напрашивался».

— Просто вот у нас через неделю будет очередное собрание, мы собираемся заслушать и обсудить доклад одного из наших коллег, так не соизволили бы вы взять на себя роль одного из оппонентов? Слово нового коллеги может прозвучать интересно.

— А что за тема?

— Несложная. «Закат России».

— Ну ни хрена себе, — не сдержался Ляхов. — Я вам что, профессор новейшей истории? Тем более вообще не совсем представляю, отчего вдруг...

— Ну и отлично. Из этого и попробуйте исходить. Отчего вдруг возникла такая тема и что вы на это сможете возразить. С тезисами доклада и использованной докладчиком литературой вам поможет ознакомиться барон Ферзен.

— Хорошо, я попробую, — изобразив раздумье, ответил Вадим. — А отчего это вы, господин генерал, не представили меня этим господам и наоборот соответственно?

— А это у нас такой обычай, господин полковник. Пока процедура баллотировки не состоялась, соискателям не положено знать тех, от кого зависит решение.

«Какой же я, к чертовой матери, соискатель, если ни сном ни духом не собирался к вам напрашиваться», — чуть не воскликнул Ляхов, но благоразумно промолчал.

Так, значит. Разберемся.

Интересно все, крайне интересно.

И хорошо укладываются во все предыдущие его предположения насчет причин, приведших его в сферу интересов Великого князя и этих бравых гвардейцев.

А содокладом заняться в любом случае стоит. Содержание его пока неясно, а заглавие уже родилось. Нормальное заглавие — «Заметки постороннего». Заодно и собственный кругозор расширится.

И тут же ему в голову пришла еще одна мысль. Как, если что, использовать ситуацию и в собственных целях.

Обо всем этом и о своих дальнейших действиях, которые должны быть совершенно безошибочными, Ляхов и раздумывал, кружа по улицам и переулкам внутри Бульварного кольца.

И ничего не было удивительного, что форсированное воображение, перебрав массу вариантов поведения в предложенных обстоятельствах, выдало ему решение, настолько же нестандартное, как и все случившееся за последнее время.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ляхов принялся читать папки и тетради с рефератами, докладами и статьями членов клуба, полученные у Ферзена, с большим интересом. Все ж таки его допустили до некоего потаенного знания, знакомство с которым интересно и помимо его реальной исторической и научной ценности. То, о чем пишут люди, подчас интереснее того, как пишут.

А труды «пересветов» оказались значительными и в научно-популярном смысле. Да ведь и то — не дураки писали, а люди эрудированные и успевшие проявить себя на разных поприщах. Работавшие, по всему видно, с подлинниками документов, о которых Ляхов, ни разу после окончания гимназии не взявший в руки ни одной научной книжки, кроме медицинских, и понятия не имел.

Самое первое потрясение, которое испытал Вадим, — ни черта он не знает об отечественной истории последнего века. Да, как и все, учил в школе, а что там можно было выучить?

Киевская Русь, иго, Иван Грозный, петровские реформы, «век золотой Екатерины» и вплоть до Мировой войны — понятное дело, увлекательно, интересно подавать, есть над чем задуматься и чему позавидовать.

А потом? Что, запоминать даты выборов в очередные Думы? Фамилии премьеров, меняющихся иногда чаще, чем календари на стене? Ну, несколько пограничных конфликтов, действительно имевших национальное зна-

чение, вроде Халхин-Голского, скоротечные войны за КВЖД¹, Квантун и Сахалин — это он помнил. Ну и все.

Общее впечатление о второй половине минувшего столетия, которое он вынес из школы, — пустота, скука и обрывки не складывающихся в систему сведений.

Примерно как о первом веке то ли нашей, то ли до нашей эры. Смотришь на выставленную в музее картину: «Консул Гай Марий празднует триумф над плененным Югуртой, каковой узурпировал трон Нумидии, а затем нарушил присягу великому Риму», написанную неизвестным выпускником Академии художеств в качестве дипломной работы году этак в 1820-м, соображаешь, о чем речь, поскольку застряли в памяти и Марий, и так называемые Югуртинские войны, но и не более того...

А теперь мир последних 70 лет оказывался чрезвычайно увлекательным и даже непонятным, как писал поэт, — «странным, закутанным в цветной туман».

Он, например, совсем не задумывался, что время после окончания Мировой войны и подавления двух самых грандиозных революционных переворотов, случившихся вроде бы в соответствии с теорией Маркса—Энгельса, а на самом деле — сугубо вопреки ей, было одной из самых странных эпох в истории.

Давно уже, буквально с древности, сознание людей — и рядовых, и тех, кто принимал решения, — не было загружено такой массой мифов.

Естественно, авторы рефератов более всего внимания уделили изучению причин возникновения и краха агрессивных тоталитаризмов правого и левого толка.

Это понятно — что может представлять более интереса, чем попытка установления коммунистических режимов одновременно в одной из самых культурных и развитых стран тогдашней Европы и в одной из самых отсталых? Отсталых — в смысле уровня политического развития, ни в каком другом. Речь идет о Германской и Российской империях.

¹ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога, где в 1929 г. состоялись бои между Российской армией и китайскими националистами.

И там и там эти попытки закончились крахом, только в Германии довольно быстро и почти бескровно, а в России двухлетняя Гражданская война унесла почти миллион жизней.

Но — закономерно все вернулось на круги своя.

Однако шестилетняя Мировая война всех против всех, повлекшая за собой страшные разрушения, смерть десятков миллионов человек, разрушившая почти до основания три великие Империи (Германскую, Австро-Венгерскую и Турецкую), имела один положительный итог: никто больше не хотел воевать. Жертвы войны были настолько ужасными, что рядовой европеец стал иступленным пацифистом.

А если есть социальный заказ, то явятся и его исполнители в лице демократически избранных правителей.

27 августа 1924 года в Париже был подписан пакт Бриана—Келлога—Милюкова, наложивший запрет на войну «как на инструмент национальной политики». К нему немедленно присоединились 25 государств, имевших хоть какое-то отношение к прошлой войне.

В 1928 году в Европе и Северной Америке состоялся так называемый плебисцит мира, в результате которого почти 350 миллионов человек поддержали идею «всеобщего сокращения вооружений», а также мысль, что, «если какая-то страна собирается напасть на другую, остальные члены пакта должны ее остановить».

Избранный в 1931 году президент САСШ Франклин Делано Рузвельт, продолжая традиции главных миротворцев минувшего полувека — Александра Третьего, Николая Второго и Вудро Вильсона, предложил создать Организацию Объединенных Наций. А в качестве обеспечения ее функционирования, поскольку «добро должно быть с кулаками», — Тихо-Атлантический оборонительный союз, включающий в себя державы, способные реально поддерживать мир на планете для тех, кто хочет мира. И для обуздания тех, кто до такого уровня цивилизации еще не дорос.

Совершенно естественно, что северной границей Союза, или, если угодно, его центром, являлся Северный полюс, южная проходила по Рио-Гранде, Гибралтарскому

проливу, порубежью Российской державы до Порт-Артура и замыкалась около Лос-Анджелеса. В качестве анклавов туда же входили Австралия и Новая Зеландия.

А все, что оставалось ниже южной границы Союза, так называемого Периметра, объявлялось «невходящими территориями». Расположенные там страны могли поддерживать цивилизованные отношения с государствами Союза или нет на собственное усмотрение.

Одновременно устранялся так называемый колониализм. То есть Великие державы решили оставить за собой только выстроенные ими и населенные европейцами большие города. Естественно, с необходимым для жизнеобеспечения и обороны предпольем. Все прочее — «зона свободной торговли».

Главное — мировые отношения теперь строились на строго рациональной основе, обеспечивающей северной трети планеты спокойное и предсказуемое процветание.

Исключалась возможность новой Мировой войны оттого, что внутренние границы стран — учредительниц ООН признавались незыблемыми и нерушимыми во веки веков, а для «нарушителей конвенции» имелись отработанные методики приведения к общему знаменателю. С помощью Объединенных вооруженных сил, находящихся под командованием Комитета начальников штабов армий Союза и под контролем Совета Безопасности ООН.

То есть мировая ситуация году к 1950-му выстроилась великолепно и выглядела завершенным политико-архитектурным сооружением.

Шедевр гуманизма и демократии.

На практике все получилось чуть-чуть по-другому.

Поскольку ничем так нельзя унижить человека, даже давши ему полную свободу, как намеком на то, что он все равно остается «в третьем классе».

Это можно представить по аналогии, купив билет означенного класса на трансатлантические лайнеры «Нормандия» или «Юнайтед Стейтс».

Все на этих кораблях равноправные пассажиры, и все плывут в одну сторону на превосходном судне, развивающем скорость в сорок узлов, только с вашим билетом

вы будете весь рейс сидеть в многоместной каюте без иллюминаторов, расположенной ниже ватерлинии, прекрасно зная, что другие в это же время пользуются комфортом двух-трехкомнатных кают на «шлюпочной» и «солнечной» палубах, ресторанов, баров, библиотек и курительных салонов, бассейнов с подогретой морской водой.

Однако на море все обходится, поскольку пароход рано или поздно приходит в порт, и билеты люди покупают все-таки добровольно, а если бы плавание длилось год, два, вечность?

Вот планета Земля и превратилась в такой, плывущий в никуда, корабль.

Если бы еще удалось сделать южную границу Периметра совершенно непреодолимой, прекратить всякое сообщение стран Союза с остальным миром, отключить радио и дальновидение, беспощадно отстреливать каждого, пытающегося пересечь «железный занавес», тогда статус-кво можно было бы поддерживать достаточно долго.

Но как раз этого «демократические страны» себе позволить не могли. И в итоге получили то, что получили.

Враждебность, ненависть, зависть и злобу четырех пятых человечества, для которых не оставили «предохранительного клапана» в виде хотя бы надежды приобщиться к избранным.

Вот тогда, в середине XX века, и начал сам по себе складываться так называемый «Черный интернационал», включающий в себя, даже если они об этом и не подозревали, всех, кого не устраивал существующий порядок вещей, от сбежавших за границу уцелевших вождей РСФСР и остатков Красной Армии, германских «спартаковцев», испанских «штурмгвардейцев» и вплоть до кое-как научившихся стрелять из автомата аравийских бедуинов и вымуштрованных до потери самосознания китайских бойцов «Великого похода».

Главной ошибкой разведчиков и аналитиков, воспитанных на идеях и теориях XIX—XX веков, было то, что они, изучая мировую ситуацию, вообразили наличие некоей единой идеологии и организации, вроде пресловутого марксизма и партии большевиков, только очень хо-

рошо законспирированной и не публикующей своих программных документов.

На самом же деле не было ничего. Просто включился механизм вроде коллективного разума муравейника или пчелиного улья, или даже нечто вроде процесса фагоцитоза в живом организме. Выглядящее целенаправленным, но вполне инстинктивное действие, ставящее своей целью устранение раздражающего фактора, вроде занозы в пальце или брошенного на муравьиную кучу окурка.

И единственное, что до поры позволяло поддерживать относительное статус-кво, — именно это отсутствие координирующего центра и еще — гигантское технологическое превосходство «свободного мира».

Оружием, конечно, торговали практически со всеми, кто хотел и мог его купить, но исключительно легким стрелковым. Режимам, признаваемым сравнительно цивилизованными и дружественными, вроде североафриканских и южноамериканских, поставляли в обмен на сырье и нефть еще и кое-какую бронетехнику, поршневые самолеты. Попытки наладить собственное военное производство пресекались так же жестко, как и изготовление наркотиков.

То есть мир кое-как сохранял свою стабильность.

Но только до того момента, пока не будет придумано средство разом ликвидировать пресловутое технологическое превосходство «северян».

А что оно непременно будет придумано, сомневаться мог только обыватель с заплывшими жиром мозгами. Великий философ истории Тойнби объяснил это в своей теории «Цивилизационного Вызова и Ответа».

Если перед цивилизацией (в данном случае — обобщенными двадцатью цивилизациями Земли, поставленными в исторический тупик двадцать первой, иудео-христианской) стоит угроза гибели, они обязательно должны найти способ сохраниться. То есть устранить угрозу.

Беда в одном — до того, как это произойдет, угадать суть и форму ответа принципиально невозможно.

Это был первый основополагающий вывод аналитиков «Клуба ревнителей истории».

Второй сводился к тому, что на грядущую катастрофу

адекватно может ответить только Россия. В силу своей привычки к аналогичным «вызовам» и абсолютной самодостаточности.

Но отнюдь не нынешняя Россия.

Поскольку ведущую роль в создании ее государственного устройства играли партии либерального и социалистического толка, получилась крайне рыхлая парламентская республика, социальное государство скандинавского типа. Созданное с благой на первый взгляд целью недопущения впредь революционного порыва якобы обездоленных масс.

Почти 50 лет эта система работала достаточно устойчиво, что позволяло России держаться на средневропейском уровне с приличными экономическими показателями за счет неисчерпаемых природных ресурсов, великолепного интеллектуального потенциала, разумной внутренней и внешней политики.

Однако, как отмечали аналитики, последнюю четверть века наметились и стали нарастать негативные тенденции. За счет излишнего патернализма экономика России потеряла темп, чрезмерные военные расходы вели к снижению жизненного уровня. Все это вошло в резонанс с общемировыми депрессивными тенденциями.

Короче, как писал пока лично не знакомый Ляхову подполковник Генерального штаба Львов-Рогачевский, не позднее чем через десять лет Россия окажется последней по душевому национальному продукту среди всех стран Тихо-Атлантического союза. Как раз тогда, когда общемировой кризис станет практически неизбежен. И мы окажемся тем самым пресловутым «слабым звеном», из-за которого лопнет вся цепь.

...С распухшей от информации и мыслей головой Ляхов выходил в пустой заснеженный двор, бродил полчаса между сомкнутыми рядами сосен и елей, отвлекаясь от гипноза навязываемых ему идей, пытался рассуждать самостоятельно.

Пока что это ему удавалось. Потому что непонятным образом ощущал он если не фальшь, то некоторую нарочитость подбора материала и выводов. Как будто все это

писалось не так просто, а именно и непосредственно для него лично.

И в то же время казалось ему, что знает он на ту же тему нечто другое. Знает, но не может, как обычно, сообщить, что тут неправильно.

А вот сознательную или подсознательную установку «историков» он считал, что уже уловил. И она не казалась ему такой уж глупой.

Хотя и рискованной.

Вариант «Лезвие бритвы». То есть сопряженный с минимальными жертвами переход власти в руки Великого князя, жесткая консолидация власти, но без ущемления гражданских свобод, новый модернизационный рывок в стиле Екатерины, отнюдь не Петра. И, очевидно, в перспективе выход из Союза, свободное плавание в Мировом океане по собственным картам и логиям.

Предусматривались и вероятные опасности — срыв в диктатуру, внешний межцивилизационный конфликт, новая гражданская война или долгие годы смуты.

Нет, конечно, здесь еще думать и думать.

Но одновременно Вадима уже обуял азарт причастности к Большому деланию.

Нет, ну правда, что же, так и доживать жизнь в не тобой предложенных обстоятельствах? Ведь скучно, если даже и сытно и спокойно.

Кто сказал: «Стремись к невозможному, ибо только в невозможном счастье мужчины»?

И слова того же автора из напрочь отчего-то забытой книги. Но удивительно уместные: «Вот ночь и зима, вот воины сидят у костра в темном лесу, и разбуженная птица проносится над пламенем. Счастье в жизни мужчины так же быстротечно, как тепло, которое лишь на миг ощутила птица. Только невозможное греет сердце воинов, только погоня за ним...»

И сейчас ночь и зима, и сам Ляхов теперь тоже воин...

Вообще слишком часто стали приходить ему в голову неизвестно откуда взявшиеся фразы.

Главное же — он уже прикоснулся к этому пьянящему чувству, когда вчера ты — никто, а сегодня уже полковник и герой, и тебя зовут новые друзья, и жизнь пляшет

под седлом, как аргамак, и можно заявить себя на участие в стипль-чезе, и скакать через препятствия, рискуя сломать шею, свою или коня, на ближайшем барьере, но там, впереди, финиш, победа, серебряный кубок чемпиона, летящие шампанские пробки, поцелуи женщин.

Только не такой уж безрассудный он человек, доктор Ляхов, профессиональный опыт подсказывал, что, даже умея резать аппендицит, не стоит сразу замахиваться на пересадку сердца.

Есть и промежуточные операции, которые неплохо бы научиться делать. И, желательно, без ненужных жертв с обеих сторон.

И вот Вадим задумался: а если отвлечься от комплекса неполноценности и вообразить себя пусть не богом, а человеком, который при желании может все?

По примеру вошедших в историю гипоманьяков¹. Хотя бы в виде эксперимента. Или набросков к фантастическому роману, утопии или антиутопии, как получится. Почему бы и нет, он ничуть не глупее всех тех, кто уже зарекомендовал себя в истории.

Причем ведь очень многие из них были не старше, а то и моложе его, когда решались на великие дела. Чингисхан, Наполеон, Ульянов-Ленин, генерал Слащев, из самой новейшей истории — Хосе Диас, Кемаль Ататюрк, принц Коноэ.

Да мало ли людей, поставивших последний рубль ребром и сорвавших банк. И, что главное, ухитрившихся в итоге умереть своей смертью, а не от веревки или пули!

Другое дело, что нет у него необходимых истинным реформаторам непреклонной воли, беспринципности и безжалостности, так они пока и не требуются.

«Революцию» будем совершать пока что в сфере чистого разума.

Вадим вообще был человеком самым обыкновенным и хорошо понимал это. Но знал за собой и кое-какие сильные стороны. Например, понятия так называемой чести

¹ Гипоманьяк — человек, одержимый страстным желанием добиться цели, но остающийся пока в рамках психического здоровья. Вид акцентуации (см. справочник по психиатрии).

★

всегда превосходили в нем инстинкт самосохранения или личной выгоды. Что, он не помнит, каким взглядом ожег его Тарханов, когда вообразил, что доктор, пользуясь своим положением, собирается сорваться с поля боя? А вот этого никогда в жизни Ляхов себе не позволял. Лучше сдохнуть, чем дать кому-то усомниться в его моральных качествах. Причем — самое смешное, планку-то этих качеств он ус-танавливал себе сам, а не представитель «референтной группы».

В повседневной жизни он был прост, тороплив, не всегда серьезен, эмоции и слова у него зачастую обгоня-ли мысль. Зато ночью, как сейчас, скажем, над книжной страницей, за листом бумаги или пишущей машинкой он становился рассудителен, не по годам умен и проницате-лен. И очень часто, читая книгу даже общепризнанного авторитета, легко находил у него слабости стиля и дефек-ты мышления.

Вот и сейчас, например, он уже постиг главный про-бой в замыслах «реформаторов».

Именно потому, что имел время подумать, был чело-веком со стороны, изначально не зашоренным в преде-лах одной-единственной доктрины. Выходило так, будто люди, замыслившие пусть не переворот, а «капитальный ремонт» системы, исходят из предположения, будто у них в распоряжении имеется «второй народ», который в нуж-ный момент изменит и свой характер, и привычки, всю на-работанную за тысячелетие национальную психологию.

А это вряд ли. Хотя, если взглянуть слегка под другим углом...

В алгебре он был не силен со школьных лет, но пони-мал, что уравнение получается не простое.

Однако основополагающая идея у него уже возник-ла. Следует ее только проработать как можно тщательнее.

Кроме того, Ляхов задумался еще над одной пробле-мой, вытекающей из всего предыдущего.

Если он вяжется в это дело, то следует помнить, что закончиться оно может по-разному. Победой, славой, триумфом со всеми вытекающими, приятными лично для него вещами.

Или — поражением, военно-полевым судом, стенкой,

петлей, в лучшем случае каторгой. А вот на это он был не согласен ни в коем случае.

Однако имелась у Ляхова некая теория, вначале позамитованная, а потом уже самостоятельно развитая.

Еще когда было ему лет шестнадцать от роду, Вадим разыскал в библиотеке отца потрепанную книжку воспоминаний ныне всеми забытого офицера царского флота, некоего капитана второго ранга Соболева. Он ее прочел, и она его поразила. Своеобразной философией, чем-то перекликающейся с рассуждениями Марка Аврелия.

И в тот же час юный гимназист стал ее страстным адептом и всю дальнейшую жизнь ею руководствовался, видоизменяя по мере необходимости и приспособлявая к текущему моменту.

До тех пор Ляхов, уже любивший жить, еще не задумывался над такой малопривлекательной вещью, как смерть.

И вдруг не только задумался, но и осознал нечто такое, чего не знали другие. Смерть начинается вовсе не в тот момент, когда у человека останавливается сердце. Начинается она гораздо раньше, смотря по обстоятельствам. К сожалению, в большинстве случаев начало ее можно определить только задним числом, в чем и заключалось основное неудобство ляховского открытия. Вот, например, у Тарханова она началась за полгода до рокового случая — а именно в тот момент, когда он оформил свой контракт на службу в Экспедиционном корпусе. И последние полгода, по существу, жил уже мертвецом.

По философии капитана Ляхова, смерть начиналась там, где в жизнь входила ее скрытая причина — будь это попавший в кровь смертельный вирус, знакомство с женщиной, из-за которой будешь убит на дуэли, или соответствующий приказ по военному ведомству.

Вот и он, возможно, уже начал бесповоротно и неуклонно умирать. С того момента, когда не отказался категорически и резко от общения с бароном Ферзенем, генералом Агеевым и иже с ними. Однако оставалось неизвестное пока количество времени, чтобы подsunуть старой ведьме что-то такое, способное спутать ее коварные расчеты.

★ Старой ведьмой капитан Соболев, а вслед за ним и Вадим Ляхов называл судьбу.

Он почти наизусть помнил посвященные этой теме страницы книги и сейчас фотографически воспроизводил в памяти то, что писал автор, вспоминая начало Мировой войны.

Совершенно один к одному то, что волновало сейчас Вадима. Судьба — некоторая мрачная мистическая сила, которая задалась целью так или иначе напакостить лично ему, капитану Ляхову. Во избежание осложнений он, как и его духовный учитель, кавторанг Соболев, старался не раздражать эту злобную силу по пустякам: не закуривал третьим от одной спички, непременно выпивал хотя бы одну рюмку водки тринадцатого числа каждого месяца, выплескивая остаток в живой огонь, при каждой пришедшей в голову мрачной мысли тут же делал «рога» мизинцем и указательным пальцем левой руки.

До сих пор — помогало. И в мирной жизни, и в военной. Не только выбрался живым из безвыходной ситуации, а еще и сделал блестящую карьеру.

Кроме того, он надеялся, что поможет ему и смена имени и рода занятий тоже. Пока еще глупая старуха сообразит, куда это вдруг делся ее подопечный...

Самое же главное, Вадим был уверен, что старая ведьма наживается только на идиотах, которые не умеют расшифровать ее топорные хитрости. Умный человек всегда способен разгадать их и противопоставить им свою волю, одним остроумным ходом спутать всю мистическую шахматную партию.

Ляхов привычно сложил пальцы нужным образом, и буквально тут же догадка, сумасшедшая, но несомненно верная, сверкнула перед ним.

Да, да, именно так и следует поступить!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мужчина лет пятидесяти, с заметной проседью в темных густых волосах и аккуратной, очень коротко постриженной бородкой завтракал в полном одиночестве в своем

рабочем кабинете, выходящем двумя полукруглыми окнами на Болотную набережную и Отводной канал.

Вдали виднелись Большой Каменный мост и Кремлевские стены. Несмотря на то что круглый мельхиоровый поднос с несколькими тарелками, бутылкой сухого красного вина и хрустальным бокалом был пристроен на краю обширного, заваленного бумагами письменного стола, человек держался так, будто находится за ресторанным столиком в весьма приличном обществе.

Покончив с вареными всмятку яйцами, гренками и сыром, он допил оставшееся в бокале вино и звонком вызвал секретаря из приемной.

— Благодарю вас, Анатолий. Уберите. И, пожалуйста, кофе.

Пока секретарь убирал на столе, стараясь не стронуть с места разложенные в известном только хозяину кабинета порядке бумаги, сам он отошел к окну, где на круглом, инкрустированном слоновой костью столике размещались всевозможные курительные принадлежности: пачки папирос и сигарет, открытая коробка сигар, несколько трубок на особой подставке, банка с голландским табаком.

По совету врачей Василий Кириллович Бельский, государственный советник юстиции, представитель Генерального прокурора по Москве и Московскому округу, курил только после приема пищи или с друзьями за ломберным столом, в сопровождении рюмочки хорошего коньяка. Причем отнюдь не привыкая к определенному сорту и виду табачных изделий, а под настроение.

Сейчас, поколебавшись, он взял массивную изогнутую трубку с блестящей, слегка закопченной крышечкой, стал медленно ее набивать, предвкушая первую за этот день затяжку.

Секретарь подал кофе в посвистывающем и булькающем стеклянном аппарате, позволяющем наблюдать за процессом экстракции кофеина из особым образом подобранных и смолотых зерен.

Василий Кириллович почти пятнадцать лет провел на полулегальной работе в Шанхае и Мукдене, где и научился ценить и уважать всякого рода ритуалы.

Он любил к случаю цитировать китайские афоризмы, в том числе и такой: «Откровенность без церемониала — это хамство». Хамство же было изначально чуждо его рафинированной натуре, поэтому, общаясь с людьми, он обычно выражался столь витиевато, что собеседник далеко не сразу был способен осознать, что его только что банальным образом извозили мордой об стол.

Отсюда понятно, почему генерала за глаза называли не иначе как Конфуций, он знал это и не обижался. Даже напротив.

Нацедив чашечку кофе, поинтересовался у секретаря, не записывался ли сегодня кто-нибудь на прием. До завтрака он всегда работал с бумагами и запрещал отвлекать себя даже секретарям и референтам.

— Дочь ваша, Майя Васильевна, ждет. Минут двадцать назад приехала. Прикажете пропустить?

— Больше никого? Ну, пропусти...

В рабочее время Бельский не признавал родственных отношений, но сейчас Майя выступала в роли не дочери, а сотрудницы, хотя и нештатной. Поскольку кроме легальной прокурорской должности Василий Кириллович занимал еще и нелегальную, начальника московского отдела бюро Специальной государственной информации, организации сугубо секретной, занимающейся деликатными вопросами, которые нежелательно было доверять Министерству госбезопасности. Подчинялось бюро одному из заместителей премьер-министра, карьерному чиновнику, бессменно занимающему свой пост, в отличие от самого премьера и прочих членов кабинета, выдвигаемых победившими на выборах партиями.

Она вошла, румяная и свежая с мороза. Очевидно, все же не приехала, а пришла пешком. Поздоровалась сдержанно, дождалась, когда отец предложит и ей чашечку, только после этого села в кресло и прежде потянулась не к кофе, а к сигарете.

Бельский недовольно хмыкнул. Хоть и была дочь вполне самостоятельной женщиной, третий год жила отдельно от родителей, некоторых ее привычек генерал не одобрял. Курение в том числе.

— Не беспокойся, я тоже уже позавтракала...

И тут же перешла к делу, посмеиваясь и утрируя манеры старательного, но недалекого агента.

— Так что позвольте доложить, господин начальник, разработка объекта Мила идет вполне успешно. Мною то есть проведена операция «Знакомство», которая позволила сначала познакомиться с объектом, не вызывая подозрений, потом разрешить ему проводить меня домой и попытаться назначить следующее свидание...

— Слушай, не паясничай. У меня времени нет выслушивать твои упражнения в изящной словесности. И почему вдруг «Мила»?

— А чтоб никто не догадался. Вы же всегда стараетесь кодовые обозначения поглупее выдумывать. То у вас какой-то Намазчик фигурирует, то Одноосный... С детства твои разговоры слышу.

— Что ты там слышала и от кого — не знаю. А болтать все равно не надо. В общем, коротко — твои впечатления?

— Нормальные впечатления. Мы с ним, конечно, ни о чем таком пока не говорили, но по развитию парень гораздо выше среднего уровня. И убеждения у него вполне патриотические. Он их проявил и высказал в довольно острой ситуации, в которой другой, скорее всего, воздержался бы.

И вообще парень непрост, очень не прост. Перспективная фигура.

— Открытие сделала. Туда дураков вообще не берут, а если уж Георгиевский кавалер и принят по прямому указанию княжеской канцелярии, то непременно патриот. А вдобавок и монархист. Я другим просил поинтересоваться.

— Ага! Только познакомились, и я у него должна согласие на сотрудничество выбивать? Знаешь, я уж сама как-нибудь разберусь, как дело вести. Вот когда он мне сам начнет историю своей жизни выкладывать, о друзьях-товарищах, прежних и нынешних, говорить, в любви признаваться, тогда и нашего дела коснемся осторожно. А раньше... — Майя развела руками.

— Ты смотри только, не заиграйся. Как бы оно все наоборот не вышло.

Девушка сделала легкомысленный жест.

— Даже и в этом случае, папаша, даже и в этом случае. Если предположить, что я способна влюбиться, это никак не мешает мне приложить все силы, чтобы привлечь его на свою сторону. Зачем мне возлюбленный, не разделяющий моих убеждений?

Генерал поморщился. Не сделал ли он ошибки, поручив дочери эту работу? Он ценил ее выдающиеся способности, но сегодняшнее легкомысленное настроение настораживало. Натура она увлекающаяся, что, если гипотетическое предположение уже становится истинным?

Бельский привлекал дочь к особо деликатным операциям, в которых требовалось участие обольстительной женщины без комплексов, именно потому, что единственно ей мог доверять на сто и более процентов. Но сейчас его что-то тревожило. Некое легкое облачко на горизонте, которое может рассеяться без следа, а может превратиться в мощный грозовой фронт.

— Знаешь... Сегодня у нас что, вторник? Повстречайся с ним еще пару раз, а в субботу пригласи к нам на дачу. На лыжах покататься, что ли. Или на снегоходах. А там и я как-нибудь внезапно объявлюсь. С друзьями по дороге на охоту заверну, скажем...

— И зачем это?

— Так. Посмотреть на твою Милу хочу, в приватной обстановке. Ты ему еще не говорила, чья ты дочь?

— Повода не было. Но он, если захочет, в два счета это может узнать. К примеру, мне показалось, что он знаком с одним моим шапочным приятелем, который знает о тебе. Да что за беда? Ну, прокурор, так и что? На вывеске рядом с дверью в твою контору это написано. И я от тебя никак не завишу, живу на капитал, завещанный мне дедом.

— Кто таков этот твой приятель? — Несмотря на слова дочери, Бельский все равно насторожился.

Майя сказала.

— Хорошо, проверим. Это у вас единственный общий знакомый?

Майя пожала плечами.

— В принципе, объект в Москве недавно. Возможно, что и единственный.

— Проверим, — повторил Бельский. — И на сегодня все. Тебе деньги нужны?

— Если скажу «нет» — поверишь?

— Мог бы и поверить. По моим данным, с твоим счетом все в порядке.

— Ага! Теперь выходит, что я на оперативные цели свое приданое тратить должна? Не выйдет. Кто заказывает музыку, тот и платит.

— Ладно, ладно, после обеда переведу тебе на расходную карточку.

— И вот что еще, — сказала Майя, вставая. — Давай условимся о времени. Скажем, ты появляешься между шестнадцатью и семнадцатью часами в субботу. Не хватает, чтобы я все время ждала, когда вдруг входная дверь скрипнет. Нам ведь не нужно, чтобы Мила засекала, что я работаю в «ждушем режиме»?

— Пожалуй. Значит, договорились.

— Почти. — Майя сделала именно такое лицо, вызывающе-надменное и одновременно хитрое, какое Бельский терпеть не мог. Вытянула губы трубочкой, выпуская дым в потолок.

— А теперь скажи мне, пожалуйста, ради чего все это затеяно. В смысле — подходы к полковнику. Есть у меня привычка, вычитанная у фельдмаршала Суворова, — каждый солдат должен знать свой маневр. Так вот, хочется мне знать, чтобы работать эффективно, заподозрен ли уже в чем-то господин Половцев, связан ли с преступными группировками или же это просто задача по подготовке вербовки перспективного кадра?

Бельский тяжело вздохнул. Насколько проще было бы работать с агентессой, не имеющей привычки, а главное — возможности задавать вопросы начальству. Но от этой барышни избавиться невозможно. На резкость ответит еще большей резкостью, а то и вообще откажется от задания.

— Ладно, слушай. Ты знаешь, для чего я вообще тут сижу?

— Великолепно знаю. И очень рада, что столичные власти сочли нужным держать здесь именно тебя, поскольку в противном случае сидела бы в этом ужасном Питере, «дыша духами и туманами», что мне категорически не нравится. И что дальше?

— Дальше, по смыслу моей работы, я должен присматривать за всем, что творится в окружении Великого князя, поскольку очень многие в правительстве с большой опаской относятся к его деятельности.

— И совершенно зря, по-моему. Симпатичный дядька, всецело занятый своими служебными делами. И они у него идут неплохо. Походи, если будет время, по улицам, с людьми поговори. Только самое хорошее услышишь.

— В том и дело. Кое-кто считает, что в отличие от прошлых Регентов он приобретает опасную популярность не только в Москве, но и за ее пределами.

— И неудивительно. На фоне тех, что по дальновизору показывают...

— Не буду спорить, и тем не менее. С меня спрашивают не о народных эмоциях, а о других предметах. А за последние годы наметилась интересная тенденция. Все больше и больше толковых людей, и офицеров, и гражданских чинов, как-то постепенно, незаметно перебираются в Москву.

Один по плановой замене, другой, выйдя в отставку, находит приют не в Ялте и не в Кисловодске, а опять же в Первопрестольной. Авторитет московских учебных заведений вроде бы неприметно, но растет, оклады жалования для чиновников, причастных к великокняжеским учреждениям, тоже повыше государственных...

— Тенденция, однако, — сострила Майя.

— Вот именно, — не принял шутки Бельский. — А кроме того, чем дальше, тем более отчетливо витает в московском воздухе душок этакой «дворянской фронды». Вроде как во Франции времен Ришелье и Мазарини. Мы это уже не первый год отслеживаем.

— И опять я тебя не понимаю. Ну, фронда, ну и что? Москва всегда вольнодумством славилась и некоторым

пренебрежением к Питеру и тамошней власти. Отчего-то вас не волнует деятельность оппозиционных партий, даже самых непримиримых. Почитай, например, что левые эсеры в своих газетках пишут.

Это предложение выглядело насмешкой. Уж кто, как не Василий Кириллович, знал все о тайных и явных перипетиях политической борьбы в России.

— Да пусть пишут, что им заблагорассудится. На то и демократия. Они и на выборах когда-нибудь победить могут, не исключаяю. А у нас тут другое. Вот посуди сама. На конкретном примере. Мила твоя. Неизвестно откуда взявшийся полковник неполных тридцати лет от роду. Георгиевский кавалер, но о причине награждения выяснить что-нибудь определенное нельзя. Выписка из академического личного дела, которую мне доставили, страдает редкостным лаконизмом.

Родился в Петрограде, учился в ныне упраздненной гимназии, служил в армии вольноопределяющимся, потом переведен на особый учет, по линии разведупра Генштаба, очевидно. Окончил спецшколу в Монреале. Отличился в спецоперациях командования в регионах жизненных интересов России. Подробности — смотри дело № 0033287. А к делам с такими нулями даже и мы доступа не имеем. Выяснить-то можно, если постараться, только пока не следует.

Естественно, возникает вопрос — какая связь между отличием в спецоперациях и зачислением в Дипломатическую академию, экстренно, без экзаменов и после начала учебного года? А там и без него не все ладно. И если бы он один был такой. Соображаешь?

Мая аккуратно загасила окурков в пепельнице. Лицо у нее теперь было вполне серьезным.

— Вот, папаша, объяснили, и как-то все сразу стало на свои места. Знаю теперь, в какую сторону работать. Выходит, будем отслеживать контакты генштабистов с канцелярией князя? Очень интересно. Далеко можно зайти, если не остановят. Короче, жду вас на вашей же даче в субботу...

Наконец все назначенные себе сроки для отдыха и развлечений вышли.

Совершенно как не хотелось героям Ремарка возвращаться после отпуска на фронт, так и Тарханову поперек горла была мысль, что вот он позвонит сейчас по указанному номеру, и тут вся его свобода и кончится.

Но деваться ведь некуда? Обращаться в контору Чекменева его впрямую никто не принуждал, однако положение у него какое? Денег пока достаточно, даже в избытке, и паспортов целых два, а попробуй с ними устроиться? Разве что на самом деле под именем Узи Гала торговлишку открыть? Или уехать-таки обратно в Израиль на роль почетного еврея? Выдвинуть свою кандидатуру на выборах в кнессет от партии «Назад в Россию».

Вот и все варианты.

Проснувшись после не слишком удачного прощания с Владой, он, оттягивая время, сначала позавтракал в ближайшем к его номеру буфете, сходил в парикмахерскую, по полной программе подстригся, побрился, освежился одеколоном и часов около одиннадцати набрал нужное сочетание цифр на диске.

Ответил ему очень мягкий и приятный женский голос.

После условной фразы его спросили:

— Вы откуда звоните и кому? Сожалею, это, наверное, ошибка. Попробуйте перезвонить.

Длинная пауза, но вместо ожидаемого гудка отбоя вдруг последовала произнесенная быстро и торопливо фраза: «Из уличного автомата».

Ну, раз просят...

Тарханов оделся по погоде, поскольку за окном ветер буйствовал, превосходя все мыслимые пределы, рассказывал по карманам деньги и оружие, не зная, придется ли вернуться в ставший почти родным домом номер. Если уж они там, судя по всему, в гнезде контрразведки, не уверены в защищенности своей связи, на что надеяться ему, завязанному на чужие игры скромному армейцу?

Покрутился немного по переулкам, закрываясь поднятым воротником от бьющего в глаза снега, проехал на метро одну остановку, вышел на «Красных воротах», позвонил из вестибюля, цепко оглядываясь по сторонам.

Среди двух десятков людей, занятых в кабинках тем же самым, он, кажется, ничем не выделялся.

Прежний девичий голос ответил сразу. После повторного пароля предложил:

— Идите до левого входа в Политехнический. Вас будет ждать машина номер такой-то.

Не забывая о нью-йоркских вариантах, он запрыгнул на углу Мясницкой в прицепной вагон трамвая и так же на ходу с него соскочил.

Под названным номером Тарханов увидел стоявший носом в сторону Лубянки довольно потрепанный долгой службой армейский джип «Вихрь». Но все-таки в командирском варианте. То есть прилично герметизированный, с металлической крышей и дверками. В обычном сейчас бы такой колотун...

Не успел он потянуться к ручке двери, сзади его окликнул парень, одетый совершенно в стиле московских гомосексуалистов. Противного розоватого оттенка длинное пальто, широкополая шляпа, которую из-за ветра он придерживал обеими руками, лакированные ботинки на пуговицах.

Да вдобавок еще и подкрашенные губы.

— Вы, любезный, по вызову?

Поддавив естественное желание послать парня по матери и дальше, Тарханов кивнул.

— А как же? Только и не иначе.

— Тогда садитесь.

Сергей, непроизвольно дернув щекой, рывком вскинул тело на высокую подножку.

В машине он увидел мужчину лет пятидесяти, одетого в теплый, на меху бушлат с потертыми полковничьими погонами. Лицо у него было полное, но страшно усталое. И не очень тщательно выбритое.

Это же, по легенде, что получается? Утомленный службой офицер, не в силах побороть природной страсти, ловит клиентов с помощью уличного сутенера?

— Здравствуйте, Арсений Николаевич. Рад вас, наконец, видеть. Ох и заставили вы нас поволноваться. Нет, сами представьте. Получаем мы из Нью-Йорка сообщение, копию вашей кассеты (великолепно сделано, хочу заметить), а потом — ничего. Пропал человек, будто его и не было...

— Простите, с кем имею честь, — стараясь, чтобы его голос звучал посуше, осведомился Тарханов. Он испытал к новому своему «хозяину», как он понимал складывающуюся систему отношений, неожиданную неприязнь. Ну, чего ради в центре Москвы косить под боевого офицера-фронтовика? Если даже и вправду служишь в гарнизоне, так остальные приколы явно лишние.

Меру знать нужно.

— Ах, простите, забыл представиться. Полковник Савичев. Валерий Валентинович. Я так был обрадован вашим появлением, что даже забыл об этикете...

Настолько внешность полковника не гармонировала с избранным им тоном, что Тарханов не выдержал.

— Послушайте, полковник, ну зачем вы дурака вальяете? — несколько даже устало спросил Сергей. — Я ведь не из тех. С восемнадцати лет служу. Есть о чем говорить — говорите, нет — у меня другие занятия найдутся. И маскировка у вас, должен заметить, безвкусная.

— Ладно, вы правы, — полковник тоже посерьезнел. — Не будем вальять дурака. Просто мне хотелось посмотреть, что вы за человек. Я ведь о вас совершенно ничего не знал, кроме очень краткой информации от Игоря Викторовича. Признаюсь, испытывал некоторые сомнения. Вам, должно быть, понятные. Что же касается маскировки — поработаете в Москве с нами, еще и не то придумывать станете.

— И вообразили, что, глядя на ваше кривляние, проникнусь почтением? Так вы ошиблись. Я человек грубый, не слишком воспитанный и совершенно лишенный склонности к чинопочитанию.

Машина в это время уже неслась по Таганке в сторону выезда из города.

— Хорошо, Арсений Николаевич. Все прошлое — за-

были. Хотя резкость ваших слов мне неприятна. Промогните вот это. Перед серьезным разговором.

Тарханов раскрыл коричневую кожаную папку и прочитал княжеский рескрипт о производстве в чин полковника и награждении званием Героя и орденом Святого Георгия.

— Все понял, спасибо. В смысле — «Служу Отечеству!». И что дальше? Теперь уж точно можем разговаривать на равных.

— Теперь — не торопитесь. Спокойно порадитесь, и все. Остальное — чуть позже. Скажу честно — хотел бы оказаться сейчас на вашем месте. У меня, как видите, служба идет хуже.

Сергей не столько радовался, сколько раздумывал, что за всем этим последует.

Наконец машина въехала через хорошо охраняемый КПП на территорию обширного городка, поближе к воротам похожего на дачный поселок, но на опытный взгляд — совершенно военного объекта.

Хотя бы потому, что Тарханов заметил несколько полос проволочного ограждения, делящего территорию на локальные зоны, не слишком тщательно замаскированные бункера с пулеметными амбразурами, а в глубине территории многоэтажный корпус синего стекла, возле которого рассредоточенно стояли несколько бронетранспортеров последней модели.

Насколько он мог судить, все это более всего напоминало базу примерно бригадного масштаба или окружной военно-учебный центр.

«Вихрь» зарулил на стоянку позади неразличимо похожего на остальные в этом квартале кирпичного домика.

Савичев пригласил Тарханова войти.

Как Сергей и ожидал, на первом этаже, в большой, жарко натопленной комнате, был накрыт обеденный стол. На двоих.

Разделись, сели, выпили по рюмке холодной водки, начали с густых мясных щей.

Далеко не банкет, поскольку, кроме поданного вестовым с сержантскими погонами первого, на столе стояли

только селедочница и тарелки с хлебом, солеными помидорами и капустой.

Чтобы много о себе не воображал новоиспеченный полковник. Или другого на здешней кухне просто не готовили.

— Так все же? — спросил он, опрокинув вторую без тоста.

— Вы ешьте, ешьте, — ответил Савичев. — Что за манера гнать лошадей? Я так уже сутки ничего не ел и не пил.

— Неужто и столичным полковникам приходится в таком режиме службу нести?

— Что вы о столичной службе знаете? — огрызнулся Савичев. — Я б, может, с большим удовольствием тоже в нормальном гарнизоне послужил. Хотя бы и командиром полка.

Тарханов ему поверил. Так не сыграет «паркетный шаркун», как выражались в старое время.

Когда хозяин насытился первым блюдом и велел подавать второе, тушеную свинину с картошкой (ну, точно из офицерской столовой), Тарханов, ковырнув вилкой, свою тарелку отодвинул. После вчерашнего ужина в ресторане — не идет.

Закурил и стал смотреть, как ест хозяин. На самом деле оголодал человек. Чем же они тут вправду занимаются. Не война чай. А может быть, и война, кто их знает...

— Значит, так, Арсений Николаевич, — сообщил Савичев, после волокнистого мяса воспользовавшись вместо зубочистки спичкой и начав отхлебывать кофе из большой фарфоровой кружки. — Должность вам сейчас предлагается чисто солдатская. Готовы послужить на благо Отечества, сообразно своим личным способностям? Чины ваши останутся при вас, но сейчас — рядовым.

— Рядовым, это в смысле как? В строевой роте, наподобие разжалованных декабристов, или несколько иначе?

— Разумеется, иначе. Как господа белые офицеры в Корниловской и Марковской дивизиях служили. Капитаны и подполковники, в снегу, в грязи, цепями в штыковые атаки. У нас здесь тоже есть подразделения, где только офицеры служат. В массе, конечно, поручики и штабс-

капитаны, но отчего бы и вам не попробовать? Кстати, часть, куда я вас приглашаю, по штату как раз к Корниловской дивизии имени Лавра Георгиевича и относится. На параде сможете черным мундиром с черепом на рукаве щегольнуть...

Зато и другую службу тоже попробуете. Настоящую службу. Мы уже знаем, что вы великолепный солдат, умеющий такое, что нашим бойцам и не снилось. Вот и постараетесь им помочь, поучить настоящей работе. А уж там, дальше, все будет соответственно.

Кстати, этот домик закреплен за вами. Казарменный режим здесь только по специальному приказу вводится. А с вашим новым командиром, если об остальном договорились, я вас сейчас познакомлю.

Тарханов по уже десятилетней привычке знал, что спорить и торговаться с начальством бессмысленно, прогадаешь в любом случае, а вот согласиться — никогда не вредно.

— Зовите, что же еще?

Однако то ли с мимикой Тарханов не справился, то ли с интонацией, но полковник среагировал сразу.

— Только очень прошу, держите себя в руках.

— Да о чем вы, командир? Не знаю, как кого, а меня с первого дня в училище научили гальюны зубной щеткой драить и не жужжать. До поры...

...Место, где Тарханов-Неверов оказался, действительно было весьма серьезной организацией. И учебно-тренировочной базой, и фортом, и, как Сергей очень быстро догадался, подходящим плацдармом на случай чего. Чего именно — не его дело.

По крайней мере, все оргштатные мероприятия он прошел за пару часов в том самом, господствующем над территорией здании синего стекла.

И был зачислен в отряд «Печенег-3». Действительно рядовым. Так и было записано в карточке: «Рядовой капитан Неверов».

Невзирая на низшую должность, целых три унтер-офицера помогли ему выбрать на складе положенное ве-

щевое имущество и вооружение. Для него в домике имелся железный шкаф, куда Сергей поместил положенные по штату пистолет-пулемет Судаева, штурмкарбин Симонова, пистолет Воеводина для постоянного ношения и еще один, такой же, но с глушителем.

И патронов ему выдали массу, то есть столько, сколько он сам счел нужным забрать со склада, а могли бы дать и больше, только попроси. Ему уже сообщили, что тиром можно пользоваться по собственному усмотрению в любое время и за расход огнеприпаса не отчитываться.

Три комплекта полевых камуфляжей на все сезоны, сапоги и ботинки. Бронежилет и каску. Спортивные тренировочные костюмы, шерстяной и льняной. Кроссовки и тапочки.

За то и любил Тарханов армию, что в большинстве вопросов вместо тебя думают специально на то поставленные люди.

Только вот парадной корниловской формы не дали. Сказали, что — в ателье и под заказ.

Грамотному человеку всего случившегося было выше головы для некоторых выводов.

То есть поднимут по тревоге, и через две минуты изволь быть готовым к бою помимо всяких там ружкомнат, очереди за получением «синего конверта» и прочей бюрократии. А где может потребоваться готовность к бою посреди Москвы? Правильно, в Москве же.

Подумаешь, бином Ньютона, вспомнил Тарханов слова доктора Ляхова на перевале.

...А еще до этого они с Савичевым обсудили некоторые детали.

Например, чтобы не смущать новых сослуживцев и начальство, Сергей решил, что пока по-прежнему будет числиться в капитанском звании и геройского знака тоже носить не будет. Поскольку жизнь у него начинается совсем другая, где следует заново подтверждать свое право не только на ордена, а вообще на хоть какой-то авторитет.

— Это вы правильно сообразили. Ваше от вас не уйдет. И жалованье по ведомости тоже будете получать капитанское. Остальное — на книжку. Последнее, что могу

пообещать, — не понравится, рапорт об отставке напишете — сразу подпишу. Только мне отчего-то кажется, что не напишете.

— Посмотрим, — уклонился от прямого ответа Тарханов.

«Это мы еще посмотрим, кто рапорты раньше надумает писать».

...Следующий раз со своим новым начальником, капитаном второго ранга Кедровым, перешедшим в гвардию из морской пехоты и продолжавшим носить на камуфляжной рубашке флотские погоны, Тарханов встретился, когда уже переоделся в положенную по времени и обстановке форму.

Поздоровался совершенно в рамках субординации.

Ты командир, я рядовой, вот и вся дипломатия: Молчи, когда с тобой разговаривают.

Но перед этой встречей Сергей привинтил свой Георгиевский крест над левым карманом повседневного кителя.

Кедрова, похоже, это не задело.

— Независимо от прошлых заслуг начинать придется с самого начала, — сообщил кавторанг, ощущающий себя командиром-единоначальником. — Специфика у нас. Раньше в каких должностях служили?

— От взводного до комбата.

— И вдруг в рядовые потянуло? — Кедров, скорее всего, подумал, что капитан разжалован за какую-то провинность. Бывало такое, и не раз, герой, вся грудь в крестах, а накуролесил чего-то, и — пожалте бриться. Но вроде ничего подобного в документах нового сотрудника не отмечено. Да и Савичев не заикнулся, а должен был бы, если действительно штрафника в отряд отправил.

— Начальству виднее, — не стал помогать новому командиру Сергей.

— А что умеете?

Вопрос показался Тарханову глупым. Захотелось поставить кавторанга на место, поскольку еще неизвестно,

что он сам умеет и вправе ли задавать вопросы. Но ответил он все равно аккуратно.

— Как все. Стреляю понемножку, из всего, что стреляет, и в пределах технических возможностей. Умею любое количество оборотов срочной и сверхсрочной службы построить в парадный расчет и заставить делать все, что требуется сегодня. Боевые машины водить умею. На вертолете летал (причем совершенно было непонятно слушающему, пассажиром летал или же в качестве пилота). Карту читаю свободно. Тремя языками владею. Все, наверное.

— Это понятно, мы тут все такие. Только языками не тремя, а двумя, поскольку командный и матерный — это одно и то же. — Кавторанг сказал это без улыбки. — А крест за что?

— Кто его знает. Наверное, за то, что при всех своих умениях за восемь лет ухитрился остаться в живых.

— Ага. У нас все то же самое плюс многое другое.

Стараясь не показать скептической усмешки, Тарханов согласно кивнул.

— Ясное дело, а все же поподробнее знать хотелось бы...

Кедров со странной неприязнью в голосе, причины которой Тарханов вполне понимал, сообщил, что их подразделение по численности равняется стрелковой роте, а по сути является специализированной и автономной боевой единицей, предназначенной для решения задач почти любого плана без привлечения дополнительных сил со стороны.

— Любого — это хорошо. Но как-то слишком обще. Все же — разведка, контрразведка, контртеррористическая деятельность, диверсионная работа в тылу врага?

— И еще многое другое. Смысл именно в том, что мы можем и должны, получив приказ, самостоятельно разработать и провести операцию любого из названных вами типов. Кроме того, параллельно с учреждениями полиции и жандармерии (или вместо них) обеспечить расследование уголовного преступления, если оно представляет интерес для нашего руководства. Ну и всякое другое в этом роде.

— Тогда вам действительно требуются специалисты самого широкого профиля. И чистые боевики, и криминалисты, и...

— Совершенно верно. Причем желательно, чтобы каждый наш боец сочетал в себе несколько профессий. Вот вы, например, что можете предложить?

Тарханов понимал, что настороженность Кедрова (если только он не просто сам по себе тяжелый в общении человек) можно объяснить и тем, что он просто опасается соперника в лице этого офицера. Чин и награды позволяют, да и наверняка хоть какие-то слухи о благоволении к нему Великого князя просочились на сторону. Иначе просто не бывает.

И, значит, ему всеми силами следует постараться создать у командира впечатление о полном отсутствии со своей стороны каких-либо амбиций, претензий на лидерство и о готовности безоговорочно выполнять любые приказы.

Ну, бывают же такие люди, начисто лишенные честолюбия и стремления к власти.

— Что предложить? Только то, что действительно умею согласно военно-учетной специальности. А насколько моя подготовка устроит лично вас — вам и судить, господин капитан второго ранга.

...Когда Тарханов появился в боевом расчете отряда «Печенег-3», к нему отнеслись несколько скептически.

Ну, тридцатилетний капитан, пришедший, согласно информации, из строевых частей, никому не известный и явно не сдававший сверхтрудного экзамена на право носить шоколадного цвета берет с золоченым орлом, держащим в когтях меч. Куда ему становиться в один строй с профессионалами, надевшими такие береты в двадцать три — двадцать пять лет.

Имеется у него Георгиевский крест, так и ветер ему в парус, мало ли кто и за что получает высокие ордена. А здесь парни, не отмеченные пока ничем, кроме денежных премий и именных часов, но зато знающие свое дело так, как никому и не снилось. Но раз начальство зачем-то

сочло нужным направить его в отряд — кто будет спорить? Удержится — молодец, нет — скатертью дорога.

Такого отношения к себе и ждал Сергей, поскольку службу знал насквозь, с первого дня собственного юнкерства, начавшегося в семнадцать лет, и до сего числа.

И знал, как на подобное реагировать. Прежде всего — не комплексовать и не высовываться, терпеливо выжидать случая, когда сможешь сделать и показать нечто, на что окружающие заведомо не способны.

А пацанов этих, вообразивших о себе бог знает что, он с удовольствием сводил бы хоть в один двухнедельный рейд по настоящим горам Большого Кавказа, а потом посмотрел, что из каждого в итоге выйдет.

Но здесь ведь Москва пока еще. Может, в городе иные критерии.

В конце февраля, получив увольнительную, Тарханов отправился в город. В основном — просто погулять по улицам, возможно, сходить в какой-нибудь театр. С Владой. Отношения у них вроде и выстраивались какие-то, а вроде и нет. По всем признакам, он ей как бы и нравился, но чем-то, похоже, не удовлетворял. Неразговорчивостью, что ли?

Рестораны, увы, пока что исключались, он еще не достиг в отряде такого авторитета, чтобы позволить себе являться на тренировку наутро после выпивки.

Поэтому, перед тем как зайти к Владе, он решил опять наведаться на почту. Прошло уже полтора месяца. Кто знает, куда, под каким именем забросила судьба Вадима, но мог же он за это время хоть на краткий срок оказаться в Москве?

Протянул в окошечко пресловутую купюру и с некоторым удивлением получил из рук барышни узкий розоватый конверт.

Все как уговорились. Напечатано на машинке: «Предъявителю банкноты № ... Хранить бессрочно».

Обеспечивающие выполнение этого условия почтовые марки высоких номиналов.

Сергей небрежно сунул конверт в карман, наметан-

ным взглядом окинул операционный зал. Вроде все спокойно.

Прошел в угол зала, спустился под лестницу. В кабинке туалета прочитал письмо. Всего-то три фразы.

«Привет. Слышал о твоей смерти, но отчего-то не поверил. Позвони». И номер телефона.

Позвонил он ближе к ночи, из телефонной кабинки на Ярославском вокзале. Трубку с той стороны сняли почти сразу. Будто ждали.

— Слушаю вас...

Тарханов никогда не говорил с Вадимом по городскому телефону, только по рации, и не мог понять, он это отвечает или же нет. И как следует обратиться, если телефон вдруг прослушивается. Нью-йоркская история его многому научила.

Сказал первое, что пришло в голову:

— Старые рубли вы коллекционируете?

Пауза. Теперь Ляхов соображает, что и как сказать.

Конспираторы...

— Именно. Хотелось бы посмотреть.

— Хоть сейчас.

— Где?

А вправду где. Он же не знает, в каком месте находится Вадим.

— Книжный магазин на Тверской, рядом с Елисеевским. Отдел филателии. Через полчаса. Успеете?

— Договорились.

Людей в магазине, несмотря на позднее время, было достаточно, чтобы не бросаться в глаза. Тарханов листал толстые каталоги, искоса поглядывая на входную дверь.

Ляхов появился с опозданием на пять минут. В пределах допустимого. Одет он был в штатское пальто и меховую шапку, но Сергей узнал его сразу.

Поставил книгу на полку, проходя мимо, коротко бросил: «Иди за мной».

Свернул в Козицкий переулок, на его середине, в тени нависающего балкона, остановился.

За Ляховым никто не шел.

— Ну, здорово. Рад тебя видеть.

— Ты все-таки жив. Отлично. Не зря я не поверил Чекменеву. Ну и как ты теперь?

— Пойдем куда-нибудь. Чего посреди улицы торчать...

— Пошли. Я тут одно местечко знаю.

Пока спускались к Большой Дмитровке, почти не разговаривали.

Сергей не знал, нарушают ли они с Ляховым какие-нибудь правила. Вроде бы встречаться им никто не запрещал. Просто не подумали их «крестные отцы» о том, что соратники сумеют разыскать друг друга. Да и не разведчики же нелегалы они, просто люди, укрывающиеся от мести террористов. Вполне свободные в своих поступках.

Вадим, очевидно, думал о том же самом.

— Может, познакомимся все же? — предложил, наконец, Ляхов. — Ты теперь кто?

— Арсений Неверов. Служу по специальности, числюсь за Корниловской дивизией. Ты?

— По-прежнему Вадим, но Половцев. Обучаюсь в академии.

— Нормально.

— ...А ты что, по-прежнему кого-то опасаясь? — спросил Ляхов, когда они уже вышли в сквер на пересечении Дмитровки со Страстным бульваром. — Вот тут, за углом, у меня на примете одно заведение есть, в самый раз, по-моему.

— Я теперь всю жизнь кого-то опасаться буду, и не только по той причине, что ты имеешь в виду.

Войдя в притопленную ниже уровня тротуара дверь, они оказались на подобии балкона, с которого прижатый к стене крутой чугунный трап вел в зал, разделенный пополам сводчатой аркой. Наверное, когда-то здесь были купеческие лабазы.

Окна в кабачке отсутствовали, но воздух был свежим, вентиляция вполне приличная.

Под потолком мигали цветные лампы, оставляя сто-

лики в полумраке, но с любого из них входная дверь с ярко освещенной площадкой была как на ладони.

— Хорошее место подыскал, — сообщил Тарханов, оглядывая все помещение и присутствующих. Нельзя сказать, чтобы их вид вызывал доверие. Скорее наоборот, самыми приличными здесь были забежавшие перекусить ночные таксисты, а прочая публика в лучшем случае напоминала сотрудничающих с ними сутенеров, продавцов и скупщиков краденого. — Сам старался? Или навел кто?

— Приятель один показал. Как раз примерно на подобный случай. Я здесь уже более-менее свой, а если совсем чужой появится, его запросто отсекут.

— Хороший ты парень, Вадим, — умилился Тарханов, но развивать свою мысль не стал. Зато встреча со старым боевым товарищем вдруг пробудила в нем сентиментальные чувства, которые сразу прогнали предыдущие, сугубо рациональные.

Ну и бог с ними, с завтрашними тренировками, что ж теперь, с боевым товарищем и рюмку выпить нельзя? Вполне можно, если немного, да и капитана Кедрова с его верным начштаба пора потихоньку начинать на место ставить.

Смешно сказать, но, увидев Ляхова, Тарханов ощутил, что он не один теперь на этом свете. Доктор великолепно прикрывал его фланги тогда, прикроет и сейчас. Хотя, казалось бы...

— Закажи что-нибудь пожевать и выпить, если ты здесь свой, и рассказывай, наконец. Прямо от Хайфы и до сего момента.

Ляхов рассказал.

— Да, парень, как тебе раньше везло, так и сейчас везет. Чины при тебе, живешь в тепле и покое, и с дамским полом все в порядке.

Ляхов уловил в голосе товарища не то чтобы насмешку, а скорее нечто вроде зависти.

— А у тебя как?

— Ну, послушай теперь ты. — Тарханов тоже рассказывал почти все, только про девушку Владу на всякий случай умалчал. Ни к чему о ней сейчас вспоминать.

— И что делать будем? — спросил Ляхов, наливая в рюмки еще по пятьдесят грамм самой лучшей здесь водки.

— Прежде всего — жить, как жили. Но свой интерес соблюдать. Что бы там ни выходило, а надеяться, кроме как друг на друга, нам не на кого. Сдается мне, что все остальные имеют нас в виду только использовать. Не знаю уж, в каких целях, но обязательно. Зачем бы мы им в другом случае нужны? Князь ладно, я его не видел, но если говоришь, что приличным человеком показался, — верю. А все остальные...

Они почти машинально посматривали на лестничную площадку, поскольку любой подозрительный человек, появившийся там, не мог остаться незамеченным, и времени оставалось достаточно, чтобы уйти черным ходом через кухню и коридоры в многочисленные проходные дворы и переулки Петровки.

Однако все случилось с точностью до наоборот.

Вначале донесся невнятный шум из глубины подсобок, потом крики и топот совсем рядом, и, наконец, несколько человек с пистолетами в руках ворвались в зал.

— Всем сидеть! Руки на стол! Не двигаться! Городская полиция. Сыскное управление!

Ляхов недоуменно взглянул на капитана, рука его произвольно дернулась в сторону бокового кармана.

— Сиди спокойно, — прошипел Тарханов и с туманной улыбкой прилично пьяного человека начал наливать Вадиму и себе из графинчика.

— Эй вы, кому сказано — не двигаться! — Над их столиком навис плотный парень в финской кожаной шапке с длинным козырьком и пистолетом в руке.

— Мы и не двигаемся, — заплетающимся языком выговаривал Тарханов. — Видишь, ручки — вот они. А свою норму я взять должен... Уплочено.

И опрокинул рюмку в рот, по-прежнему демонстрируя вывернутую ладонью наружу левую руку.

Ляхов успел подумать, что, если даже и в самом деле это всего лишь полиция, отнюдь не резон засвечиваться слушателю академии в сомнительном притоне. А уж тем более — вместе с Тархановым-Неверовым.

Но если сейчас рвануть к выходу, можно и пулю схлопотать. Да и на площадке у входа появилась еще одна фигура в штатском. Но Вадим чувствовал, что Тарханов готов действовать. Глаза у него знакомо сузились.

По счастью, начинать пришлось не им. У кого-то из завсегдатаев харчевни повод уклоняться от общения с полицией был не менее веский, а нервы оказались слабее.

Столика через три от них раздался грохот бьющейся посуды. Человек в черной бобриковой куртке вдруг швырнул в одного из сыщиков сразу графин и тарелку, очень умело швырнул, снизу вверх ребром, и попал. Еще кто-то из его собутыльников ногами опрокинул стол, вскочил и взмахнул дубовым стулом.

И понеслась настоящая кабацкая драка с воплями, летящими со всех сторон бутылками, крепким матом, а потом и предупредительными выстрелами в потолок.

— Лечь, всем лечь на пол, руки за голову! — надрывался неизвестно откуда мегафонный голос.

— Вадим, вперед! — Ляхов, посланный толчком руки Тарханова в сторону выхода, успел заметить, как, пользуясь общей суматохой и паникой, капитан трижды выстрелил от бедра из бесшумного пистолета.

В зале погасли сиреневые газосветные лампы.

Тарханов отшвырнул оказавшегося на пути человека неизвестной принадлежности и, обгоняя Вадима, метнулся к лестнице. Единственное маленькое окошко слева от входной двери позволяло ориентироваться по направлению. Под ноги все время попадались то стулья, то люди, но все же они пробились.

Сергей до последнего не мог понять, почему оттуда, сверху, не бросился резервный наряд, чтобы полностью заблокировать притон. Элементарная схема. Один боец у двери — не прикрытие. Хотя, конечно, лестница длинная и крутая.

Уже когда они были почти у цели, то ли у местных бандитов, то ли у сыщиков терпение кончилось. Часто загремели настоящие, без дураков, выстрелы на поражение. Из трех или четырех стволов сразу.

Ляхов, машинально втягивая голову в плечи, ступил на нижние ступеньки трапа и вдруг увидел невероятное.

Тарханов с разбегу вскочил на ближний к лестнице столик, оттолкнулся и взмыл в воздух почти вертикально на более чем трехметровую высоту, что в принципе невозможно и олимпийскому чемпиону по прыжкам. (Вадим не заметил, что на полпути Сергей успел выброшенной вбок правой рукой оттолкнуться от выступающей кромки ступеньки и тут же ухватился левой за чугунную балясину перил.) Вцепился руками в ограждение трапа, как гимнаст через брусья, перенес тело через перила и оказался лицом к лицу с привратным стражем.

Неуловимо резкий удар в печень, пинок ногой, и Ляхов едва успел вжаться в стену, чтобы беспорядочно кувыркающаяся по ступенькам фигура не увлекла его за собой.

Прорвались.

Тарханов захлопнул за собой дверь. Выхватил из узкого кармана вдоль брючного шва стандартный десантный нож, коротко замахнулся и, как гвоздем-двухсоткой, пришил полотнище к косяку. Жалко ножа, да уж ладно. Тем более он все равно без номера и к штатному имуществу не относится.

Проходными дворами, только теперь не в сторону Тверской, а вправо, они выбежали на Петровку, потом в тень каштанов Петровского бульвара.

Остановились. Перевели дух. Осмотрелись. Погони не было.

В Колобовском переулке свернули в еще один двор, заперли за собой калитку, присели на лавочку у подъезда.

— Так. Что скажешь? Надежный кабачок? — поинтересовался Тарханов, закуривая и пряча сигарету в рукаве.

Ляхов молчал, прислушиваясь. Все было на удивление тихо. Ни звука чужих шагов поблизости, ни свистков городских на близлежащих улицах. Да и оторвались они прилично.

— Что я скажу? Скорее всего — случайность. Притон,

он и есть притон. Попали под плановую облаву. Иначе все бы сразу на нас кинулись. А так...

— Извини, доктор, но где-то ты как бы еще и пацан, невзирая на чины. Разве полицейская облава может главный вход не блокировать? И входят они совсем не так, и говорят по-другому. За нами шли, точно говорю.

— Да брось. — Вадим тоже закурил. Свет из окон дальнего флигеля до них не доставал, только иногда показывающаяся в разрывах облаков луна моментами обозначала опершегося локтями на колени и пускающего дым вниз, под ноги, капитана. — Как они за нами идти могли? Ты с вокзала звонил, говорили мы минуту от силы, если б мой телефон слушали, меня б давным-давно взять можно было.

— Зачем им тебя брать? Одного-то? Вот, слушали-слушали и дождались, когда мы встретимся.

— Ну и?

— Что — и? Аппаратура у них классная. Я в Нью-Йорке тоже удивлялся, пока с тем парнем по душам не поговорил. Не врал нам Чекменев.

— Нет. Не согласен. Тогда бы мы не ушли так просто. А тут — даже смешно. Трах-бах, кто-то кому-то в морду, пуля в лампочку — и операция сорвана.

— В том и дело, брат. Так операции и срываются. Давай-давай, бегом, вперед, за пятнадцать минут подхватили тех, кто под руками был, план составляли на ходу. Вот и результат. Совершенно как со мной в Нью-Йорке.

Но ничего, я теперь не один.

Они свой ход сделали, следующий — наш.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

...Елена подготовила обстоятельную докладную для представляющего здесь интересы дона Херардо человека, из которой со всей убедительностью следовало, что Вадима Ляхова на территории России в настоящее время нет и даже его родителям неизвестно, где он и когда objevится.

Не скрыла и того, что по содержащемуся в письме намеку он, предположительно, выполняет специальное задание в тех местах, где в изобилии растут кокосовые пальмы.

Чтобы предупредить возможные дополнительные вопросы, указала и то, что ни о каких вещах, переданных или пересланных им в Россию, Вадим также не упоминал, так что, можно предположить, сабля по-прежнему находится при нем.

Закончила писать, перечла докладную, и только сейчас ей пришло в голову, что что-то здесь не так. Если форма определяется содержанием, то у нее получилось донесение тайного агента своему руководству, а не вежливый ответ на деликатную просьбу о помощи.

Вдруг так оно и есть? Не зря ведь Вадим столь тщательно скрывает свое местопребывание даже от отца — человека, наверняка допущенного к самым важным государственным секретам. Один-единственный намек себе позволил, при том, что письмо без обратного адреса и не подписано.

Она снова достала из бюроара с личными бумагами сложенный вдвое тунисский журнал и записанный по горячим следам перевод.

Вчитываясь в каждую фразу, пыталась уловить ранее не замеченные смыслы.

Нет, ничего нового. Чисто информационная заметка, из которой при всем желании нельзя выжать хоть сколько-нибудь значащую информацию. При внимательном чтении даже меньше, чем при первом, излишне эмоциональном.

Однако тем более непонятны причины поведения Ляхова. Если он действительно участвовал в тяжелом, но, видимо, успешном для нас сражении, за которое, скорее всего, и получил высокую награду, почему окружил все такой тайной? Нет, конечно, ясно, что не сам окружил, кое-кто повыше. Но почему?

Мало ли на планете происходит войн, конфликтов и вооруженных стычек, в которых участвуют и российские солдаты. И пишут о них, и в новостях кинохронику показывают, и награждают. А здесь — полная тишина.

Она ведь так и не услышала нигде больше об этом бое, хотя после того, как купила журнальчик, просмотрела на компьютере в посольской библиотеке все основные газеты, русские и иностранные, за прошедшие после 1 января две недели. И — ничего.

Разве что случилось там нечто такое, тайное и страшное, из-за чего наложено на информацию непреодолимое табу. Причем — с обеих сторон. В противном-то случае чувствующая себя обиженной сторона обычно поднимает такой шум, так яростно апеллирует к общественному мнению...

Она понимала, что не с ее способностями и подготовкой проникнуть в эту загадку. И совершенно не с кем посоветоваться.

Но почему она не открылась отцу Вадима? Он бы наверняка что-нибудь придумал. Неужели подсознательно понимала, что и ему — тоже нельзя знать?

А если действительно все дело именно в сабле или не в сабле, а в чем-то другом, но настолько ценном, что за ним охотятся по обе стороны Атлантического океана, и именно поэтому исчез Ляхов? Спрятался от всех. А она, выходит, помогает его врагам...

Ей теперь что, тоже исчезнуть?

Вдруг, получив от нее информацию, пусть и отрицательную, ее просто уничтожат, чтобы не оставлять лишнего свидетеля. А куда бежать?

Где она, одинокая, слабая женщина, может скрыться от людей, которые за несколько дней сумели вычислить ее, найти аж в Аргентине?

Единственное, куда можно обратиться, так это к мужу. Хотя чем он ей поможет оттуда?

И все же она набрала номер посольства. Целых пять минут слушала долгие гудки. Невероятно. Даже ночью на этом телефоне всегда сидел дежурный. Она положила трубку, позвонила в МИД, представилась. Спросила, не знают ли они чего-нибудь о советнике Сигареве. Он не звонит уже неделю, и она очень беспокоится.

— Для беспокойства оснований нет. Просто посольство сейчас меняет дислокацию, общедоступной связи с ним нет. Но, наверное, еще через неделю все устроится

и муж вам непременно перезвонит. Или даст знать о себе иным способом. Зато есть приятная для вас новость. С начала боевых действий сотрудникам посольства установлен двойной оклад и выплаты полевых денег. Денежный аттестат на вас поступил, и вы хоть сегодня можете получить причитающиеся суммы.

Она поблагодарила и повесила трубку. Муж жив-здоров, и этого пока достаточно. А неожиданные деньги лишними не будут. Особенно в ее обстоятельствах.

Ну и что делать? Вернуться к родителям в Питер? Не очень-то она там и нужна. Ничем они ей не помогут и ни от чего не защитят.

Вот разве что...

Елена спустилась в холл гостиницы. Сегодня как раз дежурила Нина Петровна, очень милая женщина, с которой они буквально с первого дня почувствовали взаимную симпатию.

— Что у вас, Еленочка? Проблемы какие-то возникли? — Наметанным глазом женщина заметила ее напряженное лицо.

— Да какие у меня проблемы? Скучно просто, тоскливо. Муж не звонит и не пишет, а там все-таки война.

— Да-да, я сегодня новости смотрела. Ужас прямо, стреляют, бомбят, Буэнос-Айрес горит, Рио-де-Жанейро горит. Что уж они там-то не поделили? Красота такая, море, пальмы...

Елена не собиралась просвещать дежурную насчет проблем Гран-Чако и Чако-Бореаль¹, контроля над шельфом и континентальными рынками сбыта. А также о не решенном за триста лет вопросе об испанской и португальской сферах влияния.

— Вот за море с пальмами и воюют. Я, Нина Петровна, тут у вас мельком объявление видела, что можно на недельку-другую зимнюю дачу в Сходне снять. Ну и подумала... Может, съездить? На лыжах покататься, у ка-

¹ Гран-Чако — Большой Чако, Чако-Бореаль — Северный Чако, обширные горно-лесистые территории в Боливии и Парагвае, за которые много лет велись кровопролитные войны. Так, в войне 1932—1935 гг. погибло около 200 тыс. человек.

мина вечером посидеть, снежную бабу слепить. Невмоготу мне в четырех стенах.

— Да и съездите. Хотя зима и кончается, но прогнозы еще недели на две морозы со снегом обещают. Погода в новом тысячелетии тоже какая то ненормальная стала. Говорят, новое Великое оледенение начинается. А с дачей никаких проблем, кроме финансовых. Я сейчас посмотрю... — Она вытащила из-под стойки цветной фотоальбом, открыла на нужном месте. — Вот наши дачки. Побольше и поменьше, с прислугой, с пансионом и без. Выбирайте.

Она выбрала очень симпатичный, небольшой, с резными наличниками дом, похожий на сказочный теремок в окружении меднокорых мачтовых сосен. Снимок был сделан летом, но зимой там должно быть еще красивее.

— Вот этот можно?

— Сейчас узнаю. Да, свободен. Если берете, пока доедете, там все приготовят и белье поменяют, отопление включат. Лыжи есть, санки есть. Компания обычно подбирается веселая, люди приличные, со средствами. Охрана хорошая, сколько уже лет никаких происшествий не было. Питаться можно в трактирчике, прямо в двух шагах, можно в ресторане на станции, а можно и в дом заказать, привезут.

— И сколько?

— Почти даром, — улыбнулась дежурная. — Сорок рублей в день. С полным пансионом — шестьдесят пять.

Ничего себе — не дорого! Да какая разница. Сейчас деньги есть, а дальше... Неизвестно, пригодятся ли они ей вообще.

— Согласна, беру. Прямо сейчас и поеду. Здешний номер тоже за мной оставьте.

— Конечно, конечно. Я вам в счет только за проживание буду ставить, пока вы отдыхаете, а за обслуживание — не буду.

— Спасибо, Нина Петровна. Вот, возьмите на память, — она протянула женщине тонкое черно-красное пончо из шерсти ламы, продукция индейцев-кустарей с Кордильер. — Только вот еще что — если меня кто-то спрашивать будет, ну, абсолютно все равно кто — отве-

★
чайте, что я уехала. Недели на две. И адрес мой новый никому не давайте. Мне нужно одной побыть, а людей, с которыми хотелось бы разговаривать, я и сама найду.

— Обязательно, Еленочка, обязательно. Я прямо сейчас в компьютер введу, что клиент выехал, номер сохранил за собой, нового адреса не оставил. Так что не извольте беспокоиться, никто вас там не потревожит.

Елена наскоро собрала сумку с самыми необходимыми вещами, переоделась подходящим для зимнего выезда на дачу образом и чуть не вприпрыжку сбежала вниз по лестнице.

Настроение необъяснимым образом поднялось. Неужели всего лишь из-за перспективы смены обстановки? Да и в самом деле — после вечных южноамериканских весны и лета попасть, наконец, в заснеженный лес, вволю надышаться морозным воздухом, побегать на лыжах среди шишкинских сосен и сугробов, а потом сидеть, закутав ноги пледом, перед тихо потрескивающим камином и бездумно наблюдать, как медленно вползают в комнату сизые сумерки, — что можно придумать лучше?

Вдруг она подумала, что одной оставаться по ночам в совершенно пустом доме может быть и страшно. Каждый случайный скрип и стук будут заставлять ее вздрагивать, а то и повергать в панику.

Вот если бы у нее была собака — немецкая овчарка, доберман или хоть обычный фокстерьер. Да где же ее здесь взять, хорошую и верную собаку? Тогда — какое-нибудь оружие? Это реальнее, тем более что стрелять она умела, и неплохо. Спасибо Вадиму, научил в свое время.

Надо будет зайти в оружейный магазин, присмотреть что-нибудь подходящее.

Она решила пройтись бульваром до Никитских ворот, а там взять такси. Приятно похрустывал под толстыми подошвами зимних ботинок снег, не успевший слежаться после ночной метели.

Ровно на середине бульвара ее вдруг окликнул вслед мужчина в сильно поношенном драповом пальто, похожий на чиновника-пенсионера, читавший на скамейке газету. Другую он подложил под себя на плохо очищенные от снега рейки.

— Елена Артуровна, можно вас на минуточку?

Она недоуменно обернулась и сразу все поняла.

— Присаживайтесь, — предложил мужчина, постилая рядом с собой газету, которую держал в руках. — Я вас долго не задержу, в вашей шубейке не успеете замерзнуть, — счел нужным подчеркнуть он. — Так что там у вас с поисками господина Ляхова? Успехи есть?

Лицо у него было вполне интеллигентное, располагающее, хотя и не слишком гладко выбритое. Тип старого холостяка, которому не для кого следить за собой, но и не опустившегося пока еще. Хорошее настроение еще не успело оставить Елену, и она даже с некоторым облегчением подумала, что вот сейчас все скажет и на этом все кончится.

— Пожалуйста. Я все здесь написала, — сказала она, протягивая мужчине обычную школьную тетрадь. — Вот смотрите, эта схема — все наши с Вадимом общие знакомства тех лет. Этих нашла, эти выбыли за пределы досягаемости. Искала в Москве, искала в Питере, даже в Гельсингфорс к его родителям съездила. Здесь дальше все записано.

Насколько я понимаю, Ляхов, не заезжая в Россию, отбыл к новому месту службы, о котором пока даже отцу с матерью не сообщил.

Это все. Мои возможности исчерпаны. Доступа в управление кадров военного министерства я не имею. Если угодно — могу возвратить неиспользованную часть аванса. Под расписку, разумеется.

Мужчина бегло просмотрел тетрадку.

— Жаль. Очень жаль. Мы не очень рассчитывали на этот вариант, но все же была какая-то надежда. Однако все равно спасибо за труды. А аванс что, пустяки ваш аванс. Надеюсь, эти деньги вам пригодятся. Они, как известно, не приносят счастья, но успокаивают нервы.

Вижу, вы тоже расстроены. Кажется, найти Вадима Петровича вам хотелось не меньше нашего. А то и больше — что такое страсть старых коллекционеров к мертвым предметам по сравнению с...

Впрочем, простите, разболтался я что-то. Будем прощаться. Но если, чем черт не шутит, если вдруг вам что-

нибудь еще станет известно — позвоните, пожалуйста. Вот моя визитка.

На прямоугольнике глянцевого зеленоватого картона значилось: «Яков Мефодьевич Глан. Эксперт». Без адреса, но с двумя номерами телефона.

— До свидания, Яков Мефодьевич. Я обязательно позвоню, если вдруг... Извините, — и почти побежала по пустынному в этот час бульвару, отчего-то боясь, что странный господин Глан вдруг снова ее окликнет и скажет нечто такое, чего она ни в коем случае не хотела бы услышать.

Таксиста, который единственный из всех согласился возить ее в Сходню (остальные отговаривались тем, что скоро смена кончается, обратного пассажира трудно будет найти или резина лысовата), она попросила завезти ее по дороге в хороший оружейный магазин. Тот удивленно приподнял бровь.

— Красивые девушки вроде вас обычно этим делом не интересуются.

— Племяннику хочу подарок сделать. Нож охотничий или в этом роде.

— Так ножи дарить — плохая примета.

— На всякую примету... Я с него копейку возьму. Вообще, как любил говорить мой дед, суеверия — простая вежливость по отношению к судьбе.

— Неплохо, — одобрил таксист, — надо бы запомнить.

В магазине на Тверской, напротив Брестского вокзала, она подошла к приказчику отдела боевого оружия.

— Мне нужен хороший пистолет, калибра от девяти миллиметров и выше. С патронами.

Тот посмотрел на нее с интересом.

— Для вас? Не тяжеловат будет? Есть хорошие револьверы, тульские, ижевские, иностранные, шесть с половиной миллиметров, семь шестьдесят два, как раз по вашей руке. Или возьмите «браунинг» второй номер, «вальтер ППК». В сумочке легко помещается.

Елена заколебалась.

— Вы знаете, я хорошо умею обращаться с пистолетом Воеводина и с «парабеллумом» ноль восемь. Других просто не знаю.

— Хе-хе... У вас серьезная подготовка. Тогда прошу — именно для вас. Тот же «ноль восьмой», но значительно усовершенствованный, с рамкой из легкого металла, лицензия фирмы «Маузер-верке» от 1980 года, изготовлен в Туле. Класс, смею заметить.

Елена подержала пистолет в руке, и он ей сразу понравился. Почти точно такой, из которого они стреляли с Вадимом в лесу под Териоками, только действительно весом полегче, и накладки рукоятки не деревянные, а из светло-кофейного, чуть пружинящего под пальцами пластика.

— Я беру. И коробку патронов.

— Простите, ваш паспорт, пожалуйста.

Она протянула приказчику свой дипломатический паспорт с многократными визами в страны Северной и Южной Америки.

Тот понимающе кивнул. С давних времен иностранцы предпочитали покупать стрелковое оружие в России. По параметру цена-качество оно стояло вне конкуренции.

— Имейте в виду, что разрешение на пистолет с правом его постоянного ношения стоит на пятнадцать рублей дороже и налагает на владельца некоторые дополнительные обязанности.

— Например?

— Если вы носите при себе пистолет для самообороны, вы обязаны также использовать его для защиты от преступных посягательств других граждан, а также оказывать содействие государственным службам охраны правопорядка, если случайно окажетесь там, где таковая помощь может от вас потребоваться. Нарушение этого положения рассматривается как преступное бездействие и наказывается крупным штрафом или административным арестом. Так что подумайте, нужна ли вам эта головная боль?

О таком законе Елена не слышала.

Представила, как придется вместе с полицейскими гоняться по улицам за вооруженными преступниками и палить с двух рук, и ей стало смешно. Но в то же время

для чего ей пистолет, как не для самозащиты в самых разных условиях?

— Скажите, я что, обязана теперь буду носить при себе пистолет постоянно или все же по собственному усмотрению? Представьте меня в бальном платье и с «парабеллумом» за поясом...

Приказчик тоже рассмеялся.

— Нет, конечно. Носить или не носить, это ваше дело. Но если он будет при вас, вы уклонитесь от своего гражданского долга и это станет известно...

— Ну, тогда все не так страшно. Тем более я на днях снова уезжаю в Америку, а там законы не столь суровы.

— Суровость российских законов тоже значительно умеряется необязательностью их исполнения, — пошутил приказчик. — Так я выписываю? Пятьсот пятьдесят рублей в кассу, извольте.

Елена прямо на глазах превращалась в боевика и конспиратора, потому что красивый, длинный и очень острый финский нож она тоже купила. Для хозяйственных надобностей, а также чтобы было что показать водителю такси. Тогда не застрянет у него в памяти дамочка, неизвестно зачем заезжавшая в оружейный магазин.

...Когда она вошла в свое очередное временное пристанище, отопление во всех комнатах уже было включено, а в холле первого этажа буйно пылал рыжий огонь в камине. Смотритель провел ее по всем помещениям дома, показал, где что лежит в комнатах и на кухне, вручил карточку, на которой значились телефоны всех могущих оказаться полезными сервисных служб поселка, пожелал приятного отдыха и исчез.

Елена убедилась, что окна первого этажа снабжены коваными решетками, засов на входной двери прочен, и наконец-то почувствовала себя в желанном, абсолютном одиночестве.

Она приняла ванну с морской солью, полюбовалась собственным, еще вполне крепким и соблазнительным телом в сплошном, от пола до потолка зеркале, решила, что вполне может позволить себе провести этот вечер со-

вершенно голой. Такая ей пришла в голову фантазия. Чем она хуже богатых римлянок эпохи упадка? Не хватает, правда, мускулистых рабов, которые бы ей прислуживали за пиршественным ложем, но тут уж никуда не деться.

Низкое солнце двигалось почти параллельно горизонту, и освещение в комнате было сказочное — сквозь покрытые ледяными узорами стекла проникали и смешивались на лакированных деревянных стенах лучи алые, золотистые, синеватые, столбы пылинок горели и переливались в этих лучах, как искры в алмазе.

Впереди был целый бесконечный вечер и ночь, шкафчик на кухне полон продуктами, да и с собой Елена кое-что привезла, большая, застеленная медвежьими шкурами комната быстро прогревалась калориферами и огнем камина. Заманчиво поблескивали бутылки и бутылочки в застекленном баре, полки тумбочки под музыкальным комбайном были заполнены пластинками и магнитофонными катушками.

Она налила до половины высокий стакан сильно разбавленным виски, включила для начала запись всех венгерских танцев Брамса, легла на широкий диван, закинув ногу за ногу, и предалась мечтам, соблазнительным и рискованным.

Для полного счастья не хватало рядом только его.

Она вскочила, пробежала босыми ногами по шкурам, потом по ледяному полу прихожей, извлекла из сумки журнал. Пристроила на спинке дивана, чтобы мужественный портрет Ляхова оказался прямо напротив глаз, и снова легла. Под левой рукой пепельница, сигареты и зажигалка, под правой — стакан с виски и взведенный пистолет.

Хорошо.

...Она проснулась под утро, от холода. Даже в хорошо натопленной комнате человек, ничем не укрытый, во время сна теряет какую-то часть телесного тепла и начинает мерзнуть. Вот и Елена сначала не понимала вообще, где она находится, потом сообразила, вскочила с дивана,

накинула на себя мягкое верблюжье одеяло, лежавшее в кресле.

Камин догорел, только редкие искры перебегали по гаснущим углям. Хорошо, что камин — не печь и угара от него не бывает, а то и не проснуться ей больше.

Почти полная луна плыла над лесом в верхних проемах окна. А в глубине дома трещал сверчок. Самый настоящий. Из романов Диккенса.

Елена выпила несколько глотков минеральной воды, не стала постилать постель, легла на тот же диван, завернувшись в одеяло, и мгновенно заснула снова.

Утро началось с позднего проблеска солнца сквозь противоположное окно комнаты, но куда более яркого и веселого, чем предвечерний его свет. Елена решила, что достаточно уже потешила обнаженную плоть свежим воздухом, тем более от того ли, от другого, но ночью ее мучили эротические сны, ничем, к сожалению, не закончившиеся.

После кофе и двух ломтиков сыра она решила заняться тем, ради чего и приехала сюда. В холодной прихожей нашла туристские широкие лыжи и ботинки подходящего размера, а костюм для прогулок у нее был свой.

Часа два она, восстанавливая форму и навыки, скользила по чужим лыжням в дебрях соснового леса, потом вышла к крутым глубоким оврагам, где с криками и смехом съезжали вниз и карабкались вверх десятка два беззаботных людей, единственно этим и занятых. И сама прокатилась несколько раз, сумев без падений съехать сверху донизу довольно сложную трассу. Но все равно чувствовала, что и реакция не та, и голеностопы ослабли, никак ей не удавалось чисто проделать свой коронный разворот «плугом» на приличной скорости.

Тем не менее удовольствие она получила громадное. И возвращалась с прогулки замерзшая, облепленная снегом, но крайне довольная. Не заходя домой, решила пообедать в том самом трактирчике по другую сторону пересекающей поселок дороги, о котором говорила Нина Петровна.

Горячее харчо, бараний гуляш с фасолью, чай и домашние пирожки — достаточно, чтобы согреться и восстановить силы.

Уже допивая чай, она бездумно смотрела в чуть оттаявшее окно. И вдруг сердце у нее сжалось и горло перехватило. Совершенно невероятно — почти прямо напротив окна, на другой стороне широкой улицы стоял Вадим Ляхов. В лыжном ярко-синем костюме и высоких ботинках, с длинными и узкими беговыми лыжами на плече, он широко улыбался и что-то говорил молодой женщине лет двадцати пяти, высокой, смуглой, но светловолосой, того типа, что в обычной жизни встречается крайне редко, а существует по преимуществу в интерьерах зарубежных фильмов.

Даже в своем нынешнем состоянии Елена не могла не признать безусловной прелести его собеседницы. И одета она была с большим вкусом. Впрочем, странно было бы, с ее-то данными, если б иначе.

Потом ворота в высоком зеленом заборе у них за спиной открылись, выехала большая и тоже зеленая машина-вездеход.

Девушка, продолжая говорить, сделала в сторону нее приглашающий жест, но Ляхов отрицательно мотнул головой. Что-то у них, похоже, не складывалось.

Интересно бывает наблюдать за людьми, когда не слышишь произносимых ими слов. Но зато хорошо различаешь мимику.

В какой-то момент темная красавица сочла себя обиженной, ее губы выговорили достаточно сложную, видимо не слишком вежливую фразу, поскольку Ляхов поморщился.

Она запрыгнула в машину, и вездеход резко взял с места, разбрасывая по сторонам снежные комья.

Вадим постоял с минуту, глядя вслед машине, еще раз пожал плечами, закурил и медленно пошел вдоль улицы в сторону леса.

Елена сидела, словно впад в ступор, так все это было невероятно. Подумать только — пять неизвестно куда ушедших лет, Буэнос-Айрес, Петроград, Гельсингфорс, страхи, переживания и терзания души, а он гуляет вот

тут, в этом поселке, ссорится с экзотическими красотками у нее на глазах...

Потом опомнилась, вскочила, бросила на стол, не считая, пригоршню монет, выбежала на крыльцо, подхватила свои лыжи.

Оглянувшись по сторонам, увидела Ляхова, дошедшего до следующего перекрестка, заспешила следом, благо не одна она была на улице, достаточно много дачников возвращалось с прогулки или только шли на нее, поодиночке, вдвоем, в окружении детей с лыжами и санками.

Вадим свернул к тем самым оврагам, откуда недавно возвращалась Елена в самом радужном расположении духа.

Сейчас оно у нее было совершенно другое. С одной стороны, Вадима она все-таки нашла, хотя и без всяких специальных усилий, даже — вопреки им. Пока искала — найти не могла, а махнув рукой на поиски и решив отдохнуть и отвлечься, тут же и увидела.

С другой — слишком уж ей не понравилась подруга Ляхова. С такими девушками соперничать трудно, особенно имея в виду предысторию.

Но хоть поговорить с ним она имеет шанс. То есть складывается дело все-таки удачно.

Непонятно, как и почему, но похоже, что Вадим предпочел одинокую прогулку обществу своей подруги. А значит, вполне возможно, что это всего лишь случайная знакомая, только сегодня на прогулке и встреченная, на что-то рассчитывавшая и этого не добившаяся. Так что не следует делать далеко идущих выводов.

На опушке леса Ляхов пристегнул лыжи и размахистом побежал по накатанной, прямой и твердой, как автобан, просеке.

Елена, не слишком уверенная в своих силах, да вдобавок расслабленная и разморенная теплом и сытным обедом, с трудом за ним поспевала. Хорошо, что Вадим явно не торопился.

Однако... Она понимала, что долго так не выдержит. И, выбрав момент, когда поблизости никого не было, окликнула его. Сразу он не услышал, пришлось крикнуть еще раз.

Ляхов остановился даже слишком резко, развернулся с веером синих искр из-под окованных сталью лыжных кромок.

Она приближалась к нему, чувствуя, что сил почти не осталось, еле передвигая ставшие ватными ноги.

— Лена? Это ты? Откуда?..

— Вадим? А я думала, что обозналась. Позвала так, на всякий случай...

Несколько минут продолжался обычный в таких случаях, бессвязный разговор, когда собеседники не слишком понимают, как себя вести и о чем вообще следует говорить. Сколько лет не виделись, хочется и узнать друг о друге как можно больше и сразу, но не определен еще статус общения, не прояснились роли — в качестве кого они общаются?

Бывших любовников, по-прежнему в таком качестве себя воспринимающих, просто хороших знакомых или совершенно уже чужих людей, которым проще всего расстаться после пары дежурных фраз?

Нет, судя по всему, Вадим воспринимает ее почти в прежнем качестве, в его глазах и интонациях Елена видела и чувствовала то самое, забытое. И он, кажется, искренне рад ее видеть.

— Нет, ну как же... по-моему, ты устала. Давно катаешься?

— С утра, — честно ответила Елена. — Я уже домой шла, и вдруг... Еле догнала, правду сказать.

— Ну, давай посидим немного, можно и костерок запалить. Вон место удобное, — Ляхов указал на несколько штабелей коротко нарезанных бревен, видимо заготовленных лесниками во время санитарных порубок, выложенных в неглубоком распадке справа от просеки.

— Лыжи снимай, — подвел он ее к бревну потолще, на котором можно было удобно сесть, смел рукавом снег, да еще и заботливо постелил на мерзлую кору свою шерстяную шапку. Надергал из поленицы несколько палок потоньше, широким и острым десантным ножом, что висел у него на поясе, настрогал целую груду щепок, сновисто разжег огонь.

Сел рядом, ритуальным жестом подержал над костром руки, закурил от головешки.

— А теперь поведай, каким тебя ветром сюда занесло? Я в совпадения верю, даже самые невероятные, но каждый раз испытываю искреннее изумление, когда они случаются.

Ей хотелось выложить ему все и сразу, но что-то останавливало. Да и зимний лес — не подходящее место для таких откровений. И она отделалась самым верхним краешком правды. Мол, в Аргентине война, муж отправил ее на Родину, и она, от нечего делать, наугад выбрала именно этот поселок.

— Бывает же! — снова удивился Вадим. — А меня случайные знакомые на уикенд пригласили. Вчера катались-развлекались, а сегодня им вдруг срочно вернуться потребовалось. Звали меня с собой, а я не захотел. Зима не сегодня-завтра кончится, больше не покатаешься.

Елена хотела было спросить и о девушке, но вовремя воздержалась.

— Отдохнула, согрелась? — спросил Ляхов. — Тогда лучше поехали обратно. А то скоро снова начнешь замерзать. Нам лучше посидеть в более подходящем месте. Если ты не против, конечно.

— Совсем не против. Мы же остались друзьями, как ты должен помнить. Вот у меня и посидим. Там никто не помешает...

В комнатах было тепло, но Вадим все равно предложил разжечь камин. Был у него этаким бзик, обожал он смотреть на живой огонь, который будил в нем древние пещерные инстинкты.

Пока он этим занимался, Елена закрыла внутренними ставнями окна в гостиной и на кухне, торопливо переоделась, исходя из возможностей своего холодильника собрала на столе не слишком обильный ужин.

Есть ей не хотелось, но это был один из наиболее простых и доступных способов создать для разговора с мужчиной непринужденную обстановку.

— Я позвоню по телефону? — деликатно осведомил-

ся Вадим, закончив раздувать огонь и вытирая рукавом покрасневшие от дыма глаза.

— Звони, конечно, телефон на тумбочке возле дивана, — кивнула Елена, догадываясь, кому он собирается звонить. И пока он отсутствовал, подавив естественное желание подслушать, наскоро навела красоту перед зеркалом.

Взбила прическу надо лбом, тронула губы помадой и ресницы тушью, расстегнула лишнюю пуговичку на блузке. Осталась собой довольна. Для двадцати восьми лет очень ничего. Неплохо было бы еще и свечи поставить на стол, но как бы Вадим не счел ее действия слишком уж провокационными. Не стоит торопить события.

В душе она испытывала уверенность, что все у них может получиться, хотя и не знала пока, как именно это будет выглядеть.

— Вот и все, — сообщил Ляхов, возвращаясь в столовую. — Все свои проблемы я решил и теперь совершенно свободен. Можно и закусить, и употребить по маленькой в честь нашей невероятной встречи. Кстати, тебе не кажется, что стол наш скуден соразмерно с торжественностью момента?

— Извини? — Елена испытала легкое смущение. — Но не могла же я знать... Сама я обычно в трактире обедаю, а ужинать стараюсь полегче.

— Легко решаемая проблема. Сейчас я закажу из ресторана. Начнем тем, что есть, а там и подвезут. Повара у них весьма приличные, имел удовольствие убедиться.

Ну, а теперь рассказывай, все и в подробностях, — предложил Вадим, закусив долькой лимона, вложенной между двумя ломтиками сыра. — Сдается мне, что есть у тебя в жизни какие-то сложности.

— На чтении мыслей специализируешься?

— Отнюдь. Просто до сих пор льщу себя надеждой, что хорошо тебя знаю, а взгляд у тебя был там, в лесу, словно ты не давнего приятеля случайно встретила, а как минимум привидение...

И самое смешное, что в чем-то ты права. Кстати, запомни на всякий случай, что в нынешней реинкарнации зовут меня так же, но фамилия совсем не Ляхов, а Полов-

цев. Полковник Половцев, и познакомились мы именно сегодня, а до того не встречались и встречаться не могли, поскольку большую часть сознательной жизни я провел не только не в Москве, но и не в России. Хорошо это запомни.

— Для кого я должна запомнить? И что вообще все это значит? — Елена окончательно уверилась, что не только в коллекционерские дела она оказалась замешана, а в нечто куда более серьезное.

— Расскажу, но позже. А пока... Что-то мне кажется, не так у тебя все просто складывается. Может, поделишься?

— С чего ты взял?

— Ой, Лена, ты брось, а? Глаза у тебя... И когда я тебе свое новое имя назвал, ты аж дернулась. В чем дело?

И впервые за много лет Елена вдруг почувствовала необыкновенную легкость, отсутствие необходимости выбирать слова и тщательно сепарировать мысли. С Вадимом она привыкла быть самой собой. И пусть, по всем законам и правилам, ей, замужней женщине, делать этого не следовало, она удержаться не могла. То есть в присутствии Ляхова окончательно подтверждалось то, что она поняла наедине с собой.

Елена рассказала Вадиму почти все, начиная с момента, когда увидела его фотографию на обложке журнала, исключая, разумеется, свои интимные мысли.

В том числе и о встрече с доном Херардо, и о поездке к его родителям в Гельсингфорс, и о человеке на бульваре тоже. Не замечая, как мрачнеет Ляхов.

А он в это время думал, насколько же прав оказался Чекменев вначале и Тарханов позавчера.

Ни грана выдумки не было в их словах, и закинутая арабами сеть уж слишком плотна, накрыла куда больше половины мира. Всего через три недели после случившегося смогли разыскать даже Елену, и где — в Аргентине.

И если учесть то, что случилось с ним и капитаном в Москве, кто гарантирует, что и здесь за ними не следят?

Неуютно ему стало. Захотелось поскорее вернуться в Москву. И пусть он рад видеть свою старую любовь, слишком многое не забылось до сих пор, не лучше ли было бы,

если бы он послушался Майю, остался с ней и уехал отсюда, не подозревая о том, как близко от него Елена? Чего не знаешь, о том не можешь горевать.

Но почему-то же не послушался, отправился в лес, невзирая на явное Майино неудовольствие. Очередная шутка судьбы?

И ведь, самое главное, он все равно рад встрече. Чутье ему подсказывало, что возобновление старой дружбы куда важнее для него, чем вроде бы крайне перспективная связь с Майей.

А скорее всего, это просто явления разных порядков. Слишком уж эмоционально говорит Елена и вообще волнуется больше, чем полагалось бы по ситуации. По теоретической, конечно, а не той, что складывается на глазах.

Он слушал ее внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы и мягко успокаивая, когда голос Елены начинал срывать.

Ее исповедь прервал звонок в дверь. Два официанта в красных полуфраках и черных брюках с лампасами внесли несколько судков и термоконтейнеров, коробки с посудой, корзину, накрытую салфеткой, под которой утащивались горлышки бутылок. Сноровисто начали сервировать стол по всем правилам малого банкета.

— Не слишком ты размахнулся? — шепотом спросила Елена. — К чему это гусарство?

— А также уланство и кавалергардство. Гулять так гулять. Тем более я сейчас испытываю дефицит отнюдь не денег, а роскоши человеческого общения.

— Обслуживание требуется? — осведомился один из официантов, в то время как второй установил-таки на середине стола пятирожковый подсвечник и чиркнул над фитилем зажигалкой.

— Благодарю, дальше мы сами справимся, — ответил Ляхов.

— Тогда извольте, счет. Посудку когда прикажете забрать?

— Не знаю. Может быть, мы еще завтра и обед закажем. Тогда и заберете. Ну вот теперь можно и подзакусить по-человечески, — потирая руки и плотоядно разглядывая стол, сообщил Вадим. — До сих пор не могу за-

★ быть пищу из солдатского котла. Давай начнем хотя бы вот с этих салатиков.

Но несмотря на то что Вадим старательно изображал из себя гостя в триклинии у Лукулла, ел он мало и без видимого аппетита. Гораздо больше его интересовало то, что ему говорила Елена. Это ей было очевидно.

Она рассказала ему все, за исключением собственных мыслей и планов насчет него.

— Да, наверное, мы с тобой крепко связаны, — задумчиво сказал Вадим, наконец закуривая. — Нормальные люди как расплевались — так и все. У каждого своя жизнь. А нас будто какой силой притягивает. Ни в одной прессе я про себя ничего не читал, а ты аж в Байресе, да еще в тунисском журнале. Не смешно ли?

Ребятки эти, старички в смысле, тоже тебя быстренько исчислили по той же самой причине. И в лес этот на прогулки кто из нас первый придумал приехать, чтобы здесь же и встретиться? Это нормально, я тебя спрашиваю?!

— Ненормально, наверное, но ведь случилось, — смиренно ответила Елена.

— Вот за что я тебя люблю... — сказал Вадим и осекся.

Нормальная идиома прозвучала сейчас ощутимо двусмысленно. Или — просто неуместно.

— Не боишься так говорить? — Тут Елена не сдержалась. Хотелось ей определенности или просто потребовалось задеть бывшего друга, она и сама не знала. Забыв заодно, что первый-то шаг к разрыву сделала она, отнюдь не он.

— Мне чего бояться, я человек неженатый.

— А та девушка, с которой ты на улице... — Елена хотела бы прикусить язык, но это тоже идиома, и пользы от запоздалого действия никто еще не видел. Слово не воробей.

Вадим посмотрел на нее внимательно. Даже очень внимательно. Но, скорее всего, ничего для себя угрожающего не увидел и спросил легко:

— Случайно увидела или специально следила?

— Случайно. Откуда б я вообще знала, что за тобой можно следить, что ты вдруг чудом оказался здесь, если я

только сегодня утром приехала? Абсолютно импульсивное решение. Проголодалась, зашла в трактир поесть и из окна увидела. Когда ты с ней попрощался и о чем-то спорил.

— Верю. Не с твоими способностями... Тем более я об этой поездке тоже никому не говорил.

— Что — не с моими? — попыталась обидеться Елена.

— Следить профессионально — не с твоими. И уж если бы и следила, ни в коем разе окликать не стала. Скорее бы фотографировала телеоптикой.

— Ты все время пытаешься изучать меня с точки зрения своего врага.

— Тебя — не пытаюсь. А что касается врага — меня послушай, потом и скажешь.

Теперь уже Елена со жгучим интересом слушала его историю, не менее интересную.

Оставалось только совместить все с ним случившееся, понять, откуда у чего ноги растут, и выработать общую линию.

Чем они и занимались еще почти час, при свете, с легким потрескиванием догорающих свечей, освежая быстро сохнувшие голосовые связки по преимуществу шампанским, которого официанты притащили многовато.

Возможно, ориентируясь на вкусы совсем других клиентов.

Пришли к выводу, что коллекционер дон Херардо, может быть, и действительно коллекционер, только в данном случае работает не на себя, а на совсем других людей. А вот его московские контрагенты, скорее всего, уже принадлежат к клану специалистов нужного профиля.

— Так а что дальше будем делать? — спросила Елена. — У меня пистолет есть, — и продемонстрировала Вадиму свой «парабеллум».

— Солидно. Значит, сегодняшнюю ночь мы точно переживем. Утром нас никто тронуть не рискнет, а вернемся в Москву, еще соображать станем. Терпеть не могу загадывать наперед. Вспоминать прошлое гораздо приятнее. Ты как считаешь?

Вот и подошло к тому, о чем Елена то мечтала, то думала с определенным страхом. Хотелось бы ей только

какой-то уверенности, что эта ночь, если все произойдет, не будет случайным эпизодом в жизни Вадима, воспользовавшегося минутной слабостью женщины, а станет как бы началом новых отношений. Но знала, что все равно ему не откажет. Поскольку слишком давно этого хотела.

— Я не знаю. Стоит ли возвращаться? Что было, то и было. Зачем? Тебе это зачем? Неужели другие девушки...

— Да при чем тут другие? — неожиданно резко повысил голос Ляхов. — Если б в этом дело! Мне отчего-то кажется, что не саблю ты сюда из Байреса ехала искать. А сколько, кстати, он тебе за нее предлагал?

Вопрос был слишком неожидан. Елена ждала совершенно другого. А ведь правда, сколько? Суммы напрямую дон Херардо не называл, и его партнеры тоже.

Если посчитать по косвенным признакам, то выходит тысяч сто примерно.

— А может, мы ее с тобой напрямик продадим, минуя посредников, ну, миллион получим и закатымся куда-нибудь, где вправду кокосы на голову падают? На острова Тонго, к примеру. Там населения по пятьсот человек на атолле, если враги приедут, мы их сразу вычислим и шлепнем...

Нет, ну почему так получилось, подумала Елена. Прожила пять лет с абсолютно неинтересным ей человеком, а могла бы — с этим.

Веселым, остроумным, всегда ее понимавшим, снисходительным, когда нужно.

А ведь виновата во всем была не она сама. Смешно, если задуматься, а тем не менее.

Женька Симонова, однокурсница. Если начать просчитывать каждый свой шаг и его последствия, то все в Женьку и упирается. Не послушайся ее тогда Елена, ничего бы и не было. Ни тогда, ни потом.

В смысле — вышла бы она рано или поздно за Вадима, и жили бы сейчас спокойно, а возможно, и счастливо. Детей имели и не прятались за ставнями чужого дома от неведомых врагов.

Как один шаг человека в сторону меняет всю его жизнь!

ГЛАВА
ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На неделе Ляхов дважды встречался с Майей, но, как говорится, на нейтральной территории. Один раз они сходили в Вахтанговский театр, второй — в варьете. Ужинали в ресторане, гуляли по вечерним улицам и благопристойно прощались у ее парадного, словно бы ничего серьезного между ними еще не было.

Это Вадима скорее забавляло, хотя и заставляло задумываться — действительно ли у нее просто такая взбалмошная натура или же следует предположить какую-то сложную интригу с ее стороны? Только вот какую именно? Элементарная охота на перспективного жениха или же нечто совсем другое?

Поэтому, когда она вдруг позвонила ему в пятницу и предложила провести выходные у нее на даче, покататься на лыжах, возможно, последний раз в этом году, поскольку весна на пороге и снег может сойти в любой момент, Вадим охотно согласился. И просто потому, что любил зимний лес, а главное — двое суток наедине с красивой девушкой в подходящей обстановке могли значительно прояснить ситуацию.

Испытывал он в ее адрес определенные подозрения и сразу, и особенно после того, как утром, в трезвом виде, Салтыков старательно уклонился от откровенного разговора по поводу Майи.

Мол, чего не наболтаешь в состоянии куража. Да, немного он ее знает, но и не более. Отец у нее довольно крупный прокурорский чин и вообще весьма богатый человек. Девушка же ведет, как он выразился, «рассеянный образ жизни», славится эксцентрическим характером и еще тем, что счастливчик, сумеющий ее укротить, может рассчитывать на многомиллионное приданое.

Вообще Салтыков старался изобразить дело так, что будто бы и он сам, и многие другие старались добиться расположения мадемуазель Бельской, но безуспешно. Более того, с теми, кто пытался делать это особенно на-

стойчиво, случались какие-то неприятности. Именно поэтому он и не хочет более на эту тему распространяться.

— Так она ведьма, что ли? — пошутил Вадим.

— Знаешь, давай лучше не продолжать... А тебе советую быть поосторожнее, если что-то такое вообразил.

Разумеется, интереса к девушке это только прибавило, хотя Салтыкову он не поверил. Что-то здесь другое, отнюдь не банальная мистика.

И вот поди ж ты, вчерашнее происшествие и тут же — ее звонок. Совпадение, скорее всего, а возможно, что и нет.

Отправляясь на встречу, Ляхов дал себе слово действительно быть поаккуратнее.

Теперь уже не «Хорьх», а джип-вездеход довез их до поселка Сходня, расположенного всего в сорока километрах от Москвы, но выглядевшего так, будто он затерян в самой глуши среднерусских лесов.

Бревенчатые, стилизованные под избы богатых крестьян дачи, просторно стоящие среди вековых мачтовых сосен, двухметровые сугробы по сторонам широких, тщательно очищенных от снега улиц и узких переулков, густосинее небо, к которому дружно поднимались столбы дыма из печных труб.

И великолепные окрестности, будто специально приспособленные для зимних забав — лыжных прогулок, катания с гор на санках и по многочисленным, уходящим в бесконечность просекам — на тройках с бубенцами.

К удивлению Вадима, и здесь Майя продолжала вести себя как примерная девочка, действительно не помышляющая ни о чем, кроме того, что было заранее оговорено. Глазок не строила, в машине бедром и локотком не прижималась.

Дача у Майи, а скорее, у ее отца, поскольку мужское присутствие здесь было гораздо заметнее, была приличная, но отнюдь не вызывающая, на фоне прочих не выделялась. Ляхову досталась комната в мансарде, с косым потолком и выходящими на одну из центральных улиц поселка окнами, а девушка разместилась на первом.

После необременительного завтрака отправились в лес.

Лыжницей Майя оказалась великолепной, Вадиму до нее было далеко. После окончания университета он и становился-то на лыжи едва ли десяток раз за все время.

А девушка скатывалась, стремительно маневрируя между стволами сосен, с таких круч, что Ляхову даже издали смотреть было страшновато. Он предпочитал горки пологие, с прямой, хорошо накатанной лыжней. У Майи хватало такта не смеяться над ним и ума не провоцировать на повторение собственных головокружных трюков.

Когда Вадим окончательно вымотался и взмок, невзирая на пятнадцатиградусный морозец, она повела его в трактир «Берендеевка», разместившийся в громадном рубленом тереме, окруженном широкой, крытой щепой террасой.

Одетые в древнерусские костюмы поваров подавали соответствующие блюда в расписной хохломской посуде. Ели деревянными ложками, пили ставленные меды и травяные настойки из глиняных чарок.

Огромная, выложенная зелеными с золотом изразцами печь распространяла сухое ровное тепло. На выскобленном добела полу лежали продолговатые солнечные блики.

Вадим был искренне благодарен Майе за то, что вытащила его из города, приобщила к жизни, о которой он уже начал забывать.

Они разговаривали о всяких приличествующих случаю пустяках, много шутили и смеялись. Она — над его гротесками из армейской жизни, он — над великосветскими анекдотами, часто малопристойными.

Трапезная была заполнена по преимуществу такими же, как они, молодыми парами, но мужчины все равно, украдкой от своих подруг, бросали на Майю восхищенные взгляды. Даже без косметики, с покрасневшим от мороза и ветра лицом, она была необыкновенно хороша. Вадиму это льстило, и он всерьез начинал подумывать о том, чтобы перевести их знакомство в какую-то устойчивую плоскость.

На ее дачу вернулись уже под вечер. Мышцы и связи у Ляхова с непривычки ныли. Хотелось принять горячую ванну и завалиться в постель. Но Майя предложила

кое-что получше. Оказывается, их уже ждала заблаговременно истопленная не то сторожем, не то дворецким баня.

— Ты не страдаешь предрассудками? — осведомилась девушка.

— В смысле?

— Ну, не против, если мы будем париться вместе?

Вопрос его несколько удивил. И вновь заставил насторожиться. Непонятная все-таки девушка. Или она на самом деле решила начать их отношения с чистого листа, давая таким образом понять, что совершенно ничего у них в прошлом не было, а если Ляхов думает иначе, так это просто у него конфабуляция, сиречь — ложные воспоминания, разновидность парамнезии. Хорошо, если таким образом она просто решила исправить свою тактическую ошибку.

То есть, подчиняясь минутному капризу, отдалась малознакомому мужчине при первой же встрече, не собираясь продолжать знакомство, а теперь вспылала чувствами и решила срочно переделывать оказавшийся не слишком выгодным имидж.

— Да я-то что, — подыграл ей Вадим, — лишь бы тебя это не смущало.

— По старорусскому обычаю мужчины и женщины мылись в бане вместе, но это совершенно ничего не означало.

Баню строил явно знаток и любитель этого дела. Только снаружи она выглядела примитивным деревенским сооружением, кое-как срубленным топором из некондиционных бревен, внутри же использовались все достижения передовой банной мысли.

Стены обшиты шлифованной липовой вагонкой, сантехника из голубого фаянса и начищенной бронзы, просторный бассейн оснащен ионизатором и гидромассажем.

Но топились баня не электричеством, а настоящей дровяной каменкой, чтобы пар был должной кондиции.

В силу естественной девичьей стыдливости разделась Майя в отдельной комнатке предбанника и появилась в

парилке, целомудренно подпоясавшись полотенцем. Увидев это, Вадим сделал то же самое.

Ему помогала сейчас профессиональная привычка — уметь на работе не видеть женщину в пациентке, сколь бы очаровательной она ни была за пределами врачебного кабинета.

Даже когда, ложась на полоч, чтобы подвергнуться избиению пышным дубовым веником, Майя сбросила полотенце, явив взору Ляхова соблазнительные тутие ягодицы, он сохранил выдержку и присутствие духа.

Это, похоже, девушку несколько разочаровало.

— Как тебе это удастся? — поинтересовалась Майя, когда они, распарившись до изнеможения, бросились в ледяную воду бассейна.

— Что именно? — сделал вид, что не понял, Ляхов.

— Вот это, — показала она глазами, выбираясь на бортик. — Я, откровенно говоря, не думала, что на меня можно смотреть, как на мраморную статую. Обычно мужики теряют голову, если словчатся заглянуть в вырез платья или юбка невзначай вздернется.

Вадим усмехнулся.

— Может, ты на лыжах перекатался? Как те монахи, что смиряют плоть непосильной работой?

Майя вскочила, выпрямилась, подбоченилась, изогнув талию и отводя назад плечи, плавно повела бедрами.

Ляхову пришлось изрядно поднапрячься, чтобы не среагировать на провокацию.

— Есть такое слово — «надо», — с улыбкой сказал он, подняв голову и глядя ей в глаза.

— Что — надо? — не поняла Майя.

Она первая отвела взгляд, села на лавку с ногами, обхватила руками колени.

— Надо уметь оставаться джентльменом в любых ситуациях. Хорош я был бы рейнджер, если бы вид голый красотики тут же срывал меня с катушек. Вот однажды пришлось вломиться прямо в гарем одного шейха. Визгу было! А бабоньки там все на подбор пышные, дебелие, не тебе чета. И без всего. Причем, что примечательно, бреют не только ноги и подмышки...

— Да ну тебя! — Майя брезгливо сморщила носик. — И чем дело кончилось?

— Согласно заданию. Взяли мы означенного шейха под жирные ручки, и через два часа он уже давал показания за полтыщи километров от своего оазиса.

— Интересно люди живут, — с завистью промолвила девушка.

— Ну, пойдём ещё погреемся.

Полотенцем она больше не перепоясывалась, и следующие полтора часа прошли без эксцессов и сексуальной агрессии.

После бани они совсем немного выпили, и Вадим, наконец, улегся в отведенную ему постель.

Сон не шел, вопреки ожиданиям. Вадим дважды вставал и курил перед открытой форточкой, надеясь, что, как следует замерзнув, легче будет уснуть под теплым одеялом.

А потом тихонько скрипнула дверь. На пороге стояла Майя, подсвеченная сзади коридорными плафонами. На ней была длинная, отчего-то вдруг непрозрачная ночная рубашка. А он воображал, что она появится, по обычаю, в туалете более обнажающем, чем скрывающем. Впрочем, после бани смысла в этом не было.

— Не спишь?

— Нет пока.

— Я войду?

— О чем речь. Здесь ты хозяйка.

Девушка присела на край постели. Он подвинулся. Майя легла рядом, но поверх одеяла.

— Дай мне тоже сигарету.

Вадим подал ей сигарету и пепельницу, щелкнул зажигалкой. Пламя отразилось в больших, как ему показалось — загадочно поблескивающих глазах.

— Не думай, я не навязываюсь, — тихо сказала она после долгой паузы. — Мне просто непонятно. Что-нибудь случилось? Я тебя обидела? Или хочешь мне отомстить за те слова, за мое тогдашнее поведение?

— О чем ты, Майя? Вот имя у тебя неудобное для подобных случаев. Не Маечкой же тебя называть.

— Наверное, соответствует натуре, — с оттенком иронии сказала девушка.

— Похоже, так. Дело тут совершенно не в тебе...

— В чем же?

— Ты мне нравишься, честно. Поэтому скажу... Давай пока обождем.

— Нет, ну совсем не понимаю. Я тебе нравлюсь, ты мне — тоже. Не думай, я не шлюха. Просто стиль себе придумала такой. Меня чуть не десяток раз в месяц пытаются «соблазнить», и не самые последние люди в этом городе, поверь. И если ты найдешь хоть одного, кто осмелится сказать, что спал с Бельской, спокойно плюнь ему в глаза, как советовал Козьма Прутков.

И уж если я... Значит, все не просто так.

— Аналогично. У меня тоже стиль. И нечто вроде принципов. Поэтому и предлагаю подождать.

— У тебя есть жена? — догадалась Майя.

— Не обзавелся. И любовницы тоже нет. Давно. А с тобой... Ну, представь, что, пока я не разобрался, просто не хочу себя связывать... моральными обязательствами, если угодно.

— Впервые такое слышу, — фыркнула Майя. — От пришибленных воспитанием девственниц слыхала, но от боевого офицера — никогда. Тем более я ни на что не претендую. Будем вместе, пока нам хорошо, а дальше — как получится. Похоже, милый, у тебя в прошлом какая-то печальная история. Психическая контузия?

— Совсем не то, что ты вообразила. Просто ты в силу пока еще юного возраста пребываешь в плену стереотипов, свойственных кругу твоего общения, — получилось как-то слишком занудливо, но так уж выговорилось. — А я слегка другой. Ну, не получается у меня по-вашему, ты уж прости. Давай еще хоть пару недель побудем просто хорошими друзьями.

— А потом ты оденешься в парадный мундир и явишься к моим родителям просить руки и сердца? Так имей в виду, я замуж пока не собираюсь. Тем более за такого напыщенного болвана, у которого не голова, а котелок с возвышенными мыслями. — После этих слов Майя своим мелодичным и ровным голосом выдала такую

★ сложную матерную конструкцию, что впору боцману парусного флота. По слухам, именно у них данное искусство достигло наивысшего расцвета.

— Bravo! Где ж ты такому обучилась?

Девушка не ответила, выдернула из-под себя одеяло, легла рядом с Вадимом, укрылась, повернувшись к нему спиной.

— Раз вы столь хорошо воспитаны, полковник, я надеюсь, моей чести ничто не угрожает. А спать одной мне страшно и холодно. Спокойной ночи, пусть вам приснится что-нибудь попротивнее...

Он из вредности хотел было напомнить ее же принцип: «Я никогда не сплю с мужчинами», но сообразил, что тут можно и настольной лампой по голове получить.

Вадим, пару раз просыпаясь, чтобы выпить глоток минеральной воды, слышал, как Майя, беспокойно ворочаясь, бормочет нечто неразборчивое.

Похоже, с подкоркой у нее не все в порядке и сны как раз ей снятся тревожные и неприятные.

И тут вдруг неожиданно сообразил, что сам он никаких снов давным-давно не видел. Пожалуй, как раз с Нового года. До этого они снились регулярно, как правило, подробные и яркие. Он даже помнил кое-какие. А потом — как обрезало. До сих пор он просто не обращал на сей факт внимания, занятый делами, уставая от учебы, проваливаясь в сон после дружеских пирушек. А тут задумался.

Ей-богу, не в порядке что-то с ним, очень не в порядке.

Под утро у Ляхова возникло вдруг почти непреодолимое желание послать подальше все свои принципы. Девушка ведь и вправду казалась ему сейчас очень искренней в своих поступках.

И все же...

Утром, видя, что Майя продолжает держаться хотя и вежливо, но крайне холодно, он постарался, не слишком кривя душой, объяснить с ней. Ссориться окончательно Вадиму не хотелось, и он изложил ей с некоторой литературной правкой историю своей первой любви, кото-

рая и оказалась столь неудачной именно потому, что он слишком рано позволил себе потерять голову.

Кажется, Майю это несколько примирило с предыдущим, она вроде бы оттаяла, хотя позволила себе несколько крайне язвительных комментариев.

До обеда они снова катались, причем теперь уже не на лыжах, а на мощном снегоходе «Вятка-7», который дюжие охранники выкатили из каретного сарая.

Вадим собирался сесть за руль сам, но Майя его отстранила твердой рукой.

— Извини, дорогой, но я еще жить хочу. Слишком часто видела, как такие «чечако», как ты, раскалывали головы об окрестные деревья. Это не машина и не мотоцикл...

В справедливости ее слов он убедился почти немедленно.

А потом ей вдруг кто-то позвонил, и она неожиданно, как-то совсем несовместимо со своим тщательно отработанным имиджем, возбудилась.

Мол, немедленно ей надо ехать в Москву. Некое срочное, совсем не терпящее отлагательства дело. Но не думай, ничего личного!

— Так это же твои дела, дорогая. А ты меня пригласила на полный уикенд. Ну и позволь догулять, как собирался. Или сама пошли все проблемы туда и туда, куда прошлой ночью посылала.

— Увы, — с искренним сожалением сказала Майя. — Я правда должна уехать, и немедленно... А ты оставайся. И присмотрят за тобой, и в город отвезут, только скажи.

Ляхов пожал плечами, и она села в поданный ей автомобиль. Вадим, почувствовав неожиданное облегчение, вскинул на плечи лыжи и направился в сторону оврагов.

...Встреча с Еленой его как-то даже и не удивила. Ему давно уже казалось, что реальность вокруг него странным образом деформировалась и в ней начали случаться вещи, ранее невероятные. Или хотя бы — крайне маловероятные. Ну, вот если выстроить все случившееся по порядку, начиная с новогоднего утра. Он это и сделал, на-

рисовав на листе бумаги соответствующую таблицу, указывая в отдельной графе вероятность реализации каждого события.

А потом просчитал по формуле Шеннона вероятность того, что все названные события случились с одним и тем же человеком в ограниченный отрезок времени. Величина получилась настолько исчезающе малая, что и во внимание ее принимать не стоило.

Неплохо было бы еще найти способ выяснить, имеется ли между всем этим причинно-следственная связь или же каждое событие независимо от других и автономно.

Как сейчас вот.

Моментами Вадиму чудилось, что он совсем близко от разгадки. Такое же ощущение, как при попытке вспомнить вылетевшую из головы фамилию хорошо знакомого человека. Но — не выходило.

Он даже попробовал связать все это со странным мигом деформации сознания в финальный момент боя. Деформация сознания и выпавшие из жизни минуты...

В разговоре с Тархановым Вадим прямо спросил его, не замечал ли тот за собой похожих странностей. От природы чуждый склонности к рефлексиям капитан, похоже, даже не понял сути вопроса.

— Вся наша жизнь, по сути, одна огромная случайность. Если бы нас тогда убили — все остальное происходило бы с кем-то другим и по-другому. Только лишь. А что касается всего остального, так еще в гимназии наш химик Сергей Яковлевич любил повторять, что в жизни, как и в химии, происходят только те процессы, которые могут происходить. Что же касается каких-то нарушений психики — нет, не замечал. Контузия обошлась без последствий.

Поняв, что в этом вопросе капитан ему не помощник, Вадим решил дальше разбираться самостоятельно.

А Елена? Ну, что Елена?

Не сказать, что он вспоминал ее часто, но вспоминал, с сожалением, особенно когда были проблемы с другими дамами. О том, чтобы рано или поздно на ней жениться, он подумывал, но особенно не спешил. А Елена ждать не захотела.

И вот сейчас вернулась. И притащила за собой целый хвост проблем. А не попадись ей на глаза тунисский журналист?

Это что, тоже случайность или же просто непознанная закономерность?

И вот еще загадка. Словно бы предчувствуя эту встречу (а может быть, действительно предчувствуя), он, вопреки нормальной логике, только вчера отказал Майе, да еще и придумал соответствующую легенду, и вот теперь свободен, никому ничего не должен и может поступать по собственному разумению.

Но вот история с коллекционерами...

Выходит, совсем не врал и не фантазировал Чекменев с Розенцвейгом, и впредь следует ориентироваться на их контору. То есть в данном конкретном случае на Тарханова и его коллег.

И лучше всего — начать делать это прямо сейчас. Если они с самого Байреса держат Елену под плотным колпаком, то отчего не допустить, что они делают это и сейчас?

Ну не поверили они ее «справке», решили понаблюдать еще или, наоборот, поверили, и зачем тогда им лишний свидетель?

Затерянный в зимнем лесу поселок и домик с единственной обитательницей — отличное место для окончательного решения вопроса. Особенно если их «наружка» прозевала появление Ляхова. Это, впрочем, вряд ли. Он сам еще мог проскочить незамеченным, а тут машины подъезжали, официанты с корзинами...

У Елены пистолет, у него тоже. В случае чего продержаться можно, только к окнам не подходить и на улицу до утра нос не показывать.

По спецномеру, по якобы не доступной для прослушивания линии, Вадим позвонил Тарханову. Кратко, но доходчиво изложил ситуацию.

— Могу подъехать с парой надежных ребят прямо сейчас, — отозвался Сергей.

— Вряд ли стоит. Не вижу необходимости. Если не начнут стрелять из гранатометов в окна, до утра доживу. А вот если бы утром организовать прикрытие... Думаю, тебе с моей подружкой найдется о чем поговорить.

Во время ужина и позже Ляхов продолжал раздумывать, как все-таки держать себя с Еленой?

Она его влечет, и по старой памяти, и потому, что действуют неотреагированные в отношении Майи эмоции, загнанные в подсознание.

А если придется делать окончательный выбор? С одной стороны, Майя для него слишком темпераментна и отвязана. С такой подружкой наплачешься. Но с другой — Елена все-таки замужем и пока не намекала, что собирается разводиться.

Поэтому проще пустить все на самотек. Если Елена сейчас сама предпримет какие-то шаги или хоть намекнет, он второй день подряд монаха из себя строить не станет. А там как выйдет.

Она дама замужняя, пусть сама решает эту проблему. Тем более что в нынешних условиях он как солдат на войне. Что живым завтра останется, и то обещать не может.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ночь воспоминаний и встречи с молодостью прошла спокойно, их никто не потревожил, хотя Вадиму несколько раз чудилось едва слышное похрустывание снега под окнами.

Утром солнце светило так ярко, что снег слепил даже через темные стекла очков.

Уехать в Москву отсюда можно было на электропоезде или же автобусом с привокзальной площади. Вадим, пожалуй, предпочел бы взять такси прямо возле ресторана, но позвонивший рано утром Тарханов, убедившись, что все у них в порядке, посоветовал идти на вокзал, причем держаться беззаботно, отнюдь не озираясь по сторонам и не пытаясь обнаружить слежку.

На автобусном круге их окликнул парень в потертой кожаной куртке, ковырявшийся под открытым капотом затрапезного фургончика с пятнами ржавчины вокруг крыльев.

— Эй, ребята, не в Москву? Садитесь, подкину недорого, а то автобус только через час будет.

Ляхов хотел пройти мимо, не удостоив шофера вниманием, но тот театральным шепотом бросил, не шевеля губами:

— Привет от Сергея. Поторгуйтесь и садитесь. Приказ.

В дороге водитель молчал, перекатывая из угла в угол рта сигарету, регулярно поглядывая в зеркала заднего вида.

На улицах Москвы он начал делать как раз то, что, по мнению Ляхова, полагается делать, отрываясь от преследования. Хотя сам он по-прежнему никакой слежки не замечал, то есть не висела у них на хвосте чужая машина, повторяющая все их эволюции.

— Что, следят? — Решив, что достаточно продемонстрировал собственную невозмутимость, наконец заинтересовался Вадим, когда они проскочили перед самым носом пересекающего улицу трамвая.

— И довольно плотно, — сообщил водитель, покрутившись по узким, обсаженным густыми елками аллеям внутри жилого квартала и вновь выскакивая на забитую машинами магистраль. — Следили. Но теперь потеряли. Здесь восемь шестнадцатизэтажек, сорок восемь подъездов, пусть соображают, возле которого я вас высадил.

— А?.. — подала голос и Елена, но парень и договорить ей не дал.

— Нет, дальше за нами никто не поехал. Их там грамотно тормознули, причем так, что выглядит все чистой случайностью, — и впервые широко улыбнулся, довольный собой и напарниками.

— И кто это был? — не отставала Елена, введенная в заблуждение благодушием парня.

— Вот чего не знаю. Мое дело — встретить и до места донести. Вот ваше место, приехали.

Возле углового двухэтажного дома, построенного, похоже, еще до пожара Москвы, их ждал Тарханов, в том же, что и прошлый раз, неприметном серо-пестреньком драповом пальто, какие носят небогатые чиновники, и в цигейковой шапке с козырьком.

— Добрались? Вот и ладненько. Пошли.

В доме помещалась явочная квартира, устроенная так грамотно, что их здесь вовек бы не нашли, если бы даже не удалось избавиться от «хвоста».

Сначала Тарханов отпер своим ключом невысокую калитку в глухих железных воротах, через тщательно очищенный от снега двор, где стояло два легковых автомобиля и трехосный армейский джип, провел гостей к двери «черного» хода, а потом они долго пробирались запутанными и заставленными пыльной ломаной мебелью коридорами, то поднимаясь по деревянным лестницам, то снова спускаясь.

Внутри дом оказался гораздо обширнее, чем казался с улицы. И, доведись выбираться отсюда самостоятельно, Ляхов бы непременно заблудился.

Наконец Сергей привел их куда надо.

Тесноватая квартира из трех проходных комнат, обставленная как жилище аккуратного, но не располагающего лишними средствами холостяка.

— Раздевайтесь, присаживайтесь, будем знакомиться. Неверов, Арсений Николаевич, — поклонился капитан Елене.

Ляхов понял, что Сергей не хочет, чтобы женщина знала, что он и пресловутый Тарханов, о котором Вадим просто не мог не рассказать своей подруге, одно и то же лицо.

Ну, так, значит, так.

— Чай, кофе? Больше пока ничего не предлагаю, обсудим наши проблемы, обедать поедем.

Из смежной комнаты появился еще один человек, Ляхову не знакомый. Постарше их с Сергеем и на вид довольно сумрачный.

— Здравствуйте. Виктор Викторович Стрельников, если угодно. Подполковник. Мне и поручено заниматься вашим делом. Арсений Николаевич нам кое-что рассказал, мы прикинули и решили, что повод для работы есть. Вот сразу и начнем.

— Вам — это кому? — уточнил Ляхов. По чину он был выше Стрельникова и не собирался исполнять роль потерпевшего на допросе в полицейском участке.

— Командованию подразделения, в котором служит Арсений Николаевич. Данные ситуации входят в сферу нашей компетенции. Пока этого достаточно.

— Благодарю, вопросов больше не имею.

— Если так, с вашего позволения я хотел бы побеседовать с Еленой Артуровной. — Лицо подполковника по-прежнему оставалось нейтрально-хмурым.

— А я, соответственно, с Вадимом Петровичем, — заявил Тарханов и увлек Ляхова в соседнюю комнату.

— Чего это он у вас такой? — довольно похоже изобразил Вадим мимику Стрельникова.

— Характер. Нет, мужик он нормальный и специалист высококлассный. Ты с ним по пустякам не затевайся.

Тарханов выложил на стол сигареты и зажигалку, устроился поудобнее на желтом венском стуле.

— Излагай. Каким образом очутился в Сходне, как с девушкой встретился и вообще все, что сам по этому поводу думаешь.

— Примерно то думаю, о чем тебе уже говорил. Вал невероятного нарастает по экспоненте.

Не прошло и двух суток, а я встретил свою бывшую возлюбленную, с которой не виделся пять лет. Она узнала о нашей с тобой виктории из журнальчика, единственного в мире, который хоть что-то об этом написал и неизвестным образом оказался именно в этот день и час в том ларьке, мимо которого Елена проходила.

Еще через неделю ее муж получил предложение перевестись на работу в Москву. Под это дело она собирается и приезжает сюда, а ее мужа вдруг задерживают там, по причине столь удачно вспыхнувшей войны.

Далее — до отъезда ее успевает разыскать некий «коллекционер», живо интересующийся подобранной мною саблей.

Елена добросовестно старается меня искать, но не находит. Друзья «коллекционера» держат ее на коротком поводке и здесь, и в страхе перед ними она решает спрятаться на даче в Сходне.

Именно туда в это же время приглашает меня девушка, с которой я познакомился при странных обстоятельствах, причем ее дача расположена прямо напротив трак-

тира, в котором решает пообедать Елена. И как раз в тот момент, когда Майю вдруг кто-то вызывает по телефону в Москву. Она зовет меня с собой, а я отказываюсь, поскольку еще не накатаюсь и в Москве мне делать нечего.

Елена наблюдает момент прощания и узнает меня, потому что села за единственный столик, от которого видны ворота Майиной дачи.

Мало тебе этого? Так я еще не все совпадения и странности обрисовал, только наиболее существенные.

Как хочешь, а я думаю, что мы имеем дело с грандиозным катаклизмом, деформацией закона причинности в планетарных масштабах. Великая флюктуация, если угодно...

Тарханов слушал его со странным спокойствием, не перебивая и не задавая вопросов, пока Вадим, наконец, не замолчал, выдохнувшись.

— Хорошо, предположим. Картинку ты изложил впечатляющую. Только ведь это только так кажется, что нынешние события так уж невероятны. Просто ты смотришь на них под иным углом, как бы на лабиринт — сверху. Оттого и выводы делаешь... — Он пошевелил пальцами, пытаясь подобрать подходящее определение, не сумел и продолжил: — Ведь вся наша жизнь — цепь ровно таких же случайностей, но не слишком явных. Ее можно в любую сторону продолжать, от конца до начала наших жизней и даже дальше, поскольку и родились мы тоже в результате совпадений столь же невероятных. Просто никто не взялся все имевшие место коллизии наши и наших родителей и столь же невероятные сцепления случайностей прослеживать.

— Философом ты стал, — усмехнулся Ляхов. Пока что слова капитана его не убеждали. В принципе верные, они все же соответствовали именно данному сюжету.

— Куда ж без этого. Поэтому предлагаю — гипотезу о флюктуации оставить до другого раза и сосредоточиться на вещах бесспорных и имеющих практический смысл. Именно.

Он закурил уже третью подряд сигарету.

— Эту историю я вчера немедленно доложил своему непосредственному начальнику, кап-два Кедрову. Он к

ней отнесся с большим пониманием, поскольку наверняка знаком с Чекменевым и прочими. Степень его информированности мне знать не положено, да это и неважно. Короче, сейчас весь наш отряд, а это больше сотни весьма толковых специалистов, работает по этой теме.

Непосредственно руководит разработкой Стрельников, сыскарь с обширной практикой.

Думаю, сейчас самое главное — линия твоей Елены. Тут как раз все ясненько до доньшка. До ее «коллекционера» мы теперь вряд ли доберемся, а российскую цепочку отследить можно. Я сам хоть и не по оперативному розыску спец, но и то догадываюсь, как это можно сделать. И про девушку Майю выясним.

Из соседней комнаты их окликнул Стрельников.

— ...Ну, с Еленой Артуровной мы в принципе договорились, — обратился он к Ляхову. — Требуется и ваше согласие.

— На что?

— На участие в оперативной игре. На самое активное сотрудничество. Не скрою, дело связано с риском, не таким уж большим, но все же...

— О чем речь, — пожал плечами Ляхов. — Естественно, буду делать все, что в моих силах.

— Очень на это рассчитываю. Полного плана предстоящей операции у меня пока нет, но начинать нужно немедленно, почти что экспромтом. Итак, вводная для вас — что бы вы стали делать в предложенных обстоятельствах самостоятельно?

— То есть встретился с Еленой, узнал от нее то, что узнал на самом деле, но ни вас, ни Арсения для меня не существует?

— Примерно так. Начинайте...

Ляхов и сам уже думал об этом весь остаток прошлой ночи.

— Предположим, к моменту встречи с ней я знал все то, о чем мне рассказал в Хайфе Чекменев. Но знают ли о степени моей информированности наши враги?

— Допустим, знают, вернее, догадываются. Раз исчезли вы, с боем прорвался домой через Нью-Йорк Тар-

ханов, значит, вы в той или иной мере в курсе грозящей опасности.

— Хорошо. От Елены я узнал о людях, ищущих саблю. Вообще-то, в нормальных условиях я должен тут же бежать в контрразведку, или какую там организацию представляют люди, меня опекающие. Да, кстати, вы уверены, что те, кто нас сегодня преследовал, именно «коллекционеры»?

Стрельников впервые изобразил на лице улыбку.

— Хороший вопрос. Нет, не уверен. Пока знаю одно: от дома в Сходне за вами была слежка. Наш водитель ее оборвал. Сейчас выясняем, кто и зачем вами интересовался. Но продолжайте.

— Продолжаю. Не знаю уж, какой психологический портрет Ляхова нарисовали наши противники, но будем исходить из того, что он довольно близок к подлинному. Раз они так тщательно отследили мою биографию, что и Елену нашли, значит, и про многое другое знают. Поэтому будем поступать строго наоборот. Расчет, очевидно, был на то...

Он замялся, не зная, как сформулировать дальнейшее. Углом глаза посмотрел на Елену. Она сидела молча, с бесстрастным лицом, но в позе чувствовалось напряжение.

— Что встретившись с вами и поняв, что вы не до конца забыли прошлое... — Стрельников прервал фразу и обратился к Елене: — Да вы не смущайтесь, не смущайтесь, чего уж теперь, работа у нас такая. Считайте, что я сейчас врач и исповедник в одном лице и все наши откровения не имеют никакого отношения к обычной морали. Так вот, господин Ляхов не до конца забыл прошлое, выразил определенную склонность возобновить отношения, и вы теперь должны пересмотреть свою позицию и, скорее всего, принять решение не сообщать об этой встрече. На этот случай они и решили подстраховаться, организовать слежку, возможно — силой захватить владельца сабли. Чтобы обойтись без посредников...

— Точно, — сообразил Ляхов. — А она возьмет и позвонит господину Глану. Если это они следили за нами, такой шаг их удивит.

— А если не они? Ваша оговорка предполагает, что вы допускаете возможность слежки еще с чьей то стороны?

— Это уж вам виднее, господа. Кто еще может в Москве следить за гвардии полковником и тщательно проведенным слушателем академии?

— За это не беспокойтесь. Найдется кому, — снова бледно улыбнулся подполковник. — Я же сказал, разберемся. Продолжайте.

— Я так понимаю, что если все-таки следили они, не догадались, что их слежка раскрыта, уверены, что потеряли нашу машину случайно, то, удивившись, они все-таки обрадуются. Назначат Елене встречу...

— Или ограничатся телефонным разговором.

— Это вряд ли. Допустим, я вышел из машины, не оставив Елене своего адреса, из предосторожности, а просто договорился о свидании. Скажем, завтра...

— Вы молодец, полковник. Для экспромта очень хорошо. Думаю, нам будет легко работать вместе.

— Тоже на это надеюсь. И все же, что будем делать именно сейчас?

— Вы — пока ничего. Поезжайте пообедайте с Арсением Николаевичем, он ведь вас вроде пригласил. Потом Елена Артуровна вернется домой и оттуда позвонит господину Глану.

— А я?

— Поскольку предполагается, что если даже вас узнали в лицо, то ничего больше им пока не известно, ни нынешняя фамилия, ни местопребывание, пока можете располагать собой по собственному усмотрению. Только ни в коем случае до завтра не встречайтесь и не перезванивайтесь с Еленой Артуровной. А место завтрашней встречи...

— В восемнадцать часов на улице, напротив ее гостиницы, — предложил Ляхов.

— Можно и так. Тогда позвольте откланяться. Желая приятно провести время. И вот, возьмите...

Стрельников протянул Вадиму и Елене по желто-зеленой пачке сигарет «Дюбек». Обе были не слишком аккуратно вскрыты с уголка.

— Не перепутайте, у вас обычные крепкие, у вас дамские с ментолом. Первые четыре с краю можно даже курить. Но в обычной ситуации лучше не надо. Это наша последняя разработка. Потребуется помощь или совет — нажмите вот здесь два раза, и говорите, как по обычному радиотелефону. Это фиксированный оперативный номер, дежурный на той стороне «провода» будет знать, кто вы и где находитесь. Если нажмете один раз — прибор сработает, как чувствительный микрофон и радиомаяк. Мы будем слышать все, что происходит, в радиусе десяти метров и с такой же точностью запеленгуем место. Лучше, если не пригодится, но мало ли что.

Обедать Тарханов их привез на одной из машин, что стояли во дворе.

— Это кабак проверенный, под контролем, здесь и отдыхать и разговаривать можно совершенно свободно, — сообщил Сергей, когда они расположились в отдельном кабинете на антресолях. Внизу, вокруг бездействующего фонтана, два десятка далеко расставленных столиков. Зеркала от пола до потолка делали зал бесконечным и заодно с любой точки обеспечивали круговой обзор.

— Вот бы нам позавчера сюда зайти, — сказал Вадим Тарханову, пока Елена листала толстую папку меню.

— Позавчера я сам о нем еще не знал. Если б не ты, мне еще три месяца полагалось в стажерах ходить, а теперь я уже полноправный...

— Видишь, все к лучшему.

— А то. И, к слову, те парни, что тогда в подвал ворвались, были настоящие, из сыскаго. Мы выяснили. И проверка вроде как обычная, только...

— ?

— Задание они получили ровно через десять минут после того, как мы туда вошли.

— Бывает, наверное, в целях внезапности.

— Бывает, — согласился Тарханов. — Только обычно они и ориентировку получают в таких случаях, кого накрыть предполагается. А в нашем случае команда была — проверить всех, если попадется кто из розыскных спис-

ков, задержать, у всех же прочих, ни в чем не замешанных, документы изъять, в подсобке сфотографировать, после чего вернуть с извинениями.

— Выходит, конкретно нами интересовались?

— Выходит, кто-то из нас на крючке и кому-то, имеющему право сыскарями командовать, срочно потребовалось выяснить, с кем он конспиративно встречается.

— Ну и кто из нас?

— Думаю, все же ты. Ты здесь третий месяц и на виду, а я куда меньше и под хорошим прикрытием. Хотя... Если ниточка еще от Узи Гала тянется, тогда все наоборот.

— А это кто?

— Я же, но в первую неделю московской жизни.

Лицо у Тарханова вдруг стало непривычно жестким. Ляхов вроде бы такого у него раньше и не видел. Неужели события последнего времени так его изменили?

— Ты не бойся, Вадим, мы их найдем. И кто непосредственную команду отдавал, и от кого такое задание получил. Всех найдем...

Как-то вдруг Ляхов осознал одну интересную вещь — Елена, оказывается, очень сдержанная женщина. Она ухитряется говорить только тогда, когда это действительно нужно. А так сидит, отнюдь не стремится вмешаться в чужую беседу, при этом не выглядит скованной или обиженной, вроде и слушает, и смотрит по сторонам, находит себе еще какое-то занятие.

Сейчас, например, увлеченно читает меню подряд, как интересную книгу.

Это, что ли, муж-дипломат ее так оттренировал или с возрастом пришло, раньше она, помнится, была совсем другой.

Оказывается, очень интересное занятие — изучать, как изменился человек по прошествии лет.

А тут как раз и подали обедать.

И Елена сказала вещь, которая обоих приятелей-офицеров вдруг поразила своей очевидностью, ранее не осознаваемой.

— Знаете ли, господа, а ведь во время еды не следует

вести иных разговоров, кроме тех, которые, так сказать, вытекают из самого процесса еды. Попробуйте! — и лучезарно улыбнулась, пригубив рюмку водки и закусив белужьей салфеточной икрой.

Попробовали. Получилось очень неплохо.

Тарханов с должным юмором сообщил о своих впечатлениях от кухни китайской и вьетнамской (это когда он некоторое время служил на военной базе в бухте Камранг), Елена поделилась опытом приготовления асадо по-аргентински во время пикников в пампасах, а Ляхову ничего не оставалось, как в обычной ернической манере вспомнить о рыбалке для высшего комсостава на озере Тунайча на Сахалине, где он начинал воинскую карьеру.

— Слушай, а она классная баба, — сообщил Сергей Ляхову, когда они вышли в туалет. — Ты на ней женись. Если через столько лет женщина к тебе возвращается, значит, точно лучше тебя для нее не нашлось на свете.

— Надо бы и тебе невесту отыскать. С Еленой познакомиться, чтобы не скучали в наше отсутствие.

Тарханов сначала хмыкнул с сомнением, а потом лицо его озарила гениальная, по всей видимости, мысль.

— Пожалуй, ты сейчас сказал нечто толковое. Сам этого не подозревая. План операции меняем. Резко. Пускай Елена сейчас, в моем, разумеется, сопровождении, заедет к себе в отель, как будто забыла очень нужную вещь, оттуда позвонит Глану. Сообщит о встрече с тобой и о том, что возвращается обратно в Сходню. Она же домик сняла до конца лыжного сезона? Чего же ей вдруг планы свои ломать? Потом, исходя из итогов переговоров, мы с ней заедем к одной моей знакомой и отправимся втроем кататься. Толково?

— Наверное... — осторожно ответил Ляхов, пока не улавливая замысла.

— Ты сообрази — если следили все-таки они, очень четко получается. Ну, встретила, ну, усыпляя внимание, проехала с тобой до Москвы по личным делам и тут же кинулась звонить. То есть для нее обещанные деньги куда интереснее бывшего приятеля.

Поверят, поскольку сами такая же продажная сволочь. Только пусть по телефону начинает торговаться, и

покруче. Сто тысяч рублей пусть запросит, а там посмотрим, на чем сойтись.

— А я?

— А ты как будто через пару дней обещал туда же подъехать, а где сейчас живешь, она не знает, может — у случайной любовницы и тебе нужно с ней проблемы уладить. Нет, расклад совершенно чудесный получается, и ведь ловить их на Сходне куда удобнее будет, чем в Москве, ты понял? В общем, детали мы еще подработаем...

Замысел Тарханова показался Вадиму действительно удачным. Тем более если Елена сегодня же позвонит, в Москве его искать больше не будут. Он приобретает определенную свободу действий, а именно она ему сейчас и нужна. Для собственных целей.

— Хорошо, тебе виднее.

— И мы еще одно выигрываем, — вернулся к началу темы Тарханов. — Если твоя с моей подружатся, и все прочие проблемы значительно облегчатся.

Тут стихийный психолог Тарханов тоже был прав.

Впрочем, отчего же стихийный? Офицер, чтобы руководить сотнями и тысячами самых различных людей в экстремальных ситуациях, не может не быть психологом. Профессиональным, пусть и не дипломированным.

Расставшись с Еленой и Сергеем, Ляхов сначала поехал на квартиру к Максиму.

Доктор под свой замысел вытянул у Вадима столько денег, что тот уже начал задумываться, не есть ли вся эта история лишь способом максимально облегчить его кошелек. Хотя аппаратура выглядела убедительно и результаты кое-какие имелись.

Но в этот раз коллега его обрадовал. Был он, по обычаю, слегка выпивши. Похоже, относился к типу «доброкачественных алкоголиков», знающих меру и употребляющих ровно столько спиртного, чтобы поддерживать не мешающий работе тонус. Впрочем, все это до поры.

— Вот, любуйся, первый экспериментальный полевой образец!

Максим выложил перед ним на стол прибор, больше

всего напоминающий ставшие модными несколько лет назад портативные магнитофоны с индивидуальной капсулой-динамиком. Да и сделанный, похоже, на его же базе.

Только на лицевой панели прибора, кроме ручек управления, имелось четыре вертикальных остекленных шкалы, каждая окрашена последовательно в красный, желтый и зеленый цвета.

— Это, конечно, только выносной терминал, связанный по радио со стационарным анализатором, но на расстоянии километров пять-семь он действует.

— Действует — как?

— По задуманной схеме. Запоминай.

Левая шкала — эмоциональный настрой пациента. В основном по отношению к ближайшему объекту, то есть к тебе. Но могут быть и варианты. Красный цвет — агрессивность или злонамеренность, желтый — безразличие, зеленый — доброжелательность и симпатия. Стрелка показывает степень напряженности эмоций.

Следующая — коэффициент интеллекта. Опять же по отношению к тебе. Красное — он тебя умнее, желтое — уровень, зеленое — ниже.

Третья — степень искренности. Красное — врет внаглую, желтое — это как обычно, человек о чем-то говорит, о чем-то умалчивает, но без специального умысла. Зеленое — откровенность, какая редко и бывает. Ну, может, у родителей с детьми или у молодых влюбленных...

И, наконец, правая шкала. Это, — Максим сделал хитрое лицо и хихикнул, — особая. Незаменима в определенных ситуациях. Показывает степень сексуальной озабоченности у женщин. Снизу вверх, фригидность, нормальное в повседневной жизни отсутствие соответствующего настроения и, наконец, желание, возбуждение, полная готовность хоть где и хоть как.

— Что, действительно? С трудом верится. — Вадим покрутил в руках не слишком толстую коробку размером чуть больше ладони. — То было полтонны веса, и вдруг...

— Так полтонны и осталось. Но у меня в лаборатории. А здесь только примитивный сканер эмоций, радио-

передатчик и указатель. Все. Ну, еще аккумуляторы. Сигнал считывается, подается на главный анализатор, обрабатывается, и диагноз поступает обратно.

Все это время Ляхов держал прибор направленным на Максима.

Стрелки гарантировали его благорасположение, переходящее в братскую любовь, примерно равный умственный уровень и достаточную долю откровенности. Женская шкала, естественно, не функционировала.

— Ну, если все так, то здорово. Я забираю. В ближайшее время эта машинка может мне здорово пригодиться. Только поясни, если мне придется с двумя людьми сразу беседовать, как сообразить, к кому показатели относятся?

— Тут пока недоработка, — согласился Максим. — А что ты хочешь, все в процессе, до меня в мире никто такого не делал, и я тоже не бог. Найди способ равноудалить их метров на десять, нажми кнопку, через три минуты смотри. Раньше не выйдет. Пока сигнал пройдет, пока обработается, пока обратно...

— Ты чего? У тебя сигнал со скоростью звука передается?

— Почему, нормальное радио. Ах да, это я того, зарпортовался. Время на прохождение сигнала учитывать не нужно...

— Вот то-то. Я поехал, а ты смотри, больше не пей. Я не моралист, но вдруг мне еще консультация потребуется?

После визита к Максиму Ляхов, снабженный уже двумя секретными приборами, заскочил к себе в общежитие.

Пресловутая сабля, предмет вождения аргентинского коллекционера, так и висела над диваном.

Привез, повесил на коврик и почти забыл, иногда зацепляясь за нее взглядом, и думал, что невредно бы сходить в Исторический музей и попросить тамошних специалистов оценить ее возраст, место изготовления и реальную ценность. Да все как-то недосут было.

Сейчас же Ляхов, испытывая смутное беспокойство от присутствия сабли в своей комнате, решил рассмотреть ее подробнее.

Черт его знает, какое-то уж слишком большое значение она приобретает. Чутье ему подсказывало, что не в исторической ценности клинка и не в стоимости украшающих эфес и ножны камней тут дело.

И в то же время — сабля отнюдь не повод для того, чтобы привлечь Елену к поискам Ляхова. Вернее, не только повод. Сабля должна иметь какое-то современное значение, причем такое, что оправдывает организацию планетарных масштабов сыска.

Вадим запер дверь, включил настольную лампу и вытянул из ножен сероватый, тускло поблескивающий клинок. Выглядит примерно так, как и полагается музейному экспонату, который бережно хранят, но по прямому назначению не используют.

Тогда зачем ее таскал с собой на опасные дела тот старый федаин? Как талисман или?..

Вадим достал из ящика большую лупу, которой пользовался для рассматривания карт в изумительно подробном, но миниатюрном, карманного формата атласе.

И принялся детально изучать саблю, пока еще не зная, что именно он надеется найти.

В причудливом сплетении орнамента из каллиграфически выгравированных арабских букв он ничего не понимал, однако тщательно отследил рисунок от острия клинка до гарды. Перешел к эфесу. И сразу понял, что нашел искомое.

Невооруженным глазом он ничего бы не заметил, но сильное стекло сразу сделало видимыми тонкие риски вокруг двух «звездных» сапфиров. К тому же крупные, размером с вишню камни сидели в своих оправках едва заметно, на полмиллиметра от силы, но ниже остальных.

Совершенно все соответствует старинным, читанным в детстве книгам, где в рукоятках или ножнах шпаг и кортиков прячутся всякие интересные вещи.

Не спеша, но с бьющимся от прикосновения к тайне

сердцем Ляхов продолжил осмотр. Еще один подозрительный камень обнаружился с другой стороны рукоятки, у самого навершия.

Оставалось выяснить, что же именно скрывает в себе его трофей. Вряд ли там спрятана мина для устранения слишком любопытных. А вообще-то все может быть.

Вадим надавил на верхний камень, сначала слегка, потом сильнее. Он утопился с пружинящим сопротивлением, как кнопка какого-нибудь прибора. Ляхов убрал палец — камень вернулся в исходное положение. Но при этом ничего не произошло. Зато эксперимент с нижними камнями дал нужный эффект. Внутри эфеса что-то щелкнуло, и он легко снялся с хвостовика клинка. Рукоятка оказалась полой, и на ладонь Вадима выскользнули два по виду алюминиевых цилиндрика, диаметром с сигарету, но покороче. На верхних торцах — нечто вроде электротехнических разъемов. Судя по длине, они должны были прийтись как раз напротив верхнего камня-кнопки. Играющей, очевидно, роль выключателя или замыкателя.

Не иначе, эта конструкция имеет непосредственное отношение к найденному рядом с саблей загадочному устройству. Запал-детонатор, к примеру?

Ляхов привел саблю в исходное состояние и задумался. Что же теперь прикажете делать?

Возможно, в руках у него ключ к самой страшной загадке нового века, а возможно — просто ключ, электронный, от неизвестно где спрятанной двери в подвал с сокровищами халифов. И забота лишь в том, чтобы эту дверь найти.

Как в сказке про Буратино.

И проблема нравственного выбора, куда ж от нее денешься? Скрыть свою находку и забыть о ней, оставить все как есть, в рассуждении, что «там видно будет», или немедленно передать предмет «надлежащим властям», и пусть решают сами.

Рациональным представлялось второе.

Ляхов так и решил подумать еще об этом на досуге и определить, к кому со своим открытием обратиться. К Тарханову за практическим советом или к Максиму за технической консультацией.

А куда бы ее спрятать от греха? Мало вероятности, что враги проникнут в хорошо охраняемый городок академии, но это и необязательно. Достаточно подкупить кого-то из obsługi. Он обвел глазами комнату. Опытный вор или сыщик при тщательном обыске найдет везде, а если кто-то заскочит второпях?

Пожалуй, вот оптимальный вариант.

Кряхтя от напряжения, он отодвинул от стены платяной шкаф. Тяжелый, черт, и не трогали его давно, все заросло пыльной паутиной.

Точно такой шкаф стоял у него дома, еще до армии, он сам его собирал и знал конструкцию.

Двух минут хватило, чтобы выдернуть несколько гвоздей, отогнуть фанерную заднюю стенку и засунуть саблю в узкую щель между дном шкафа и деревянной рамой, к которой привинчены ножки. Гвозди на место. И все. Если с ним что-то случится, тайник найдут не раньше, чем отправят шкаф на дрова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

...Теперь, наконец, можно позвонить и Майе. В свете последней полученной информации к ней у Вадима тоже возникли кое-какие вопросы. Ответы на которые, под контролем нового прибора, будут очень к месту.

Кстати, неплохо бы ему название придумать, конкретное и непонятное для посторонних.

Пока он ехал до дома Майи на трамвае, сумел сделать и это.

«Вериметр» — совсем неплохо. От латинского «веритас» — истина. Когда и если набор контролируемых параметров расширится, можно будет еще что-нибудь придумать. А может быть, лучше «верископ»?

Ляхову показалось, что Майя удивлена его звонком и просьбой о встрече.

Как будто бы она о нем совсем забыла за минувшие сутки или, наоборот, предположила, что это он о ней за-

был. Узнав, к примеру, чем он занимался в поселке после ее отъезда.

При расставании на даче она, как Вадиму показалось, не расстроилась тем, что он не уехал вместе с ней, но что чувствовала на самом деле?

Самое забавное, что он и в себе не мог разобраться. Еще позавчера все было более-менее ясно.

Перспективы в своих отношениях с девушкой он видел, вопрос заключался лишь в том, будет ли это неопределенной продолжительности взаимоприятная связь без ненужных проблем или нечто более серьезное, с чувствами, терзаниями, последующим мучительным разрывом или же стандартным сказочным «хеппи-эндом».

Появление Елены в виде дополнительного фактора усложняло вопрос как минимум вчетверо, а пожалуй, и больше, поскольку та же дилемма возникала и в отношениях с ней, да вдобавок можно придумать N вариантов «треугольника», если ему суждено образоваться.

Мусульманам в этом смысле живется проще. Женись на обеих, и все дела. Тем более что и развод там проблемой не является.

Неизвестно, что после его звонка думала Майя, но встретила она его радушно. Правда, привыкнув подмечать в ее поведении малейшие штрихи, поскольку каждый из них мог оказаться знаковым, он задумался, что может означать ее нынешний наряд.

Она оделась, как примерная девушка-студентка из хорошей семьи. Узкая юбка из черно-синей шотландки, чуть ниже колен, с небольшими разрезами по бокам, исключительно в смысле удобства ходьбы, ни для чего иного. Черный обтягивающий свитерок с высоким воротником, короткий синий жакет. Туфли на низких каблучках, гладкая прическа.

Воплощение скромности и ориентированности на успех в чем угодно, кроме любовного фронта. И выглядит, соответственно, лет на пять моложе, чем в день их знакомства.

Впрочем, это еще как посмотреть. Грамотно подведенные глазки с их выражением никуда ведь не спрячешь.

Так что эффект получался как бы даже и обратный чересчур явно предлагаемому.

Одним словом, одинаково правильными могут быть оба заключения — она дает ему понять, что ни о каких интимных отношениях отныне (или только сегодня?) не может быть и речи, или же просто проверяет, в каком об-лике она производит на Вадима большее впечатление.

Была женщина-вамп, была легкомысленная, ни о чем, кроме секса, не думающая девушка без комплексов, отчаянная спортсменка-лыжница высокого класса. Теперь, значит, привлекательная, но скромная девочка-интеллектуалочка.

Самое смешное, она нравилась ему во всех видах.

Но оказалось, что Ляхов ошибся. Сегодняшний камуфляж предназначался вовсе не для него.

В квартире находился еще один мужчина, отец Майи, тот самый высокопоставленный чиновник, о котором говорил Салтыков.

Василий Кириллович произвел на Вадима приятное впечатление. Сразу видно, что человек он серьезный, обстоятельный, наделенный в то же время своеобразным чувством юмора.

После того как Майя представила их друг другу, Вадиму пришлось выслушать сдержанные комплименты по поводу высокого чина и наград, достигнутых в столь молодые годы. И тут же Бельский-старший произнес несколько странно прозвучавшую фразу: «Благородный муж, обладающий храбростью, но лишенный справедливости, творит смуту».

В ответ на недоуменно приподнятую бровь Ляхова пояснил:

— Это один из афоризмов Конфуция.

Вадим хотел спросить, ну и что из того, что Конфуция, а к текущему моменту это как относится, однако предпочел сделать вид, что вполне удовлетворен. Конфуций, ясное дело. Но о чем следует говорить дальше и как себя держать, он пока не сориентировался.

Василий Кириллович молчал тоже.

Выручила Ляхова Майя.

— Помоги мне, — попросила она, — папа так неожи-

данно зашел, а тут вдруг и ты... А прислугу я уже отпустила. Принесем с кухни, что найдется.

Перебирая наличные запасы холодильников, Майя сообщила, что отец — человек своеобразный, любит выражаться витиевато, а на Конфуции у него вообще пунктик, он знает наизусть все его афоризмы и нередко произносит вслух то, что первым приходит в голову.

— Это у него вроде как своеобразное гадание получается...

— Ну и при чем здесь смута?

— Мне-то откуда знать, сам у него и спросишь, как сие истолковать. Лучше расскажи, как отдыхал без меня. Сегодня вернулся? Все нормально?

— Вроде так... — Положение у него было неловкое. И про Елену говорить не хотелось, и умолчать нельзя. Майя же там постоянно живет, кто-то из ее знакомых вполне мог увидеть и при случае передать, да те же и охранники доложат, что гость последнюю ночь «дома» не появлялся.

— Встретил в лесу знакомых, вечерок с ними провели, как водится.

— Ну и хорошо, а я все переживала, что бросила тебя одного...

Даже без помощи прислуги они с Майей собрали вполне приличный стол, нечто среднее между английским файф-о-клоком и ранним ужином в русском стиле, и с полчаса беседовали о том о сем. Вадим чувствовал себя глуповато. Наверняка за этим столом один из них выглядел лишним. Если только Майя не устроила ему негласные смотрины.

Вот, мол, папа, такой у меня приятель завелся, и ежели будет на то ваше благословение...

Думая таким образом, он совсем забыл, что в кармане у него лежит волшебный прибор. Но если его включить сейчас, какую истину тот способен выявить? Усредненный эмоциональный фон папы и дочки? Надо подождать момента, когда кто-то из них выйдет, хотя бы в туалет.

Вскоре такая возможность представилась. Они с Майей остались вдвоем, и он тут же щелкнул в кармане выключателем. Через три минуты ответ будет получен.

Но о чем? Надо еще задать какие-то вопросы и получить на них ответы.

— Ты так и не сказала, почему так внезапно уехала. Пригласила в гости, и вдруг... Может, ты вправду обиделась. Но я же все объяснил... — Вадим старался говорить виноватым тоном.

— Обиделась? Ну, наверное, совсем чуть-чуть. Не настолько, чтобы сорваться и убежать. Это дело очень личное было и крайне неотложное. Но к тебе — никакого отношения. Я как-нибудь расскажу, но сейчас не могу. А вот ты со мной не поехал явно назло мне, ведь так? Я бы свои дела сделала, и мы бы здесь нашли чем развлечься...

— Ладно, считаем, оба оказались не правы. Исправимся. Согласна?

Она кивнула. По-прежнему не выходя из образа.

— А родитель твой кто? Интересно. И в какой роли он здесь пребывает? Проверяет, с кем скромная доченька встречается на снятой для успехов в науках квартирке?

— А ты язва, Вадим Петрович. Вредная, сибирская... Случайно он зашел, минутка свободная выдалась, и зашел. Хотели посидеть тихо, по-семейному. И вдруг ты звонишь. Я в растерянности, то ли отца выгонять, то ли тебе отказывать. А сама чувствую, ты тоже, как горячий утюг, плюнь — зашипит. Дилемма, однако. Тут папаша и говорит, ничего, пусть приходит. Заодно и познакомимся, а то я даже и понятия не имею, с какого типа мужчинами ты встречаешься. Ну, я и пригласила...

— Правильно сделала. Мне тоже интересно. Но все же, кто он у тебя по профессии и образованию? Хотя знать буду, в каком ключе реагировать.

— Он — по прокурорской части. Как это сказать, осуществляет общий надзор в рамках существующего законодательства.

— Понятно, династия у вас как бы...

— Само собой. Всегда легче идти по стопам...

Тут в комнату вошел отец.

— Ну, что, Вадим Петрович, выпьем?

— Папа... — предостерегающе сказала Майя.

— Что — папа? Желаю выпить с приятным мне молодым человеком и выпью. Какие мои годы. Будто совер-

шенно вчера мы с друзьями сидели с обеда и до следующего обеда, совершенно запросто. Да ты и сама это помнишь. А я себя и сейчас не хуже чувствую. Так что не мешай офицерской беседе, или присоединяйся, или пойдешь на кухню и поставь чайник.

Слова были сказаны безупречно к месту, только вот Василий Кириллович не очень выглядел созревшим для произнесения именно их. Хотя, конечно, Ляхов неоднократно имел удовольствие общаться с людьми, которые умели пить, оставаясь внешне трезвыми до последнего, а потом сразу или отрубались и засыпали на ковре посреди комнаты, или срывались в белую горячку.

Этот, по типу, не должен.

Хорошо все-таки, что не знает никто о его подлинном образовании, а также и о специализациях, пройденных в свое время.

Ну, подыграем.

— Правда, Майя Васильевна, отец ваш наверняка сам знает, что сейчас нужно. Я же, разумеется, не могу не поддержать.

Майя, похоже, глянула на него уничтожающе.

— Ладно, чай я поставлю... — Но звучало это как обещание подать при случае бокал цикуты.

— Молодец, полковник, уважаю, — сообщил Бельский-старший. — С ними, с бабами, вроде моей дочурки, только так. Не сдашь позиции, все у тебя получится.

Вадим не помнил, чтобы они переходили на «ты», но не возражал. Отчего бы и нет.

Выпили.

— Извините, я сейчас, — изобразил неотложную нужду Ляхов. Тем более что она и вправду назрела.

В окружении золотых с зеленой изразцов и зеркал на стенах и потолке, в атмосфере густых запахов экзотических дезодорантов и специй для умягчения воды он присел на край овальной фарфоровой ванны и достал из кармана «верископ».

Машинка показывала интересное.

То есть симпатию к нему Майя испытывала серьезную, за середину шкалы прибора.

Умна она была, как и ожидал Ляхов, приблизительно

на одном с ним уровне. Жаль только, не выяснил он у Максима, по какой именно методологии рассчитывается здесь коэффициент интеллекта, а это деталь существенная.

Искренность девушки оставляла желать лучшего, но и до полной лживости она не дотягивала. Так, колебалась стрелка на грани зеленой и красной шкалы. Половину сказанного ею можно смело считать не соответствующим действительности, только неизвестно, какую именно половину.

А вот насчет сексуального влечения Ляхов счел себя даже и обиженным. Поначалу. Увидев чистый ноль. То есть совершенно не интересовал он в данный момент Майю как мужчину.

Удивительно, как его это вдруг задело.

Пока он не вспомнил о позапрошлом вечере. Скажи еще спасибо, что нормальной человеческой симпатии она к тебе не утратила.

Если же сопоставить все четыре параметра, то можно представить вот что — относится Майя к нему хорошо, но пригласила его к себе не из сентиментальных, а каких-то других соображений.

Возможно, связанных с появлением здесь ее отца.

Что-то многовато людей начало интересоваться Вадимом Ляховым после Нового года.

...Он все ждал, когда же пустопорожний разговор с Бельским либо закончится, либо свернет на серьезные рельсы. И дождался.

— А если не секрет, в каких вы, Вадим Петрович, отношениях с Великим князем находитесь? — снова на «вы» обратился к нему Бельский.

— Да в каких же я могу находиться при такой разнице в положении? — искренне удивился Ляхов. — Удостоился десятиминутной аудиенции при получении креста, вот и все отношения.

— Однако подавляющее большинство наших сограждан и этим похвастаться не могут...

— Значит, фарт у меня такой, — ответил Вадим, подумав, что самое время снова включать «верископ».

— Сами вы как считаете, чем вызваны великокняжеские милости?

— Ей-богу, никак не считаю. Слишком я далек от двора, чтобы ориентироваться в психологии столь высоких особ... Возможно, просто каприз? Захотелось лично посмотреть на «свежего кавалера»...

— И это возможно, только вряд ли. Не тот человек Олег Константинович, чтобы праздно любопытствовать. Вы сами-то кто по убеждениям, монархист?

Вопрос оказался неожиданным.

— Монархист? Вряд ли. По крайней мере — в том смысле, который вы, наверное, вкладываете. Нет, за немедленную реставрацию я не выступаю. Я скорее определил бы себя как беспартийного умеренного националиста. В том смысле, что интересы русского народа для меня важнее любых принципов и идеологий.

— Насколько важнее и что это вообще такое — интересы народа?

Забавный у них затевался разговор, и странным образом он перекликался с подобными же беседами с товарищами по академии и по кружку «Пересвет». Только вот каким краем касаются эти проблемы господина Бельского? И его прокурорской должности. Для обострения ситуации он так и спросил.

— Вы же умный человек, Вадим Петрович, и должны понимать, что отнюдь не ради праздной болтовни я хотел с вами встретиться. Извините, что экспромтом, но так уж вышло. Только пообещайте мне, что до определенного момента этот разговор останется между нами.

— Если он касается лично меня...

— Если не только, то тоже. Занимаемая мною должность дает мне право требовать от собеседников подписки о неразглашении. Вас же я только прошу, ибо не хочу, чтобы вы воспринимали наше непринужденное общение как допрос.

— И какова же ваша должность?

Бельский протянул ему сафьяновую книжечку.

«Прокурор по особому надзору Государственной Прокуратуры Государства Российского. Начальник специального присутствия по городу Москве».

— И что это значит? Ей-богу, не силен в бюрократических тонкостях.

— Это значит, что я осуществляю всеобъемлющий контроль государства на подведомственной Местоблюстителству территории. Это понятно?

— Думаю, да. И по какой же причине я попал в подозреваемые?

— Подозреваемым вы не являетесь. Вы являетесь человеком, который лично мне нравится и с помощью которого я надеюсь прояснить некоторые весьма неприятные моменты. Происходящие на вверенной моему попечению местности.

— Ну, давайте прояснять...

Бельский для начала предпочел рассказать Ляхову о смысле и полномочиях своей должности.

Именно потому, что государство Российское с самого двадцатого года сформировалось как слабое, в смысле конструкции власти парламентского типа, с перманентной министерской чехардой, то и дело возникающими думскими коалициями, его временщиков-руководителей вот уже полвека не оставляет идефикс, что в любой момент, стоит князю этого пожелать, Госдума и правительство могут быть разогнаны силами нескольких верных Местоблюстителю батальонов. И установлена монархия самодержавного типа, президентская диктатура и все, что заблагорассудится.

То, что ничего подобного до сих пор не происходило, ситуации не меняет. Теоретически это возможно, потому и существует Особый департамент прокуратуры, единственной целью которого и является наблюдение за обстановкой в Москве и на прилегающих территориях.

На вопрос Ляхова, ранее заданный и барону Ферзену, на что же тогда контрразведка, армия, Министерство внутренних дел и всевозможные думские комитеты по вопросам безопасности, поддержания конституционного порядка и прочие, Бельский ответил, что они в той же мере подвержены конъюнктуре и игре политических сил, что и правительство, и сама Дума.

— А вот департамент не подвержен. Ибо строится на принципах внепартийности и несменяемости. Генераль-

ный директор назначается квалифицированным большинством Думы и остается на своем посту до выхода на пенсию или безвременной кончины. Руководит деятельностью Коллегии и территориальных управлений, единолично производит назначения и увольнения, имеет право непосредственного доклада премьер-министру и председателю Думы.

— Интересно. Я об этом даже и не слышал.

— Так и задумано. В конституции есть об этом пара строчек, и достаточно. Для прессы и депутатов наша деятельность интереса не представляет по причине ее крайней рутинности и принципиального отсутствия сенсаций. Если даже в поведении подведомственных Местоблюстителю структур и случаются какие-то нарушения сфер компетенции, это решается путем конфиденциальных переговоров.

— Разумно, — согласился Вадим. — А сейчас что-нибудь изменилось?

— Увы, да. Постоянное ухудшение экономического положения России и резко обострившееся международное положение вызывают кое у кого весьма опасные мысли. Вы историю хорошо знаете?

— Теперь уже неплохо. У нас в академии сейчас читают одновременно целых пять курсов разных историй: всеобщую, историю России, историю войн и военного искусства, историю политических учений и историю дипломатии. По сотне и более страниц ежедневно приходится осваивать...

— Тогда вы представляете, чем может угрожать судьбам страны политический экстремизм и надежда одним махом разрешить копящиеся десятилетиями проблемы. Вспомните события 1918 года. Безответственное поведение тогдашних «прогрессивных» думских фракций, разрушительная деятельность большевиков на фронте и в тылу, наложившиеся на гельсингфорсско-кронштадтский мятеж, привели к почти двухлетней кровавой смуте.

Надо же, как синхронно мыслят и прокурор, и его новые друзья. Выходит, такова действительно объективная ситуация, разница лишь в подходах к способу ее раз-

решения. И, значит, его решение затеять собственную игру весьма своевременное?

— Вашу мысль я понял. Но сразу возникают два вопроса — неужели вы убеждены, что обстановка в стране действительно предреволюционная, и — какое касательство ко всему этому имею лично я?

Бельский объяснил. Ситуация не то чтобы предреволюционная, но в любой момент может стать таковой, причем речь не идет о революции в буквальном смысле этого слова. Просто некие горячие головы увлечены ложной идеей о том, что переход всей полноты власти в руки Великого князя и создание при нем правительства национального спасения позволят вывести Россию из кризиса, а главное, найдет широкую поддержку масс.

— И вы считаете, что «горячие головы» обладают уже сейчас такой возможностью?

— Неважно, что думаю я и какова обстановка на самом деле, важно, что есть люди, вполне способные такую попытку предпринять.

— Я вас понял. Но повторяю вопрос — при чем здесь я? Вы обвиняете меня в участии в этом заговоре?

Бельский протестующе поднял руки.

— В том-то и дело, что нет. Почему я, собственно, к вам и обратился. Поймите мое положение. Знаете, что такое «цугцванг»? Я вижу, может быть, лучше всех прочих, что почти не осталось ходов, которые бы не ухудшали позицию. Любая попытка противодействия тому, что вы называете «заговором», а я бы назвал скорее «латентным кризисом российской государственности», как раз и может его спровоцировать. Непринятие властью решительных и жестких мер выглядит как ее слабость и даже попустительство, попытка «поставить заговорщиков на место» или как-то ограничить прерогативы князя — резкую ответную реакцию. То и другое чревато катастрофическими последствиями. Вы ведь входите в «кружок» генерала Агеева?

— Да, раза три я там бывал, играл в карты, выпивал понемногу. Но это и все. А вы считаете, что это не просто клуб по интересам?

Бельский как бы задумался. Впрочем, о чем думать? Фамилия названа, и этого уже достаточно.

Ляхов решил перехватить инициативу.

— По-прежнему совершенно не понимаю, о чем мы разговор ведем. Как бы там ни было, я появился в Москве всего два месяца назад. Не знаю здесь никого, кроме нескольких однокурсников да вот вашей дочери. Это и весь мой круг общения. Какой из меня заговорщик?

— Ну, ваши слова еще не довод. Человек вы не простой. Отчего-то именно сейчас вас сюда направили. Чем вы занимались до Москвы, установить не удалось. Вдруг вы как раз то самое недостающее звено...

— Тогда уж скажите еще резче — детонатор. Известный человек с неизвестными полномочиями, способный сыграть роль Бонапарта. Так?

— Что вы, что вы! Ничего подобного я в виду не имел. Все совершенно наоборот. Именно потому, что я считаю вас человеком, способным сыграть определенную роль в происходящих и могущих произойти событиях, я и прошу вашего честного слова. Его мне будет достаточно — лично вы не входите в руководство заговора или в его боевое ядро?

Вот как раз при такой постановке вопроса дать честное слово для Вадима не составило никакого труда. Тем более что это полностью соответствовало его собственным планам.

То ли роли у них так были расписаны, то ли Майя решила проявить инициативу по собственному разумению, но она вдруг громко позвала Вадима из кухни.

— Извините, Василий Кириллович. Вы позволите отлучиться? Очевидно, я зачем-то потребовался. Заодно и слова ваши обдумую.

— Идите-идите. Мы ведь куда не торопимся.

— Ты с отцом не спорь, — выговаривала Ляхову Майя, поручив ему заваривание кофе по-турецки, в коем искусстве Вадим не знал себе равных. Отчего-то у здешних жителей, при использовании того же исходного продукта и тех же бронзовых турок и песка на противне, полу-

чался приличный, но ничем не примечательный напиток, а у него — шедевр.

— Он хороший человек, но видишь же, выпил и говорит не совсем то, что следует. Это у него как бы идефикс, всюду выискивать заговоры и заговорщиков. Наверное, после работы в Китае осталось. Поэтому все, что он говорит, умножай на три и дели на шестнадцать.

— По-моему, как раз совсем то, — отвечал Ляхов, изображая адекватно нетрезвого человека. Выходило это совершенно свободно. Слегка заплетающийся язык, не вовремя появляющаяся на лице улыбка, вот и достаточно. — Чем больше мы с ним говорим, тем больше я склоняюсь к его мнению.

По дороге из комнаты на кухню Ляхов успел взглянуть на показания «верископа», настроенного на Бельского.

Обострять ситуацию так обострять.

— Ты меня слегка недооцениваешь, а на самом деле я не так глуп, как кажусь со стороны...

Увидел протестующий жест Майи.

— Нет, все нормально, я знаю, что говорю. Так вот, пока мы, так сказать, беседовали, я тщательно изучал психотип твоего родителя. Знаешь, он ухитрился быть со мной настолько откровенным, насколько это вообще возможно. Покривил душой он всего процентов на пятнадцать от абсолютной истины, а это находится почти в пределах статистической погрешности. И в то, что он желает со мной сотрудничать на долговременной основе, а не использовать как банального информатора, а то и провокатора, тоже можно верить.

Хотя тебе он поручил поближе со мной познакомиться в чисто оперативных целях, это понятно, но с тех пор ты несколько вышла за рамки задания, тоже очевидно, — и добавил еще кое-какие детали, почти наугад, но основываясь на элементарной логике, показаниях прибора и собственном «провидческом даре». — Ну а общий коэффициент интеллекта у него где-то 120—130 по шкале Айзенка, у тебя моментами даже выше. Короче, в этих условиях я согласен с вами общаться и дальше...

Майя натуральным образом обалдела.

— Ты с ним впервые сегодня увиделся?

— Ну да.

— И раньше не знал, что я — его дочь? Справок не наводил, досье не изучал?

— Клянусь! Да и как бы?..

Майя наморщила лоб.

— Нет, тут все сходится. Если мы с ним о тебе и говорили, то только наедине. Да и остальное... Но разве это возможно — вот так, поговорить полчаса — и все, что тебе нужно, выяснить?

— Как видишь. Твой отец интересовался, за какие заслуги меня в академию вне конкурса приняли. Может, вот за это?

— Пойдем!

Она за руку повлекла Вадима в столовую и, торопясь и нервничая, пересказала отцу, с собственными комментариями, все, что только что услышала, под снисходительно-рассеянным взглядом Ляхова, который для полного антуража продолжал отхлебывать дорожный коньяк, которым угощали отец и дочь. Господин прокурор слегка изменился в лице.

— Это правда? — счел нужным поинтересоваться он, чтобы совсем уже не терять лица.

— О моих способностях — правда. Остальное — умозаключения в процессе анализа и синтеза информации. У меня же нет собственного разведывательного аппарата, приходится одними мозгами обходиться. Судя по вашей реакции, попал в точку. Теперь можно и по делу поговорить.

Вашу проблему я понял. Цугцванг, он и в Африке цугцванг. Однако же, если придерживаться гипотезы, что и вы, и люди княжеского окружения исходите именно из интересов величия и процветания России, а не собственных корыстных и карьерных побуждений, отчего бы вам совместно не подумать о третьем, всех устраивающем пути?

— А вы, получается, уже думаете?

— Прозвучит слегка нескромно, но да. Я имею в виду только себя лично. Я вам говорил уже, что близких друзей у меня в Москве практически нет. А отсутствие воз-

★ можностей свободно обмениваться информацией весьма обостряет мысль. Как свидетельствует опыт отшельников. Вот кое до чего и додумался.

— Так поделитесь.

— Вы, как я понял, увлекаетесь древнекитайской философией. Я тоже помню высказывание: «Сказанное верно, но не вовремя — неправильно». И не уверен, что время уже пришло. Разве только в самом первом приближении.

— Ну, хотя бы.

— Попробуем. Для вас лично что первично — благо Отечества или сохранение существующего государственного устройства?

— Станный вопрос, можно сказать — некорректный. Мы ведь уже сошлись во мнении, что именно попытка насильственного изменения этого устройства способна принести неприемлемый ущерб так называемому благу. Тем более я не совсем понимаю, что это вообще такое. Абстракция, в которую можно вложить любое содержание. Большевики тоже больше всего пеклись о «всеобщем счастье», простите за каламбур. И что?

— Я думаю, не вдаваясь в детали, что жизненный уровень каждого российского подданного не ниже среднеевропейского, развитое местное самоуправление по швейцарскому, скажем, типу и гарантированное сохранение целостности границ — вполне достаточные базовые параметры. Остальное, как говорится, приложится.

Бельский не слишком вежливо рассмеялся.

— Только что говорили как серьезные люди, и на тебе... Хочу, чтобы всем было хорошо, и только. А кто и как это сделает, какое правительство, какими методами, в какие сроки?

— Вот об этом и пойдет речь, уважаемый Василий Кириллович. Но — не сейчас. Поверьте только, что ничего лучшего придумать пока что никому не удалось. А чтобы вам не так скучно было ждать нашей следующей встречи — подумайте на досуге над такой вот задачей.

Он протянул ему свернутый листок.

— Пока же — честь имею кланяться.

Когда он удалился, на прощание подмигнув Майе и

пообещав в ближайшее время позвонить, Бельский развернул записку.

В ней значилось:

«Дано: представляется оптимальной как бы трехступенчатая конструкция власти. Первое лицо должно четко представлять свои цели, к которым ведет страну. Цели, сроки и желаемый результат. Вот все. Вопросы технологии достижения цели его волновать не должны, это дело исполнителей второго уровня. Главное, чтобы они были абсолютно преданы своему делу, умны, компетентны, встроены в систему индивидуальной и коллективной ответственности. А уже их задача — подобрать исполнителей третьего уровня, таких, которые и обеспечат достижение каждый своей непосредственной цели наилучшим образом.

Требуется выяснить, каким образом обеспечить подбор и расстановку необходимых кадров всех трех уровней, памятуя, что ошибка в ответе смерти подобна».

— Нет, твой приятель меня окончательно разочаровал. Фантазер беспочвенный и шутник неудачный... А то и провокатор.

— Ошибаетесь, папаша, ошибаетесь, — медленно сказала Майя, внимательно вчитываясь в записку. — Не тот это человек. Хотя и шутник, конечно. Удивляюсь, как это он, подобно Ферма, еще и не приписал на полях: «Задачу эту я решил, но за неимением места не смог привести здесь ее решения».

Так что давай займемся, вместе поразмышляем, чтобы к следующей встрече быть во всеоружии.

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Перед тем как Елена сняла трубку и набрала номер с визитной карточки господина Глана, кавторанг Кедров привел в боевую готовность весь отряд «Печенег», его технические, оперативные, аналитические службы и группы силовой поддержки.

★ Шанс решить проблему одним махом представился почти случайно, и упускать его было недопустимо.

Для связистов главную трудность представляло не определение месторасположения контактного телефона, это как раз дело минутное, а необходимость мгновенно зафиксировать переговоры «абонента» по другому, возможно незарегистрированному аппарату. А в этом случае цепочка неминуемо бы разорвалась и на поиски ее следующего звена могли потребоваться и часы, и даже дни.

Не следовало также упускать из виду варианты использования противником других, непроводных видов связи, от радио до курьеров и почтовых голубей.

Известно, что применение нетрадиционных, иногда логически абсурдных методик приносит наибольший успех.

Елене ответил голос, который показался ей похожим на голос человека, с которым она встречалась на бульваре.

— Это Сигарева говорит. Могу ли я услышать господина Глана? Ах, это вы, очень приятно, Яков Мефодьевич, не узнала сразу, значит, наверняка богатым будете... — Ей не нужно было изображать волнение в голосе, она на самом деле сильно нервничала. — Дело в том, как это ни удивительно, но я вчера вдруг встретила...

— Никаких имен, — резко прервал ее собеседник. — Вы имеете в виду нужного нам человека?

— Да конечно же, зачем бы я еще стала вам звонить? Это совершенно невероятно, только мы с вами поговорили, и на следующий же день, просто так, на улице...

— Оставим подробности. И где он сейчас?

— Где он сейчас, я не знаю, но мы договорились о следующей встрече.

— Где, когда?

Как и полагалось по легенде, Елена взяла себя в руки.

— Подождите. У нас, кажется, было условие...

— Да, да, в случае успеха переговоров вы получаете комиссионные в оговоренном размере.

— Я не об этом. Не знаю, о чем вы договоритесь, о чем нет. Мне нужны гарантии сейчас.

— Какие же?

Елена должна была сколь возможно тянуть время, чтобы опера успели убедиться, что аппарат собеседника действительно установлен там, где он зарегистрирован, и предпринять еще кое-какие меры.

— Перед тем, как я назову время и место, я хочу получить десять тысяч рублей...

— Хорошо, вы их получите при встрече. Приходите прямо сейчас...

— Нет. Я хоть и слабая женщина, но кое-какой жизненный опыт имею. Не примите на свой счет, но пришлось сталкиваться...

Сделаем так. Приходите ко мне в гостиницу в любое удобное время, передайте конверт с условленной суммой портье, и пусть он мне позвонит в номер. Я спущусь, проверю, все ли правильно, после чего сообщу интересные вас сведения.

— Напрасно вы все так усложняете, Елена Артуровна. Но пусть будет по-вашему. Я выезжаю прямо сейчас.

После звонка дежурной Елена неторопливо спустилась вниз.

Она его узнала сразу, хотя теперь господин Глан оделся поприличнее, чем выглядел на бульваре. И пальто на нем было новое, с меховым шалевым воротником, и шапка-московка, и весь он источал респектабельность и усталое довольство.

Ну, богатый купец, заехавший по делу к остановившемуся здесь клиенту.

Грамотно замаскировался, чтобы не выделяться среди постояльцев этой привилегированной гостиницы.

А их в холле оказалось неожиданно много. Три человека у стойки дежурного ждали очереди на поселение, несколько мужчин и женщин пили кофе, пиво и более крепкие напитки за столиками небольшого уютного бара, два господина восточного облика на плохом русском языке выясняли у лифтера, имеются ли здесь девушки по вызову, еще человек пять толпились перед столом с табличкой «Регистрация участников», причем участников чего — не уточнялось.

В общем, было шумно и весело, царило оживление, которое отнюдь не часто происходило в скромной гостинице всего на полсотни номеров.

Елена не знала, кто из присутствующих является обычным постояльцем, кто осуществляет ее прикрытие, а кто составляет свиту господина коллекционера. Да ее это и не касалось, главное, при таком стечении народа не приходилось опасаться неожиданностей.

Она взяла у портье заклеенный плотный пакет, отошла в тень раскидистой пальмы, проверила содержимое. Все правильно, двадцать пятисотрублевых «Петров», чей дизайн почти не изменился за девяносто лет, только формат уменьшился вдвое.

— Положите, пожалуйста, в сейф. Я заберу его завтра, — распорядилась она, убедилась, что портье запер ячейку положенным образом, и только после этого подошла к Глану.

— Теперь все в порядке, Яков Мефодьевич. Можно и побеседовать, — она движением головы указала на свободный столик. — А вы, по сравнению с прошлым разом, недурно выглядите.

— Вам что-нибудь заказать? — Глан расстегнул пальто, повесил его и шапку на вешалку рядом со своим стулом.

— Спасибо, я и сама могу. Впрочем, пожалуйста, поухаживайте, двойной турецкий кофе и миндальный ликер.

Ей неожиданно понравилось то, чем она занимается. Совсем недавно нервничала, боялась всего на свете, а сейчас все чудесно изменилось. Дело не в том только, что она встретила Вадима, куда важнее было ощущение, что за спиной у нее теперь стоит мощная организация, которая и защитит, и поможет.

Ну и деньги тоже. В сейфе лежит очень неплохая сумма, не облагаемая налогами. С тем, что она получила раньше, этого хватит на пару лет безбедной жизни. К деньгам она всегда была равнодушна, признавая правоту поговорки: «Деньги не приносят счастья, но успокаивают нервы». Она даже наскоро подсчитала, что если всю сумму положить в надежный банк под стандартные проценты, то даже они составят существенную прибавку к

жалованью Владислава. А есть еще и другие, более выгодные способы вложения.

Глан щелкнул пальцами, мгновенно подскочивший гарсон (в барах их отчего-то принято было называть именно так. В трактире — половой, в ресторане — официант, в бир-халле — кельнер, а здесь — гарсон) принял заказ и через минуту уже обслужил.

Себе Глан заказал большую рюмку водки и бутерброд с семгой.

— Ну, поделитесь со мной своей радостью, милейшая Елена Артуровна. У нас, у стариков, своя радость, но ваша, конечно, не идет ни в какое сравнение. Признайтесь, ведь вы гораздо больше рады встрече с Вадимом Петровичем, чем мы — шансу получить предмет нашего вожделения.

Елена решила не спорить. В самом деле, отчего и нет? Эта версия объясняет все, и ее волнение, и возбужденный блеск глаз.

Одновременно Яков Мефодьевич показался ей очень похожим на дона Херардо. Может быть, все так и обстоит, как они говорят? Разве могут такие милые старики представлять собой членов всемирного преступного сообщества?

Да какая разница?

— Удивительно, конечно, что все именно так получилось, но разве есть какая-то связь? Если уж было суждено, так моя встреча с Вадимом никак не связана с вашими интересами. Я его искала, но не нашла, и вдруг...

— Не будем об этом спорить, ибо всякое следствие проистекает непременно от соответствующей причины. Короче, назовите мне его адрес, и мы расстанемся довольные друг другом.

— Вот адреса сказать не могу. Поскольку он мне его не назвал. — Елена исходила из варианта, что сопровождали их машину из Сходни люди Глана. — Не знаю, какие у него личные или служебные проблемы, но мы расстались в месте, которое я просто не смогу найти, ни на карте, ни на местности, поскольку машина вертелась по улицам и переулкам в совершенно незнакомом мне районе. Помню только, что вышел он у подъезда очень высокого дома, окруженного такими же, а вокруг были узкие, обсаженные деревьями аллеи. Зато мы договори-

лись вновь встретиться завтра утром на сходненской же станции. И провести вместе весь следующий день. Я там снимаю дачу.

Глан резко помрачнел.

— Вы меня обманули. Вместо конкретного адреса...

— Скажите спасибо и на этом. Я что, должна была бежать за ним следом, чтобы проследить, где он живет? Возможно, с ревнивой женой? Ну уж... Я вам выдаю место своего свидания за мизерную, в общем-то, сумму, учитывая масштабы ваших интересов. Что Ляхов явится на место свидания, я не сомневаюсь. Если же нет...

Она вообразила себе эту ситуацию и натуральным образом загрузила.

— Тогда мы вместе с вами вернемся сюда, и вы получите свой конверт в целости и сохранности.

Это был правильный шаг.

— Нет, что вы, Елена Артуровна. Ладно. Ждал двадцать лет, подожду и еще одну ночь, хотя она, признаюсь, будет беспокойной.

— Как и моя, — решила порезвиться Елена.

— Кстати, а вы сказали господину Ляхову о нашем к нему интересе?

— Вы уж меня, пожалуйста, дурой не считайте, Яков Мефодьевич.

Она посмотрела на него таким взглядом, что Глан смешался.

И действительно, вряд ли дамочка, столь заинтересованная в своем бывшем приятеле и страстно к тому же любящая деньги, решила бы сказать при первой, неожиданной встрече после многих лет разлуки нечто вроде того: «А знаешь, милый, тут тобой сильно интересуются непонятные люди и платят мне, чтобы я тебя с ними свела, так вот, пожалуйста, я тебя так долго искала и наконец-то могу исполнить условия контракта».

Это, пожалуй, был ее коронный штрих.

Если «коллекционер» и опасался подвоха, то последний момент его успокоил.

— Хорошо. Где вы встречаетесь?

— Мы договорились в двенадцать дня на привокзальной площади Сходни. Я собираюсь уехать туда с друзья-

ми сегодня вечером, а он — не может. Неотложные дела. Если вдруг опоздает, подъедет прямо к моему дому. Улица Сосновая, номер семнадцать. И вы туда же приходите. Разговор, я понимаю, у вас может быть долгим. И конфиденциальным.

— А как же нам замотивировать мое внезапное вторжение?

— Вообще-то это ваша забота. Вы ведь просили меня только сообщить, если мне удастся встретиться с Вадимом. А теперь я вам уже и легенды должна придумывать. Ну, хорошо. Давайте я представлю вас как знакомого моего мужа, живущего там же на Сходне, неподалеку. Ну я не знаю, отставной дипломат, или как вы там представитесь.

— В настоящее время я, кстати, владелец антикварного магазина. Откуда и мои интересы, и знакомство с нашим аргентинским другом. Что-нибудь сумею рассказать. А мужа вашего, простите, как величают?

— Отлично сделано, Елена, просто отлично, — говорил ей Стрельников после того, как Глан ушел и сотрудники «наружки», отнюдь не те, кто прикрывал встречу в гостинице, проводили его и его охрану до автомобиля, ожидавшего в соседнем переулке.

— Во-первых, они еще понервничают. И где-то свободно могут подставиться. Во-вторых, мы получаем почти полсуток для подготовки своих мероприятий. А вы теперь езжайте. Ни о чем не тревожьтесь. Охрана у вас будет надежная.

— А разве мы не с Арсением и его знакомой поедем? Мы же так договаривались.

— И с ним тоже. Вы пока соберите нужные вам вещи, за которыми якобы и приехали, а через полтора часа выходите на улицу. Половцев вас будет ждать. Зеленый «Ленд-ровер», номер тридцать два — двенадцать.

— Что теперь будем делать? — спросил Стрельников у Кедрова и Ляхова, когда они проводили Елену и опять собрались на прежней конспиративной квартире в районе Разгуляя.

Вадим пока ничего не сказал о встрече с Бельским. На сегодня достаточно и текущих событий.

— По вашему плану, я думаю, — ответил Вадим, у которого появились уже и собственные планы. — Поеду завтра на условленное место, а остальное уже за вами.

— Это так. По предварительным подсчетам, Глана прикрывали человек пять. Завтра вряд ли будет меньше.

— Если сам приедет, будем брать? — осведомился Кедров.

— По обстановке. Наши ребята всю ночь будут отслеживать его телефонные и прочие контакты, если наберем достаточно информации, можно и взять. А там поспрашиваем.

— Я бы не советовал, — вдруг вмешался в дотоле посторонние ему дела Ляхов. — Ну кого вы возьмете? Несколько боевиков, которые могут вообще ничего не знать, этого господина, предположим, что посредника. И дальше?

— Нет, он не посредник, — отрицательно махнул головой Стрельников. — Ему хватило двух минут, чтобы принять решение, не связываясь ни с кем. И хорошие деньги у него дома хранятся, раз через пятнадцать минут уже приехал со всей суммой и в сопровождении охраны. Это не посредник, это резидент.

— А ваши предложения? — заинтересованно спросил у Вадима Кедров, как бы и не услышав слов своего помощника. По всей видимости, в этих вопросах он разбирался куда лучше Ляхова, но инициатива постороннего, в принципе, человека показалась ему интересной. Если даже не скажет ничего толкового, сам ход мысли способен кое-что о нем прояснить.

— А давайте действительно продадим ему саблю.

Удивительно, но, судя по лицам офицеров, это им будто бы и в голову не приходило. Или, не видевши саблю воочию, они считали ее некоей абстракцией. Одним из членов математического уравнения.

«Сосредоточенность на конкретной задаче подчас лишает людей широты мышления», — подумал Ляхов.

— Да-да. Я встречусь с этим господином, мы все обсудим, как цивилизованные люди, вы будете слушать наш торг, возможно, еще кое-что полезное для себя извлече-

те. Поскольку сабли у меня при себе, естественно, нет, то по достижении договоренности (а я ее таки соглашусь уступить, ибо на кой она мне, а хорошие деньги никогда не лишние) мы должны будем за ней поехать.

Я еще могу потянуть время, требуя расплаты исключительно наличными... Полмиллиона запросить, не много будет?

— Возможно, даже и мало, если они Елене только за наводку уже больше двадцати тысяч дали. Но пусть будет так, вы же не эксперт-антиквар. Да еще посмотрите, сколько он предложит.

— Так вот, запрошу полмиллиона, поторгуюсь, обсудим процедуру передачи товара и получения денег. Так, чтобы они меня в тот же миг не грохнули. Это тоже продумать надо. И — отпустим его с добычей.

— И дальше что?

— А вот это — ваши проблемы. Я на этом свою миссию буду считать выполненной. Мне еще учиться надо. А вы уж как сумеете. Проследите, чтобы меня не ликвидировали за ненадобностью, и мотайте клубок до самого некуда. Пока на настоящего заказчика не выйдете.

А он, видать, непростой человек, раз и в Москве, и в Буэнос-Айресе такого класса резидентуры держит.

Ляхов подумал немного, говорить ли все сразу или подождать, затягиваясь сигаретой, потом все же сказал:

— Кстати, я в той сабельке одну интересную штуку нашел. Надо бы с кем-то грамотным посоветоваться, вместе с ней отдавать или что другое на это место вставить.

— Что за штуку?

— А вы возьмите с собой лучшего у вас инженера-электронщика, и я своего друга-специалиста прихвачу, пусть они совместно поглядят, подумают.

...Приехали в общежитие. Извлекли саблю.

Молодой инженер, выпускник МВТУ, сменивший карьеру ученого или конструктора на должность эксперта по вооружению и спецтехнике отряда «Печенег», с интересом осмотрел раритет.

— Ну и в чем моя задача? Я немного в другой области специализируюсь. Однако вещь интересная. Клинок хороший, сбалансированный, сталь настоящая, дамасская,

век примерно шестнадцатый-семнадцатый. И что вы от меня хотите?

Ляхов разобрал рукоятку и протянул на ладони серые цилиндрики.

— Это, по-вашему, что?

— Ну-ка, ну-ка. — Доктор Максим протянул руку, взял один. — Поковыряться можно?

— А не взорвется? Больно похоже на взрыватель от гранаты.

— Нет, коллега, ничего общего. Вот этот шестиполосный разъем совершенно компьютерного типа. И я даже знаю, где применяются ровно такие же.

После долгой и непонятной окружающим дискуссии специалисты сошлись на том, что лучше всего будет этой же ночью изготовить неотличимые внешне копии «запалов», а также разобрать полностью рукоятку и посмотреть, что там есть еще интересного.

В любом случае было признано ими единогласно, данное устройство является всего лишь частью целого, что тут же подтвердил и Ляхов, сообщив, что рядом с саблей он видел предмет тоже вполне похожий на нечто радиоэлектронное.

— И где же он теперь?

— Не знаю, армейские спецы забрали. — Говорить в этой компании о Чекменеве и его гипотезах он не считал возможным. И заметил, что Стрельников кивнул одобрительно. Очевидно, он знал больше своего начальника.

— Интересная история получается, — задумчиво сказал Максим. Вадиму за последний час показалось, что он не в пример квалифицированнее отрядного инженера. Да так оно и было, потому что тот специализировался на классических видах вооружения, а здесь они столкнулись с чем-то новым.

Тем больше оснований продолжать игру.

...Время уже было позднее, однако Ляхов, Максим, инженер, которого звали Генрихом, и Стрельников (для общего надзора) поехали в лабораторию доктора, а Тар-

ханов с Кедровым отправились готовить завтрашнюю операцию с учетом задуманных изменений.

Мастерская у Максима была оборудована так, что даже инженер восхитился. Доктор тут же разыскал в многочисленных ящиках, вроде бы бессистемно заполненных конденсаторами, сопротивлениями, транзисторами, резисторами и сотнями других изделий непонятного назначения, то, что требовалось. Нашлись у него и рулончики листового алюминия нужной толщины.

Через час дружной работы специалистов были изготовлены столь точные имитации, что лично Ляхов не смог бы их отличить по внешнему виду.

Что же касается внутренней начинки...

Как сказано в ныне почти забытом сатирическом романе двадцатых годов прошлого века: «Мотор был очень похож на настоящий, но не работал».

— Если бы у нас было достаточное время, можно было бы засунуть туда и радиомикрофон, и еще разные интересные штучки, а пока уж так. Все равно до тех пор, пока они не соединят вместе оба устройства, ничего не поймут.

— А вот тут, вверху рукоятки что? — спросил Ляхов.

— Выключатель и какой-то преобразователь сигнала с усилителем чего-то неизвестной конструкции. Разбираться надо, — ответил Максим. — Я пока это оставляю у себя, если не возражаете, поковыряюсь немного.

— Не возражаем. Генрих тоже с вами поработает, а я сейчас подошлю к вам еще одного специалиста по микроразборке. И смотрите, чтобы ни одна молекула из оригиналов не пропала, слишком дорогая, судя по всему, эта штучка, — ответил Стрельников.

...Господин, называющий себя Гланом, покинул гостиницу в смятенных чувствах. Внешне он сумел оставаться уверенным и невозмутимым, но внутри — странная смесь растерянности и восторга.

Все же ему удалось сделать это, разыскать человека среди населяющих Россию четырехсот миллионов. Почти невероятно, но факт. И почти без затрат, разве несколько

★ десятков тысяч рублей, розданных Елене и другим людям, могущим помочь в поисках Ляхова, — это деньги, если на кону миллионы? Так игрок раскидывает фишки по разным полям рулетки в надежде, что где-нибудь повезет.

Ну, вот и повезло. Завтра они с ним встретятся, все обсудят и договорятся, конечно. Хотел бы он увидеть человека, способного устоять перед предложенной суммой, получить целое состояние ни за что.

А если начнет слишком уж упираться, всегда есть способы сделать человека сговорчивым.

Тогда откуда неприятное чувство тревоги?

Он боится, что Ляхов не придет на свидание к своей даме? Отчего вдруг? Его никто не заставляет назначать ей встречу. Не захотел бы, распрощался, выйдя из машины, и все.

Остается подождать всего полсуток.

Разве что в последний момент судьба выкинет коленце, как иногда любит это делать. Попадет, к примеру, господин Ляхов под автомобиль и унесет с собой в могилу тайну мирового значения.

Нет, нет, только не думать о плохом...

А вот того, что Ляхов может навести на него какую-нибудь из служб безопасности, Глан отчего-то совсем не опасался. Не монтировался такой сюжет.

Однако другой человек считал иначе.

— Вы что, бывший начальник госбезопасности? Вы все так хорошо знаете? С чего вы вдруг так вообразили? А что, если по вашему следу уже идут агенты МГБ, военной контрразведки, Интерпола, израильской СД, да чьи угодно?

— Прежде всего, Станислав Стефанович, я считаю так, потому что это крайне маловероятно по целому ряду причин. Прежде всего, мы с вами живем отнюдь не в серьезном полицейском государстве, где действительно каждый шаг любого гражданина под строгим контролем. Здесь, по большому счету, ничего никому не нужно.

Мне приходится встречаться с очень многими людьми

ми по весьма щекотливым вопросам, и за последние пятнадцать лет я не имел никаких неприятностей.

И как вы себе вообще представляете такую «операцию»? Сигареву мы нашли в Аргентине. Для этого мне пришлось выходить на контакт с очень многими, и что? Человек побежит в полицию или контрразведку с сообщением, что некто спрашивал у него, не помнит ли он, как звали последнюю подругу его бывшего однокурсника?

Далее, сама Сигарева, конечно, удивилась, когда к ней подошел Херардо. Но и там все было обставлено на столь личном уровне, что повода афишировать встречу — никакого. Что, мужу об этом сообщать? Ну и так далее.

Вот то, что они все-таки встретились, — это действительно случай. Поразительный. Один на миллион. Срежисировать такую встречу невозможно по определению. И надо этот случай использовать.

— Восхищен вашим оптимизмом. А если все обстоит несколько иначе? И это очень четкая подставка? Сразу после вашей с ней встречи на бульваре она связывается с Ляховым, договаривается о встрече в таком месте, где бывает очень много москвичей, причем в основном именно подходящего возраста, и где их встреча выглядит вполне случайной. Вас это убедило и успокоило, что и требовалось доказать.

Глан почувствовал приступ злости. Он не любил, когда кто-нибудь сомневался в его уме и проницательности. А уж тем более — этот полячишка.

— Есть поговорка: пуганая ворона куста боится. Да откуда бы она взяла этого Ляхова? Когда тот уехал из Израиля, она была еще в Аргентине. После приезда в Москву мои ребята водили ее все время. Она, не зная об этом, не соврала ни в одном слове своего отчета. На Сходню отправилась по совету гостиничной дежурной, с которой раньше не была знакома. И так далее.

Ладно, допустим, вы все-таки правы. И что из этого следует? Мне прервать контакт, или вы имеете такое количество сил прикрытия, что обеспечите полную безопасность предполагаемой акции?

Предлагайте, я соглашусь на любое решение. Разумеется — под запись. Чтобы потом претензий не было.

— Если вам удастся получить саблю и доставить ее по месту, это будет почти полным успехом. Если после этого вас арестуют российские контрразведчики, это никого не расстроит. Как раз это — ваша проблема и предмет вашей личной заботы. Выдать вы все равно никого не сможете. Но возникает и еще один момент. Ляхова надо ликвидировать.

— А это уж зачем? — искренне удивился Глан. — Кому он будет нужен и опасен, продав саблю? — Сам он был на самом деле по преимуществу антикваром, не чуждым, разумеется, всяких темных дел, начиная от скупки краденого и вплоть до организации хищений из государственных и частных музеев. А тут речь зашла об убийстве.

— Видите ли, на него тоже есть заказ. И тоже за хорошую плату. Сабля — это предмет, который нужно вернуть хозяевам. А его голова — это расплата за украденное.

— Ну, если б мы всех убивали...

— Вас, кстати, Яков Мефодьевич, никто не заставляет убивать лично. Просто нужно обеспечить условия.

— Для того, чтобы отрезать голову?

— Или для того, чтобы представить неопровержимые доказательства, что этот факт имел место.

— Нет, ну я даже не знаю, — развел Глан руками. Ему совершенно не хотелось связываться с подобным делом. Но и выражать несогласие было чревато. Он решил пустить все на самотек.

— Короче. Я делаю все, что в моих силах. Встречаюсь с Ляховым, покупаю у него саблю, ну и, по вашей схеме, обеспечиваю дальнейшее. Но само мероприятие осуществляют ваши люди и где-нибудь за пределами моего магазина. Думаю, он нам еще не раз может пригодиться.

— Хорошо. На этом и сойдемся. Два десятка человечков для обеспечения я вам еще подкину. Прикроют район контакта плотно. А там уж вы сами думайте.

Господин Глан уходил от своего работодателя еще больше раздраженным и даже взбешенным.

«Напрасно этот якобы потомок римских патрициев

считает, что ему позволено все. Подумаешь, де Кампо Сципион! Я бы себе еще и позвонче псевдоним мог бы изобрести. А сам какой-нибудь Тутышкин из Весьегонска.

Играть можно, заигрываться не след. А то влезешь совсем в другие дела. Полицейское государство или не полицейское, а МГБ существует и чем-нибудь да занимается». Глан окончательно решил, что думать следует исключительно о целостности своей головы, и начал просчитывать операцию прикрытия собственной задницы.

Тарханов тоже не терял времени даром. Все подходы к сходненской даче были заранее проверены боевиками группы обеспечения, чтобы не оказалось вдруг там неприятных сюрпризов.

Но вообще-то и Тарханов, и Кедров расценивали все происходящее не более чем тренировку личного состава в условиях, приближенных к боевым. Трудно было представить, что неприятель, кем бы он ни был, отважится на силовую акцию, если ему предоставлен шанс все решить полюбовно.

Однако они понятия пока что не имели, с каким врагом имеют дело, оттого и не исключали полностью, что он может предпочесть не платить денег, а просто захватить Ляхова, а потом уже добиваться своего.

Оттого были готовы к любому варианту.

Но чтобы ни Влада, ни гипотетический противник не заподозрили, что мужчина с двумя дамами приехали не развлекаться, а совсем по другому поводу, обставлено было все как полагается в таких случаях. С ярким светом фар представительного автомобиля, с шумом и смехом, как и подобает людям, начавшим гулять еще в Москве и намеренным не останавливаться до утра.

Так они и поступили. Поскольку ничто не мешало Тарханову просто почувствовать себя мужчиной в обществе двух красивых девушек, каждая из которых действительно хотела забыться в общем веселье, хотя и по разным причинам.

Примерно во втором часу ночи Влада на крыльце, выходящем во двор, жадно дыша морозным воздухом и глядя

на полную янтарную луну, низко повисшую над исчерканным вершинами елей небосклоном, вдруг спросила Елену:

— А он тебе кто?

— Кто? — не поняла вопроса Елена. Она видела, что новая подруга выпила чуть больше, чем следовало бы, но кое-что слышала от Вадима о ее странных отношениях с Сергеем, потому старалась быть осторожной.

— Арсений, он же Узи, и вообще не поймешь кто. Со всем я запуталась...

— Никто, я думаю. Как мне было вчера сказано, боевой друг моего друга...

— Тоже боевого? — слегка покачиваясь и иронически кривя губы, спросила Влада. Ей, в ее состоянии, это казалось очень остроумным.

— Не знаю даже, что тебе и ответить. Лучше всего, пожалуй, давай пойдем в дом. Холодно здесь, простудиться можно. Завтра Вадим придет, ты их с Арсением сведи и выясни, кто, кому и с кем...

— Нет, ты хи-итрая, — погрозила Влада Елене пальцем и все же направилась в дом, чем доставила Елене немалое облегчение.

Не хватало еще с полупьяной женщиной препираться. Ее ведь тоже понять можно.

...Яков Мефодьевич угадал как раз вовремя. Он деликатно постучался в дверь около двух часов дня и был крайне смущен, когда дверь ему открыла Елена, но совсем не та, которую он привык видеть. Она была одета в черное полупрозрачное платье, снизу далеко отступающее выше колен, а сверху едва держащееся на двух тонких бретельках и являющее взгляду почти все, чем наградила женщину природа. Выглядела она, как веселая ведьма из соответствующих фильмов.

Глан несколько смутился, но она подхватила его под руку и увлекла в глубь дома, где гремела быстрая музыка и длинный стол свидетельствовал, что веселье продолжается не первый час.

— Мы тут Масленицу провожаем, скоро будем тучело во дворе жечь, — сообщила Елена.

Ляхова Глан узнал по фотографии, хотя там он был намного моложе. Но лицо то же самое. Ляхов сидел в расстегнутой белой рубашке и чокался серебряной чаркой со смуглым мрачным мужчиной, который Якову Мефодьевичу сразу не понравился.

Не успела Елена представить их друг другу, как со второго этажа в холл почти скатились две вообще очень условно одетые девушки в сопровождении обнимающего их за талии и ниже парня, тоже выглядевшего по-гусарски, то есть усатого, всклокоченного и здорово пьяного.

Вдобавок он читал стихи, громко, но слегка заплетающимся языком:

— Деды, помню вас и я, испивающих ковшами и сидящих вкруг костра с красно-сизыми носами...

Вот это как раз Глана успокоило.

Вырвавшийся с войны, получивший новое, неизвестно что сулящее назначение, русский офицер и должен так вот гулять напоследок.

Друзья, девушки, то ли по-настоящему знакомые, то ли приглашенные на вечер и ночь, уставленный полными и полупустыми бутылками стол, и еще сколько-то совсем пустых бутылок под столом и вдоль стен. Имитацией и не пахнет.

Вот только получится ли разговор?

— Может, Елена Артуровна, я позже зайду? — деликатно, как и подобает пожилому интеллигенту, спросил Глан.

— Да о чем вы? — изумился Ляхов. — Гость в дом, радость в дом. Елена, свежую тарелку гостю и рюмку, естественно. Вы что употребляете? Коньячок, водочку, в каком полку служили?

Еле-еле гость, изобразив соблюдение ритуала, отвязался от настойчивого гостеприимства.

Вера в успех сегодняшней миссии таяла на глазах, зато укреплялась уверенность в том, что в принципе проблем быть не должно. Тот, кто так гуляет, рано или поздно почувствует недостаток в деньгах, а то и вообще сочтет более желательным покончить с утомительной военной

службой и предаться куда более приятной жизни рантье. Как очень многие до него.

— Неужели вы думаете, что сейчас может получить-ся деловой разговор? — спросил он, выпив рюмку коньяка и отведя Елену в сторонку от шумного стола.

— Да только сейчас и может, — хитро улыбаясь, сообщила та. — Кстати, совсем недавно Вадим мне как раз рассказывал о своих подвигах на фронте и упомянул, что единственное, что он сумел прихватить на память, какая-то старая сабля. Другие, мол, с деньгами приехали, барахло заграничное контейнерами домой отправляли, а он, вроде всех предыдущих отцов и дедов, — орден и трофей с поля боя. Только упаси вас бог на эту тему иронизировать, — сделала Елена страшные глаза. — Это он сам про себя любит шутить, а другим не позволяет.

— Так как в этом случае действовать будем? — осторожно спросил Глан.

— А попросту! — Елена одернула совсем уже вызывающе подвернувшийся край юбки. — Вадим, иди-ка сюда...

Чтобы избавиться от надоедливого шума, производимого развеселой компанией, они поднялись на второй этаж.

Елена, держась так, будто разговор на эту тему уже имел место, сообщила Ляхову, что вот Яков Мефодьевич, старый друг семьи и квалифицированный антиквар, готов посмотреть на его трофей и, если он имеет какую-то рыночную ценность, обещает помочь его реализовать.

— А разве я собирался ее продавать? — удивился Ляхов.

— Нет, ну ты даешь! Денег нет, отпуск скоро закончится, и с чем ты меня оставишь? Твоих тысячи рубликов в месяц и одному не хватит. Ты что, князь Меншиков, основатель Эрмитажа? Если Яков Мефодьевич готов помочь, так надо бегом за эту идею хвататься. Вдруг там правда можно кое-что выручить.

«Крепко дамочка в него вцепилась, — отметил для себя Глан. — Второй день как встретились, а уже командует, деньги его как свои считает. Может, с самого начала с ней нужно было весь разговор вести? Пусть бы она у

него железку под любым предлогом выдурила, а уж потом...»

Но что сделано, то сделано.

— Так когда можно предмет посмотреть? — совсем аккуратно спросил Глан.

— Да хоть сейчас! — Кураж бил из Ляхова через край. — Ленок, кто у нас самый трезвый?

— Ты чего выдумал?

— Да ничего. Если Арсений в порядке, сейчас рванем в Москву, за пару часов обернемся.

Ляхов вдруг наклонился к Глану, не поймешь сразу, то ли с хитрой, то ли с лучезарно пьяной улыбкой.

— А вы гарантируете, что купите?

— Как я могу гарантировать? Надо сначала видеть вещь. Филантропией не занимаюсь.

— Да вы что! Это на самом деле ВЕЩЬ! Вы же антиквар с пониманием, не фраер какой-нибудь? Сколько дадите?

Елена смотрела и восхищалась. Вадим импровизировал с блеском. Она его и не видела никогда такого. В процессе обсуждения операции все было буднично и скучно. Найти повод поговорить, встретиться в Москве, с особыми предосторожностями показать Глану саблю, исходить из обстоятельств...

А тут прямо фонтан эмоций, да с хорошим напором. Покупатель и растерян, и зачарован возможностью прямо так, под пьяную лавочку, отхватить искомое.

Не слушая возражений Елены, Влады, кое-кого из компании, желающей пить и веселиться, а отнюдь не ждать два часа внезапно решивших исчезнуть хозяев, Ляхов в весьма резких выражениях заставил Тарханова выбраться из-за стола и сесть за руль «Лендровера».

Тарханов, если бы ему захотелось, мог бы выйти к одной из московских трасс по десятку улиц и переулков, но поехал просто и демонстративно, в сторону Петроградского шоссе. Правда, вел он свой вездеход по покрытой снежным накатом дороге со стотридцатикилометровой скоростью, а если двигавшиеся в том же направлении

★
автомобили отчего-то пытались не отстать, «случайные» грузовики и неумелые водители подержанных «Фордов» и «Рено» надежно блокировали самые удобные для перестроения и обгона участки.

Может быть, нескольким ни в чем не повинным лихачам и пришлось, матерясь, выбираться потом из занесенных глубоким снегом кюветов, но зато была полная гарантия, что ни одна чужая машина на хвосте у них не удержалась от первой развилки и вплоть до Брестского вокзала.

— Зачем это ты вдруг придумал? — спросил Вадима Тарханов.

— Так, по наитию. Если бы мы стали договариваться на его условиях, что бы еще вышло? А здесь он будет играть на нашем поле. Хочешь — бери. Хочешь — пошел вон. Его очередь импровизировать.

— Пожалуй, что и так. Только и его дураком считать не надо.

— Я и не собираюсь, а все же?

— Там видно будет.

Впереди, на подъездах к транспортной развязке перед Брестским вокзалом, образовалось нечто вроде пробки, колонна машин двигалась слишком уж медленно, рывками и толчками.

— Нет, нам это ни к чему. — Тарханов, приметив разрыв во встречном потоке, который двигался не в пример быстрее, в нарушение всех правил крутнул вдруг руль влево, включил дальний свет и придавил кнопку сигнала, заставляя скромных и законопослушных водителей в панике тормозить.

Пересек все четыре полосы и ушел, свистя покрышками, в Ямскую улицу, оттуда резко вправо, на Бутырский вал, и уже тихо и спокойно пошел по Новослободской к центру.

— Вот, примерно так. На друзей надейся, а сам не плошай. Если какой «хвост» и был, намертво обрубил.

Господин же Глан, сделав вид, что ему трудно дышать в действительно насыщенной табачным дымом, запахом сразу нескольких типов женских духов и алкогольным

перегаром атмосфере, вышел на свежий морозный воздух.

Все тщательно составленные планы шли прахом. С этими пьяными офицерами только свяжись. Вместо тонкого, обдуманного делового разговора получилось черт знает что. Расшумелся, сорвался, полетел. Ну, вернется, привезет, а дальше?

Ни о чем другом не думая, Глан свернул к первой же телефонной будке. Сдвинул головку щеколды на выступе аппарата, положил в соответствующую выемку двугривенный.

— Докладываю, шеф, все пошло вне плана.

Четко изложил случившееся.

— Так что же вас встревожило, уважаемый?

— Как что? Предмет через час будет здесь, денег у меня при себе нет, и, если ему это не понравится, он развернется и снова уедет. Что с пьяного взять?

— Считаете, он действительно пьян?

Глан рассмеялся в трубку.

— Пьянее вина. Вы бы сюда подъехали. Оставшаяся компания продолжает, да так, что не уверен, сможет ли к моменту возвращения клиента кто-нибудь из них связно разговаривать. Господа офицеры Масленицу провожают.

— Хватит болтать. Откуда звоните?

Глан тоже перешел на рубленые фразы.

— Автомат в переулке. Вокруг ни души.

— Когда вернутся?

— Обещали через два часа.

— Пьяные поехали, говорите?

— И весьма...

— Ладно, постараемся встретить.

Глану стало страшно.

— Но как же... Если с ними что случится, меня же первым и заподозрят, следствие и все такое! — а параллельно и другая мысль мелькнула: «Может, и меня с ними заодно? И вещь получена, и концы в воду». Он чуть не впервые задумался о горестной жизни людей, занимающихся скользкими делами такого плана.

— Сделаем так, что не подкопаются. А вы возвращайтесь в дом и ждите вместе со всеми. Выпивайте. Где-то

через полчаса после условленного времени, не дождав-
шись, откланяйтесь. И езжайте ко мне. Ваша консульта-
ция потребуется.

«Что делать? — думал Глан, неторопливо двигаясь в сторону дома Елены. — Может, плюнуть на все и бежать? Отчего и нет? Денег до смерти хватит, если даже еще лет десять-пятнадцать доведется прожить. К чему мне эти заморочки? Прямо сейчас домой, потом в аэропорт, и первым же рейсом — куда придется. А потом уже разбираться. В Новую Зеландию неплохо бы...»

Однако шел он, тем не менее, именно туда, куда идти ему хотелось меньше всего на свете.

«Привыкла собака за возом бегать, — очень к месту вспомнилась поговорка. — Ладно, посмотрим, может быть, ничего страшного».

Возвращались они на той же бешеной скорости. Как и надлежит офицерам, спешащим вернуться к пиршественному столу.

Километров за пять до поворота к поселку Ляхов вдруг вновь испытал знакомое уже ощущение поднимающейся завесы между настоящим и будущим. На этот раз накатило очень вовремя, потому что несло с собой знание о близкой и смертельной угрозе. Очень близкой. Непонятно только, от чего именно она исходила.

Колесо оторвется на стокилометровой скорости или вылетит из-за поворота на встречную полосу грузовик?

— Тормози, Сергей, только аккуратней, чтоб не занесло.

— Зачем? — не понял Тарханов.

Объяснять не было времени.

— Тормози!

Капитан убрал ногу с педали газа и начал плавно тормозить. Дорога была ровная и в принципе чистая, внезапный занос вроде бы не грозил.

— Ну? Объяснишь все-таки?

— Да я и сам не знаю. Почувствовал, что вот-вот должно произойти нечто, вплоть до... ухода в нирвану, ну и по-

думал, отчего еще можно на дороге помереть ни с того ни с сего?

Тарханова жизнь научила верить предчувствиям, своим и чужим тоже. И приметы всякие он искренне уважал. Отчего бы и не подстраховаться лишний раз?

Но машина вроде в порядке, видимость вдоль трассы приличная в обе стороны, подозрительных машин не заметно, да и в паре сотен метров сзади идет микроавтобус с группой прикрытия.

— Ладно, поехали. Тут всего километров десять осталось.

Вадим вслушался в себя. Чувство тревоги не проходило. Может быть, оно касается того, что ждет их на даче?

До поворота было совсем немного, и сильно разгоняться Тарханов не стал.

Посигналил задними фонарями едущим сзади коллегам и свернул на узкую лесную дорогу.

И почти сразу же, в невидимой с трассы прогалине между елями, опустившими свои лапы до земли под тяжестью рыхлого, начавшего подтаивать снега, они увидели черную, с широкими желтыми полосами по бортам, машину дорожной полиции.

Инспектор, переминавшийся с ноги на ногу у обочины, несколько секунд пристально всматривался в приближающийся «Лендровер», потом резко взмахнул рукой с длинным, фосфоросветящимся жезлом.

Ляхов еще и сообразить ничего не успел, а Сергей вдруг вдавил педаль до пола, направляя массивный бампер на полицейского.

Тот чудом успел увернуться и, вопреки нормальной логике поведения полицейского, тут же выхватил из-за отворота куртки, отнюдь не из кобуры на поясе, длинный нештатный пистолет.

В зеркало заднего вида Ляхов увидел, что из машины уже выпрыгивали на снег еще люди, одетые в ту же форму. Он насчитал троих, пока Тарханов с перегазовкой и торможением развернул «Лендровер» почти на месте и тут же начал стрелять из мгновенно оказавшегося в его левой руке «адлера».

Неизвестно, попал ли он с первого выстрела, но после

второго патрульный крутнулся на месте и опрокинулся на спину, разбросав руки. Из окон подлетевшего микроавтобуса дружно замолотили пять или шесть автоматов.

Скоротечный бой закончился. На все ушло едва ли больше двадцати секунд. Когда Ляхов выпрыгнул из машины на обочину, тревоги и страха больше не было.

— Быстро, быстро, тащите всех в лес, пока никто не едет, — скомандовал Тарханов, подбирая далеко отлетевший в сторону пистолет полицейского.

Всего лжеполицейских было пятеро, все, кроме первого, вооружены короткими автоматами «эрма МП-50».

Другого доказательства их непричастности к официальным структурам не требовалось, неоткуда было взяться у московских полицейских оружию, не состоявшему на вооружении даже и в германской армии, а применявшемуся по преимуществу иррегулярными формированиями и бандитами во всех концах света.

На полянке, надежно укрытой от посторонних глаз стеной деревьев, Ляхов наскоро осмотрел тела террористов. К его удивлению, все они были живы, хотя некоторые не очень. Каждый был одет в многослойный кевларовый бронежилет, да вдобавок офицеры группы прикрытия стреляли исключительно пластиковыми пулями.

Пробить кевлар они не могли, но энергия их была так велика, что действовали примерно как хорошая дубина по рыцарскому доспеху.

Все «полицейские» были без сознания, с явными признаками болевого шока. Двоим не повезло особенно, неизвестно, прицельные или рикошетные пули попали в голову, и здесь требовалось срочное хирургическое вмешательство.

А тому, в кого единственно стрелял Тарханов боевыми пулями, разворотило левое плечо как раз у края бронежилета. Кровь пропитала одежду и мех куртки, в глубине раны розовели осколки костей.

Так Ляхов и сказал, что без срочной помощи шансов маловато.

— Если доведем живыми — получат, — несколько легкомысленно ответил старший группы. — Давайте, перевязывайте, и погоним.

— Отвезете, сразу начинайте допрашивать, пусть врачи приведут, кого можно, в пристойное состояние. Хоть наркотиками, хоть чем, — скомандовал Тарханов. — Машину обыщите до винтика, потом отгоните к реке и сбросьте с моста под лед. По радио и дальновидению организуйте сообщение в новостях примерно в таком духе: «Сегодня, — он взглянул на часы, — в пятнадцать тридцать на таком-то километре шоссе между Новоподрезковым и Сходней потерял управление и упал с моста патрульный автомобиль дорожной полиции. Предположительно весь экипаж погиб. Ведутся поисковые работы». Вобщем, сами сообразите. Действуйте. А мы поехали, — повернулся он к Ляхову.

Несколько минут они молча курили, потом Ляхов спросил:

— Как ты догадался, что это не настоящая полиция?

— Это как раз проще всего. Дураки они, или от спешки, или сроду такие. А я-то не дурак. Спецномера у нас на машине, любому дэпэшнику известные, самому зеленому салаге и в голову не придет такую машину тормозить. Кстати, тут и обнадеживающий момент просматривается. Выходит, в полиции и в наших службах у них информаторов нет. Машину и форму где-то раздобыли, а с остальным — прокол.

Теперь о главном. Приедем, держись как ни в чем не бывало. Интересно, сумеет твой антиквар удивление скрыть или нет? Наблюдай за ним, хотя это и не слишком важно теперь. Посмотрим, как он на саблю отреагирует и что делать будет. Они честный отъем планировали, а теперь на ходу импровизировать придется. Если он не сбежал, конечно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ни малейшего удивления при их появлении Глан не выказал. Тут Ляхов был уверен на сто процентов. Из чего следовало, что в этот план его не посвятили. Иначе, буду-

чи в курсе, разумнее ему было бы под тем или иным предлогом скрыться. А он ждал как ни в чем не бывало.

Хотя Елена сообщила, что вскоре после их отъезда «антиквар» выходил из дома, а наблюдатель «наружки» доложил, что объект звонил по уличному телефону, вот только перехватить разговор не было возможности.

Глан жадно схватил саблю, развернул лоскут ткани, в который она была завернута. В руке у него появилась сильная и на вид старинная лупа в медной оправе.

Вытянувшись в кресле и благодушно взирая на антиквара, Ляхов цепко следил за его действиями. И действительно, первым делом Глан направил стекло на эфес, хотя, по представлениям Вадима, вначале следовало бы осмотреть клинок, найти клейма или по каким там еще признакам определяется древность и ценность холодного оружия. А вообще кто его знает, может, действительно драгоценные украшения, по замыслу, должны считаться дорожке клинка?

— Ну и как, Яков Мефодьевич? Эта та самая вещь, что вас интересует, или, скажете, ошибочка вышла?

— Подождите, подождите. Света тут маловато.

Глан повернулся к окну.

Действительно, зимний день стремительно угасал, лампы в доме еще не включили, и освещение стола было недостаточным, чтобы рассмотреть мелкие детали гравировки.

Хотя Вадим понимал, что дело совсем не в этом. Глан на необходимые несколько секунд закрыл своей спиной от Ляхова саблю, но по движению его правого локтя было заметно, как антиквар сдвинул эфес вверх, проверяя, на месте ли таинственные цилиндры.

Убедился и повернулся удовлетворенный.

— Да, это она! Не представляете, как я волновался в ожидании этого момента. До последнего боялся — а вдруг это ошибка и речь идет совсем о другом предмете.

— Рад за вас. А по мне так сабля и сабля. Выглядит неплохо, конечно, но ничего особенного. Впрочем, для меня и знаменитая «Британская Гвиана» не более чем выцветший клочок бумаги. Одним словом — назовите вашу цену.

Что? Сто тысяч? — Ляхов засмеялся очень натурально. — Уважаемый, я не коллекционер, но и не дурак одновременно. Что, за какие-то сто тысяч рублей вы объявили всепланетный розыск? Это даже не смешно. Я, к вашему сведению, успел заглянуть в мировую информационную сеть, посмотрел кое-какие каталоги — Сотбис, Франкония...

К примеру, подлинный рыцарский меч толедской работы в хорошем состоянии на полмиллиона тянет. Причем — имеющийся в свободной продаже. А эту штуку вы так искали! Поэтому моя цена — восемьсот тысяч.

Цифра была взята им с потолка, в основном исходя из простого расчета. Миллион — слишком круто и звучит чересчур звонко. Миллион! Надо быть скромнее.

Если все-таки удастся получить пусть не эту сумму, пусть даже вдвое меньшую, ему хватит и на покупку достойной квартиры или загородного дома, и на хорошую машину, и еще останется, чтобы ближайшие годы не считать рублей и копеек.

Ляхов вспомнил восточные базары, на которых ему приходилось бывать, вдобавок имея в виду, что клиенту деваться некуда, торговался въедливо и азартно. Глан тоже бился, как лев, упирая на то, что самому Вадиму саблю все равно официальным образом не продать, а если даже и удастся, то времени и трудов уйдет уйма, плюс налоги, экспертизы и прочее съедят добрую половину выручки.

В итоге сошлись на шестистах пятидесяти.

— Ну и как будем рассчитываться?

Ответ у Глана был готов.

— Да вот прямо сейчас пойдете в банк, тут совсем рядом, и я переведу на ваш счет указанную сумму. Чего же проще?

С банковскими операциями Ляхов сроду дел не имел, все попадавшие ему в руки деньги он тратил сразу. Лишь бы хватило до следующего дня выплаты жалованья.

Зато Елена разбиралась в этом хорошо. В поселковом отделении Московского коммерческого банка она сначала, с помощью оператора, убедилась в обеспеченности предъявленной Гланом кредитной карты, что заняло всего несколько минут. Тут же открыли анонимный номерной

счет Ляхову, и Вадим наконец-то стал весьма обеспеченным, даже богатым человеком.

Он обменялся с Главом рукопожатием.

«Дело сделано!» — сказал слепой», — вспомнилась фраза из «Острова сокровищ».

— Подождите, Яков Мефодьевич, — сказала вдруг Елена, когда Глан протянул руку за кожаным тубусом для чертежей, в котором была упакована сабля. — Вы еще кое о чем забыли.

— А именно?

— Дон Херардо, помнится, обещал мне коммиссионные в сумме десяти процентов от сделки. Рассчитаемся?

— О чем речь? Если вы так договаривались, не смею подвергать ваши слова сомнению.

Ляхов с Еленой неторопливо шли по тротуару, проводив Главана до остановки такси.

— Слушай, я до сих пор не могу поверить, что все благополучно закончилось. И мы с тобой вдруг разбогатели ни с того ни с сего. — Елена сказала это и вдруг как-то враз погрустнела.

Вадим это заметил.

— Разбогатели, да. Но что-то ты не слишком радуешься...

— Да так...

Он понял, в чем дело, но сказать что-нибудь утешительное пока не мог. Поскольку сам плохо представлял, как дальше у них будут складываться отношения.

Елена, Майя...

Да и историю он отнюдь не считал законченной. Деньги Глан заплатил, да, но ведь была и засада на дороге.

Господин же Глан пребывал в не менее смятенных чувствах. Задачу свою он выполнил. Не выходя за пределы предусмотренных сумм и даже значительно их сэкономив, он получил в свои руки искомый предмет, убедился, что это есть именно то, что требовалось. Сам, кста-

ти, понятия не имея, в чем же заключается подлинная ценность тех штучек, что спрятаны в рукоятке сабли.

Но вот удастся ли ему передать саблю по назначению и продолжить жизнь как ни в чем не бывало — это большой вопрос.

Что-то много вокруг накручивается побочных сюжетов.

Но ведь и другого выхода тоже нет.

Он приехал в контору шефа, когда уже окончательно стемнело.

Тот выглядел встревоженным, что обычно было не свойственно этому до чрезвычайности уверенному в себе человеку.

Даже выложенная перед ним на стол сабля не слишком его обрадовала.

— Да, да, очень хорошо. — Он повертел ее в руках и снова положил на место. — Вам это зачтется, разумеется. Однако сейчас важно другое. Как я вам уже говорил, у меня был план завладеть ею менее затратным способом. И одновременно выполнить вторую часть заказа. Но случилось странное.

Группа из хорошо подготовленных к выполнению именно таких поручений людей погибла полностью. Только что по дальновизору передали сообщение. Все сходится. Они ехали на задание под видом дорожного патруля и, не доехав до места всего два километра, сорвались с моста. Операторы показали полынью на месте падения машины. Конечно, не выжил никто. Но через некоторое время машину поднимут, обнаружат там тела людей, никакого отношения к полиции не имеющих. И что дальше?

— Это бывает, — осторожно сказал Глан. — Действительно странно другое. Я до последнего боялся, что нечто подобное случится как раз с нашим клиентом. Не верилось, что все пройдет так неожиданно легко. А это... Действительно, если они слишком торопились. Место и время совпадает?

— В точности. После получения задания, необходимых сборов группа, по расчетам, должна была оказаться именно там.

Но уж больно дикая случайность. И что меня тревожит — обязательно ведь начнется следствие.

— А эти люди где-нибудь уже светились? Я имею в виду — можно проследить какую-то связь именно с нами? Гораздо ведь проще следователям предположить, что обыкновенные уголовники переоделись полицейскими для каких-то своих преступных целей. И — концы в воду, — не слишком ловко состриг Глан.

— Я тоже очень на это рассчитываю. По крайней мере, нас с вами и этих людей даже отдаленно ничто не связывает. И обычное следствие меня волнует мало. Вот если бы поблизости произошло настоящее убийство, тогда конечно. Но если все обстоит иначе?

— Что вы имеете в виду?

— То, что случившееся может быть отнюдь не случайным. И если это так... Предположим, что за вами следили, причем очень давно. Раньше даже, чем случился тот прискорбный инцидент в сирийской пустыне. Тогда многие события приобретают иную трактовку. И весьма связную. Разгром отряда федаинов, события в Нью-Йорке, исчезновение и такое же странное появление в Москве Ляхова с саблей, его встреча с Сигаревой, удивительная сговорчивость обоих, гибель группы. Я даже могу подверстать сюда же аргентинца. Что, если он тоже действовал под контролем?

— Ну, это совсем уже из разряда фантастики. Просто потому, что чрезвычайно сложно и... я бы сказал, бессмысленно. Хотя бы потому, что до начала истории я лично совершенно ни к какому политическому делу не имел даже отдаленной причастности. Да и вы сюда приехали совсем недавно. Если ваша гипотеза верна, кто мешал... Я не знаю, кого вы рассматриваете в качестве фигурантов этого дела, но вряд ли это российская госбезопасность, ее интересы столь далеко не простираются.

Так вот, кто мешал бы им оборвать цепочку на любом из предыдущих этапов? Цель была бы достигнута, но без чрезмерного риска. Вы же понимаете, что нагромождение такого количества событий, оформленных под случайности, делает осмысленный план крайне уязвимым.

Разве что его разрабатывал маньяк, вообразивший себя гениальным режиссером. Из любви к искусству.

— Ладно. Дискутировать на эту тему мы не будем. Дай бог, чтобы правы оказались вы, а не я. А пока принимаю решения я, а не вы, то считаю, что нам лучше временно исчезнуть. Прямо сейчас.

— То есть?

— Вы, не заходя отсюда домой, уедете по указанному мной маршруту. Заодно лично доставите «предмет» по месту назначения. И получите причитающуюся награду. Надежную охрану я вам гарантирую. У меня тоже есть срочные дела за пределами благословенного Отечества. А со временем — будет видно.

А тут найдется кому довести дело до конца. По примеру Катона-старшего я убежден, что Карфаген все-таки должен быть разрушен.

— Это вы о Ляхове?

— И о его подруге. И обо всех, кто хоть как-то причастен к этой истории.

После завершения операции с саблей Ляхов с Тархановым долго не встречались. Вадим, считая, что для него эта тема исчерпана, со спокойным сердцем погрузился в учебу, а у Сергея служба отнимала слишком много времени, чтобы выкраивать время для дружеских посиделок.

С Еленой тоже все пошло как-то не так. Получив свои комиссионные, она немедленно съехала из гостиницы, сняла себе небольшую квартирку в новом доме в начале Большой Дмитровки. А буквально на следующий день ей официально сообщили в МИДе, что ее муж пропал без вести. Самолет с группой сотрудников затерялся еще на третий день войны, но пока шли поиски, родственников не извещали, а теперь выходило так, что надежда потеряна.

То ли его сбил бразильский истребитель, то ли просто самолет сел на вынужденную посадку в пустынном районе, а пассажиры или погибли, или попали в плен к одному из диких племен.

Елена переживала это очень тяжело, хотя совсем недавно всерьез подумывала о разводе. Теперь же она отче-

го-то вообразила, что в случившемся есть ее вина. Что таким образом проявилось ее подсознательное желание избавиться от мужа.

Свобода и богатство в обмен на жизнь.

Они с Вадимом регулярно встречались, но больше никаких попыток к сближению не делали. Может быть, позже что-то у них и сможет получиться, думал Ляхов, но пока — нет.

В конце концов он уговорил Лену поехать в Кисловодск, подлечить нервы и рассеяться, избавившись от такого стрессообразующего фактора, как его постоянное присутствие поблизости, служащее как бы немым укором. Она согласилась на удивление легко. Или согласилась с его правотой, или просто от безразличия.

Максим, разобрав чуть не по молекулам обнаруженные в рукоятке сабли предметы, сообщил, что с изделиями такой сложности прежде не сталкивался.

— Прямо некое чудо микротехники. Можно сказать — компьютер в миниатюре. Но самое смешное — сам по себе он работать не должен. Только в сборе с чем-то. В том числе с источником питания.

— Ну а все же. Какого рода предполагается устройство в целом? Может это иметь отношение к бомбе, например, ядерной, термоядерной...

— К бомбе? Сомневаюсь. Впрочем... Бомба тут действительно ни при чем, а вот как элемент управления реактором — очень даже возможно. Причём я окончательно убедился, сделано это в России. И деталей много наших, и, я бы сказал, культура производства, стиль технического мышления.

Короче, забрал эти штучки тот инженер, Генрих, сказал, люди поумнее нас будут заниматься.

— Да и ладно. У нас своих дел... Я тут переговорил кое с кем, обещали помочь.

Доктор насупился.

— Мне соавторы не нужны. Не успеешь оглянуться, так ототрут в сторону, что скоро и сам не поймешь, ты-то тут при чем.

— Никаких соавторов, — успокоил его Ляхов. — Я тоже не дурак. Просто есть возможность заказы размещать на солидных фирмах, без расшифровки и объяснений. Там узел, там другой.

А изделие в сборе никому не покажем до последнего. Тем более мысли у меня появились. Ты вот занимаешься своими железками, и все, никакого понятия не имеешь, что на самом деле вокруг творится. Знаешь, один мой знакомый поэт писал: «А мимо случаи летали, словно пули. Одни под них подставиться решили, и сразу кто в могиле, кто в почете...»

Как понимаешь, нам бы с тобой лучше — в почете. Я теперь при деньгах, у тебя — творческий взлет. Значит, надо торопиться. Как ты смотришь, чтобы еще один-другой блок сконструировать?

— Параметры?

— Тут как раз и вопрос. На, посмотри на досуге, я тут расписал простыми словами, а тебе придется подумать, как это алгоритмизировать и перевести в четкие количественные и качественные показатели.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Наконец они снова встретились с Майей. После отъезда Елены сделать это оказалось морально легче. Вдобавок Вадим успокаивал совесть тем, что никаких обязательств и обещаний они друг другу не давали, а назначенное свидание не более чем «оперативное мероприятие».

Однако шел на него с радостью. Все же очень тяжело общаться с женщиной, целиком погруженной в свою горе, да еще вбившей себе в голову, что в смерти мужа виновата именно она, а косвенно — будто бы и Ляхов тоже. И ему хотелось вновь почувствовать себя нормальным человеком в обществе красивой, не нагружающей тебя собственными проблемами девушки.

Встретиться договорились в «Артистическом» кабаке на Тверской.

Симпатичное заведение и крайне популярное, так

что Ляхову пришлось здорово раскошелиться, чтобы получить столик в отдельной ложе на пятом ярусе окружающего эстраду амфитеатра. Зато место оказалось очень удобное — слева глухая, обтянутая алым бархатом стена, справа — одна из ведущих к площадке для танцев лестниц. И разговаривать можно, почти не опасаясь чужих ушей, и видно все великолепно.

На этот раз он «верископ» с собой не взял, решил довериться собственной интуиции, да и не получалось у него до сих пор полностью избавиться от слишком глубоко въевшихся моральных принципов. Говорить о «чести» и одновременно как бы подглядывать и подслушивать чужие эмоции и мысли.

После вечера, проведенного с отцом Майи, они еще не виделись, лишь дважды коротко поговорили по телефону. Строго по делу — Майя передала ему кое-какие уточняющие вопросы отца и выслушала ответ. Невозможность личной встречи Вадим объяснил максимально близко к истине. Что вот приехала в Москву старая знакомая, вернувшаяся из Аргентины, только начала устраиваться, готовить семейное гнездо к приезду мужа, и вдруг получила сообщение, что он погиб. Сгорел вместе с самолетом, так что и хоронить нечего. А кроме него, у Елены в Москве ни родственников, ни друзей.

— Вот и пришлось помогать ей как-то устроиваться в новой жизни. Хорошо хоть с деньгами у нее проблем нет, в остальном же состояние ужасное.

— Богатая вдова, значит. И симпатичная? — достаточно бестактно поинтересовалась Майя, и Ляхову пришлось выразить некоторое возмущение такой постановкой вопроса.

— Тебе, пожалуй, трудно поставить себя на ее место, но все же попробуй. Мало, что погиб человек, с которым ты прожила много лет, так и вся привычная жизнь под откос. Где жить, как жить, что дальше делать?

— Великолепно понимаю. Но рано или поздно острая боль проходит и вещи, кажущиеся сейчас неважными, выбираются на первый план. Ты же сам эти проблемы и обозначил. Впрочем, меня это ни в коей мере не касается.

— Ну, я бы так категорически не утверждал, — заме-

тил Вадим, но Майя словно бы не обратила на его слова внимания.

— Отец приносит тебе извинения, что пока не может с тобой встретиться. Мы с ним обсуждали твою «задачку». И говорили о тебе. Только не зазнавайся, но впечатление ты на него произвел. Что, в принципе, достаточно трудно сделать. Еще он просил особо подчеркнуть, что ваш разговор и данное вами друг другу слово отнюдь не распространяются на исполнение им своих должностных обязанностей.

— То есть я свое слово должен держать твердо, он же будет поступать по собственному усмотрению?

— Что ты за невозможный человек. Дослушал хотя бы! Это означает, что своих разработок по известному вопросу он не прекращает и в случае чего будет действовать, как считает необходимым, но в качестве частного лица он не исключает возможности личных бесед и встреч...

Ляхов в очередной раз удивился, сколь многолика его приятельница. Сейчас, хотя они и сидели за столиком богеменного заведения, окруженные от души веселящимися людьми, и происходящее на сцене заслуживало внимания, Майя держалась, будто дипломат, зачитывающий партнеру по переговорам заранее подготовленную ноту.

Так он ей и сказал. И предложил быть проще.

— А то со стороны подумают, что мы с тобой условия предстоящего развода обсуждаем. Вина выпей, улыбайся, а о том, что вас интересует, будем говорить так, между прочим. Тем более ведь так оно и есть по большому счету? Для меня это на самом деле задачка чисто интеллектуального плана. Раз серьезные люди изнуряют себя заботами о судьбах отечества, чего бы и самому не поучаствовать? Но все же мне куда больше веселиться хочется. Свою подопечную я в Кисловодск проводил, чтобы отвлеклась и нервы в порядок привела. Так что... Может быть, потанцуем?

Майя, судя по всему, всерьез его ревновала к Елене и шла на свидание с четко продуманной линией поведения, а сейчас ледяной панцирь, которым она себя окружила, дал трещину.

Вадим приложил все силы и умение, чтобы сломать

его окончательно. Он непрерывно острил, комментировал концертную программу, подливал ей вино, в паузах между номерами увлекал вниз, на танцевальную площадку. И своей цели достиг. Тем более что она и сама мечтала о примирении, только «шляхетский гонор» мешал.

С каждым новым танцем он все теснее прижимал к себе ее гибкое тело, и она больше не напрягала неуступчиво спину. За столиком он то и дело, будто невзначай, касался ее руки, вообще вел себя, как в самом начале деликатного флирта. Что, в общем, выглядело несколько смешно после всего предыдущего, но Майе, похоже, нравилось. Раз все начиналось как бы с чистого листа. (В третий раз, нужно заметить.)

Однако о своем задании она тоже не забывала. Выбрав подходящий момент, спросила как бы между прочим:

— Слушай, а не мог бы ты ввести меня в свой круг? Хочется поворачиваться среди очаровательных гвардейцев. Я слышала, что доступ дам на ваши ассамблеи не запрещен.

— Я выясню, — пообещал Вадим. — Тот монастырь пока еще не мой, и вопросы соблюдения устава остаются актуальными. Только вот не знаю, стоит ли сообщать о твоём родстве?

Майя посмотрела на него с откровенной иронией, и он понял, что сморозил глупость. Впрочем, оно, может, и к лучшему.

— Думаешь, это для кого-нибудь тайна? Люди там собираются информированные в реалиях московской жизни, не тебе чета. А кроме того... Можно подумать, дело зашло так далеко, что взрослая дочь государственного прокурора уже персона нон грата в обществе гвардейских офицеров?

Или действительно ты что-то такое знаешь, или разговор с отцом так на тебя подействовал?

— Пожалуй, да, подействовал. Я ведь парень отнюдь не искушенный. И погоны эти, и крест — абсолютное стечение обстоятельств. И когда мне господин прокурор так все доходчиво объяснил про зреющий заговор, я волею-неволей поверил. Да. И никак от этого первого, сильного впечатления избавиться не могу. Даже в приватной об-

становке и в обществе совершенно невинной и понятия не имеющей об играх взрослых людей девушки. Да ты не манкируй, бокальчик-то до дна довыпей, а то скоро уже и горячее подадут. И танго вот опять заиграли.

— Пойдем. Только не пойму я, господин полковник, действительно вы такой кристальный и примитивно искренний человек, что аж страшно делается, или играете на недоступном мне уровне.

— Вопросик, — ответил он ей, уже двигаясь в ритме старого танго, как на него ни ответь, минимум нескромность выйдет. — Лучше уж давай вести себя сообразно текущему моменту.

Возражений предложение не встретило. И вплоть до самого конца программы Майя, демонстрируя недюжинную выдержку, ни разу больше не вернулась к вопросам большой политики.

А уже когда они покинули кабаре и шли вниз по ночному, почти пустынному Тверскому бульвару, девушка спросила, есть ли у него предложения по поводу продолжения свидания.

— Ко мне отважишься поехать, к себе пригласишь или еще какое-нибудь заведение посетим? Как здесь принято — из ресторана в бар, потом в другой, потом в открытый дом, и до утра...

Своего жилища, кроме общежития, у него не было, так он и сказал, предоставив все остальное на ее полное усмотрение.

— Нет, ты и здесь какой-то странный. В твоем положении — и общежитием ограничиваться? Все нормальные люди обязательно имеют городскую квартиру. Чтобы было куда девушку пригласить, гостей принять. Если хочешь — помогу. А то чужим вдовам жизнь обустроиваешь, а о себе подумать не хватает.

— Чего не хватает?

— Откуда я знаю? Мозгов, наверное.

— Ну, помоги, если считаешь нужным. А то ведь действительно неудобно — подвернется сговорчивая девушка, а пригласить и некуда. Не в номера же?

За что и получил чувствительный толчок под ребра.

Поскольку в кабаре они пили только легкое вино и

★

торопиться было абсолютно некуда, сначала заглянули в бар Союза журналистов, потом в японский ресторанчик на Моховой, и к Майе добрались часу в четвертом.

— Ну, а теперь хватит надо мною измываться. Надо ж, тест на выдержку устроил. Извольте объяснить, полковник, как ваша задачка все-таки решается? Отец обозвал тебя прожектером и утопистом, а я вот отчего-то так не думаю, — потребовала Майя, сбрасывая набившие ноги туфли. — И даже ставку сделала, что ты придумал нечто во-от такое... — Она показала руками в воздухе нечто одновременно высокое и объемистое. Вроде снежной бабы. — Только я сначала переоденусь, — уловила взгляд Вадима и замотала головой, — нет-нет, отныне все будет очень скромно и прилично. Я должна беречь свою репутацию, мне еще в этом городе замуж выходить...

В самом деле, на сей раз она появилась в муаровой, лимонного цвета пижаме с серебряным шитьем, вполне подходящей даже для выхода в свет.

— Итак? Не разочаровывай меня.

Почему бы и нет, в конце концов? Что Майе сказать, что самому прокурору. Майе даже лучше, можно предварительно обсудить некоторые нюансы.

— Видишь ли, в словах твоего отца некоторая доля истины содержится. В принципе изложенная мной трехуровневая схема далеко не нова и характерна как раз для государств с самодержавной или тиранической формой правления, с теми или иными вариациями. Вся беда в том, что ее эффективность, как правило, оказывалась или весьма кратковременной, или же вообще мнимой. Даже в небольшом государстве верховному правителю крайне трудно уследить за добросовестностью своих ближайших помощников, не говоря об исполнителях низших уровней. Рано или поздно появляются и нарастают политические, экономические, клановые и многие другие разногласия. Ты же юрист, ты представляешь, что сотни и тысячи людей, связанных общим корыстным интересом, всегда найдут способ, как обойти закон, обмануть или подкупить контролеров, в конце концов заморочить голову даже и самодержцу. Или убить, как спалошь и рядом случалось в истории. Хоть нашего Павла Первого возъ-

ми. Настолько всех достал, что родной сын на его ликвидацию согласие дал, несмотря на собственный гуманизм и просвещенность...

— Пока ты говоришь сплошные банальности.

— А я предупреждал. Раз просила — слушай. Вариант второй, к счастью, для нынешних времен скорее гипотетический. Вообрази, что большевики в девятнадцатом году все-таки победили бы. Вот у них были возможности установления тотальной «диктатуры пролетариата», хотя мне это тоже кажется глупостью. Сама исходная посылка — как можно всерьез утверждать, что абсолютная власть как раз самых необразованных и жизненно несостоятельных людей при устранении квалифицированных и добившихся успеха способна принести счастье и процветание? Я кое-какие их книжки пролистывал, по моему — полный бред. Но, в виде эксперимента, допустим, что они бы победили. Вот у них как раз был механизм обеспечения всеобъемлющей и всепроницающей власти. Так называемая «партия нового типа». Она же, по выражению одного из красных вождей, — «орден меченосцев». Спаянных общей идеологией, общими интересами и военной дисциплиной. Особенно если допустить, что и после своей полной победы они пользовались бы теми же методами, как в Гражданскую войну на захваченных территориях.

— Страшно представить, — поежилась Майя. — Я тоже об этом читала, даже старые кинохроники смотрела.

— Я продолжаю. Вот если бы члены такой партии заняли абсолютно все административные посты в государстве, как муравьи, не задумываясь выполняли бы любую команду своих вождей и отвечали бы головой за любую ошибку или неповиновение, — такая система могла бы функционировать достаточно долго и успешно.

— Как воинская часть?

— Нет, все-таки скорее как муравейник. Поскольку солдаты могут взбунтоваться или разбежаться, а у насекомых это исключено.

— По-прежнему не понимаю смысла твоих аллегорий. Второй большевистской партии у нас, слава богу,

нет. И каким образом нас всех превратить в муравьев, ты вряд ли способен придумать.

— Именно. Но чтобы вы с Василием Кирилловичем могли обдумать мою идею с максимальной глубиной, послушай еще немного. Третий и последний вариант государства означенного типа — теократическая монархия, вроде как в Саудовской Аравии. Там король одновременно абсолютный монарх и высший духовный авторитет, законы шариата действуют не хуже, чем законы муравейника, да вдобавок все посты занимают или братья, или дядья, или племянники. То есть в принципе система для управления государством идеальная.

Майя стремительно теряла интерес к разговору. Наверное, убедилась в правоте слов своего отца. И не прерывала Вадима только из вежливости, хотя зевнула почти демонстративно, едва прикрывшись ладошкой. Но это нельзя считать неуважением, время действительно позднее.

— Итак, с одной стороны, твоя реакция подтверждает — ты убедилась, что ни один из предложенных вариантов не имеет рационального решения в российских условиях. С другой — из этого я делаю вывод, что придумал действительно оригинальный вариант, раз даже такие умные люди, как вы с отцом, не смогли и близко к разгадке подобраться...

— Было бы к чему... Скажи лучше, почему нормальная демократия тебя не устраивает. Весь мир при ней живет, и ничего.

— Да потому что, как выражался один мыслитель позапрошлого века: Россия — страна пространственная... У нас или крутое самодержавие, или же такой бардак, как мы имеем удовольствие наблюдать. По причине того, что в отличие от прочих «нормальных» стран демократия у нас является не итогом многовекового естественного развития, а явлением искусственным и чужеродным, подобно петровскому просвещению и европеизации. Воткнута, как палка в землю. Следовательно, даже и минувших восьмидесяти лет мало, чтобы она начала цвести и плодоносить.

Вот мой проект и позволяет обойти эту историческую антиномию, сиречь — неразрешимое противоречие.

Майя потянулась и, словно невзначай, расстегнула две верхние пуговицы пижамы, всем своим видом давая понять, что на этом останавливаться не намерена.

— Интересно, что бы сделала Шахерезада, если бы ей шах тысячу и одну ночь подряд рассказывал сказки? — с наивной гримаской спросила девушка, как бы ни к кому специально не обращаясь.

— Шах все понял и немедленно прекратил дозволенные речи. В надежде, что найдет благодарных слушателей за пределами своего гарема. — Вадим замолчал и восторженно посмотрел на Майю.

— Шаху не откажешь в сообразительности и быстроте реакции... — блестящий и переливающийся муар соскользнул с ее плеч. Она скомкала жакет и швырнула его в Ляхова. Он поймал и с интересом начал ждать дальнейшего.

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Весну и начало лета Тарханов и весь отряд «Печенег-3» занимались делами хотя и увлекательными, но в общем малосущественными. Сергей испытывал не то чтобы обиду, он, как человек военный, обижаться на приказы не привык, но своего рода разочарование.

Все-таки он стоял у самых истоков этого дела, а сейчас его явно отодвинули в сторону. Кто-то наверху анализировал поступающую информацию, принимал решения и раздавал задания, а Тарханову, вместе с прочими рядовыми сотрудниками, да еще и намного младше его, доставалась черновая работа.

За минувшие месяцы отряд цепко и въедливо шел по цепочке, начало которой они прихватили по завершении «сабельной истории». Кого-то по-тихому брали и передавали в руки своих же следственных групп, разумеется, без всяких прокурорских постановлений и соблюдения предусмотренных законами процедур.

А некоторым, тоже по указаниям сверху, организовывали тщательно подготовленные «несчастные случаи». Эта работа требовала большой изобретательности и своего рода искусства. Сделать все так, чтобы ни соратники погибших ни о чем не догадались, ни соответствующие полицейские службы.

Тарханов такую практику считал правильной. Он не в юристы-крючкотворы нанимался, а продолжал свою офицерскую службу. И если высшее командование указывает тебе, кто враг, и дает соответствующий приказ, то твое дело соображать, как данный приказ выполнить наилучшим образом, заботясь лишь о том, чтобы свести к минимуму собственные потери.

И потерь, чтоб не сглазить, до сих пор не было.

Только по тем акциям, в которых ему пришлось участвовать за три месяца, Тарханов мог судить, что сеть они накрыли весьма разветвленную, хотя и не слишком представлял объемы и направление ее деятельности. Брало и ликвидировали они в основном мелкую сошку, «пехоту», как говорят на Западе. Что же происходило на более высоких ступеньках пирамиды, ему до поры было неизвестно.

Несколько раз в составе специализированных групп Тарханов выезжал за пределы Москвы и губернии. Там условия работы были посложнее, чем дома.

Пропусту говоря, на неподвластной великокняжеской власти территории бойцы «Печенега» оказывались в равном положении со своими клиентами, и их деятельность, окажись она в поле зрения полиции, попадала под действие целой кучи статей уголовного уложения.

Тем интереснее было работать. словно в рейде по тылам врага. И никогда Тарханова не волновало, по какой причине вдруг ему поручалось организовать ликвидацию нескольких человек в Костромской, скажем, губернии. Его увлекал сам процесс — продумывать операцию, получив соответствующие установочные данные, потратить несколько дней, изобретая нечто совершенно оригинальное, неопровержимо связанное именно с местными реалиями, так, чтобы комар носа не подточил...

Ну, к примеру, поехало несколько знакомых друг с

другом людей хорошо провести время в исторических местах, осмотреть Ипатьевский монастырь, где началась современная российская государственность. Осмотрели, сувениры приобрели, в стилизованной под семнадцатый век трапезной решили отобедать. И такое вдруг несчастье, грибами отравились. Сколько до них людей те же самые соленые в бочках маслята заказывали — и ничего. Санэпиднадзор наезжал, прокуратура занималась, патологоанатомы свое веское слово сказали.

Ну, выяснили — попала каким-то образом среди хороших грибов в засол бледная поганка. Откуда, как, почему, кто недосмотрел — через год разве узнаешь, если этих грибов с прошлой осени чуть не тонна закуплена у разных поставщиков. На каждый грибок бирку-то не навесишь...

Самое смешное, девушки, что с этими ребятами вместе развлекались, все до одной выжили. Наверное, вместо грибов на морошку с медом внимание обратили.

Редкие, хорошо, если раз в неделю, свободные вечера, Тарханов по-прежнему проводил с Владой. Он все же приобрел мечту своей жизни, на реализацию которой до последнего не мог и надеяться, «Мерседес 300 SL», кабриолет. Смог его купить потому, что Ляхов щедро поделился с ним деньгами, полученными за саблю.

Вадим, очевидно для Тарханова, терзаясь фактом шального богатства, несколько раз искал способ объясниться по ситуации, а потом сказал впрямую:

— Знаешь, Сергей, не могу я так. Вот столько я получил, по всем понятиям — половина твоя. И делай что хочешь. Хоть на церковь пожертвуй, хоть женись и жене башню из слоновой кости построй...

Сам Тарханов проблемы здесь не видел и деньги взял спокойно. А что? Воевали вместе, значит, и трофеи общие.

И, получая случайный выходной, он брал Владу и, освежая мозги, носился на своей машине по близкому и дальнему Подмоскovie, выбирая дороги поглуше. До Суздаля доезжали через Александров и Юрьев-Польский, до Ростова Великого и Переславля-Залесского.

А потом вдруг как-то ему было предложено прибыть к двадцати ноль-ноль на известную конспиративную квар-

тиру в Большом Харитоньевском переулке между Красными воротами и Чистыми прудами.

Сам по себе такой вызов не означал чего-то экстраординарного, но Тарханов, научившись у Ляхова его отношению к предчувствиям, ехал туда с ожиданием чего-то хорошего.

И не ошибся.

Там его встретили старые приятели Чекменев и Розенцвейг. Бодрые, веселые, покрытые тропическим загаром, который с Тарханова за минувшие полгода успел сойти.

Одеты они были в неприметную штатскую одежду, делающую их удивительно одинаковыми при всем их внешнем несхождении.

Розенцвейг, напоминая о почетном тархановском еврействе, посмеиваясь, поздоровался с ним на идише, они обнялись, похлопав друг друга по плечам.

— Рад видеть товарища по оружию в добром здравии и на этом свете, дорогой Узи. Должен сообщить, если это вам интересно, что могилы капитана Тарханова и майора Розенцвейга в Хайфе расположены рядом, в очень уютном и тенистом месте. При случае навестим.

— Я тоже рад. Но если Розенцвейг лежит там, как прикажете называть вас здесь?

— По-прежнему. Только фамилия моя теперь Розанов.

Тарханов действительно был рад встрече, не только потому, что ждал каких-то полезных для себя изменений судьбы, а просто так. И подумал, что и Ляхов был бы здесь к месту.

— Выпьем водки, за встречу, — сказал Чекменев. — Григорий Львович за неделю пребывания в России уже понял, что «Московская» вкуснее и полезнее «пейсаховки» и «кишмишевки».

— Лехаим! — согласился Розенцвейг, поднимая солидных размеров рюмку.

На этом веселье и закончилось.

Разговор начался серьезный.

Прежде всего Чекменев сказал Тарханову, что вел он себя очень правильно. Не задавал лишних вопросов, ис-

полнял служебные обязанности в отряде как надлежит и зарекомендовал себя с наилучшей стороны.

— Я лично в этом и не сомневался, но кое-кто считал, что вас следует проверить по полной программе. Теперь испытательный срок завершен и вы поступаете в мое полное распоряжение.

— К вам — это к кому? В смысле — в какую службу и на какую должность?

— Ну, с недавнего времени я являюсь начальником разведуправления штаба гвардии, чин — генерал-майор. А вам предлагаю должность одного из моих заместителей.

— Ого! — не сдержал удивления Тарханов. Карьерный рост получался крутоват. Впрочем, он ведь по чину полковник, и предлагаемая должность тоже полковничья.

— Если это вас чем-то не устраивает, можем обсудить и другие варианты, но они будут, естественно, пониже.

— Да нет, принципиальных возражений нет, просто со штабной работой я знаком больше теоретически...

— Ну, в моем штабе вам бумажками заниматься вряд ли придется. Я хочу поручить вам отдел «Глаголь», то есть организацию и проведение спецопераций. Подойдет?

— Это подойдет, — без дальнейших раздумий согласился Сергей. Теперь уже в его подчинении будет не только родной «Печенег-3», а и все остальные «Печенеги», истинного количества которых он пока не знал.

— И отлично. Приказ о назначении полковника Неверова я подпишу завтра, но приступаете вы к исполнению обязанностей немедленно. Тут у Григория Львовича интересная информация есть, послушайте. Потом обсудим.

— А господин Розанов в каком качестве выступает? — осведомился Тарханов, уже с точки зрения своего нового положения.

Розенцвейг понял это и засмеялся.

— Считайте меня временно прикомандированным к вашему управлению специалистом по координации совместной деятельности.

Речь же пойдет о том пресловутом устройстве, которое

мы первоначально приняли за ядерный фугас. За прошедшее с тех пор время мы несколько продвинулись в своих исследованиях, в чем немало помогли детали, спрятанные в эфесе сабли.

Однако до конца понять, что это на самом деле такое, пока не смогли. Благодаря удачному броску гранаты господина Ляхова «Гнев Аллаха» на наши головы не обрушился, но взрыв и осколки уничтожили некоторые его детали, по мнению специалистов, весьма существенные. Возможно, ключевые.

Тем не менее существует предположение, что нам в руки попал неизвестной конструкции и основанный на непонятном пока принципе ядерный резонатор. Так, по крайней мере, говорят физики. Разведанные подтверждают, что заказчики и организаторы акции действительно рассчитывали на эффект, сопровождавшийся бы гибелью сотен тысяч человек, но оставивший невредимыми инфраструктуру и материальные ценности. Почему мы и думали вначале о нейтронной бомбе...

— По-прежнему не понимаю, при чем здесь наша служба.

— При том, — включился в разговор Чекменев, — что агентурные данные, а также информация, полученная от членов разгромленной при вашем непосредственном участии организации, почти со стопроцентной уверенностью указывают на то, что «Гнев Аллаха» сконструирован и изготовлен в России. И мы даже знаем, где и кем. Тоже почти наверняка. Вам придется превратить нашу «почти» уверенность в абсолютную. И затем провести операцию по захвату изобретателя вместе с его лабораторией. Понятно?

— Чего же не понять? Будем работать.

...Операция «Кулибин» вступила в завершающую фазу. Настало время от теоретических проработок переходить к делу. Отдав все необходимые распоряжения командирам групп, Тарханов, в принципе, мог забыть об этом деле и перейти к другим, которых у него по должности было предостаточно. Квалификации и умения у бойцов

и командиров хватало, чтобы не тревожиться за исход акции.

Но что-то продолжало Сергея беспокоить. Смутное чувство неудовлетворенности и тревоги. Как будто бы он забыл нечто крайне важное и понимал это, но вот вспомнить, что именно, не мог, как ни напрягал память, напрямую и ассоциативно.

Тарханов даже обратился по этому поводу к Ляхову, который был по вопросам предчувствий и интуиции куда большим специалистом, чем он сам. Вадим внимательно выслушал, задал несколько вопросов, отнюдь не по сути задачи, а вроде бы и не относящихся к делу, подключив перед этим несколько контактов к запястьям, шее, лбу и затылку Тарханова.

— Детектор лжи? — небрежно поинтересовался полковник.

— Отнюдь нет. В определенном роде даже наоборот. Просто я хочу определить источник твоей тревоги.

— ?

— Выражаясь доступным языком, мы сейчас проверим, исходит ли беспокойство из памяти, оперативной или долговременной, или же из каких-то других структур мозга.

— И что это даст?

Вадим даже удивился, что приходится объяснять столь очевидные вещи.

— Да элементарно. Одно дело, если ты на самом деле забыл или упустил некий известный тебе факт, который тем не менее засел в подсознании, и именно оно посылает тебе сигнал. Грубо говоря, в этом и заключается механизм так называемой бытовой интуиции. Если очаг возбуждения кроется, к примеру, в ретикулярной формации, то можно предположить, что имеет место предвидение будущего в чистом виде, не связанное причинно с реально имеющейся информацией...

— Хорошо излагаешь. И чего ты медицину бросил?

— Каждый человек должен стремиться к пределу своей некомпетентности, — отшутился Вадим.

Короче говоря, Ляхов, не сообщив итога своих экспе-

риментов, посоветовал отнестись к своим ощущениям серьезно.

— Тем более если это не нанесет ущерба еще более важным делам. Лучше принять меры против маловероятной опасности, нежели в пустой след посыпать голову пеплом. Если она вообще уцелеет. Помнишь, как тогда на дороге?

Тарханов помнил.

И решил, не ставя в известность Кедрова, непосредственно руководящего операцией, поехать вслед за группой и понаблюдать за ситуацией со стороны.

И даже не вслед, а раньше группы. В войсках это называется — командирская рекогносцировка. И вдобавок свою роль играло то, что ехать нужно было в Пятигорск, который с юных лет значил для него не меньше, чем в свое время для Лермонтова. Романтический и уютный курортный городок у подножия Машука, желанный и манящий для замученного науками и муштрой курсанта военного училища, куда удавалось вырываться иногда, получив увольнительную на весь уикенд. На старших курсах, естественно. И сейчас ему очень хотелось посмотреть, как там все обстоит и выглядит сейчас, почти десять лет спустя.

Чекменев ничего не имел против такого решения, а Розенцвейг вдруг заявил, что он поедет тоже. Мол, есть и у него свои соображения.

— Выезжаем завтра утром. На машине.

— На машине? — приподнял бровь Розенцвейг. Для него, привыкшего к другим масштабам территории, расстояние, которое предстоит преодолеть, явно показалось чрезмерным.

— А почему и нет? За сутки, не напрягаясь, доедем. Дорога приличная, пейзажи опять же...

— И в самом деле.

— Что ж, недурно, совсем недурно, — выразил свое мнение майор, когда Тарханов подъехал на рассвете к подъезду дома, где квартировал Розенцвейг. — Вкус у вас есть.

Еще бы. Сергей с трудом удержался от самодовольной улыбки. Настоящие любители склонны гордиться своими машинами не меньше, чем прочие мужчины — красивыми подругами.

Выбирая «Мерседес», Тарханов замучил приказчиков автосалона, и в итоге ему пришлось ждать лишние три недели, пока машину нужного цвета и комплектации пригнали непосредственно с завода. Но она того стоила. Цвет корпуса вроде бы нежно-зеленый, но от перемены точки зрения и освещения становящийся то насыщенно изумрудным, а то серебристым с прозеленью, как изнанка тополевого листа. Не поймешь, то ли зелень просвечивает через серебристый лак, то ли наоборот. А металлические молдинги, бамперы, облицовка, колесные диски — не хромированные, как обычно, а цвета старого золота. Но и стоила же она! Ровно четверть полученной от Ляхова суммы. Да и наплевать! На такой машине свободно можно проездить до пенсии. Или до безвременной кончины.

— На ней не скромному капитану ездить, — сказала Влада, впервые увидев ее, — а индийскому магарадже или звезде стриптиза.

Тарханов только усмехнулся, ничего не возразив. В принципе девушка не ошиблась. В этом и состоял его замысел. Только социальную роль он имел в виду несколько другую. Чтобы никому и в голову не пришло, что гордо восседающий за рулем этого чуда может быть кем-то иным, кроме как деятелем шоу-бизнеса или преуспевающим сутенером. И в то же время, по секрету сказать, он и в самом деле был равнодушен к показной роскоши. Сказывалась, очевидно, вся предыдущая спартански-казарменная жизнь, тянуло на яркое и блестящее.

Он распахнул перед майором широкоую, почти на всю длину салона дверцу. Сел за руль, завел бесшумный трехсотсильный мотор.

— Вам куда больше заезжать не нужно?

— Нет, а что?

— Чтобы потом не возвращаться, если вдруг забыли что-нибудь. Ремни на всякий случай пристегните, быстро поедem.

Пока движение на шоссе было не слишком напря-

женное по раннему времени, они успели проскочить Рязань. Потом Тарханов несколько сбросил скорость. Гул покрышек по бетону и свист срываемого с кромок лобового стекла воздуха приутих, стало возможно разговаривать, не напрягая голоса.

— И все равно я не до конца понимаю, — вернулся к занимающей его теме Тарханов, — что тут на самом деле с этим «Гневом Аллаха». Какие-то детали вызывают недоумение. Прежде всего — при чем тут сабля? Высочайший технический уровень изделия — и средневековая железка. Куда удобнее было бы обойтись просто пеналом в пол сигаретной пачки. Далее. Допустим, то, что в ней прятали действительно запал или пусковое устройство. Но почему столько трудов и денег потратили именно на поиски его, раз сама «бомба» тоже попала в наши руки? Естественнее было бы наоборот.

— Объясняю так, как сам это понял. Во-первых, нам, рационалистам, трудно понять психологию религиозных фанатиков, именно что средневековых. Оружие соратников Пророка, видимо, должно было освятить планируемую акцию возмездия. Или усилить ее эффект.

Помните, как крестоносцы брали с собой в походы реликвии? Палец святой Бригитты, щепку от Креста Господня и тому подобное. Утрата сабли стала своеобразным идеологическим шоком, и ее поиски — главной целью.

Что там уж еще в ней было спрятано, шейхов и имамов не слишком интересовало, а скорее всего, они об этом просто и не знали. Теперь своей цели они достигли, чем и вызвано резкое снижение их активности и агрессивности. Потому, кстати, мы не смогли зафиксировать никаких целенаправленных действий после того, как изготовленный вашими специалистами макет попал по назначению.

Те, кого интересовал именно он, видимо, не настолько влиятельны, чтобы организовать масштабную контракцию.

А почему бросили попытки найти и убить вас обоих... Ну, правда не знаю. Обычно свои фетвы они не отменяют, но, может быть, просто не хватает сил.

Второе. Сам этот «запал» по своей конструкции на

порядок сложнее самой «бомбы». Можно предположить, что сделать еще один или невозможно, или очень трудно. В то время как собрать новую «бомбу» гораздо проще. Или даже имеется их достаточный запас.

Имейте в виду, я тоже не физик и не инженер, я просто предполагаю, исходя из своего специфического опыта.

— В принципе, объяснение удовлетворительное. Я тоже обратил внимание, что, когда господин, называвший себя Гланом, доставил саблю по назначению, ничего не произошло. То есть, по нашим данным, она ушла через Тифлис в Турцию. И, очевидно, куда-то дальше. В Саудовской Аравии или Ираке мы работать не имеем возможности.

Сам же Глан остался мирно лечить сердце и нервы в Кисловодске, и вот тут мы его контакты отследили. Саблю он передал по известному нам адресу, спокойно прожил в санатории еще три недели и без каких-либо неприятностей отбыл, вернее, попытался отбыть из аэропорта Минеральных Вод во Францию. С самолета его аккуратно сняли, и в Москве он нам рассказал много интересного, хотя и не относящегося к данной теме.

— Что же, будем надеяться, что остальное будем выяснять уже мы с вами.

Не доезжая Ростова, они решили остановиться на ночлег. В принципе, меняясь за рулем, можно было доехать до места и без остановки, но, во-первых, в этом не было необходимости, а кроме того, Тарханову хотелось при дневном свете посмотреть на места, где он так давно не был.

К удивлению Розенцвейга, Сергей не стал заезжать ни в один из то и дело попадавшихся на пути мотелей, ни в придорожные семейные гостиницы.

— Переночуем на природе, костерок запалим, поужинаем, развлечемся приятной беседой на посторонние темы, звездами полюбуемся. Не привыкли? Привыкайте, Россия страна по европейским стандартам малонаселенная и автобанами не перегруженная. Отнюдь не везде путника ждет обычный у вас сервис. Скорее, напротив. Как поет популярный русский бард: «Асфальт у нас кла-

дут местами и немного. Чтоб всякий оккупант на подступах завяз...» Тем более все, что нужно, у меня с собой.

Он свернул с автостреды влево на сравнительно узкую и совершенно пустую асфальтовую дорогу.

— Поедем проселками. Сейчас найдем подходящее место, станем биваком. А по утречку, минуя Ростов, сразу на Ставрополь и дальше. Сэкономим километров двести и отдохнем душевно.

Начинало темнеть. В степи стояла глухая тишина, которую будто и не нарушали естественные, природные звуки: стрекот не уступающих по мощности цикадам кузнечиков, отдаленное кваканье лягушек, уханье неизвестной птицы в камышах вдоль речной старицы.

За много километров доносился с невидимого за холмами хутора запах кизячного дыма. Хозяйки готовили ужин в летних печках, стоящих здесь в каждом дворе.

На быстро темнеющее небо выползала громадная багровая луна. В Москве такую не увидишь.

Сергей вел машину не быстро, около семидесяти, курил, положив локоть на кромку дверцы, задумчиво и отрешенно смотрел по сторонам. Далеко-далеко светилась редкая цепочка огней, машинный двор крупной фермы, наверное, или зерновой ток.

Они не разговаривали, Розенцвейг тоже почувствовал, что не о чем сейчас разговаривать, нужно просто смотреть вокруг, впитывать тревожную прелесть скифской степи, дышать ее воздухом и размышлять.

Лучше всего — о вечном.

Тарханов никогда не знал, каким именно образом у него получается выбирать места для привалов. Вроде бы едешь-едешь по уже совершенно темной дороге и не видно ничего вокруг, только мелькают в свете фар смутные окрестности, и вдруг...

Вот именно тут и надо остановиться.

Он резко притормаживает, сворачивает с шоссе на едва угадывающийся грунтовой съезд вправо и через полсотни метров останавливает машину, выходит, еще не до

конца уверенный, и убеждается, что да, лучшего места и не придумать.

Сосновый перелесок, между рядами деревьев как раз хватает места, чтобы поставить автомобиль, и еще есть полянка, где разожженный костер не послужит источником пожара, нужно только ногами и саперной лопаткой разгрести в стороны трехсантиметровый слой слежавшихся игл.

А топлива для костра тут навалом. В буквальном смысле. Плотно растущие сосны, стремящиеся обогнать соседа и первыми прорваться к солнцу, регулярно роняют вниз лишние нижние ветви. Только подбирай сухие до звона дрова толщиной в руку.

Даже не потребовалось доставать из багажника заготовленный на случай пакет дубового паркета, лучшего топлива для приготовления шашлыка.

Сосна, конечно, хуже, в рассуждении качества углей, зато ее тут немерено. И горит быстрее.

Через десять минут костер уже горел, освещая жарким бледно-желтым пламенем расстеленный брезент, заменяющий стол, брошенные рядом подушки сидений.

Кроме паркета, в обширном багажнике нашелся и походный мангал, и кастрюля с должным образом замаринованной бараниной, зелень и помидоры, и канистра терпкого красного вина.

Пока первые шампury томились над поначалу алыми, но быстро темнеющими и подергивающимися пеплом углями, роняя в жар капли жира и томатного сока, Тарханов с Розенцвейгом почти не разговаривали.

Слишком ответственное, истинно мужское занятие — приготовление настоящего шашлыка. Чуть отвлечешься, упустишь момент, когда следует повернуть шампур, или, упаси бог, прорвется наружу открытое пламя — и все!

Нет, конечно, ничего особенно страшного не произойдет, только получится не то, что задумывалось, а так, жареное маринованное мясо.

А вот когда стало ясно, что шашлык удался, вот тогда, по-римски полулежа на брезенте, покрывающем толстый слой травы, распространяющей густой запах полы-

ни, чабреца и дикой мяты, можно и поговорить, прихле-
бывая из кружек душистое и в меру терпкое вино.

— До сих пор жалею, — первым начал Тарханов, — что не довелось в вашей войне поучаствовать. Не поверите, считаюсь боевым офицером, а ведь толком и не воевал.

Он имел в виду, что не считает контрпартизанские рейды, разведывательно-диверсионные поиски и охрану границ на блокпостах войной в полном смысле слова, а вот командовать батальоном или полком в масштабной и регулярной фронтовой операции хотел бы, да не пришлось.

Оно, конечно, лестно было бы оказаться на месте того израильского майора или подполковника, который во главе десантного батальона высадился с парашютом в районе Горьких озер, захватил переправы в тылу Второй египетской армии и обеспечил ее окружение и мгновенный разгром. Или разработать и осуществить марш-маневр танковой бригады, который неминуемо войдет во все учебники тактики.

Стремительный удар во фланг Арабского легиона, после которого вся огромная равнина покрылась дымными факелами чужих горящих танков, разворот на сто семьдесят градусов, бросок на полсотни километров к северу и еще один такой же внезапный, парализующий удар в тыл сирийской дивизии.

Десять часов марша и боя — и Восточный фронт ликвидирован...

— Каждому свое, — ответил Розенцвейг. — Кто-то другой предпочел бы, напротив, оказаться на вашем месте.

Невелика, по-моему, радость, сгореть в танке или в штурмовике, пусть даже в уверенности, что твоя смерть — необходимая жертва на алтарь общей победы. Я не совсем разделяю точку зрения автора афоризма, заявившего, что лучше быть мертвым львом, чем живым шакалом. Безусловно лучше быть все-таки живым львом...

Что же касается нашей «шестидневной войны», кажется, под этим именем она и войдет в историю... Разумеется, сделано все было четко. Наш главком не обманул армию и нацию. Не проиграл ни одного боя и выиграл войну с минимально возможными потерями. Семьсот че-

людей убитыми... Конечно, для каждого из них и для их родственников совершенно неважно, семьсот, семь тысяч и даже только семьдесят погибших, если лично ты оказался в их числе.

Но я не об этом хочу сказать. Мы молодцы, нет слов, но мы готовились к этой войне тридцать лет. Это не так сложно, как думают. Театр военных действий так мал, что каждый офицер и каждый солдат знает его наизусть, можно обходиться даже без карт. По этой же причине нет нужды разгадывать планы вероятного противника. Альтернативы нет. Психология, силы и средства, уровень подготовки неприятеля тоже известны. Так что все зависит только от стойкости и исполнительности каждого бойца. Результаты говорят сами за себя.

А вот действия арабской коалиции необъяснимы. Для нас некоторым шоком было то, что они вдруг решили воевать. Угрозы, дипломатические демарши, провокации на границах — к этому все привыкли, это входило в правила игры. Но вот так, внезапно бросить все на кон... Мы допросили тысячи пленных офицеров и генералов — почти никто ничего не понимает.

Не имею в виду фанатиков, но здравомыслящие люди, а их среди арабов столько же, как и в любом другом народе, утверждают, что еще накануне не подозревали о том, что случится наутро. Подъем по тревоге в четыре утра, объявление боевого приказа о начале последней войны с неверными — и вперед.

И не у кого спросить, зачем и кому это было нужно. В такой именно форме. Словно по единой команде, тоже неизвестно кем отданной, покончили с собой и главком египетской армии, и начальник генштаба, и еще несколько фигур аналогичного уровня в Сирии и Иордании. Все прочие утверждают, что исполняли приказ. И концы в воду.

— Чисто самураи, исполнившие обряд сеппуку, — вставил Тарханов.

Розенцвейг кивнул молча и продолжил:

— Что война не была нужна никому, подтверждает массовая сдача в плен. Уже на третий день мы не знали, куда девать пленных. Какие там лагеря... Всей нашей

армии не хватило бы, чтобы их конвоировать и охранять. Просто отбирали оружие и отпускали на все четыре стороны. Видели бы вы эту картину с вертолета. Огромные толпы людей в военной форме слоняются по Синайской пустыне, ищут укрытия от палящего солнца в тени совершенно исправных, но никому больше не нужных танков и грузовиков...

Испытываешь совершенно сюрреалистические чувства.

— Зато теперь следующие лет двадцать вам больше не нужно готовиться к войне, — сказал Тарханов.

— Пожалуй, больше. После того, как мы аннексировали западный берег Канала и Суэц. А противник лишился своих кадровых армий, всех запасов тяжелого оружия и боеприпасов. Как Германия в двадцатом году. Только у немцев оставалась военная промышленность, а у арабов ее нет и вряд ли когда-нибудь появится. А нового оружия, кроме винтовок и пистолетов, им теперь взять неоткуда.

— Вот и давайте выпьем за прочный мир во всем мире. А то, что вы сказали насчет необъяснимости этой войны, касается не только ее. Просто проявилось это у вас слишком наглядно. Наш общий друг Вадим Ляхов давно уже обратил внимание на скачкообразный рост всяких маловероятных событий. Он даже соответствующую статистику подобрал. По его мнению, с законом причинности в целом происходят странные вещи. Я не математик, но кое-что понял. Есть такой термин — аттрактор. И есть — странный аттрактор. Это когда некий природный процесс происходит не так, как предписывает теория вероятностей и соответствующие законы, а совершенно произвольным образом.

— Да? Интересно, надо будет посмотреть его статистику при случае. Не пора спать ложиться? Вы же рассчитываете с рассветом выехать?

— И даже несколько раньше.

Костер давно догорел, на его месте осталась только куча мелкой золы, по которой пробегали редкие огоньки. Зато черное небо было покрыто таким количеством звезд, какого никогда не увидишь в средней полосе.

Тарханов долго лежал на спине, разглядывая Млечный Путь, и, чего никогда с ним раньше не бывало, раздумывал, удастся ли людям когда-нибудь выйти в открытый космос и выяснить наконец, существуют ли где-нибудь там пресловутые братья по разуму. Он даже не представлял, насколько скоро это случится.

...Возле горы Кинжал Тарханов остановил машину. Можно сказать, приехали.

Было уже совсем светло, но солнца не видно.

Начиная от Ставрополя небо затянули тучи, сплошные и низкие, поблескивающие, как свинец на срезе, горизонт скрывала плотная дымка, сквозь которую едва различались даже Змейка и Машук, не говоря о более отдаленных горах. И воздух был душный и неподвижный. Все это могло предвещать сильнейший ливень с грозой, а могло и нет. Пригреет солнце, и тучи рассеются. Сергей хорошо знал здешнюю неустойчивую, трудно предсказуемую погоду.

Он выжал сцепление, и «Мерседес» покатился вниз, набирая скорость.

— Вон впереди аул Канглы, — сообщил Тарханов тоном экскурсовода. — Говорят, сколько печных труб на доме, столько у хозяина жен...

— Я тоже это слышал, — усмехнулся Розенцвейг.

Вот ехали с человеком целые сутки, много разговаривали, и Сергей даже не подозревал, что майор бывал в этих местах. Или просто вызубрил наизусть карту и соответствующую краеведческую литературу, чтобы ориентироваться в местах, куда забросила его судьба.

Вообще загадочный человек. Русским владеет, словно с рождения думает на нем, и непонятно, израильский ли он разведчик, специализирующийся на русских делах, или совсем наоборот. И в чьих интересах он занимается проблемой «Гнева Аллаха»?

Впрочем, какая разница? Полковника Неверова такие вещи могли бы интересовать, а капитану Тарханову было не до того. Он возвращался в родные места после долгого отсутствия и смотрел по сторонам с тем обостренным

интересом, который всегда появляется у нас, когда мы встречаемся с чем-то дорогим, давно не виденным, будь то человек, город или просто памятное место. Кроме интереса к изменениям, происшедшим за время разлуки, потоком наплывают воспоминания, ассоциации, и часто незаметный посторонним штрих, запах или жест рождает столько чувств, томительно-грустных по преимуществу...

Машина, как в зеленом тоннеле, шла между двух рядов тополей-белолисток, заметно подросших и заматеревших. Сергей узнавал их и вспоминал, что должно сейчас открыться за этим поворотом и за следующим... Сколько раз пролетал здесь на мотоцикле, в гости к подружке, студентке испанского факультета Пятигорского иняза.

В эту сторону — как сейчас, ранним субботним утром, обратно — глубокой ночью, чтобы успеть к утренней поверке в понедельник.

Вот заправочная станция на краю поселка Иноземцево, где он обычно заливал бензином маленький бак «Паннонии», которого едва хватало на дорогу в один конец, вот поворот к озеру, куда он возил Татьяну купаться.

«И все как прежде, и все как вновь...» — пришла на память строчка из собственного, вроде бы прочно забытого стихотворения, он произнес ее вслух, пробуя на вкус.

— Что?

— Ничего, это я так...

Будто бы этот эффект заранее планировался, как только машина выскочила на верхнюю точку подъема, у массивных каменных колонн, обозначающих начало дороги к месту дуэли Лермонтова, и внизу открылась панорама города, в разрыве туч появился яркий солнечный диск.

Отчетливо видимый косой луч упал на вершину Машука, все: кроны деревьев, крыши домов, даже полоса асфальта — окрасилось на миг в золотисто-алые тона. И тут же края туч снова сомкнулись, по контрасту стало почти темно, порыв ветра принес первый дождевой заряд.

Пришлось поднимать тент. Хорошо что автоматика успела это сделать за считанные секунды, потому что ли-

вень совершенно тропического типа обрушился из раз-
верзшихся хлябей небесных. «Дворники» едва справля-
лись с заливающей стекло водой.

— Хорошая примета...

— Что? — не понял Розенцвейг.

— Дождь в дороге. А если как раз на въезде в город,
значит, наше предприятие будет удачным. Даже у Кон-
фуция в «Книге перемен» сказано: «Если выступаешь в
дождь, будет счастье». Триграмма «Куй».

Розенцвейг посмотрел на него с искренним интере-
сом.

— Вы и Конфуция знаете?

— Чего только от скуки читать не приходилось в
дальних гарнизонах.

— Прошу прощения, но придется сделать маленькое
уточнение. Триграмма «Куй» имеет подзаголовок. «В не-
значительных делах — счастье».

— Значит, намечаемое нами дело и в самом деле не-
значительное, — пожал плечами Тарханов.

— Это — кому как...

Машина, как торпедный катер, вздымая веера брызг
из-под передних колес, катилась вниз. Да, кое-что изме-
нилось, отмечал Тарханов. Новые кварталы домов вплот-
ную придвинулись к склонам Машука, справа город
почти сомкнулся с Лермонтовским разъездом, но все это
было не то.

Для Сергея Пятигорск не увеличился в размерах.
В принципе, давно знакомые города, как бы они ни раз-
растались в ширину, не становятся больше. Потому что
то новое, что прибавляется, никогда не сливается со ста-
рым, не продолжает органически прежнее, исконное.

А так, ну, появилось большее количество домов и квар-
талов, удлиннились на пять-шесть остановок автобусные
и трамвайные линии, но город ведь остался в тех самых
границах и в той же сущности, которая была в первый
день знакомства.

В лучшем случае, это его не испортило. В худшем —
все видели, к чему приводит бессмысленное буйство лю-
бителей типовой застройки.

Ливень кончился так же внезапно, как и начался. По-

хоже, его обрезало как раз у эстакады, отделяющей новый город от старого. Чтобы сделать приятное именно ему, ностальгирующему поклоннику узких, избегающих и спускающихся по горкам и балочкам улиц, двухэтажных домов из кремowego песчаника, булыжных мостовых и укрытых от мирской суеты глухих двори́ков, заплетенных вьюнком и диким виноградом.

Дождевой заряд пролетел, и вновь опустился на город туман, заглушил звуки, смазал перспективы. И совсем нет на улицах людей.

Сначала Сергей этому удивился, а потом только сообразил, что сегодня ведь воскресенье и всего восемь утра. Откуда же люди?

И все равно, так это хорошо совпало, словно по специальному заказу.

Несколько раз, подчиняясь дорожным знакам, Тарханов сворачивал в узкие поперечные улицы, поскольку выезд на Курортный проспект был наглухо перекрыт для любого транспорта.

И, наконец, спустившись по очень крутой и узкой, мощенной гранитными брусками улице Машукской, подъехал к цели, к гостинице «Бристоль», старинной, постройки еще конца позапрошлого века, с невероятной высоты потолка́ми, бесконечными коридорами, широкими пологими лестницами.

Парадные двери отеля, пристойные размерами и материалом средневековому замку, выходили прямо в Цветник, где по вечерам играли на летней эстраде духовые оркестры, так же как в позапрошлом веке.

Они вошли в холл, тоже пустой, вымощенный выщербленной мозаичной плиткой, которую не меняли именно для соблюдения исторического антуража.

Слева от лестницы — зарешеченная шахта лифта, чья обширная кабина вмещает до десяти человек.

Справа — стойка портье, сонной девушки, чье лицо показалось Тарханову смутно знакомым. Может быть, он уже встречал ее здесь или просто на улицах города. Правда, тогда ей было лет пятнадцать максимум. Или просто она похожа вообще на всех пятигорских девушек?

Пока Сергей озира́лся и рефлексировал, Розенцвейг

уже получил ключи и пошел к лестнице с таким выразительным видом, что швейцар, тоже не пришедший после ночи в должную форму, опомнился, взбодрился, подхватил стоявшие у стойки чемоданы и резво заспешил следом.

Тарханов, усмехнувшись, замкнул процессию.

Нечетные гостиничные номера выходили просторными балконами во внутренний двор, а там росли огромные каштаны, в тени которых размещались ресторанные столики и тоже играл в урочное время очень неплохой камерный квартет.

В свое время Тарханов несколько раз останавливался в «Бристоле». Конечно, в самых дешевых, четырехместных номерах без ванны и туалета, с одним лишь умывальником, но тогда это все равно воспринималось как роскошь. По сравнению с училищной казармой.

А сейчас они с Розенцвейгом заняли два соседних люковых номера в бельэтаже, 321 и 323, так что в случае необходимости могли общаться через заплетенную виноградом кованую решетку, разделяющую общий полукруглый балкон. Не привлекая постороннего внимания.

Согласно диспозиции, бойцы отряда со всей необходимой для операции техникой и снаряжением должны были прибыть на место завтра-послезавтра, так что в распоряжении Сергея были целые сутки полной свободы.

К его удовольствию, Розенцвейг сообщил, что он намерен позавтракать, немного отдохнуть — несколько часов сна в машине он отдыхом не считал, после чего посетить знаменитые радоновые ванны, которые ему рекомендовали знающие люди.

— Дело ваше. Успеем еще друг другу надоесть. А я отправляюсь на экскурсию. По местам боевой славы. К обеду не ждите. Разве что к ужину, да и то не обещаю... Слишком здесь много мест, которые бы мне хотелось навестить.

Сергей побрился и спрыснулся одеколоном с жестким и сухим запахом. Надел соответствующий роли и сезону тонкий кремовый костюм и плетеные, в тон костюма мокасины, вместо галстука повязал на шею голубой шарф.

В нагрудный карман сунул несколько сторублевых «катеринок», в боковой брючный — полсотни бумажной мелочью, в левый внутренний пиджака — плоский «вальтер ППК 7,65». Для серьезного боя мало подходящий, но с близкой дистанции достаточный, чтобы положить навскидку человек пять. А главное, настолько легкий, что не оттягивает карман.

Пятигорск красив всегда, а сейчас, омытый летним ливнем, он выглядел особенно элегантно и даже празднично.

Влажно блестящие листья деревьев, четырьмя рядами протянувшихся вдоль Курортного проспекта от железнодорожного вокзала до Цветника, бесчисленные цветочные клумбы и шпалеры роз десятка сортов и расцветок, столики кафе под полосатыми зонтами на вымощенных розовой плиткой тротуарах, пестрая толпа праздно прогуливающихся и заполняющих питейные заведения и кондитерские курортников, смесь запахов цветов, шашлычного дыма, готовящегося на песке кофе по-турецки — все это делало центр города похожим на ожившую картину Мане или Писарро.

Не зря местные дети на вопрос: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» — в массовом порядке отвечали: «Отдыхающим».

Тарханов, соблюдая старинный ритуал, неторопливо прошел проспект во всю его длину до вокзала и обратно, подкрепляя силы дегустацией местных и привозных вин в прохладных подвальчиках или прямо у выставленных на тротуар дубовых бочек, присаживался покурить на быстро высохших после дождя скамейках, с удовольствием разглядывал принаряженных приезжих девушек и дам, одетых попроще, но в большинстве куда более симпатичных местных жительниц.

Наметанным глазом он различал эти две категории без труда. Он вообще считал, что южнее Ростова проживает несколько другая нация, чем население северных губерний. Отчего здесь и бытуют в обиходе выражения: «поехал в Россию», «вернулся из России». И народ здесь и внешне, и психологически другой, энергичный, разворотливый, хитроватый и зажиточный. Одновременно

хлебосольный и прижимистый. То есть накормят и напоят гостя «от пуза», не считая десяток и сотен, хоть дома, хоть в ресторане, а вот просто денег дать, пусть и взаймы, сто раз подумают. Еще и с женой посоветуются.

Быть бедняком и неудачником, рассчитывать на кого-то, кроме себя, близких друзей и родственников, здесь как бы даже неприлично.

Это и понятно, третью сотню лет Северный Кавказ заселяется легкими на подъем людьми с авантюрной жилкой, из тех, кому проще было бросить родную деревню и отправиться искать счастья на Дон и Кубань, нежели терпеть над собой власть помещика и слушаться приказов старосты. Опять же и кровей тут намешано не один десяток, в самых невероятных сочетаниях...

В открытом прицепном вагоне трамвая, тоже старательно имитирующем, как и почти все вокруг, стиль серебряного века, он доехал до Провала. Оттуда пешком прошел по окружающей подножие Машука пешеходной тропе к обнесенному чугунными цепями обелиску на предполагаемом месте дуэли Лермонтова.

С веранды ресторана «Лесная поляна», в просторечии называемого «Вдали от жен», были хорошо видны подходы к объекту, по которому придется работать.

Все-таки замечательно, что он сюда приехал.

Прочим товарищам придется изучать это место по карте, привязывать увиденное к местности, потребуется некоторое время, чтобы соотнести схему и описание с реальным трехмерным объектом и «включающим ландшафтом». Для него же это все давно известно и памятно. Как говорится, «потрогано руками».

Поскольку в полусотне метров от объекта располагался летний студенческий лагерь отдыха, где среди на семьдесят процентов девичьего контингента мужественные горные егеря были желанными гостями и причиной ссор и интриг между верными до того момента друзьями.

Если Кулибин все еще жив и на свободе, рассуждал Тарханов, значит, на него возлагаются какие-то планы. Скорее всего, ему поручено изготовить второй экземпляр бездарно потерянного устройства. Тогда можно пред-

положить и следующее — получив «запал», он никому не сообщил о подмене. Вот в этом, пожалуй, главный вопрос. Почему?

Самый простой ответ, который пришел в голову, — из соображений самосохранения.

Если бы заказчики узнали, что с самого начала их деятельность находилась под контролем российских спецслужб, что они разгадали секрет сабли, нашли и подменили «запал», то самым естественным для них было окончательно «рубить концы». То есть ликвидировать и Кулибина, и его лабораторию, и всех более-менее причастных к этому делу.

Или же, в другом варианте, вывезти изобретателя в одно из абсолютно закрытых теократических княжеств Ближнего Востока или Северной Африки, недоступных для европейцев. Там бы он смог творить совершенно спокойно. Но — сидя на цепи. В переносном, а то и буквальном смысле.

По каким-то причинам такой вариант Кулибина не устраивает. Вот он и смолчал.

Но он же не может не понимать, что в таком случае подставляет себя под удар уже с другой стороны?

Либо этот вариант для него предпочтительнее, либо он уверен по каким-то причинам, что те, кто подменил «запал», на него не выйдут ни в коем случае.

Впрочем, пока это не имеет существенного значения. Ответ Тарханов получит позже, на следующем этапе операции.

А вот о системе охраны или наблюдения за объектом подумать стоит. Трудно представить, что он трудится совершенно бесконтрольно. Наблюдение за ним и прикрытие организовать крайне просто.

Вот этот мастер-шашлычник, например, разместивший свое заведение напротив ресторана. На вид — карагачевец, но может быть и турком, и арабом, и курдом. С его возвышенного над поляной помоста отлично видны подходы к объекту, обе дороги, стоянка для машин и автобусов.

Под предлогом сбора дров может свободно бродить по лесу, связники могут посещать его в любое время под

видом клиентов или поставщиков мяса, лавашей, зелени. В случае необходимости можно подтянуть и боевиков почти в любом количестве. Никого не насторожит и десяток, и два крепких восточных парней, решивших перекусить на природе.

Почти то же самое относится и к охранникам автостоянки, и официантам ресторана.

Обвешанный принадлежностями фотограф тоже выглядит подозрительно. В большой павильонной фотокамере можно спрятать хоть передатчик дальновизора, хоть автоматический гранатомет.

Так это или нет, Тарханов пока не знал, но с оперативной точки зрения место для объекта выбрано идеальное.

Впрочем, верна и обратная теорема. Ровно те же преимущества позиция предоставляет и контрразведке.

Кстати, хороший тренинг для бойцов может получиться. Вот он и посмотрит, как ребята умеют оценивать театр предстоящих действий и использовать плюсы и минусы местности.

Вдруг, без всякой связи с предыдущим, в голову ему пришла интересная мысль. Касающаяся разговоров с Ляховым и вчерашних с Розенцвейгом.

Насчет сбоя в причинно-следственных связях, якобы начавшихся в последнее время.

Он решил провести некий эксперимент.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Было уже поздно. Почти одиннадцать. Тарханов, еще не собираясь спать, остановился у киоска напротив гостиницы, чтобы купить сигарет. А потом он собирался подняться к Эоловой арфе и посидеть там, глядя на огни ночного города. Как любил это делать в незапамятные времена. Хотя такие близкие...

Он мог бы озаботиться приобретением курува раньше или позже, торгующих ночью ларьков и магазинов по его пути было достаточно.

Или вообще у него оказалась бы в кармане полная

пачка сигарет. Но тогда не случилось бы того, что случилось.

Случайность, писал Энгельс, — это непознанная необходимость.

Он раскупорил пачку, щелкнул зажигалкой.

— Сергей, — услышал он за спиной женский голос. Здесь его никто не мог так назвать. Он не обернулся.

— Сергей! — повторился оклик. На улице больше не было никого, кроме него, поэтому теперь поворот головы выглядел совершенно естественным. Просто стало интересно, кто это там зовет и кого?

Шагах в пяти позади него стояла молодая женщина в узком брючном костюме. Свет желтых плафонов, проходящий сквозь густую зелень деревьев, не позволял угадать его цвет.

— Ты что, не узнаешь меня?

О боги! Он, конечно, узнал ее сразу. Хотя и не видел уже восемь лет.

Значит, сумасшедший, бессмысленный по определению эксперимент все же удался. Такой же безнадежный по замыслу, как задача найти на протяжении двух кварталов оброненную в прошлом веке на тротуар царскую золотую десятку.

— Извините. Не имею чести быть знакомым... — радушно улыбаясь, ответил Тарханов. Ну, обозналась девушка в полумраке, ну, с кем не бывает.

А сам внимательно вглядывался в ее лицо и фигуру. Да, она. И очень мало изменилась. Как, наверное, и он, если она его окликнула.

Ответ Тарханова подействовал на нее обескураживающе.

— Но как же?.. — растерянно спросила женщина, останавливая направленное к нему движение.

Действительно, положение у нее сложилось неприятное. Любой человек чувствует себя неудобно, обознавшись. Даже если просто поздоровался на ходу не с тем человеком. А уж если заговоришь...

Сергей видел, как пристально она всматривается в его лицо, наклоня голову то вправо, то влево, чтобы свет падал удобнее.

— Вы правда не Сергей? Не Тарханов? — нерешительно, но и с надеждой спросила она.

— Увы, нет, к моему глубокому сожалению. Я вам напомнил вашего знакомого?

— Да... Нет, ну не может же быть! Такое сходство. И голос. Сергей, перестань. — Она сказала это и посмотрела на Тарханова умоляюще.

Чувствуя себя мерзавцем, он сочувственно улыбнулся.

— Милая дама, вы действительно ошиблись. Убедитесь, пожалуйста, — он вытащил из внутреннего кармана служебное удостоверение и протянул ей.

Она взяла, посмотрела на фотографию, не меньше чем дважды прочла имя и фамилию.

Протянула подрагивающей рукой.

— Простите, пожалуйста. Такое сходство. Я никогда не верила в рассказы о двойниках. Еще раз простите...

Повернулась и пошла в сторону трамвайной остановки.

Сергею стало невероятно жаль Татьяну.

Можно, по обычной логике, пожать плечами, отвернуться и пойти по своим делам. Как там в Библии? Пусть каждый сам хоронит своих мертвецов?

А можно...

— Подождите!

Она остановилась.

— Раз уж я невольно ввел вас в заблуждение, не позволите ли вы... Вот, прямо напротив нас я вижу интересное заведение. Вон там, на крыше. Поверьте, в этом предложении нет ничего неприличного. Посидим, выпьем кофе. Интересно ведь, никогда еще не выступал в роли двойника. Расскажите мне о нем. А потом я закажу вам такси. И только. Я ведь все-таки русский офицер.

Она подумала немного. Сочла, очевидно, что действительно, отчего бы и нет. И на самом деле ведь была заинтригована. Спешить же ей явно было некуда. А в центре спокойного города, где и не слышали о всяких там сексуальных маньяках, чего бояться?

— Ну, пожалуй. Если вы так любезны...

«Как все происходит утонченно-вежливо, — подумал Тарханов. — А почему и нет? Мы же с ней не знакомы, и

каждый смотрит на другого в соответствии с собственными представлениями».

Напротив гостиницы, на углу проспекта и Серноводской улицы, там, где по крутой дуге уходили вниз трамвайные пути, помещался богатый гастрономический магазин. А чуть левее, на плоской крыше соседнего трехэтажного здания, — летнее кафе «Крутозор».

Днем оттуда действительно было видно далеко. Налево — гора Бештау, покрывающий ее подножие густой буковый лес. Направо — Машук и Горячая гора, Эолова арфа, Лермонтовская галерея.

Но это днем. Ночью — только цепочка огней внизу, черная нависающая тень Машука, звезды над головой.

Под полотняным тентом — девять столиков, стойка буфета, негромкая музыка из высоких звуковых колонок по углам площадки. Заняты только два столика. По причине позднего времени.

Тарханов заказал кофе, мороженое, апельсины и бутылку «Бенедиктина». В расчете, что Татьяна не откажется пригубить рюмку, хотя бы и символически. Раньше она ликеры любила.

При достаточно ярком свете женщина всмотрелась в него попристальнее.

— Что, я по-прежнему похож на вашего знакомого? А как вас, кстати, зовут? Мы ведь не познакомились еще. Помните, как те англичане на острове?

Выглядела она неплохо. Прошлый раз ему было двадцать три года, ей чуть больше двадцати. Второй курс заканчивала. Значит, сейчас двадцать восемь. И не замужем? Иначе чего же она ходит по городу в предполуночный час?

— Меня Татьяна зовут. Татьяна Юрьевна. А вас? Я, к стыду моему, прочла, но не запомнила. Волновалась очень...

— Арсений. Этого достаточно.

— Хорошо. Но похожи вы в самом деле изумительно. Я было подумала, что это уличное освещение такие фокусы вытворяет. Нет. Похожи. Одно лицо, фигура, даже голос.

Она еще посмотрела, знакомо наклонив голову и прищурив глаза.

— Нет, вы знаете, теперь я уже начинаю видеть различия, но вначале... Говорите вы, к примеру, совсем иначе.

Вот, она уже видит различия. А почему бы и нет? Даже в собственной ипостаси он уже совсем не тот, что был в училище, а уж под новым именем и в другой роли...

Хозяин этого кафе не имел, видимо, средств, чтобы держать собственный оркестр, и ограничивался трансляцией местной радиостанции «Пять вершин».

И тамошние операторы поставили вдруг ту же самую мелодию, что звучала, правда в другом месте, когда они прощались навсегда, понимая это, но дружно не подавая вида.

Это надо же такое придумать.

«Здравствуй и прощай...»

«Я не знаю, что это, — думала Татьяна, слушая необыкновенным образом пришедшую из прошлого мелодию, тревожащие и грустные слова. — Все так перепуталось. Я не могу избавиться от ощущения, что это все-таки Сергей».

Одно дело — читать обо всем этом, другое — самой столкнуться с человеком, так невероятно похожим на давнего приятеля.

Нет, разумеется, это совсем не он. Арсений даже несколько старше, чем был бы сейчас Сергей, и он полковник, а Тарханов никак бы не успел стать полковником. Но оба — офицеры, что тоже удивительно.

У этого человека своя жизнь, своя биография, но рядом с ним мне беспокойно и тревожно, как, наверное, было бы, если бы встретила человека, про которого точно известно, что он умер, и ты видела, как его хоронили, и вдруг он оказался живым, пьет ликер, разговаривает и смеется.

Сравнение, конечно, не точное, но что-то близкое в ситуации есть. И все равно тут присутствует нечто интересное, и пикантное, и жутковатое тоже.

Вообще-то мне повезло, наверное, я наяву вижу настоящего двойника — не близнеца. Тогда, наверное, и у меня есть двойники.

Трудно представить, что где-то на свете кто-то сейчас

обнимает и целует женщину с моим лицом и фигурой, глазами и голосом. Это неприятно и одновременно волнует, как если бы знать, что где-то ходит по рукам видеокассета, на которой скрытой камерой запечатлена я в постели с кем-то...

Надо же, куда меня завели мои мысли...»

Тарханов не знал, о чем думает Татьяна, он просто видел, что она нервничает, но пытается держаться свободно.

Надо ее разговорить, пусть она выпьет пару рюмочек, расслабится, успокоится.

Что-то у нее в жизни не сложилось, черт его знает, может, и по его вине. Пусть и расстались они спокойно, без слез и долгих разговоров.

Он, закончив училище, жениться не имел в виду, она тоже эту тему не затрагивала.

«Спасибо за все, что было, и прощай...» Скорее всего, она, девушка из ПГИИЯ¹, тоже не видела себя женой подпоручика из слишком уж беспокойных войск.

Они там все ставили себя высоко, двадцатилетние красавицы из элитного института в провинциальном городе. И мыслили себе судьбы возвышенные, слишком их баловали вниманием богатые курортники и иностранные туристы, тоже не из простых буржуа, раз приезжали за впечатлениями именно на Кавказ. Как минимум Лермонтова и Толстого читали.

Кому-то из них действительно везло, но большинству — нет.

Татьяне, похоже, повезло не слишком.

Она это тут же и подтвердила, слово за слово рассказала о своей вполне обычной судьбе. Лет до двадцати пяти все надеялась встретить принца на алых парусах, а потом вдруг догадалась, что поезд как бы и ушел. И вот уже четвертый год работала гидом-переводчиком в туристическом агентстве, ни на что особенно не рассчитывая.

Хотя нет. В любой ведь момент может встретиться человек...

¹ Пятигорский государственный институт иностранных языков.

Сказала это и смолкла. Сообразила, что ее слова могут быть восприняты Арсением неправильно.

Он сделал вид, что ничего не заметил, и пригласил Татьяну танцевать.

Что интересно, он вдруг начал ощущать себя действительно всего лишь двойником неведомого ему Сергея Тарханова. Впрочем, в какой-то мере так оно и было. Он вспомнил себя в те годы и усмехнулся.

Время подходило к часу ночи, но расставаться не хотелось. Татьяна больше всего боялась сейчас, что Неверов допьет последнюю рюмку, встанет и проводит ее до такси. Она уже начала думать, нет ли способа деликатно намекнуть на желательность следующей встречи. Ну, хотя бы предложить ему принять участие в экскурсии по лермонтовским местам, которую она будет проводить для группы туристов из Франции.

Сергей ей помог.

— Татьяна Юрьевна, — тихо и как бы нерешительно сказал он. — Не поймите меня превратно, но... я бы хотел увидеть вас еще раз. Не могу согласиться, что, случайно встретившись, мы уже не случайно расстанемся навсегда и я вас больше не увижу. А мне этого очень бы не хотелось... — Он замолчал и начал прикуривать, отвернув лицо в сторону.

И он ведь не играл сейчас. Ему и в самом деле жаль было расставаться с ней.

Связь с Владой перспектив не имела, Сергей давно это понял. Не потому, что у нее было соответствующее прошлое. Как раз это его не волновало. Дело в том, что ее профессия была не вынужденной обстоятельствами, а выражала ее внутреннюю сущность. Такие женщины, как Влада, просто не созданы для нормальной семейной жизни. Слишком в ней мало для них остроты. Вот если бы они оба служили в отряде «Печенег», тогда другое дело.

А вот Татьяна похожа на женщину, которая сможет создать прочный тыл и уютный дом возвращающемуся с войны солдату. Спокойна, умна, красива и знает цену одиночеству.

«Эк ты далеко замахнулся, братец, — подумал Тарха-

нов. — Не слишком ли легко попался на крючок тоскующей дамочки?»

И ответил себе, что нет. Во-первых, пока не попался, во-вторых, нынешняя встреча отнюдь не разрушила того впечатления, что у него сложилось еще весной и летом девяносто седьмого года. А в-третьих, как говорил один восточный мудрец: «Верь незнакомому, ему нет корысти обманывать».

Их теперешний разговор слишком похож на разговор случайных попутчиков в купе поезда дальнего следования.

Татьяна не ответила сразу. Попросила у Тарханова сигарету, первый раз за вечер. Только после нескольких затяжек, которые она сделала, не отрывая глаз от рубиновых огней на радиорелейной мачте, венчающей вершину Машука, сказала:

— Я вас понимаю правильно. Завтра допоздна занята. По работе. А вот во вторник... Позвоните мне, если захотите. Запишите мой телефон.

— Зачем же телефон. Не нужно. Это вы как бы намекаете. Если захотите... Зачем же? Я ведь не досужий малолетний ухажер. Давайте проще. Послезавтра в восемь вечера я вас жду прямо напротив входа в Цветник. И никаких «если».

Вечером следующего дня приехал Кедров во главе передового отряда бойцов. Перемену в их служебном положении кавторанг воспринял спокойно. Точнее, делал вид, что ровно ничего не случилось. Совершенно с тем же невозмутимым видом он принимал указания и приказы Тарханова, как раньше их отдавал. И тому, что полковник оказался на месте раньше его, он не стал удивляться.

Раз начальник принял такое решение, значит, так тому и быть.

Как и собирался, Тарханов вначале выслушал принципиальный план операции, разработанный Кедровым. Он отличался предельной простотой и, в принципе, имел все шансы на успех. Только не хватало в нем чего-то.

Кавторанг исходил из чисто утилитарно понятой задачи. Окружить дом, в котором проживал Кулибин, одной группой прикрыть подходы на случай попытки противодействия, неважно чьего, охранных отрядов федайнов или местных силовых структур, чье участие на стороне врага не исключалось.

Второй группой ворваться на объект, задержать Кулибина, непременно живым, изъять всю технику и оборудование, переправить в Москву. Остальное — детали.

— Не возражаю, — ответил Тарханов, выслушав Кедрова и рассмотрев подготовленные им карты и схемы распределения сил и средств. — В принципе — не возражаю. — Он решил не стесняться в выражениях и не щадить самолюбия кавторанга. Для пользы дела. — Но в том и беда, что только в принципе. Я вам задам пока лишь два вопроса. Что вы знаете о личности нашего Кулибина, то есть что он собой представляет, как дошел до жизни такой и чего от него можно ждать в момент вторжения наших ребят в его обиталище? Поднимет он ручки под стволом автомата, начнет стрелять через карман или раскусит ампулу с ядом, сведя к нулю все наши надежды и планы? Нет, подождите, я еще не закончил.

Вопрос второй — как внутри устроен его дом, может ли где-то там прятаться засада, где находятся интересующие нас предметы и нет ли возможности их уничтожения или самоуничтожения в процессе акции? Готовы ответить?

Кедров, покусывая губы, ответил. Тарханова это не удовлетворило.

— Понятно, но недостаточно. То есть формально вообще все правильно, идти на дело можно и с такими разведанными, только процентов двадцать шансов за то, что мы можем получить вместо желаемого кучу трупов и груды рваного железа.

Я, честно признаюсь, и сам не слишком понимаю, зачем нам все это нужно, может быть, как раз такой вариант для судеб человечества предпочтительнее. Но приказ звучит конкретно и однозначно, поэтому мы должны все сделать именно так, как нам поручено.

Я вас не тороплю. И изучение личности Кулибина

беру на себя. Вы же извольте сделать все остальное. Облазайте с ребятами все окрестные дома на километр вокруг, чтобы могли там действовать ночью и с завязанными глазами, изучите интерьер виллы не хуже, чем знаете собственный служебный кабинет. Потом поговорим еще раз. Вам подсказать, где добыть нужную информацию?

— Спасибо, не надо. Сам найду.

— Тогда не смею задерживать.

— Резковато вы с ним, — сказал Розенцвейг, ловко перепрыгнув со своего балкона на балкон Тарханова и вынимая из уха капсулу радиодинамика. — Он хороший специалист, как мне кажется.

— Не спорю. Ничего, злее будет. Просто сотрудники элитных подразделений, привыкшие работать в сравнительно тепличных условиях, склонны невольно упрощать задачу.

Знаете, мало уметь попадать из снайперской винтовки в пятак на триста метров, когда стреляешь в тире. Настоящий снайпер — это когда сутки выбираешь позицию и готовишь снаряжение, потом двое суток сидишь в окопчике, где снизу болото, а сверху комары, полтора килограмма живой массы на литр воздуха, потом стреляешь один раз, не в пятак, а в подобного себе специалиста и возвращаешься домой живым. Ощущаете разницу?

Личностью Кулибин был интересной. А иначе и невозможно, исходя из всего предыдущего.

На самом деле звали его Виктор Вениаминович Маштаков, имел он сорок два года от роду и занимал почтенную по городским меркам должность заведующего кафедрой физики и математики в местном институте фармакологии и тонких химических технологий.

Очевидно, что-то в начале жизни у него не сложилось или с рождения имелся своеобразный поворот в мозгах, поскольку чинному чтению лекций и руководству учебным процессом на вверенной ему кафедре он предпочитал занятие, если так можно выразиться, «экстремальным изобретательством».

В смутные века ему цены бы не было. Он с равным

успехом мог придумывать взрывчатые вещества, яды с заранее заказанными свойствами, пыточные устройства. Гильотину наверняка бы сконструировал раньше пресловутого доктора Гильотена, живи он в соответствующее время.

Пребывая же в мире сравнительно спокойном и цивилизованном, ограничивался поначалу радиоприемниками, не нуждающимися в сетевом питании и батарейках, противоугонными устройствами для автомобилей или аквариумами, замкнутый жизненный цикл в которых поддерживался исключительно желаниями и потребностями самих содержащихся там рыбок.

Непонятно даже, отчего он не пошел еще со столичных студенческих времен по творческой линии, где наверняка бы преуспел и разбогател, а избрал стезю преподавателя не слишком знаменитого провинциального института, куда попал по распределению, да так и осел здесь, благо город все же был хороший:

Несколько позже на его таланты обратил внимание тогдашний проректор по хозяйственной части, по национальности адыг, имевший массу родственников не только в близлежащих аулах, но и в половине ближневосточных стран, куда черкесы, абазины, кабардинцы и убыхи сотнями тысяч эмигрировали еще начиная с первой Кавказской войны и вплоть до Мировой.

Оставаясь патриотом России, Шамиль Даулетович не видел ничего плохого, чтобы помочь соотечественникам в их справедливой борьбе против турецких, персидских, иракских и, само собой, сионистских угнетателей, а равно и всех прочих, в данный момент являющихся врагами того или иного клана близких и дальних родственников.

А Виктор Вениаминович в этом деле оказался человеком незаменимым. Придумать приборчик размером с желудь, который может отключить в полете двигателя или систему управления авиалайнера, бомбочку, которая взорвется на другом конце света в телефонной трубке при произнесении кодового слова, ему было раз плюнуть. А платили более чем хорошо.

До тех пор, как он не начал работу над «Гневом Аллаха», вершиной его трудов был микропроцессор, который

легко устанавливался хоть на тактической ракете, хоть на зенитном гранатомете и мог либо подрывать боеголовку в момент запуска, на направляющих, либо посыпать ее в точку, не имеющую ничего общего с первоначально намеченной оператором. Хотя бы и в исходную.

Нравственных терзаний по поводу своей деятельности господин Маштаков не испытывал. Во-первых, как сказано, платили ему в сотни раз больше, чем государство ценило преподавательский труд, во-вторых, с его помощью или без таковой люди как начали организованно воевать тысяч шесть лет назад, так и продолжают это увлекательное занятие. Никто же не предъявляет персональных претензий ни уже покойным Токареву, Дегтяреву, Кольту, Шмайссеру, ни ныне живущим оружейникам-изобретателям, несть им числа.

Мудро сказано — убивает не оружие, убивает человек.

Заработав достаточно, на его взгляд, денег, Виктор Вениаминович выкупил у города полуразрушенное здание бывшего плодопитомника с двором и надворными постройками у подножия Машука, отремонтировал его и оборудовал там, наконец, такие лабораторию и мастерскую, о которых мечтал всю жизнь.

Он отказался от лекционных часов, оставив за собой только общее руководство кафедрой, и полностью отдался Главной проблеме.

К исходной позиции вышли к полуночи. Как раз когда начали разъезжаться предпоследние посетители ресторана «Лесная поляна», шашлычник Артур загасил свой мангал и луна в последней фазе поднялась точно над левой вершиной Бештау. А последние посетители — это были «печенег», три девушки и три парня, которые заплатили вперед не только по счету, но и хорошие чаевые и теперь веселились более чем разнузданно.

Без чаевых сотрудники ресторана давно бы вызвали полицию. А так — ничего.

Строго по плану двадцать человек, вооруженных автоматами, маскируясь в кустах и подлеске, перекрыли все подъездные дороги и тропы, даже выходы из заброшенных каменоломен по соседству. Ударная группа сосредоточилась по периметру окружающего обширный двор двухметрового забора.

Тарханов и Кедров с развилки ветвей отдельно стоящего дуба наблюдали в бинокли за окнами дома, похожего на средневековый немецкий замок в миниатюре. Сложен из желтовато-серого дикого камня, два этажа и мансарда, маленькие зарешеченные окна.

Девять лет назад этот дом выглядел почти так же. Только двор тогда был неухоженный, завален всяким техническим мусором и вместо цветочных клумб весь был покрыт высоким, по колено, бурьяном. А в доме занимались суетливым конторским трудом полсотни сотрудников в поношенных мундирах с серебряными листьями на зеленых петлицах.

Главная прелесть «питомника» в те времена состояла в том, что на его территории имелся бассейн, наполненный ледяным, кипящим нарзаном. И рядом — деревянная банька, в которой за умеренную плату могли париться все желающие. Что они и делали.

В ушах Тарханова до сих пор стоял визг голых студентов, бросающихся в воду. Их в лагере было подавляющее большинство, и они совершенно не стеснялись немногочисленных парней, допущенных в их компанию. Скорее даже бравировали собственной раскованностью.

Теперь, конечно, все здесь изменилось. Двор приведен в порядок, сад расчищен, появились цветочные клумбы и беседки. Да и дом тщательно отреставрирован, некогда заветренные и покрытые лишайником и плесенью стены очищены пескоструйным аппаратом, крыша заново перекрыта красной черепицей.

— Хорошо устроился, гад, — пробормотал Кедров. — Денег, видать, куры не клюют.

За небольшую мзду в городском бюро технической инвентаризации удалось раздобыть подробные планы

дома до и после реконструкции, и теперь было примерно ясно, где и что там может размещаться.

Сквозь тонкие занавески было видно, что хозяин не подозревает о грядущих неприятностях.

Как выяснил Тарханов, женат господин Маштаков не был и жил один во всех шести комнатах. За хозяйством присматривала приходящая домработница, которой сейчас не было, и сторож-садовник-плотник, исполнявший еще и много других функций, живший во флигельке рядом с гаражом и сараями, отставной урядник Терского казачьего войска, мужчина пожилой, но крепкий.

Ведя холостой образ жизни, Виктор Вениаминович отнюдь не страдал гинефобией¹, скорее напротив. Скрашивать одиночество ему помогали его же студентки. Девушек без предрассудков, готовых нескучно провести время с не старым еще, достаточно симпатичным и щедрым профессором, всегда хватало. Иногда, особенно перед сессиями, образовывался даже некоторый конкурс.

И сейчас в гостях у него была очередная пассия.

Это облегчало задачу.

— Ну, что, пошли? — обратился к Тарханову Кедров.

— Пошли...

Мгновенный рывок десятка человек через забор сразу со всех направлений. Сторож даже не успел подхватиться с постели. Его не обижали, просто направили в лицо фонарик с синим светофильтром, а чуть выше головы — ствол автомата:

— Тихо, полиция. Хозяин твой, похоже, фальшивыми деньгами балуется. Не замечал?

Сторож не проявил ни растерянности, ни страха. Спустил ноги с кровати, потянулся к столу, где лежали папиросы и спички.

— Руки назад! Без резких движений. Огня не зажигать. Ну?

— Не замечал. Ерунда все это. Донес кто-то по глупости или из зависти. Наукой он занимается, приборы

¹ Гинефобия — страх перед женщинами (лат.).

разные мастерит, и ничего больше. Что я, железки от бу-
мажек не отличу? В артиллерии служил.

— Ладно, разберемся. Обыск начнем, понятным бу-
дешь.

В доме тоже все прошло гладко.

Юная барышня в кружевном сарафане, с распущен-
ными по плечам пышными волосами при появлении
толпы вооруженных людей только пискнула и раскашля-
лась, подавившись шампанским. По ковру покатился, не
разбившись, хрустальный бокал.

— К несчастью... — меланхолически заметил хозяин,
вставая. — Простите, чему обязан? Вы, в смысле, в каче-
стве кого здесь появились?

— Армейская контрразведка! — устрещающе рык-
нул кто-то.

Однако это произвело обратное действие.

— А! Ну, слава богу. С вами мы договоримся.

«Интересно, — подумал Тарханов, — а с кем ты не на-
деялся договориться? С местной ГБ? Или налоговой ин-
спекцией?»

— Хотя, убейте меня, не понимаю, какие ко мне
могут быть претензии у нашей славной армии? — про-
должал Маштаков. — Вот уж с кем никогда не вступал в
конфликты. А, так это, наверное, вы потрудились изгото-
вить макет синхронизатора? Теперь кое-что становится
яснее.

Небольшой инцидент произошел только на веранде
«Лесной поляны». Неизвестно, какая там сигнализация
сработала, потому что вторжение произошло без шума, а
сама вила из ресторана видна не была, только начало ве-
дущей от поляны к воротам дорожки, но один из офици-
антов, по наружности скорее грек, чем горец, до того то-
мившийся в ожидании, когда же припоздавшие гости
уберутся восвояси, вдруг напрягся.

Отклеился от подоконника, стараясь идти лениво, вра-
звалку, направился к подсобке. Но не сумел сохранить
должную невозмутимость, чтобы это выглядело естест-
венно в глазах профессионалов.

Одна из девушек, маломузыкально исполнявшая не слишком приличную песенку, аккомпанируя себе на гитаре, сунула инструмент подруге и, неуверенно шагая, двинулась в сторону туалета. На полпути изменила траекторию, скользнула к двери, на секунду припала ухом к щели, потом распахнула ее резким толчком.

Официант замер с телефонной трубкой в руке.

— Тебе что здесь...

Поймал взгляд девушки, сразу все понял, сунул руку в карман.

Не успел.

Девушка подсечкой сбила его на пол, набежали еще двое, заломили руки за спину, беззлобно, скорее для разрядки, поддали пару раз под ребра, выдернули из кармана старый «ТТ».

— Он только три цифры успел набрать, — сообщила девушка.

— Ничего, сейчас остальные скажет.

Мастерская Кулибина оказалась, как и предполагал Тарханов, в подвале, со вкусом отделанном, снабженном газосветными лампами и кондиционером.

Хорошая мастерская, вполне подходящая для приличного НИИ. Миниатюрные станочки, токарные, сверлильные и прочие, масса приборов неясного Тарханову, да и остальным операм назначения. Нечто вроде осциллографов на лабораторных столах, биноклярный микроскоп, большая автономная ЭВМ.

Инженер, которого специально включил в группу Кедров, осматривал оборудование, временами прицокивая языком не то от удивления, не то от восхищения. Типа — живут же люди.

На отдельном длинном столе выстроились несколько алюминиевых шасси, на которых в несколько этажей громоздились конструкции, напоминающие вскрытые блоки наведения от зенитной установки «ЗСУ-37х4».

С более сложными радиоприборами Тарханову сталкиваться не приходилось.

Они явно находились под напряжением, что-то там

внутри блоков жужжало, попискивало, перемигивалось неоновыми лампочками. По экранам осциллографов тоже ветвились зеленые параболы, гиперболы и прочие графики синусов, убегающие по оси абсцисс.

— Осторожно! — вскрикнул изобретатель, когда инженер потянулся рукой к пакетному выключателю.

— Надо же обесточить конструкцию, перед тем как начинать ее демонтировать.

— Ни в коем случае! Отключите — все погибнет безвозвратно. Тут же непрерывный процесс. Я все сделаю сам, а вы можете наблюдать и записывать порядок действий. Тогда, даже если со мной что-то случится, сумеете восстановить и, возможно, даже понять, что это такое...

Держался Маштаков удивительно спокойно, на лице его и в манерах не ощущалось ни страха, ни злобы.

«Пожалуй, не слишком трудно будет его склонить к сотрудничеству», — думал Тарханов и вдруг, как давеча Ляхов, ощутил немедленную и страшную угрозу.

Кулибин протянул руку к тумблеру и повернул его. В ту же долю секунды, не успев даже прозвучать щелчок, Сергей метнулся вперед и отбросил его руку в сторону. Он ощутил короткую боль в запястье от резкого столкновения кости о кость.

И для Тарханова все окружающее исчезло.

Все, только что здесь существовавшее.

Подвал был совершенно пуст, на земляном полу валялся какой-то мусор, у стены, на месте столов — старые лопаты, сваленные в кучу полустертые метлы, обломанные листы шифера, ржавые ведра. Почему-то — нескольких синих почтовых ящиков с облупившейся краской.

Грязные, неоштукатуренные стены, запах гнили и плесени. В низкое окошко пробивался солнечный свет.

Ощущение абсурдной нереальности. Но себя Тарханов чувствовал совершенно нормально. В физическом смысле. Голова не кружилась, не болела, вообще все было в полном порядке.

Но куда исчезли все? Где он оказался?

Держа автомат на изготовку, Тарханов поднялся наверх по скрипучей деревянной лестнице.

На улице сияло утреннее солнце. Судя по высоте над горизонтом — конец июня. То есть день, возможно, тот же самый. Но где? В смысле, в каком году и веке?

Тарханов временами почитывал фантастические романы, в том числе и те, где описывались всевозможные шутки со временем.

Если не думать, что машина Кулибина предназначена для мгновенного гипноза, то что еще можно предположить?

За первое говорило то, что в этом странном месте Тарханов оказался один. Если бы имела место «машина времени», она должна была бы в равной мере подействовать и на всех остальных людей в подвале, и на господина Маштакова в первую очередь.

С автоматом наперевес он обошел вокруг дома, осторожно, поминутно оглядываясь и прислушиваясь, вышел за ворота. Нигде ни души.

Тарханов остановился в сильном сомнении. Стоит ли отходить за пределы дома? Не случится ли от этого еще что-нибудь неприятное, а главное — необратимое? Что-то шевелилось у него в голове, какая-то мысль, способная объяснить все происходящее. Словно он отлично все знает и понимает, только вот подзабыл внезапно.

И еще одно поразительное ощущение — все здесь вокруг, как должно бы выглядеть лет 20—30 назад.

Деревья на поляне и вдоль дороги ниже, чем были вчера. С того места, где он стоит, виден Бештау, чего раньше не было. Зато не видны белые десятиэтажные корпуса жилых домов на окраине Пятигорска. Крайние крыши едва различаются среди тополей как минимум на километр дальше, чем вчера.

Примерно на уровне здания общежития ПГИИЯ, которое в 1967, кажется, году было построено чуть ли не в голой степи.

И еще одно поразительное наблюдение — абсолютное безлюдье. Ни машин на трассе, ни электропоездов на перегоне. В ресторане и перед ним тоже пусто. Мертвый мир.

Подойти, что ли, к веранде, посмотреть, что там про-

исходит? Всегда ведь можно определить, исчезли люди только что, сутки или месяц назад.

Где-то он читал и о таком варианте, когда население Земли исчезает неизвестно куда и остается на всем свете только главный герой.

Более того, он отчетливо понимал, что так оно и есть, что в этом совершенно живом и реальном мире, где светит утреннее солнце, шелестит по вершинам деревьев легкий ветерок, журчит родник под корнями узловатого дуба, на ветвях которого они сидели вчера с Кедровым, лопаются пузырьки нарзана в каменном бассейне, — в этом мире нет, кроме него, ни одного человека.

Все есть, а людей нет. И исчезли они из него только сейчас, буквально. За мгновение до того, как сам он вышел из подвала на свет.

Все же Тарханов решился.

Привычным образом озираясь, держа автомат на изготовку, он сделал целую сотню шагов по растрескавшемуся асфальтовому шоссе. Увидел слева шлагбаум, за ним зеленые брезентовые палатки, расставленные по периметру квадратной поляны, расчерченной посыпанными песком дорожками. Нечто вроде лагерей на берегу Сengiеевского озера, в которые на весну и лето выезжали курсанты Ставропольского училища. Вон и грибок для часового рядом со шлагбаумом.

А еще вчера днем здесь была лишь густая и высокая трава, пестрящая желтыми цветами одуванчиков.

Посреди поляны возвышалась мачта из полуторадюмовых труб, на вершине которой трепыхался выцветший красный флаг.

А над длинным деревянным стендом рядом с самой большой палаткой была в глаза надпись, собранная из фанерных алых букв: «Пионеры Ставрополя приветствуют XVI съезд ВЛКСМ!»

Нет, совсем уже ерунда какая-то! Пионеры. Это либо освоители американских прерий, либо солдаты саперных войск времен Николая Первого.

Ни тем, ни другим нечего делать в курортной зоне

Пятигорска, и уж тем более — приветствовать аж шестнадцатый съезд не пойми чего...

И в то же время реально и убедительно до ужаса.

Он не успел ни додумать мысль до конца, ни предпринять каких-то действий, как все кончилось.

Снова подвал, люди, изобретатель, потирающий левой рукой ушибленную правую.

— Вы где были? — спрашивает Маштаков, пристально глядя на Тарханова. — Вы где-нибудь сейчас были?

Окружающие смотрели на них с недоумением. И Тарханов догадался, что для всех прочих, кроме изобретателя, он никуда не исчезал.

— Только без шуточек, хорошо? — Он указал стволом автомата, куда Маштакову нужно отойти. — Мы это обсудим отдельно. Что-то у вас не сработало.

— Наоборот. Все сработало, и все теперь мне окончательно ясно. Вы даже не представляете...

— Представляю, — резко ответил Тарханов, просто чтобы не давать противнику лишних козырей. — Куда больше вашего представляю. Рассказывайте, как и в каком порядке все это разбирать, чтобы в Москве собрать в работоспособном виде.

— В чем дело? — спросил его Кедров, когда работа пошла, а сам Сергей отошел к двери и закурил. — О чем вы говорили?

— Да так. Эта машинка умеет воздействовать на психику. Я оказался к ней слишком близко. А ты ничего не почувствовал?

— Совершенно. Он протянул руку, ты его ударил. Он зашипел, матернулся и спросил, где ты был. Я думал, это у него крыша поехала.

— Ага, — удовлетворенно кивнул Тарханов. — Никакой расстыковки по времени не было?

— Я же говорю, нет. Разве только... Ну, может, мне показалось. Удар ты как-то слишком четко зафиксировал. Словно на показательных. Ударил, задержал руку в крайней позиции, потом вернул обратно.

— На полсекунды?

— Да, может, на полсекунды. Вряд ли дольше.

Меньше чем за час все содержимое мастерской и лаборатории под присмотром Маштакова и отрядного инженера погрузили в две военные санитарные машины. Изобретатель заодно попросил забрать и технические книги из его библиотеки.

— Вдруг у вас не окажется возможности предоставить мне аналогичный комплект. Здесь есть настоящие раритеты, тем более с моими заметками.

— Надеетесь, вам еще придется заниматься науками? — осведомился Кедров, которому явно не нравилось, что он не понимает в происходящем чего-то очень важного.

— Обязательно. Куда вы без меня денетесь?

— Ну-ну, — без особой, впрочем, уверенности произнес кавторанг.

— Займитесь обеспечением отхода, — предложил ему Тарханов. — Черт его знает, вдруг отсутствие звонка от того ресторанного придурка — тоже сигнал тревоги.

— А теперь — давайте, — скомандовал Сергей, когда все было готово и изобретателя тоже посадили в машину, защелкнув, на всякий случай, на запястьях тугие наручники и приставив к нему двух персональных охранников. И сам первый дал в воздух очередь трассирующими пулями.

Минуты три несколько автоматов и пистолетов работали беглым огнем и по окрестным зарослям, и по стенам и окнам дома. Со стороны это могло восприниматься как звуки внезапного, суматошного, торопливого встречного боя, когда его участникам некогда целиться.

Стрельба, которую не могли не услышать на окраинах города, потому что летняя ночь была уж слишком тиха и воздух неподвижен, прекратилась так же неожиданно, как и началась.

С воем сирен санитарные машины рванулись к городу, сопровождаемые полицейской, идущей впереди и яростно мигающей сине-красными проблесковыми маячками.

Любой случайный зритель, прогуливающийся ночью

между ресторанами, пансионатами и санаториями в окрестностях Провала, и неслучайный тоже, смогли бы сделать из увиденного вполне определенный вывод.

Точнее, законченный вывод сделал бы только тот, кто изначально посвящен в тайные суть и смысл происходящего. Все остальные увидели бы и поняли только то, что попало в их поле зрения в конкретный миг.

Где-то была стрельба, куда-то мчатся санитарные машины.

Взглянул, удивился или нет, забыл тут же или оставил в памяти до завтра, чтобы поделиться впечатлениями и гипотезами с соседями или друзьями.

А те, кого всерьез интересовал затерянный в лесу домик изобретателя, кто обязан был его охранять или, упаси бог, ликвидировать в случае чего, да упустили момент, не обеспечили должным образом возложенную на них миссию, тем отчетливо дано понять, что все, птичка из одной клетки попала в другую или — на тот свет. А уж местная полиция тут работала или кто-то другой, выясняйте по доступным вам каналам.

Другие машины, тоже обозначенные красными крестами, тронулись спустя пару минут без огней, не доезжая Иноземцева свернули налево, в глухой буковый лес.

Там их ждал шведский двухэтажный автобус туристской фирмы «Викинг лайн».

Без спешки в него перегрузили захваченное имущество и самого Маштакова, «Скорые помощи», уже пустые, поехали обратно, через город и на шоссе, ведущее в сторону Нальчика и прочих горских губерний, а автобус спустя полчаса направился в сторону Москвы, как и значилось в путевом листе.

Не то чтобы Тарханов с Кедровым опасались, будто здешняя группировка сторонников «Черного интернационала» настолько мощна и многочисленна, что может предпринять попытку организовать преследование группы и отбить пленника силой. Они скорее допускали возможность вмешательства со стороны служб госбезопасности или армии. Потому и решили устроить шум и на-

правлять внимание возможных противников в другие, южную и восточную стороны.

А саму акцию оформить под бандитскую разборку.

Бойцы «Печенег» имели по всей форме выправленные документы туристской группы из Москвы, возвращающейся из круиза по Грузии и Армении.

Автобус несся через ночь Южной России к северу, накатывая на свои колеса по полторы сотни протяжных верст в час, и, хотя риск погони или перехвата на одном из дорожных постов или прямо в чистом поле стремился к нулю, занимавшие передние сиденья бойцы не спали, наравне с водителем сторожко всматривались в освещенную светом фар и мощного лобового прожектора дорогу.

И оружие у них было под руками, несмотря на то что и впереди автобуса шла машина в качестве передового дозора, и с тыла прикрывала еще одна.

Опыт подсказывает, что самые неприятные вещи происходят тогда, когда все уверуют, что самое трудное позади.

В заднем отсеке второго этажа автобуса, отделенном от общего салона глухой звукоизолирующей дверью и похожем своей обстановкой на купе международного спального вагона, Тарханов и Розенцвейг, не теряя времени, приступили к предварительному допросу Маштакова.

Вернее, не совсем к допросу, а скорее к ознакомительной беседе. По горячим следам, пока клиент не опомнился и не составил в голове сценарий поведения.

Собственно, вести допросы ни Сергей, ни тем более израильский майор вообще не имели права, но об этой несущественной детали информировать клиента не было никакой необходимости.

Кроме того, изоощренная интуиция подсказывала Тарханову, что Маштаков настроен на сотрудничество и, похоже, имеет на этот вариант собственные, далеко идущие планы.

— Ну-с, побеседуем? — светски осведомился Розен-

цвейг. — К сожалению, мы прервали ваш ужин. Может быть, вы голодны? Желаете что-нибудь выпить?

— Спасибо, не беспокойтесь. Разве что пару глоточков коньяку, если есть? Спать, как я догадываюсь, нам в ближайшее время не придется? Тогда не откажусь от кофе и сигареты.

Все требуемое было немедленно выставлено на откидной столик. И коньяк «Курвуазье» из личных запасов Розенцвейга, и коробочка с треугольными ломтиками сыра «Бакштейн», по отдельности завернутыми в тонкую фольгу, и термос с крепчайшим кофе. Пачку своих любимых «Купеческих» Тарханов раскупорил и протянул Кулибину.

— Благодарю, вы крайне любезны. Итак, что вы видите темой нашей беседы?

Во вводной части разговора обе стороны старательно избегали касаться того, что ему непосредственно предшествовало.

Словно просто так встретились благорасположенные друг к другу люди и ведут обычный дорожный разговор, чтобы скоротать время.

— Вообще-то нас больше всего интересует тот прибор, или, лучше сказать, устройство, которое некоторые далекие от материалистического взгляда на мир люди называли «Гнев Аллаха», — разминая сигарету, сказал Тарханов, стараясь попасть в тон и стиль профессора. — Ну и заодно хотелось бы узнать, что именно случилось конкретно со мной.

— «Гнев Аллаха»? Образно, хотя неверно по сути. Ни о каком гневе тут говорить нельзя. Но разве объяснишь об этом малообразованным людям, тем более что их мировосприятие действительно резко отличается от нашего, а ведь кое-кто из них заканчивал европейские и российские вузы.

Очень богатый и настолько же дикий шейх по-своему истолковал объяснения, которые ему давал один из моих бывших студентов. Вообразил, что мой, скажем так, квантовый генератор можно использовать в качестве оружия массового поражения...

— А на самом деле нельзя? — включился Розенцвейг.

— На самом деле? Это скорее философский вопрос, если задуматься, что вообще означает термин «на самом деле».

— Давайте пока не вдаваться в философию, — пресек словоизвержение Маштакова Тарханов. — Давайте сначала четко расставим точки по положенным им местам, а уж потом... Так оружие это или нет?

— Или, если я правильно понял, нечто, по своему принципу действия могущее быть использовано в качестве оружия, но таковым не являющееся? — внес уточнение Розенцвейг.

— Точно в такой степени оружие, как, допустим, дальновизор или электрогенератор. Голову противнику им разmozжить можно, но данный результат не является основной функцией прибора.

— Цветисто выражаетесь...

— Я бы сказал, образно. Извините, привычка. Когда с кафедры излагаешь студентам сложную тему, образность примеров весьма способствует усвоению материала.

Еще сколько-то времени разговор вился вокруг да около, все три стороны блистали остроумием и пытались аккуратно выяснить, кто здесь есть кто, кто больше знает или больше может и оттого имеет перевес в позиции или в качестве.

Оказалось, что перевес все же на стороне Тарханова, который в нужный момент смог сказать достаточно грубо и убедительно, что ему вся эта трепотня надоела и роль интеллигентного следователя тоже.

В том смысле, что или будем говорить без дураков, или же одна высокая договаривающаяся сторона будет только спрашивать, а другая только отвечать, причем емко, коротко и исключительно по делу.

А паяльники и прочие электротехнические приборы при соответствующем вольтаже действуют вполне даже и от бортовой автобусной сети.

— Вы меня, конечно, извините за прозу жизни, но болтать с вами мне и вправду надоело. Здесь вам не профессорская кафедра. Конкретный ответ на конкретный

вопрос. А потом уже будем философствовать. В том числе и на тему вашей дальнейшей участи. Годится?

— Воля ваша. Итак... Только все же ответьте и на мой предыдущий вопрос. Что вы видели там, за пределами лаборатории?

— Да ничего особенного. Просто на несколько минут не стало ни лаборатории, ни людей в подвале. А наверху все выглядело... Ну, несколько иначе. Полное безлюдье, а пейзаж — примерно так бы это могло выглядеть лет двадцать, а то и тридцать назад. Картинка очень достоверная, на галлюцинацию не похоже. Я бы даже сказал...

Тарханов замаялся, не зная, стоит ли сообщать о посетившей его странной мысли. Или — ощущении. А впрочем... Им еще работать и работать вместе. Вряд ли изобретатель сможет использовать полученную информацию во вред. А для уточнения ситуации этот факт может иметь значение.

— Мне показалось, обстановка была даже более реальная, чем всегда. Но — не отсюда.

— Ну-ну. Уточните, пожалуйста, в чем это проявилось?

— Трудно объяснить. Нечто подобное бывало со мной после приема бензамина. Краски ярче, запахи сильнее, а главное — именно общее впечатление. Ну, как качественный, контрастный фотоснимок по сравнению с недопроявленным и нерезким.

— О! Это очень интересно. На нечто подобное я и рассчитывал.

Тарханов решил задать вопрос, который его странным образом волновал.

— Вы не знаете, что такое — шестнадцатый съезд ВАКСМ?

— Понятия не имею. Это из какой области?

— Я бы тоже хотел это знать. А вы сами свою машинку что, до этого не испытывали?

— На себе? Как же это возможно? Если бы я оказался на вашем месте, вернуться бы уже не смог...

— Вернуться? Откуда? — вмешался Розенцвейг.

Маштаков проигнорировал вопрос. Очевидно, решил,

что Тарханов — более солидный собеседник и здесь — самый главный.

— В том и главная проблема, что по-настоящему испытать мое изобретение крайне сложно. По крайней мере — лично мне. Почему я и передал его... другим людям.

— Конкретно — террористам, — уточнил Розенцвейг.

— Возможно, с вашей точки зрения это так. Меня эта сторона их деятельности не касается. Меня спросили — правда ли, что, по их сведениям, изобретенный мною прибор способен уничтожить Израиль? Я ответил — да.

Наступила продолжительная пауза. И Тарханов и Розенцвейг обдумывали услышанное. Каждый по-своему.

— Именно так и было спрошено — уничтожить Израиль? — удивился майор. — И вы ответили — «да»? Тем самым согласившись способствовать геноциду?

— Не будьте начетчиком, — отмахнулся профессор. — Не цепляйтесь к терминам, о которых не имеете понятия. Тем более что слово «да» имеет очень разные смыслы для того, кто спрашивает и кто отвечает.

— А почему вообще возник такой вопрос? — спросил Тарханов. — Были основания?

— Основание — принцип испорченного телефона. Один услышал, передал другому, третьему, и на выходе получается информация, имеющая очень мало общего с действительностью.

— Что-то мы опять лезем в дебри.

Умение Маштакова плести словесные кружева начало раздражать Тарханова.

— Тогда не перебивайте меня, — огрызнулся тот. — Дайте мне сказать все, что я считаю нужным.

— Это в последнем слове перед судом присяжных вы будете говорить все, что считаете нужным. А здесь коротко и понятно изложите — в чем главное назначение прибора, какие побочные эффекты позволяют рассматривать его в качестве оружия массового поражения, какие для вас лично последствия имело то, что машинка не сработала.

Вопрос о том, что случилось с ним самим, Тарханов решил оставить на потом.

Видимо, голос его звучал очень убедительно, равно как и выражение лица не оставляло сомнений в серьезности намерений. Маштаков сделал последнюю попытку сохранить лицо.

— Согласен. Но... Мне кажется, официальные лица должны предъявлять какие-то документы? Ордер на обыск, арест, вообще есть процессуальные нормы.

Тарханов рассмеялся, и смеялся долго, давая выход нервному напряжению, которое все же присутствовало.

На этот вопрос ему было легко ответить, они у себя в службе неоднократно его обсуждали, хотя и в другой постановке.

— Нет, вы меня действительно насмешили. Боюсь, что вы находитесь под сильным влиянием предрассудков гуманного девятнадцатого века. Всякие там «хабеас корпус» и прочие глупости. Но времена-то изменились, как говорили древние, и с ними изменились и мы.

Ну ответьте, придет кому-нибудь в голову спрашивать у вышедшего на дело грабителя или наемного убийцы разрешение на ношение оружия, лицензию на отстрел указанного количества граждан, настаивать, чтобы он предоставил вам право на звонок домой и адвокату, присутствия при вашем отстреле прокурора и врача...

Или хотя бы заблаговременного уведомления о том, что отныне вы с ним находитесь в состоянии войны. Глупо звучит, да?

Вот и мы тоже решили, что отношения с преступниками следует строить на строго паритетной основе. Руководствуются они в своей деятельности нормами УПК, Гаагской и Женевской конвенций — тогда все в порядке.

Как там написано — комбатанты воюющих сторон должны иметь униформу установленного образца, ясно видимые знаки различия, оружие носить открыто. В случае же несоблюдения этих правил вполне допускается ускоренное военно-полевое судопроизводство, а также и расстрел на месте.

— Ваши слова звучат несколько странно. Во все вре-

мена считалось, что нельзя отстаивать право неправовыми методами.

— А почему? — включился в игру Розенцвейг. Ехать еще долго, чуть не целые сутки, отчего же не поболтать с умным человеком.

— Ну, это же аксиома...

— Ага. Как пятый постулат в геометрии. — Тарханов когда-то читал популярную книжку по математике, вот и вспомнилось к месту. — Не умея доказать его справедливость, но догадываясь, что без него вся наука идет к черту, ни по чему другому, решили считать его аксиомой.

Так и здесь. Мол, убийца тоже гражданин, нельзя лишать его соответствующих прав. А мы решили, как Лобачевский, взглянуть под несколько другим углом.

С нашей точки зрения (а мы, как вы слышали, военная контрразведка), любой индивидуум, выходящий своей волей, так сказать, за пределы правового поля, выходит из него в полном объеме. Вот и вся геометрия. Исходя из этого постулата продолжайте свой рассказ.

Маштаков пожевал губами, оценивая, как грассмейстер, позицию на доске.

— Ладно. Но на всякий случай имейте в виду, что ценность моего изобретения настолько велика... Я даже не могу сказать, насколько именно. И никто, кроме меня, еще очень долго не сможет понять, как генератор действует и как его применять.

— Намек понял. За свою личную безопасность можете не беспокоиться.

После чего начался настоящий разговор.

В дальнейшем господин Маштаков, хотя и не мог до конца избавиться от привычного стиля, все же довольно понятно изложил суть дела.

Которая заключалась в следующем.

Над своим изобретением он работал более десяти лет. Его в свое время весьма заинтересовала тема квантовой структуры мироздания. Особенно самый непроработанный ее раздел, который не сумели или не рискнули развить до степени практического применения ни Эйнштейн, ни Козырев. Хотя кое-какие попытки и сделали.

Но Маштакова более увлекла теория известного математика Кантора, занимавшегося теорией множеств. Тот пришел к выводу, что в бесконечности существует некая «точка Алеф», находясь в которой можно одновременно обозреть все прошлое, настоящее и будущее мира, как бы изображенное на одном листе бумаги. Придя к этому выводу, Кантор сошел с ума.

— А я, как видите, нет! — с торжеством заявил Маштаков.

— Ну, это еще как посмотреть, — заметил Розенцвейг.

— Как угодно, но прибор-то действует! Я вычислил положение этой точки и, более того, догадался, как ее можно достичь. В этом мне помогла теория еще одного непонятого гения — Эверетта, который открыл, что нас окружает множество вселенных. А в этом множестве есть такие, что имеют полный набор одних и тех же элементарных частиц и, соответственно, прочих материальных тел. Только процессы в них протекают с некоторым временным сдвигом, что и вызывает иное развитие физических процессов. Соответственно — и исторических тоже.

Отсюда, в каждой из вселенных существуют копии каждого человека, синхронизированные с прочей окружающей действительностью. И нужно лишь найти способ, как пересекать границу между вселенными. Кстати, географические координаты в них тоже должны совпадать.

— Вы ведь в этом убедились, полковник? Как сказал некий философ: «А на самом деле мир не так прост, как вы думаете. Он гораздо проще».

В результате и появился этот самый квантовый, а вернее — хроноквантовый генератор, который может точно так же, как обычный электрический, генерировать поля квантов времени ничуть не хуже, чем банальные электроны.

И почти по тем же физическим законам. То есть изменять их напряжение, направление и силу тока. Только эффекты получаются слегка иные. В той же мере иные,

чем электричество или магнетизм отличаются от времени.

Один из моих аспирантов, не гений, конечно, но и отнюдь не лишенный таланта парень, черкес, потомок горских князей, сделал из этой идеи забавный вывод.

Мол, если создать достаточное напряжение искусственного хронополя, то вполне ведь можно сдвинуть обычное, природное, в любом желаемом направлении и в соответствующей функции ориентации и мощности.

Откуда вывод — если даже и не задумываться о так называемом путешествии во времени по оси абсцисс (тут свои, скорее философские, чем практические трудности, типа того — как можно попасть туда, где еще нет ничего, и вернуться туда, где все уже кончилось, признавая даже, что само пространство, где все происходило и произойдет, существует независимо), то все равно просматриваются интересные парадоксы.

Ну вот например — что, если переместиться по времени «вбок»?

Как с лесной тропы шагнуть в сторону? Не назад, не вперед, а именно в сторону. Не на метр, а на пять минут. Что можно там увидеть? Сбоку от нашего времени?

Маштаков очень аккуратно объяснил аспиранту абсурдность его замысла, но сам об этом задумался всерьез.

И придумал.

— Впрочем, тонкости реализации вас интересовать не должны. По крайней мере — сейчас. Просто скажу, что очень долго пришлось заниматься расчетами потребной мощности энергетического пучка, способного создать и поддерживать хронополе. Потом — установить возможный радиус действия. Как-то сам собой возник и вопрос — а что случится возле работающего аппарата с тем, кто будет им управлять? Это я тоже выяснил.

Но, чтобы изготовить рабочую модель достаточной мощности, у меня не было денег. Каких-то двухсот-трехсот тысяч. Но я знал, у кого они были.

— У террористов, — снова уточнил Розенцвейг.

— Снова вы о том же. Для меня террористы — это абстракция, пока они решают свои проблемы у себя дома.

Вот если бы они напали на Россию — другой разговор. Кстати, не знаете, кто продавал Египту самолеты и танки? А чем я хуже «Росвоенпрома»?

Кроме того, я совершенно убежден, что стимулировать войны — вообще благое дело, пусть для так называемых пацифистов это утверждение звучит цинично. Но посмотрите сами — «цивилизованное» человечество все-речь не воюет уже семьдесят лет. И что — мы же все медленно загниваем. Самые активные и морально здоровые личности, повинаясь инстинкту самосохранения, идут в экспедиционный корпус, в войска ООН, просто в наемники к «нецивилизованным» правителям. Тем самым — хоть как-то сохраняют пассионарный генофонд «свободного мира». А все остальные — они ведь просто вырождаются. Где великие путешественники, где настоящее, мужественное искусство? Ничего нет, один кисель, манная каша! Разврат, наркотики, сибаритство и обжорство. Мы погибнем так же, как погиб Рим. Нас рано или поздно раздавят варвары, молодые, сильные, голодные и страстные!

«И этот о том же, — подумал Тарханов. — С другого конца, но о том же».

— А прогресс, посмотрите, что делается с прогрессом. Когда европейцы непрерывно воевали, наука и техника двигались семимильными шагами. Все великие открытия сделаны в XIX и самом начале XX века. А потом — как отрезало. Вы посмотрите — от изобретения самолета до его военного использования прошло всего 9 лет. За 15 лет скорости возросли в 10 раз, высота полета — в 20. А за следующие 50 — всего лишь вдвое. То же самое с автомобилями, связью. Дальновизор изобретен Зворыкиным еще в 1920 году, и сильно ли он улучшился за 80 лет?

К началу Мировой войны боевой корабль считался через 5 лет службы безнадежно устаревшим, а сейчас плавают корабли, построенные и 40, и 50 лет назад.... Ах, да что говорить. Нужна еще одна мировая война, чтобы выжило человечество! Но я, кажется, отвлекся. Это для меня вообще больная тема.

Так вот, я переговорил кое с кем, объяснил, что, инвес-

тировав в меня смешную по их масштабам сумму, смогут получить изделие, которое раз и навсегда решит все их проблемы.

— То есть?

Маштакова вывела из себя непроходимая тупость собеседников. Второкурсники и то быстрее соображают.

— Ну я же вам уже который раз сказал, — вразбивку, делая паузы после каждого слова, — если бы вдруг удалось то самое — осуществить хроносдвиг на территории радиусом всего в сто километров, то все органические структуры, включенные в поток реального времени (это подразумевались живые существа всех типов и видов), оказались бы вне нынешнего времени.

— А где? — заинтересованно спросил вдруг Розенцвейг, до которого тоже кое-что дошло.

— Я так предполагаю, что точно там же, но слегка сбоку. В целости и сохранности, почему и не считаю свою деятельность попыткой геноцида. Вообразите — если включить генератор несколько западнее Иерусалима, то в зону его действия как раз и попадает практически весь Израиль в его канонических границах. От Назарета и до пустыни Негев.

— И?

— Я подумал, что вот тут всем и станет хорошо. Поскольку на неорганические, точнее — на неживые объекты хронополе воздействовать не должно, каменные постройки и даже деревянные изделия воздействию времени подвержены очень мало, для них и века почти ничто, то попавшие в его зону люди окажутся в привычной среде обитания, но на совершенно пустой земле...

— То есть как?

— Весьма просто. На земле все мы живем вдоль оси времени. Тонкой, как лазерный луч. Но — лишь для нас. Вполне можно допустить, что для всего остального — домов, гор, лесов, морей и скал — время простирается несколько шире. И вот этот кружок земли радиусом в сто километров окажется на той же самой планете, где есть все, кроме оставшихся за пределами границы живых существ. Вы понимаете — израильяне получают в свое рас-

поряжение всю Землю. Точно как и предписано богом. Всю Землю со всеми ее богатствами, городами, железными дорогами, короче — со всем, что на ней есть, и всего на десять миллионов человек! Делай что хочешь. И никакого антисемитизма. По определению.

Тарханов и Розенцвейг испытали некое обалдение. От невероятности и в то же время грандиозности картины.

Однако Тарханов со свойственным ему практицизмом тут же спросил:

— А как же с животным миром? Его ведь тоже не будет?

— Велика ли беда? Тех животных, птиц и рыб, что останутся в зоопарках, живут на территории страны и в стокилометровой прибрежной зоне моря и в реках, хватит, чтобы размножиться. Как кроликам в Австралии. На ковчеге их было куда меньше. Но я еще и другое имел в виду. Палестинцы и прочие претендующие на территории тоже получили бы вмиг опустевшую землю. Опять же со всей инфраструктурой. Автоматически снимается еще одна мировая проблема. Разве я не гений?

Последние слова заставили Тарханова посмотреть на профессора повнимательнее. Безусловно, блеск своеобразного безумия в глазах у него просверкивал. Да и как без этого?

— И что же вам помешало провести полевые испытания? — спросил Розенцвейг. Он тоже подумал одинаково с Сергеем.

— Как мне сообщили — внезапное нападение неверных. Был убит лично возглавивший операцию шейх, был уничтожен генератор, похищен синхронизатор. Теперь я понял, что это было сделано вами.

— Да, ну и что? А почему для вас этот... синхронизатор был дороже аппарата? Сколько ваши клиенты трудов и денег положили, чтобы его найти.

— Просто потому, что труда и денег в него было исходно вложено в сто раз больше. Новый генератор я сделал за три месяца. А синхронизатор — это шедевр микротехники. Ручная сборка под микроскопом. Без него ге-

нератор — как реактивный истребитель без приборов. Взлететь на глазок опытный летчик кое-как сумеет. Но не более. Задания не выполнит и сесть не сможет.

Тут вы меня подкосили, не спорю. Я заказчику ничего не сказал, надеялся, что все-таки сделаю новый, но вот успел бы или нет — не уверен. Прикидывал, не пора ли в бега подаваться.

— Далеко бы не убежали.

— Отчего и обрадовался, что вы за мной пришли.

Выпили еще понемногу коньяка, покурили и уже совсем в другой тональности начали говорить о будущем. На что способен господин Маштаков, если ему дать в распоряжение лабораторию, вернуть синхронизатор и прочее, включая поломанный, но не пропавший генератор.

И всех потянуло в сон от пережитых стрессов.

— Нет, ну, напоследок скажите, а куда же это вы меня закинули-то? — спросил Тарханов. — И зачем?

— Это и для меня почти загадка. Мысль у меня была какая? Вы все оказались в фокусе моего восстановленного генератора. Я — в мертвом пространстве. Включаю — и фьюить! Вас всех должно было отправить во вневременье. Куда — понятия не имею, поскольку работал без настройки.

А выбило только вас. И — в прошлое?

— Не уверен. Прошлое вашего дома и окрестностей я знаю. Бывал там десять лет назад. Похоже, но не то. И этот плакат мне покоя не дает.

— Ага. Значит, тоже вбок. Но куда и на сколько? И почему только вас? Над этим стоит подумать... Слушайте, а вы сами не были там, в Палестине?

— Был, — признался Тарханов. — Мы ваш прибор и взяли.

Маштаков хлопнул себя ладонью по лбу, потом обеими — по коленям.

— Гениально! Все сходится. Генератор ведь сработал тогда, даже в Пятигорске мой хронограф отметил возмущение поля, пусть и микроскопическое. А синхронизатор они подключить не успели, так что мир просто слегка встряхнуло на месте. Вас же определенным образом... кон-

тузило? Нет, не то. Сенсибилизировало¹, это точнее. И вы теперь особенно чувствительны ко всему, что связано со временем.

Нет, когда мы устроимся на новом месте, я с вами очень плотненько поработаю...

Автобус остановился. Видно, ребятам захотелось сбегать в кустики, потянуться, размять ноги, покурить на свежем воздухе.

Тарханов тоже спустился вниз по крутым ступенькам, вышел на обочину через заднюю дверь.

Они стояли на берегу длинного, уходящего за горизонт озера, больше похожего на большую реку. Противоположный берег вот он, а справа и слева только тускло блестящая вода. Но такой реки здесь быть не могло по определению. Не Дон же. До Дона по времени еще ехать и ехать.

Значит, водитель взял от Георгиевска вправо, через Святой Крест, и они сейчас на Маныче. Что ж, тоже грамотно.

На этой степной, уводящей через Калмыкию к Царицыну дороге их вообще никто искать не будет. А чуть дальше можно свернуть в сторону Воронежа малоизвестными, но вполне проезжими грунтовыми дорогами.

Справа, из-за гряды покрытых гравиями жидкого леса холмов, поднималось солнце.

Быстро-быстро, как стекляшки в калейдоскопе, в голове крутились обрывки мыслей и гипотез, и Тарханов впервые так отчетливо подумал, что, очень возможно, это — солнце не его мира.

А чьего тогда?

Додумать мысль до конца не удалось, потому что в перспективе дороги, на издании кажущемся почти отвесным спуске с очередного увала, появился, стремительно увеличиваясь в размерах, легковой автомобиль.

Еще несколько секунд, и Сергей узнал свой «Мерсе-

¹ Сенсибилизация — повышение чувствительности организма, его клеток и тканей к воздействию какого-либо фактора (лат.).

дес». Сотрудник, которому он поручил машину, все-таки догнал их, хотя автобус все время шел далеко за сотню.

Ну и отлично.

Теперь Маштакова довезут и без него, Кедров свое дело знает. А он, как вышестоящий начальник, волен распоряжаться собой.

Отдав необходимые распоряжения, Сергей с удовольствием сел за руль и лихо, с писком покрышек и веером песка из-под колес, развернулся задним ходом.

Привычно взглянул на часы, отмечая время начала очередной операции.

Ровно пять.

Часа за три он сумеет долететь до Пятигорска, как раз к началу рабочего дня у Татьяны. А там видно будет.

Ставрополь, Пятигорск.

1976, 2001 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	5
Глава вторая.....	19
Глава третья.....	36
Глава четвертая.....	53
Глава пятая.....	74
Глава шестая.....	90
Глава седьмая.....	105
Глава восьмая.....	116
Глава девятая.....	133
Глава десятая.....	143
Глава одиннадцатая.....	168
Глава двенадцатая.....	186
Глава тринадцатая.....	202
Глава четырнадцатая.....	225
Глава пятнадцатая.....	248
Глава шестнадцатая.....	258
Глава семнадцатая.....	275
Глава восемнадцатая.....	286
Глава девятнадцатая.....	294
Глава двадцатая.....	311
Глава двадцать первая.....	333
Глава двадцать вторая.....	344
Глава двадцать третья.....	360
Глава двадцать четвертая.....	375
Глава двадцать пятая.....	399
Глава двадцать шестая.....	407
Глава двадцать седьмая.....	415
Глава двадцать восьмая.....	439

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич
ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник (переплет) *С. Атрошенко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — **info@eksmo.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

**Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».**
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**
ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.
Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых монтажей 24.09.2003.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,7.
Доп. тираж 4100 экз. Заказ № 395.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ВСТРЕЧАЙТЕ!

Впервые в России!

Знаменитая во всем мире
и самая необычная книга —

"Артеми́с Фаул"

Йона Колфера!

Кто

же он — этот
загадочный Артемис Фаул?

Заглянуть ему внутрь, чтобы ответить на этот вопрос, пытались многие, и ни у кого ничего не вышло. Потому что он — вундеркинд. Потому что он — гений. Холодный прагматик, жесткий и алчный. Но и гении иногда совершают ошибки: главное — нельзя недооценивать противника. А Элфи Малой — серьезный противник — полицейский Разведывательного Корпуса Особого Назначения Легиона Подземной Полиции. К тому же она — эльф. А только в сказках феи и эльфы — добрые и веселые существа...

Дворецки, человек

Достоинный потомок преданного Фаулам рода Дворецки.

Род деятельности: охрана Артемиса Фаула. Владение кули-
нарным и боевым искусством.

умение оказать первую
медицинскую помощь,
знание информационных
технологий.

Цель жизни: цели, иден-
тичные целям Артемиса.

Характерные черты:
непомерно высок и силен.

Элфи Малой, эльфийка

Род деятельности: лепрекон —
полицейский Легиона Подземной
Полиции, Разведывательный Корпус
Особого Назначения.

Цель жизни: обеспечение
безопасности волшебного народа
по всему миру.

Характерные особенности:
первая женщина-полицейский,
зачисленная в спецподразде-
ление, — это о чем-то да говорит.

Характерные черты:
светло-коричневая кожа, коротко
стриженные рыжие волосы и карие глаза.

Нос слегка загнут книзу, рот пухлый (в
прадедушках ее — сам Купидон), уши
заостренные; рост ровно метр;
непокорна, вспыльчива и напориста.

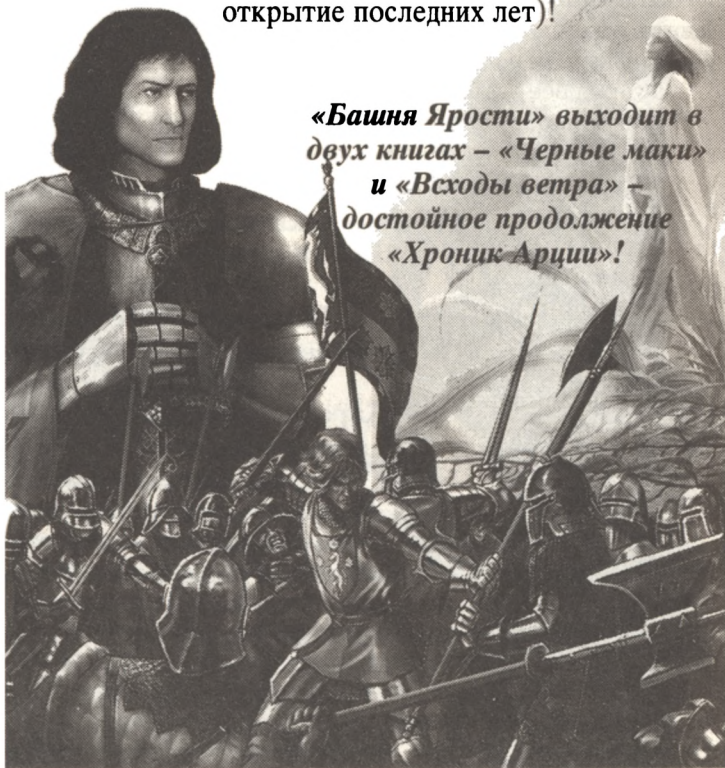

ВЕРА КАМША

«Башня Ярости» – новый роман популярной писательницы

Вера Камша – единственная российская писательница, творящая в жанре чистого фэнтези! Причем весьма успешно! Выпустив за последние два года всего лишь 4 книги, она не только успела прославиться, но и получила премию на первой фэнтези-конференции Fantcon NP 2002 (за «Хроники Арции» – как за лучшее произведение фэнтези 2001 года) и специальный приз на РосКоне-2003 (как самое яркое фантастическое открытие последних лет)!

*«Башня Ярости» выходит в
двух книгах – «Черные маки»
и «Всходы ветра» –
достойное продолжение
«Хроник Арции»!*

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ДЫРКА для ОРДЕНА

Из участников локального конфликта в горах Маалума капитан Сергей Тарханов и военврач Вадим Ляхов превращаются в ключевые фигуры большой геополитической игры, в которой замешаны влиятельные круги в России и «черный интернационал», объединяющий всех недовольных сложившимся миропорядком. Им приходится поменять не только имена и биографии, но и... время, в котором они живут. Тарханову и Ляхову, выполняющим свой долг, необходимо предотвратить катастрофу, жертвами которой могут стать миллионы людей.

ISBN 5-699-03381-5

9 785699 033812 >